

ФЕВРАЛЬ. № 2. 1905.

ВѢСТНИКЪ ПРАВА

ЖУРНАЛЪ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

М. М. ВИНАВЕРА, прив.-доц. В. М. ГЕССЕНА,

В. Д. НАБОКОВА и проф. І. А. ПОКРОВСКАГО.

СОДЕРЖАНІЕ:

(См. 2-ую стр. обложки).

ВѢСТНИКЪ ПРАВА

ЖУРНАЛЪ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ПРИ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

М. М. ВИНАВЕРА, прив.-доц. В. М. ГЕССЕНА,
В. Д. НАБОКОВА и проф. І. А. ПОКРОВСКАГО.

XXXV. Февраль. 1905.

КНИГА ВТОРАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1905.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЗЕМСКОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО.

Устройство органовъ земскаго самоуправленія значительно измѣнено нынѣ дѣйствующимъ Положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ 1890 года по сравненію съ Положеніемъ 1864 года: вмѣсто группировки избирателей на три разряда на основаніи различія ихъ имущественныхъ интересовъ введена группировка избирателей по сословіямъ, значительно уменьшено число губернскихъ и уѣздныхъ гласныхъ, въ составъ губернскихъ собраній введены уѣздные предводители дворянства по должности, члены какъ губернскихъ, такъ и уѣздныхъ управъ считаются состоящими на государственной службѣ.

Это главныя перемѣны, но много есть еще и другихъ менѣе важныхъ; подробнѣе мы займемся разсмотрѣніемъ этихъ перемѣнъ въ дальнѣйшемъ изложеніи, здѣсь же для насъ существенно отмѣтить, что, несмотря на указанныя важныя перемѣны, Положеніе 1890 года покоится на принципахъ, заложенныхъ въ основу Положенія 1864 года Высочайше учрежденной при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ Коммисіей о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ и Государственнымъ Совѣтомъ при разсмотрѣніи проекта Положенія о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ, составленнаго этой Коммисіей. Выборное земское собраніе, выборная земскимъ собраніемъ управа и высокій имущественный избирательный цензъ—вотъ эти принципіальныя основанія.

Итакъ, Положеніе 1890 года есть ничто иное, какъ пересмотрѣнное Положеніе 1864 года; поэтому для того, чтобы вполнѣ выяснить и разносторонне освѣтить содержаніе и смыслъ статей теперешняго Положенія намъ необходимо обратиться сперва къ изученію содержанія статей стараго Положенія и разработки принципіальныхъ его основаній въ Коммисіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ и Государственномъ Совѣтѣ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ.

Нашей задачей является изученіе круга вопросовъ земскаго представительства, а потому всѣ остальные вопросы организаціи, компетенціи земскихъ учрежденій и надзора за ихъ дѣятельностью мы оставимъ въ сторонѣ и будемъ разсматривать ихъ только постольку, поскольку эти вопросы совершенно не отдѣлимы отъ вопросовъ земскаго представительства.

I.

Согласно принятому рѣшенію мы обратимся къ разсмотрѣнію того, какъ выработывались основы земскаго представительства въ началѣ шестидесятыхъ годовъ сперва въ Коммисіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ, а затѣмъ въ Государственномъ Совѣтѣ.

Высочайшими повелѣніями отъ 25 марта и 23 мая 1859 года поручено было Коммисіи, учрежденной при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, составить проекты положеній объ уѣздныхъ и губернскихъ учрежденіяхъ, при чемъ проекты объ „устройствѣ учрежденій *хозяйственно-распорядительныхъ*“ поручено было составить второму отдѣлу Коммисіи [1]).

Пунктъ 16 Высочайшаго повелѣнія отъ 25 марта 1859 года гласитъ, что „необходимо предоставить хозяйственному управленію въ уѣздѣ большее единство, большую самостоятельность и большее довѣріе; при чемъ надлежитъ опредѣлить степень участія *каждаго сословія* въ хозяйственномъ управленіи уѣзда“ [2]). На этихъ началахъ и были выработаны,

---

[1]) Матеріалы по земскому общественному устройству, томъ I, стр. 1, изд. 1885 года.

[2]) Тамъ же, стр. 2.

по распоряженію Министра Внутреннихъ Дѣлъ, представленныя на разсмотрѣніе Коммисіи „Соображенія объ устройствѣ земско-хозяйственнаго управленія“ [1]), въ которыхъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, статсъ-секретарь Валуевъ опредѣляетъ свой взглядъ на основаніе и формы земскаго представительства.

Основаніемъ земскаго избирательнаго права „Соображенія“ считаютъ обладаніе имуществомъ извѣстнаго размѣра, останавливаясь такимъ образомъ на системѣ имущественнаго избирательнаго ценза: „Степень участія въ дѣлахъ должна быть пропорціональна степени участія въ интересахъ“ [2]). „Для опредѣленія большей или меньшей степени участія каждаго въ хозяйственныхъ интересахъ уѣзда въ настоящее время не представляется другаго видимаго признака, другаго, такъ сказать, критеріума, какъ количество имущества, которымъ владѣетъ въ уѣздѣ то или другое лицо“ [3]).

Для участія въ общественныхъ дѣлахъ требуются общія условія политической правоспособности: „....На сихъ основаніяхъ не могутъ участвовать въ земскихъ дѣлахъ лица, не достигшія извѣстнаго возраста, не имѣющія по гражданскимъ законамъ семейной и имущественной самостоятельности, лица, признанныя опороченными приговоромъ суда или общества“ [4]).

„Соображенія“ совершенно опредѣленно высказываются противъ сословности земскаго представительства: „Сословное дѣленіе, доселѣ признаваемое и принятое закономъ, несогласно съ характеромъ земскихъ учрежденій, имѣющихъ въ принципѣ не сословные, но общіе хозяйственные интересы извѣстной мѣстности“ [5]). Они считаютъ „самымъ удобнымъ и естественнымъ исходомъ изъ этого затрудненія“ раздѣленіе избирателей на три разряда: 1) „классъ землевладѣльцевъ частныхъ“, 2) „общества городскія“ и 3) „общества сель-

---

[1]) Тамъ же, стр. 129—175.
[2]) Тамъ же, стр. 149.
[3]) Тамъ же, стр. 149.
[4]) Тамъ же, стр. 150.
[5]) Тамъ же, стр. 150.

скія" [1]). Никакъ нельзя согласиться, что „естественнымъ" слѣдствіемъ принципа безсословности, заложеннаго коммисіей въ основу проекта является данная трехклассная система выборовъ, напротивъ, было бы гораздо послѣдовательнѣе со стороны Коммисіи, если бы она основала трехклассную систему выборовъ на совершенно обратной предпосылкѣ: желая по возможности сохранить сословныя начала, столь свойственныя русской жизни и провозглашая въ то же время принципъ безсословности, Коммисія нашла естественнымъ и удобнымъ исходомъ изъ этого затрудненія введеніе трехклассной системы выборовъ.

Дѣйствительно, не говоря уже о третьей куріи, куріи сельскихъ обществъ, составъ которой несомнѣнно исключительно сословно-крестьянскій, и двѣ другихъ куріи, въ особенности первое время по введеніи земскихъ учрежденій представляли бы собою собранія избирателей городскаго и дворянскаго сословій. Несомнѣнно подобный выходъ изъ затрудненія былъ удобенъ, но онъ совершенно не вяжется съ началомъ безсословности.

Спѣшимъ оговориться. Коммисія поступила совершенно правильно выдѣливъ въ отдѣльныя избирательныя собранія представителей отъ сельскихъ обществъ, потому что, если бы крестьянскіе выборные подавали свои голоса совмѣстно съ дворянами землевладѣльцами—своими вчерашними господами, то, по всей вѣроятности, лишь очень немногіе крестьяне попали бы въ гласные и составъ земскихъ собраній былъ бы въ гораздо большей степени дворянскимъ, чѣмъ даже при трехклассной системѣ выборовъ. Но Коммисія могла бы указать, что такое раздѣленіе уѣздныхъ землевладѣльцевъ на двѣ куріи лишь временно и когда крестьянство будетъ окончательно освобождено отъ временно-обязанныхъ отношеній къ своимъ бывшимъ господамъ, то всѣхъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ можно будетъ соединить въ одно избирательное собраніе, разбивъ его, разумѣется, на болѣе мелкія, чѣмъ уѣздное, собранія. Избравъ такой путь, Коммисія и нашла бы „удоб-

[1]) Тамъ же, стр. 151.

ный и естественный выходъ" изъ затрудненія и сохранила бы неприкосновеннымъ принципъ безсословности.

Дальнѣйшимъ въ высшей степени важнымъ вопросомъ, затронутымъ въ „Соображеніяхъ", является вопросъ объ имущественномъ цензѣ для избирателей. „Соображенія" приняли за единицу измѣренія при исчисленіи ценза „*высшій* указный душевой надѣлъ" и опредѣлили размѣръ нормальнаго ценза для дворянъ-землевладѣльцевъ въ 50 такихъ надѣловъ [1]), что составляетъ отъ 138 до 350 десятинъ, а въ степной мѣстности 600 десятинъ. Для землевладѣльцевъ недворянъ предполагалось цензъ повысить „напримѣръ вдвое и болѣе" [2]), а также „допустить къ участію въ избирательномъ собраніи лицъ, владѣющихъ количествомъ земли и менѣе 50 или 100 душевыхъ надѣловъ, но имѣющихъ при томъ на своей землѣ значительныя, по цѣнности или обороту производства, промышленныя заведенія. Предѣльною цифрою цѣнности такого заведенія можно бы положить 15.000 руб. сер., т. е. приблизительно среднюю цѣнность 100 душевыхъ надѣловъ земли" [3]). Для лицъ, „принадлежащихъ къ сельскому духовенству и для получившихъ образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ" [4]) цензъ предполагалось значительно понизить, опредѣливъ его для первыхъ въ 1.000 рублей, а для вторыхъ въ 3.000 рублей. Предполагалось также „допустить къ участію въ избирательныхъ собраніяхъ землевладѣльцевъ, лицъ, арендующихъ, по контрактамъ на срокъ не менѣе 6 лѣтъ, пространство земли не менѣе 250 душевыхъ надѣловъ" [5]).

Право участія въ городскихъ избирательныхъ собраніяхъ предоставлялось: „во-первыхъ лицамъ, имѣющимъ въ городѣ, недвижимую, не ниже извѣстной цѣны, собственность, лицамъ, имѣющимъ промышленныя и торговыя заведенія, не ниже извѣстнаго, опредѣленнаго размѣра цѣнности; лицамъ,

---

[1]) Тамъ же, стр. 153.
[2]) Тамъ же, стр. 154.
[3]) Тамъ же, стр. 155.
[4]) Тамъ же, стр. 155.
[5]) Тамъ же, стр. 156.

записаннымъ въ городѣ по 1-ой или 2-ой гильдіямъ, и, наконецъ, выборнымъ чинамъ городского управленія, какъ лицамъ пользующимся особымъ довѣріемъ общества" [1]). Цензъ для городовъ предполагалось понизить по сравненію съ тѣмъ, который былъ опредѣленъ для уѣздовъ и установить „въ уѣздныхъ городахъ не менѣе 1.000 рублей и въ губернскихъ не менѣе 3.000" [2]). Для столицъ предполагалось составить особыя правила.

Крестьянское представительство предполагалось осуществить однимъ изъ слѣдующихъ способовъ: или организовать сельскія участковыя избирательныя собранія изъ выборныхъ отъ волостныхъ сходовъ или „образовать крестьянскія избирательныя собранія изъ волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ" [3]). „Соображенія" отдаютъ предпочтеніе второй системѣ, утверждая, что „избирательныя собранія старостъ и старшинъ будутъ, по всей вѣроятности, сознательнѣе и вѣрнѣе производить выборъ" [4]).

Мы видимъ, прежде всего, въ предположеніяхъ „Соображеній" огромное разнообразіе нормъ имущественнаго ценза, который колеблется отъ 1.000 до 15.000 рублей. Вслѣдствіе такой неравномѣрности цензовыхъ нормъ одни слои населенія пользовались бы значительнымъ преимуществомъ передъ другими въ осуществленіи своего избирательнаго права. Вторымъ моментомъ неравномѣрности распредѣленія избирательныхъ правъ между жителями уѣзда является не непосредственное осуществленіе крестьянскимъ большинствомъ уѣзда своихъ избирательныхъ правъ, тогда какъ въ остальныхъ двухъ избирательныхъ съѣздахъ избиратели осуществляютъ лично свои права.

Но помимо огражденія сословныхъ интересовъ и интересовъ крупныхъ собственниковъ путемъ введенія трехклассной системы выборовъ и высокаго имущественнаго ценза,

---

[1]) Тамъ же, стр. 156.
[2]) Тамъ же, стр. 157.
[3]) Тамъ же, стр. 157.
[4]) Тамъ же, стр. 158.

„Соображенія" рѣшаютъ „дать нѣкоторый перевѣсъ въ составѣ уѣздныхъ земскихъ собраній классу болѣе образованному и развитому, до извѣстной степени пользовавшемуся и доселѣ политическими правами и уже нѣсколько опытному въ гражданской жизни. Въ виду этого одинъ гласный отъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ полагается „*на каждыя двѣ тысячи*" высшихъ или „указныхъ надѣловъ, отъ городскихъ обществъ „*на 200*" или „*300 домовладѣльцевъ*", смотря по размѣрамъ города, отъ крестьянъ „*на 4000 мужскаго пола душъ населенія*" [1]).

При такомъ распредѣленіи гласныхъ можетъ случиться, что если сельскія общества и частные землевладѣльцы имѣютъ равное количество земли въ уѣздѣ, то число гласныхъ отъ землевладѣльцевъ будетъ вдвое болѣе, чѣмъ отъ крестьянъ. И въ этомъ предположеніи, какъ и въ разсмотрѣнныхъ нами ранѣе, совершенно ясно стремленіе автора „Соображеній" оградить интересы крупнаго землевладѣнія, которое было тогда главнымъ образомъ дворянскимъ.

Основнымъ принципомъ пассивнаго избирательнаго права „Соображенія" выставляютъ то положеніе, что только *избирающіе* могутъ быть „*избираемы*", но и изъ этого принципа сдѣлано исключеніе въ пользу охраны интересовъ крупнаго землевладѣнія: городскимъ и сельскимъ обществамъ предоставляется выбирать гласныхъ не только изъ своей среды, но и изъ среды землевладѣльцевъ [2]).

Срокъ выборной службы опредѣляется въ три года и избраніе гласныхъ не будетъ подлежать контролю или утвержденію правительственной власти, но только повѣркѣ самого Собранія [3]).

Въ губернскомъ собраніи по мнѣнію „Соображеній" должны быть представлены уже не интересы отдѣльныхъ лицъ и общинъ, а интересы всего уѣзда какъ административно-хозяйственной единицы [4]). „Губернскихъ гласныхъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 159.
[2]) Тамъ же, стр. 160.
[3]) Тамъ же. стр. 161.
[4]) Тамъ же, стр. 161.

должно выбирать изъ своей среды уѣздное собраніе" и кромѣ того „полезно было-бы, чтобы одинъ или два изъ избранныхъ въ губернскіе гласные были изъ числа членовъ уѣзднаго комитета" [1]).

Когда „Соображенія" вмѣстѣ съ составленнымъ на изложенныхъ въ нихъ основаніяхъ „Очеркомъ положенія о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ" внесены были по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ на разсмотрѣніе Общаго присутствія коммисіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ, то въ проектъ статсъ-секретаря Валуева были внесены лишь слѣдующія измѣненія и дополненія:

1. Землевладѣльцевъ, владѣющихъ имѣніями размѣромъ въ предѣлахъ отъ пяти до сорока девяти душевыхъ надѣловъ земли Коммисія большинствомъ 9 противъ 6 голосовъ постановила допустить „къ участію въ избраніи гласныхъ уѣздныхъ земскихъ собраній чрезъ уполномоченныхъ" [2]).

2. Къ участію въ городскихъ избирательныхъ собраніяхъ коммисія сочла необходимымъ допустить владѣльцевъ „фабрикъ и промышленныхъ заведеній, въ которыхъ годовой оборотъ производства не менѣе 6.000 рублей" [3]).

3. „Послѣ происходившихъ разсужденій, коммисія остановилась на томъ, чтобы избирательныя собранія въ сельскомъ сословіи образовать изъ волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ [4]).

4. Предсѣдательство въ избирательныхъ собраніяхъ землевладѣльцевъ коммисія рѣшила предоставить уѣздному предводителю дворянства, а „въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ не избирается уѣзднаго предводителя дворянства, предоставлять выборъ предсѣдателя самому собранію землевладѣльцевъ" [5]).

Какъ видимъ, коммисія не внесла почти ничего новаго въ предположенія „Соображеній". Основные принципы проекта: трехклассная система выборовъ, высокій имуществен-

---

[1]) Тамъ же, стр. 162.
[2]) Тамъ же, стр. 180.
[3]) Тамъ же, стр. 182.
[4]) Тамъ же, стр. 183.
[5]) Тамъ же, стр. 185.

ный цензъ, неравномѣрность цензовъ для различныхъ группъ избирателей и преобладаніе представителей крупнаго землевладѣнія въ собраніяхъ остались непоколебленными. Единственнымъ робкимъ палліативомъ является допущеніе уполномоченныхъ отъ мелкопомѣстныхъ въ собраніе землевладѣльцевъ.

Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 2 іюля 1862 года одобрены „заключающіяся въ проектѣ главныя начала земскохозяйственнаго управленія“ [1]) и поручено коммисіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ „немедленное составленіе соображеній о введеніи въ дѣйствіе положенія о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ“ [2]) и внесеніе проекта на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта.

Отдѣломъ коммисіи для начертанія проектовъ губернскихъ учрежденій и самой коммисіей внесены были еще нѣкоторыя дополненія и разъясненія и съ этими дополненіями проектъ положенія о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ былъ представленъ на заключенія министровъ и главноуправляющаго II отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи и по полученіи заключеній внесенъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта со всѣми относящимися къ проекту матеріалами [3]).

Особаго вниманія заслуживаютъ замѣчанія на проектъ главноуправляющаго II отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа, какъ по тому вліянію, которое оказали эти замѣчанія на содержаніе статей земскаго положенія 1864 года, такъ и по тѣмъ взглядамъ, которые высказывались главноуправляющимъ по различнымъ вопросамъ земскаго представительства [4]).

Болѣе половины его отношенія къ министву внутреннихъ дѣлъ Валуеву, предсѣдателю коммисіи, занимаетъ обсужденіе вопросовъ земскаго представительства.

---

[1]) Тамъ же, стр. 211.

[2]) Тамъ же, стр. 212.

[3]) Матеріалы по земскому общественному устройству. Изд. Мин. Вн. Дѣлъ 1886 года, томъ II, стр. 26.

[4]) Подробнѣе о Корфѣ см. Н. Н. Авиновъ. Графъ М. А. Корфъ и земская реформа 1864 г. Москва 1904 г.

Останавливаясь на неравенствѣ земельнаго ценза для избирателей землевладѣльцевъ дворянъ и недворянъ, баронъ Корфъ предлагаетъ сословный критерій различія въ избирательныхъ правахъ замѣнить критеріемъ имущественнымъ. Коммисія предполагала опредѣлить болѣе низкій избирательный цензъ для дворянъ, между прочимъ, въ виду того, что ихъ земли состоятъ при населенныхъ дворянскихъ имѣніяхъ, имѣющихъ высшую цѣнность, чѣмъ земли, принадлежащія другимъ сословіямъ, въ большинствѣ случаевъ пустопорожнія. Ссылаясь на это мнѣніе, баронъ Корфъ предлагаетъ опредѣлить низшій избирательный цензъ для помѣщиковъ, владѣющихъ заселенною усадьбою, къ какому бы сословію они ни принадлежали, а для владѣющихъ землею пустопорожнею— цензъ высшаго размѣра. Для такъ называемыхъ ,,capacités", къ которымъ могутъ ,,быть причислены всѣ постоянно жительствующія въ уѣздѣ лица, занимающія или занимавшія должности: *мировыхъ судей* или *посредниковъ*, *членовъ земскихъ учрежденій*, *предводителей* и *депутатовъ дворянства*, *городскихъ головъ*" и т. д. [1]), цензъ можетъ быть пониженъ, по мнѣнію Корфа, до $1/_{20}$ нормальнаго ценза. Къ этой же категоріи избирателей главноуправляющій причисляетъ и лицъ получившихъ высшее образованіе. Онъ высказывается также противъ допущенія арендаторовъ въ избирательныя собранія. По его мнѣнію, ,,вмѣсто призыва къ выборамъ арендаторовъ, было бы правильнѣе привлечь къ онымъ большее число *собственниковъ*, непосредственно участвующихъ въ денежныхъ пожертвованіяхъ въ пользу земства" [2]). Для этого баронъ Корфъ считаетъ необходимымъ предоставить ,,право непосредственнаго участія въ выборахъ всякому, имѣющему въ уѣздѣ *недвижимую* собственность, оцѣненную не менѣе 15.000 р., и право участія чрезъ уполномоченныхъ—всякому, имѣющему недвижимую собственность въ меньшемъ размѣрѣ, не ниже, напр. 1.000 рублей" [3]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 415.
[2]) Тамъ же, стр. 417.
[3]) Тамъ же, стр. 417.

Главноуправляющій заявляетъ себя противникомъ трехклассной системы выборовъ, утверждая, что „этотъ порядокъ поддерживаетъ разъединеніе состояній, установляя выборы отдѣльно между землевладѣльцами и крупными собственниками уѣздными, между городскими сословіями и между крестьянами“ [1]).

Тотъ же имущественный цензъ въ 15.000 руб. для личнаго участія и въ 1.000 руб. для участія чрезъ уполномоченныхъ въ избирательныхъ собраніяхъ онъ предлагаетъ ввести и для городскаго населенія, при чемъ избиратели большей части городовъ могутъ быть присоединены къ избирательному собранію землевладѣльцевъ и вмѣстѣ съ ними осуществлять свои избирательныя права; въ этихъ же собраніяхъ имѣютъ право участвовать и купцы 1-й гильдіи лично, а 2-й гильдіи чрезъ уполномоченныхъ. Остальные жители городовъ, которые не имѣютъ имущества на 1.000 руб., могутъ осуществлять свои избирательныя права на тѣхъ же началахъ, какъ и крестьянское населеніе, а города, въ которыхъ менѣе 4.000 населенія, могутъ посылать своихъ уполномоченныхъ на ближайшій избирательный сельскій сходъ [2]). Изъ губернскихъ и другихъ значительныхъ городовъ образуются отдѣльные выборные участки съ тѣмъ однако, чтобы размѣръ ценза не былъ ниже обычной нормы въ 15.000 р. цѣнности имущества или въ 6.000 р. годового дохода съ предпріятія для личнаго участія и 1.000 р. для участія чрезъ уполномоченныхъ. Купцы 1-й гильдіи участвуютъ лично, а 2-й гильдіи чрезъ уполномоченныхъ. Остальное населеніе выбираетъ уполномоченныхъ для участія въ городскомъ избирательномъ собраніи: „Эти собранія избирали-бы по одному гласному съ каждыхъ (напримѣръ) 200.000 р. стоимости имущества“ и „по одному же съ каждыхъ (напримѣръ)

---

[1]) Тамъ же, стр. 419.

[2]) Тамъ же, стр. 422. Такого же мнѣнія держится въ своихъ замѣчаніяхъ и военный министръ Милютинъ, заявляющій, что по его убѣжденію „было-бы раціональнѣе и проще ограничиться двумя группами, распредѣливъ между ними и горожанъ...“

4.000 душъ городскаго населенія" [1]). Для столицъ Корфъ полагалъ устроить хозяйственное управленіе на особыхъ основаніяхъ.

По вопросу о крестьянскомъ представительствѣ Корфъ стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что крестьянъ необходимо отдѣлить отъ частныхъ землевладѣльцевъ въ отдѣльныя избирательныя собранія, въ виду того, что существуетъ еще антагонизмъ „между интересами крупныхъ поземельныхъ собственниковъ и крестьянскихъ общинъ" [2]), но въ то же время онъ выступаетъ противъ выборовъ гласныхъ отъ сельскихъ обществъ собраніемъ волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ, утверждая, что „крестьяне обыкновенно не считаютъ своихъ волостныхъ и сельскихъ старшинъ людьми совершенно независимыми отъ поставленнаго надъ ними начальства и едва ли будутъ смотрѣть на гласныхъ, этими людьми избранныхъ, какъ на *своихъ* представителей. Посему образованіе избирательныхъ собраній изъ выборныхъ волостныхъ сходовъ нельзя не признать болѣе раціональнымъ" [3]). Главноуправляющій ратуетъ также за то, чтобы представительство крестьянъ основано было не на количествѣ десятинъ земли, принадлежащей крестьянамъ, а на числѣ душъ, т. е. на количествѣ населенія и предлагаетъ установить, чтобы одинъ гласный полагался на 4.000 душъ; чтобы разрѣшеніе уполномоченнымъ сельскихъ обществъ выбирать гласныхъ не только изъ своей среды было распространено и на другія избирательныя собранія.

Для обладанія пассивнымъ избирательнымъ правомъ баронъ Корфъ выставляетъ одно только требованіе: умѣнье читать и писать [4]). Мы особенно обращаемъ вниманіе читателей на это заявленіе барона Корфа, потому что и теперь не только современное земское положеніе, но и проекты земскихъ собраній 1903 года о реформѣ земскаго представительства далеки отъ такого радикальнаго разрѣшенія вопроса.

Далѣе, замѣчанія утверждаютъ, что необходимо въ самомъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 423.
[2]) Тамъ же, стр. 420.
[3]) Тамъ же, стр. 424.
[4]) Тамъ же, стр. 426.

законѣ опредѣлить число губернскихъ гласныхъ отъ уѣздовъ, „напримѣръ, опредѣливъ, что уѣздныя собранія избираютъ по одному губернскому гласному отъ каждыхъ 10, 8, 7 и т. д. членовъ“ [1]), а не предоставить этотъ вопросъ на усмотрѣніе министра внутреннихъ дѣлъ, какъ предполагала коммисія.

Для правильнаго представленія интересовъ уѣзда въ губернскомъ собраніи главноуправляющій предлагаетъ систему пропорціональныхъ выборовъ для того, чтобы всѣ фракціи уѣзднаго собранія могли имѣть своего представителя въ собраніи губернскомъ [2]).

Въ концѣ своего отношенія Корфъ указываетъ на необходимость особымъ законодательнымъ положеніемъ опредѣлить порядокъ выборовъ, повѣрки числа гласныхъ и законность ихъ полномочій, создать своего рода земскій code électoral.

Нѣкоторыя изъ мнѣній барона Корфа были приняты Валуевымъ и имъ были сдѣланы соотвѣтствующія поправки въ проектѣ коммисіи.

Мы привели по возможности полное воспроизведеніе мнѣній барона Корфа объ устройствѣ земскаго представительства потому, что они важны не только для даннаго момента, момента составленія земскаго положенія, но имѣютъ и теперь большое значеніе, какъ критика извѣстной системы мѣстнаго самоуправленія; это лучше всего доказывается тѣмъ, что многія земства въ 1903 г. выставляютъ въ качествѣ необходимыхъ мѣръ для реформы земскаго представительства мѣропріятія, которыя предлагались еще въ шестидесятыхъ годахъ барономъ Корфомъ.

Трехклассная система выборовъ и неравномѣрность имущественнаго ценза для различныхъ группъ избирателей, вотъ тѣ двѣ главныя мишени изъ основныхъ положеній работъ коммисіи, на которыя баронъ Корфъ направилъ свои удары, и, какъ увидимъ ниже, мнѣнія его по этимъ вопросамъ оказали свое вліяніе и на самый текстъ положенія 1864 года.

---

[1]) Тамъ же, стр. 429.

[2]) Тамъ же, стр. 453.

Являясь новаторомъ въ вопросахъ объ избирательной системѣ и объ уравненіи ценза, баронъ Корфъ не идетъ на на іоту далѣе коммисіи въ вопросѣ о пониженіи или совершенномъ уничтоженіи имущественнаго ценза. Онъ устанавливаетъ его для землевладѣльцевъ въ тѣхъ же размѣрахъ, какъ и коммисія и даже повышаетъ для горожанъ. Такимъ образомъ, будучи принципіальнымъ противникомъ сословной разобщенности въ русскомъ обществѣ онъ выступаетъ сторонникомъ разобщенности имущественной, лишая неимущую массу населенія активнаго избирательнаго права.

12 мая 1863 года проектъ положенія о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ со всѣми относящимися къ нему матеріалами былъ представленъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Валуевымъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Въ Матеріалахъ по земскому общественному устройству приведена выписка изъ журналовъ Общаго Собранія Государственнаго Совѣта и Соединенныхъ Департаментовъ Законовъ и Государственной Экономіи [1]).

Послѣ того какъ проектъ былъ разсмотрѣнъ въ общемъ собраніи и подвергся довольно значительнымъ измѣненіямъ и дополненіямъ, онъ былъ представленъ на утвержденіе Государя и указомъ Правительствующаго Сената отъ 1 января 1864 года повелѣно было Высочайшей Властью ввести въ дѣйствіе положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ въ 33 губерніяхъ Европейской Россіи [2]).

Измѣненія внесенныя Государственнымъ Совѣтомъ основательнымъ образомъ корректируютъ и дополняютъ проектъ коммисіи, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ почти цѣликомъ заимствованы изъ замѣчаній на проектъ барона Корфа; таковы, напримѣръ: уравненіе избирательнаго ценза для землевладѣльцевъ дворянъ и не дворянъ; устройство крестьянскихъ избирательныхъ съѣздовъ изъ выборщиковъ, избираемыхъ волостными сходами вмѣсто производства выборовъ коллегіею волостныхъ старшинъ и старостъ, отдѣльное отъ уѣздовъ

---

[1]) Томъ II, стр. 493—569.
[2]) Тамъ же, стр. 572.

земское управленіе для столицъ. Изъ другихъ перемѣнъ наиболѣе важными являются: допущеніе крестьянъ—собственниковъ, обладающихъ соотвѣтствующимъ цензомъ въ избирательныя собранія землевладѣльцевъ, дозволеніе сельскимъ избирательнымъ съѣздамъ выбирать въ гласные священниковъ, значительное увеличеніе числа гласныхъ отъ крестьянъ, дозволеніе жечщинамъ уполномочивать на участіе въ выборахъ не только своихъ ближайшихъ родственниковъ, но и лицъ постороннихъ.

II.

Мы остановились на изученіи разработки перваго земскаго положенія такъ подробно потому, что тѣ основные принципы земскаго представительства, которые были заложены въ основу земскаго положенія 1864 года, и теперь еще живы частью въ пересмотрѣнномъ Положеніи 1890 года, частью въ современной земской средѣ. Нельзя забывать, что нынѣ дѣйствующее положеніе въ вопросахъ земскаго представительства держится сословной точки зрѣнія и потому старый имущественный принципъ разсматривается многими земствами какъ основное начало, на которомъ должна быть построена предстоящая реформа земскаго представительства. Насколько важнымъ матеріаломъ для составленія новаго положенія считало Министерство Внутреннихъ Дѣлъ труды коммисіи можно заключить изъ того обстоятельства, что „матеріалы" были переизданы Министерствомъ въ восьмидесятыхъ годахъ передъ пересмором земскаго положенія.

Земская избирательная система по положенію 1864 года сводилась, въ общихъ чертахъ, къ слѣдующимъ положеніямъ:

Выборы уѣздныхъ гласныхъ производятся: 1) на съѣздахъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ, 2) городскихъ избирателей, 3) выборныхъ отъ сельскихъ обществъ (ст. 16).

Право голоса на съѣздѣ землевладѣльцевъ имѣютъ: 1) лица, владѣющія въ уѣздѣ пространствомъ земли, опредѣленнымъ въ приложенномъ росписаніи; 2) лица, владѣющія другимъ недвижимымъ имуществомъ цѣною не ниже 15 ты-

сячъ, а также имѣющія промышленное или хозяйственное заведеніе съ годовымъ оборотомъ не менѣе 6000 рублей; 3) повѣренные назначенные частными землевладѣльцами, учрежденіями, обществами и кампаніями владѣющими землей или имуществомъ въ предѣлахъ избирательнаго ценза; 4) уполномоченные отъ мелкихъ землевладѣльцевъ, владѣющихъ $^1/_{20}$ нормальнаго ценза; 5) уполномоченные отъ священнослужителей (ст. 23). Созывается избирательный съѣздъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства; онъ же и предсѣдательствуетъ на немъ (ст. 27).

Предварительный избирательный съѣздъ мелкихъ землевладѣльцевъ также созывается уѣзднымъ предводителемъ дворянства (въ уѣздѣ ихъ можетъ быть одинъ или нѣсколько). На немъ избирается столько уполномоченныхъ, сколько полныхъ цензовъ заключается въ количествѣ десятинъ земли, находящейся въ собственности всѣхъ явившихся на съѣздъ (ст. 24 и 25).

Городскіе избирательные съѣзды подъ предсѣдательствомъ городского головы состоятъ: 1) изъ лицъ имѣющихъ купеческія свидѣтельства; 2) владѣльцевъ фабрикъ и другихъ промышленныхъ или торговыхъ заведеній съ оборотомъ 6000 р., находящихся въ чертѣ города; 3) лицъ, имѣющихъ въ городѣ недвижимую собственность, оцѣненную для взиманія налога въ городахъ—съ населеніемъ свыше 10000—не ниже трехъ тысячъ рублей; свыше двухъ тысячъ—не ниже тысячи и во всѣхъ остальныхъ—не ниже 500 рублей и 4) уполномоченныхъ отъ частныхъ владѣльцевъ и учрежденій, владѣющихъ избирательнымъ цензомъ (ст. 28 и 29).

Съѣзды для избранія уѣздныхъ гласныхъ отъ сельскихъ обществъ состоятъ изъ выборщиковъ отъ волостныхъ сходовъ. Этихъ выборщиковъ полагается не свыше трети общаго числа лицъ, имѣющихъ право по закону участвовать въ волостномъ сходѣ, съ тѣмъ, чтобы отъ каждаго сельскаго общества находилось въ средѣ общества не менѣе одного представителя. Въ уѣздѣ назначается губернскимъ правленіемъ нѣсколько избирательныхъ съѣздовъ по мировымъ участкамъ или по станамъ. Открывается съѣздъ мировымъ судьей, ко-

торый предлагаетъ выборщикамъ выбрать изъ своей среды предсѣдателя съѣзда, утверждаетъ это назначеніе и разрѣшаетъ всѣ возникающія при выборѣ гласныхъ недоразумѣнія (ст. 30, 31 и 32). Число гласныхъ для каждаго уѣзда опредѣлено въ прилагаемомъ росписаніи (ст. 33). Если бы на съѣздѣ число избирателей оказалось менѣе числа подлежащихъ избранію гласныхъ, то выборы не производятся и всѣ наличные избиратели зачисляются въ гласные (ст. 34).

Въ гласные избираются съѣздомъ землевладѣльцевъ и городскими съѣздами только члены этихъ съѣздовъ, а съѣздами сельскаго сословія еще и мѣстные землевладѣльцы и священнослужители (ст. 35).

Не могутъ участвовать въ избирательныхъ съѣздахъ: 1) лица моложе 25 лѣтъ; 2) подвергшіеся суду за извѣстныя преступленія и проступки; 3) отрѣшенные отъ должности—въ теченіе трехъ лѣтъ со времени отрѣшенія; 4) состоящіе подъ слѣдствіемъ или судомъ по обвиненію въ извѣстныхъ преступленіяхъ; 5) подвергшіеся несостоятельности и всѣ несостоятельные кромѣ признанныхъ несчастными; 6) исключенные изъ духовнаго вѣдомства за пороки, или же изъ среды обществъ и дворянскихъ собраній по приговорамъ тѣхъ сословій, къ которымъ они принадлежатъ и 7) иностранцы, не присягнувшіе на подданство Россіи (ст. 17), а также мѣстные губернаторы, вице-губернаторы, члены губернскихъ правленій, губернскіе и уѣздные прокуроры и стряпчіе (гдѣ они есть) и чины мѣстной полиціи (ст. 36).

Женщины совершеннолѣтнія, но недостигшія двадцатипятилѣтняго возраста, посылаютъ за себя въ избирательные съѣзды уполномоченныхъ, при чемъ женщины могутъ посылать своихъ отцевъ, мужей, сыновей, зятей и родныхъ братьевъ даже въ томъ случаѣ, если послѣдніе не имѣютъ своего избирательнаго ценза (ст. 18). Не отдѣленные сыновья могутъ участвовать въ выборахъ вмѣсто своихъ отцевъ и матерей по ихъ уполномочію и пользуются всѣми избирательными правами (ст. 20). Если землевладѣлецъ передастъ свой голосъ арендатору, который заключилъ съ нимъ контрактъ за два года до выборовъ и на срокъ не менѣе шести лѣтъ, то арендаторъ

можетъ участвовать въ выборахъ (ст. 21). Никто не можетъ имѣть болѣе двухъ голосовъ (ст. 22).

Повѣрка числа гласныхъ, законность и дѣятельность выбора возлагаются на самое земское собраніе (ст. 37).

Гласные избираются на три года въ сроки назначаемые Министромъ Внутреннихъ дѣлъ (ст. 38). Гласнымъ никакихъ служебныхъ преимуществъ не присвояется и содержанія не полагается (ст. 39). Кромѣ гласныхъ въ составъ земскихъ собраній тѣхъ уѣздовъ, въ которыхъ находятся казенныя и удѣльныя земли, назначаются члены отъ вѣдомствъ Государственныхъ Имуществъ и удѣльнаго, по избранію начальства сихъ вѣдомствъ (ст. 40).

Губернскіе гласные выбираются уѣздными земскими собраніями на три года (ст. 51). Число ихъ опредѣлено въ приложенномъ къ ст. 33 росписаніи соотвѣтственно численности уѣздныхъ собраній, ихъ выбирающихъ. Городскими думами С.-Петербурга, Москвы и Одессы также избирается опредѣленное число гласныхъ въ подлежащія губернскія собранія (ст. 52).

Число губернскихъ гласныхъ колеблется между 15 (въ Олонецкой губ.) и 100 (въ губ. Полтавской и Тамбовской). Отдѣльными уѣздами посылается въ губернское собраніе отъ 2 до 16 (Елизаветградскій) гласныхъ.

Изъ приведеннаго содержанія статей Положенія ясно, что, хотя благодаря замѣчаніямъ барона Корфа и умѣряющей силѣ Государственнаго Совѣта, въ первоначальный проектъ и были внесены нѣкоторыя дополненія и измѣненія, уравнивающія до извѣстной степени избирательныя права населенія, однако же, главные устои земскаго положенія остались тѣ же, что и въ проектѣ, а именно трехклассная система выборовъ, высокій имущественный цензъ и преобладаніе крупныхъ землевладѣльцевъ въ собраніяхъ.

Въ приложенныхъ къ статьямъ 23 и 33 росписаніяхъ количества земли, дающаго право на избраніе гласныхъ въ уѣздныя земскія собранія и числа гласныхъ, избираемыхъ въ земскія собранія, мы находимъ въ высшей степени пеструю картину распредѣленія избирательныхъ благъ между различ-

ными уѣздами. Земельный избирательный цензъ по всѣмъ почти уѣздамъ колеблется между 200 и 350 десятинами, поднимаясь только въ сѣверныхъ и въ нѣкоторыхъ степныхъ уѣздахъ (Царицынскомъ, Николаевскомъ и почти во всѣхъ уѣздахъ Таврической губерніи) до 475 десятинъ, въ Новоузенскомъ уѣздѣ до 650, а въ двухъ сѣверовосточныхъ уѣздахъ Вологодской губ. (Устьсысольскомъ и Яренскомъ) до 800 десятинъ. Число гласныхъ въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ также очень сильно колеблется, причемъ составъ собранія minimum состоитъ изъ 12 членовъ (4 уѣзда Вятской губ.), а maximum доходитъ до 86 (Херсонскій) и даже 96 (Елизаветградскій) гласныхъ.

Что касается числа гласныхъ отъ различныхъ группъ избирателей, то обращаясь, напримѣръ, къ Владимірской губ., мы находимъ слѣдующія цифры: всѣхъ уѣздныхъ гласныхъ по губерніи выбирается 424, изъ нихъ крупными землевладѣльцами выбирается 207 гласныхъ, т. е. 48,8% всего числа, городами—48, т. е. 11,1% и сельскими обществами 169, т. е. 40,1%. Такимъ образомъ, представители горожанъ и крестьянъ вмѣстѣ взятыхъ превышаютъ въ собраніи по числу представителей землевладѣльцевъ.

Тутъ необходимо отмѣтить два принципа, которые заложены были Государственнымъ Совѣтомъ въ основу распредѣленія гласныхъ между избирательными собраніями: 1) ни въ одномъ уѣздѣ число гласныхъ отъ одного избирательнаго съѣзда не должно превышать число гласныхъ, посылаемыхъ сообща двумя другими группами избирателей, и 2) расписаніе числа гласныхъ сохраняетъ свою силу только на первое трехлѣтіе, а затѣмъ въ соотвѣтствіи съ ходомъ выкупной операціи и съ уменьшеніемъ количества земли у помѣщиковъ размѣры ценза должны быть сокращены [1]). Къ сожалѣнію, это постановленіе Государственнаго Совѣта было осуществлено только черезъ 25 лѣтъ, при пересмотрѣ земскаго положенія и самое пониженіе цензовъ не было значительнымъ.

Вообще Государственный Совѣтъ внесъ большую уравни-

---

[1]) Матеріалы по земскому общественному устройству, т. II, стр. 516—525.

тельность въ распредѣленіе числа гласныхъ между избирателями. Возьмемъ для примѣра ту же Владимірскую губ. По проекту коммисіи въ ней полагалось 280 гласныхъ отъ землевладѣльцевъ и 123 отъ крестьянъ, несмотря на то, что въ пользованіи крестьянъ было 2.112.000 десятинъ, а въ распоряженіи помѣщиковъ 942.000. Тутъ замѣчается какая то странная пропорціональность: крестьяне владѣютъ въ 2½ раза *большимъ* количествомъ земли, чѣмъ помѣщики, а число гласныхъ, посылаемыхъ ими въ собраніе въ 2½ раза *менѣе*, чѣмъ представителей крупнаго землевладѣнія. Государственный Совѣтъ, какъ мы видѣли выше, измѣнилъ это соотношеніе въ пользу крестьянъ, но и Государственный Совѣтъ, какъ и коммисія, несмотря на все свое несомнѣнное и сильное стремленіе къ уравнительности, остался на той же точкѣ зрѣнія охраненія интересовъ крупнаго землевладѣнія, т. е. по тому времени, главнымъ образомъ дворянства. Дѣйствительно всѣ основные моменты положенія 1864 года: трехклассная система выборовъ, высокій имущественный цензъ и перевѣсъ въ числѣ гласныхъ надъ другими классами населенія поддерживали, если не абсолютное преобладаніе, то несомнѣнную гегемонію помѣщиковъ въ земскихъ учрежденіяхъ.

Это стремленіе оградить интересы вчерашнихъ рабовладѣльцевъ противъ преобладаніи надъ ними въ земскихъ учрежденіяхъ ихъ вчерашнихъ рабовъ вызвало критическое къ себѣ отношеніе въ литературѣ.

III.

Въ 60-хъ годахъ первымъ противникомъ имущественной группировки избирателей выступаетъ И. С. Аксаковъ. „Почему меньшинство „имущихъ“ имѣетъ право рѣшать участь громаднаго большинства „неимущихъ“?. Почему это громадное большинство, составляющее то органическое ядро, которое хранитъ въ себѣ всемірно-историческую идею извѣстнаго народа,—должно быть лишено голоса въ вопросахъ, до него

касающихся“ [1])? Онъ высказывается далѣе за такой порядокъ, чтобы всѣ допускались къ выборамъ „*безъ различія происхожденія и безъ всякаго поземельнаго ценза*“ [2]). Аксаковъ предлагалъ уничтожить привилегіи, предоставленныя дворянству, и тогда „сословность крестьянская исчезнетъ. Сельское общество и волостное общество могутъ тогда принять всякаго въ свою среду“ [3]). Всѣ три основныхъ принципа земскаго положенія казались Аксакову глубоко несправедливыми и вредными для правильной постановки дѣла: всякій поземельный, имущественный цензъ онъ предлагалъ уничтожить, также какъ и привилегіи крупнаго землевладѣнія.

Той же точки зрѣнія держится и литераторъ 70-хъ годовъ А. А. Головачевъ въ своей книгѣ: „Десять лѣтъ реформъ“: „Неужели коммисія не вдумалась, какой разладъ вносила она въ самую среду земскихъ собраній, вводя въ нихъ отдѣльныхъ представителей трехъ классовъ нашего общества“. „Разсчитывать на высокія стремленія въ цѣлыхъ классахъ общества, по меньшей степени, неосторожно“ [4]). „Для того, чтобы собраніе представляло собою дѣйствительно общіе интересы извѣстной мѣстности, необходимо, чтобъ избирательные съѣзды не представляли собою ничего сословнаго. Поэтому мы не понимаемъ никакихъ другихъ избирательныхъ съѣздовъ за исключеніемъ территоріальныхъ“. „Пусть всѣ лица, владѣющія извѣстнымъ имуществомъ или получившія извѣстное образованіе и притомъ живущія на пространствѣ округа, пользуются личнымъ избирательнымъ правомъ, а не имѣющія этого ценза пусть присылаютъ въ избирательный съѣздъ уполномоченныхъ“ [5]). Головачевъ высказывается также противъ преобладанія дворянства, называя современныя ему земскія учрежденія не органами самоуправленія, а какими то благотворительными учрежденіями.

---

[1]) Цитируемъ по статьѣ А. Корнилова „Изъ исторіи земскаго представительства“ въ № 10—11 за 1903 г. Саратовской земской недѣли, стр. 12.

[2]) Тамъ же, стр. 13.

[3]) Тамъ же, стр. 17.

[4]) Стр. 202.

[5]) Тамъ же, стр. 203.

Въ апрѣльской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ за 1874 годъ появилась статья академика Безобразова, который ратуетъ за принципъ безсословности въ мѣстномъ самоуправленіи и указываетъ, какъ на главнѣйшую заслугу земскихъ учрежденій, на проведеніе ими въ жизнь этого принципа [1].

Въ концѣ 70-хъ годовъ и въ началѣ 80-хъ принципъ безсословности проповѣдуется А. Д. Градовскимъ и В. Ю. Скалономъ [2]) и находитъ себѣ широкое обоснованіе въ мнѣніяхъ земствъ о мѣстной реформѣ, сведенныхъ въ книгѣ Скалона „Земскіе взгляды на реформу мѣстнаго управленія“ [3]) и, наконецъ, находитъ себѣ авторитетное подтвержденіе въ „Совѣщаніи“ Кахановской коммисіи.

Здѣсь необходимо также отмѣтить статью А. Д. Градовскаго, помѣщенную имъ въ „Голосѣ“, о всесословной мелкой единицѣ. Онъ высказывается въ пользу безсословности и введенія въ избирательную систему территоріальнаго принципа и заявляетъ себя большимъ сторонникомъ мелкой земской единицы, утверждая, что уѣздъ долженъ сдѣлаться какъ бы „федераціей союзныхъ мелкихъ всесословныхъ единицъ, тогда онъ самъ получитъ настоящее общественное значеніе“ [4]).

Совершенно особнякомъ стоитъ мнѣніе проф. В. В. Ивановскаго. Лучшимъ выраженіемъ служатъ слѣдующія строки изъ его работы „Опытъ изслѣдованія дѣятельности органовъ земскаго самоуправленія въ Россіи“: „Если въ обществѣ существуетъ еще сословная обособленность, если различія между отдѣльными сословіями выражаются еще въ довольно рѣзкихъ чертахъ, если продолжаетъ существовать еще обособленность интересовъ каждаго сословія, то организація мѣстнаго представительства отдѣльныхъ сословій является по нашему мнѣнію цѣлесообразной и даже болѣе предпочтительной, нежели какая либо другая организація“ [5]). Но въ то

---

[1]) Русскій Вѣстникъ за 1874 годъ, № 4, стр. 531.

[2]) См. его книгу „Земскіе вопросы“.

[3]) Стр. 183—197 и 202—207.

[4]) Градовскій. Собраніе сочиненій, т. XIII, стр. 574.

[5]) Стр. 19.

же время онъ высказывается противъ преобладанія дворянства [1]) и за пропорціональное представительство сословій, за равновѣсіе ихъ интересовъ [2]).

Въ самомъ началѣ 80-годовъ произведены были знаменитыя сенаторскія ревизіи земскихъ учрежденій, которыя доставили богатый матеріалъ для образованной въ скоромъ времени коммисіи для составленія проектовъ мѣстнаго управленія.

Въ такой-то атмосферѣ возбужденія общественнаго интереса къ земскому вопросу и при почти единогласно высказываемыхъ мнѣніяхъ земствъ и публицистовъ о необходимости расширить кругъ земскихъ избирателей и уравнять ихъ избирательныя права должна была начать свою дѣятельность, открытая по ходатайству Министра Внутреннихъ Дѣлъ графа Игнатьева 20 Ноября 1881 года „Высочайше утвержденная особая коммисія для составленія проектовъ мѣстнаго управленія", впослѣдствіи названная, по имени своего предсѣдателя статсъ-секретаря Каханова, Кахановской. Изъ среды коммисіи было выдѣлено „Совѣщаніе„—sui generis подготовительная коммисія, разрабатывавшая проекты реформы, которые затѣмъ разсматривались всей коммисіей.

Въ систему земскаго представительства „Совѣщаніе" не предполагало вносить ничего новаго; оно подтвердило необходимость и пользу трехклассной системы выборовъ и имущественнаго ценза, находя однако-же необходимымъ понизить его размѣры въ виду того, что поднялись цѣны на землю; кромѣ того, „Совѣщаніе" проектировало понизить имущественный цензъ для лицъ, обладающихъ цензомъ образовательнымъ и цензомъ личныхъ заслугъ (Корфовскіе capacités), пересмотрѣть и пересоставить болѣе уравнительно расписаніе гласныхъ (примѣч. къ ст. 33), а также увеличить число ихъ. Избраніе гласныхъ отъ сельскихъ обществъ, по ст. 61 проекта, производится ими непосредственно. „Для этой цѣли уѣздъ разбивается, по возможности безъ нарушенія волостныхъ гра-

---

[1]) Тамъ же, стр. 28.
[2]) Тамъ же, стр. 22.

ницъ, на столько избирательныхъ участковъ, сколько причитается гласныхъ на долю сельскихъ обществъ. Въ каждомъ такомъ участкѣ изъ всѣхъ сельскихъ сходовъ составляется соединенный избирательный сходъ, который и выбираетъ причитающагося на него гласнаго" [1]).

Но въ общемъ собраніи коммисіи предположенія „Совѣщанія" не получили согласія большинства и тутъ же въ противовѣсъ положеніямъ „Совѣщанія" были выставлены принципы сословной организаціи представительства и права крупныхъ землевладѣльцевъ участвовать въ земскихъ собраніяхъ безъ выбора по личному праву.

Эти начала и были впослѣдствіи заложены въ качествѣ краеугольныхъ камней въ проектъ земскаго положенія графа Толстого, составленный подъ руководствомъ бывшаго Алатырскаго предводителя дворянства А. Д. Пазухина, члена Кахановской комиссіи и правой руки Министра Внутреннихъ Дѣлъ графа Толстого.

Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 28 февраля 1885 года опредѣлено было Кахановскую комиссію закрыть, а труды ея передать въ канцелярію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, изъ которой и явился на свѣтъ божій проектъ реформы земскаго представительства на началахъ сословно-патримоніальныхъ.

Но прежде чѣмъ обратиться къ изученію составленія новаго положенія о земскихъ учрежденіяхъ для нашихъ цѣлей необходимо посмотрѣть, каковы были мнѣнія „Совѣщанія" и комиссіи о реформѣ волостной и сельско-общественной. Этотъ вопросъ подробнѣйшимъ образомъ разсмотрѣнъ В. М. Гессеномъ въ его статьѣ „сельское общество и волость въ трудахъ Кахановской комиссіи", [2]) а потому отсылаемъ желающихъ болѣе подробно ознакомиться съ трудами комиссіи къ этой статьѣ, здѣсь же для насъ существенно отмѣтить только основныя положенія выработанныя „Совѣщаніемъ",

---

[1]) Цитируемъ по вышеупомянутой статьѣ А. Корнилова въ Саратовск. Земск. Недѣлѣ.

[2]) „Вопросы мѣстнаго управленія", стр. 134—192.

которыя достойны самаго глубокаго вниманія со стороны интересующихся земскими вопросами.

По предложеніямъ „Совѣщанія" существующія сельское общество и волость упраздняются и вмѣсто нихъ въ систему мѣстнаго управленія вводятся другіе новые организмы. Эти новые организмы носятъ тѣ-же названія, но конструированы на началахъ безсословности. Отъ сельскаго общества отдѣляется область сельско-хозяйственной его компетенціи, какъ хозяина общинной земли и этой отдѣленной организаціи общиннаго схода даются обыкновенныя права юридическаго лица. Рядомъ съ общиннымъ сходомъ учреждается низшій органъ административнаго управленія—безсословное сельское общество, управляемое сходомъ домохозяевъ, владѣющихъ какимъ-либо имуществомъ и сельскимъ старостой, избираемымъ на два года изъ числа членовъ общества и вступающимъ въ должность безъ какого-бы то ни было утвержденія.

Волость проектируется также сдѣлать безсословной и во главѣ ея поставить волостеля, избираемаго уѣзднымъ земскимъ собраніемъ на опредѣленный срокъ изъ осѣдлыхъ жителей губерніи и получившаго образованіе не ниже средняго. Въ томъ случаѣ если не найдется лица, удовлетворяющаго этимъ условіямъ, можетъ быть выбрано и другое лицо, при условіи полученія имъ при баллотировкѣ въ уѣздномъ земскомъ собраніи не менѣе $^3/_4$ голосовъ. Волостель утверждается въ своей должности проектируемымъ присутствіемъ губернскаго управленія.

Оставляя подробный разборъ проекта организаціи сельскаго общества и волости до послѣдней части главы, для того чтобы разсмотрѣть этотъ вопросъ совмѣстно съ вопросомъ объ учрежденіи мелкой земской единицы, укажемъ здѣсь только на самую слабую сторону проекта—на полнѣйшую оторванность проектируемыхъ безсословныхъ мелкихъ организацій отъ уѣздныхъ и губернскихъ и земскихъ учрежденій; то обстоятельство, что волостель, по проекту, будетъ выбираться уѣзднымъ земскимъ собраніемъ, отнюдь не составляетъ связи волостного управленія съ земскими учрежденіями; это скорѣе какое-то механическое скрѣпленіе, сдѣланное для приличія и

для того, чтобы создать какую-то фикцію наличности неразрывной связи между волостью и уѣзднымъ земствомъ. Самая исторія идеи волостеля, превратившагося впослѣдствіи въ Толстовскаго „участковаго“ и, наконецъ, въ теперешняго земскаго начальника, показываетъ, какъ легко было превратить это механическое скрѣпленіе волости съ земскими учрежденіями въ тѣсную и надежную связь ея съ бюрократіей.

IV.

Но возвратимся къ составленію дѣйствующаго и по сіе время положенія 12 іюня 1890 года. Однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ графа Толстого по составленію проекта новаго земскаго положенія является бывшій Алатырскій, а затѣмъ Симбирскій губернскій предводитель дворянства Пазухинъ, поэтому не безинтересно познакомиться съ его взглядами на основы земскаго представительства. Въ своей статьѣ, помѣщенной въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ въ 1885 году, Пазухинъ высказываетъ свой взглядъ на предстоящую реформу въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Реформа земскихъ и городскихъ учрежденій должна состоять въ замѣнѣ безсословнаго начала сословнымъ, въ установленіи *представительства отъ сословій вмѣсто представительства отъ случайныхъ группъ разнаго рода имущественниковъ*. Такая реформа безусловно необходима въ интересахъ государственной политики“ [1]). Пазухину представляется идеаломъ земскаго устройства, такое устройство, когда „*дворянство станетъ снова служилымъ и вмѣстѣ высшимъ земскимъ сословіемъ*“ [2]). Намъ кажется, что эти выписки достаточно характеризуютъ воззрѣнія Пазухина на реформу земскаго представительства и мы не будемъ злоупотреблять вниманіемъ читателей приведеніемъ другихъ не менѣе „оригинальныхъ“ мнѣній Пазухина.

Замѣчательно, что для Пазухина какъ-бы не существо-

---

[1]) А. Пазухинъ. Современное состояніе Россіи и сословный вопросъ. „Русскій Вѣстникъ“ за 1885 годъ, № 1, стр. 54—55.

[2]) Тамъ же, стр. 56.

вало всей литературы по земскимъ вопросамъ, ходатайствъ земскихъ собраній и даже, наконецъ, Валуевской и Кахановской комиссій; онъ излагаетъ свою точку зрѣнія нисколько не стѣсняясь тѣмъ, что ранѣе его уже многими авторитетами и самимъ земствомъ доказывалось какъ разъ обратное. Тогда какъ почти для всѣхъ остальныхъ русскихъ людей недостатки земства коренятся въ недостаточно полно проведенной демократизаціи земскихъ учрежденій, для Пазухина, наоборотъ, недостатки эти коренятся въ недостаточной аристократичности земскихъ учрежденій.

Эти начача сословности съ подавляющимъ преобладаніемъ дворянства заложены были въ качествѣ главныхъ основаній реформы и въ проектъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ Толстого, внесенный въ 1888 году на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Въ общихъ чертахъ содержаніе его въ той части, которая посвящена вопросамъ земскаго представительства, сводится къ слѣдующему: [1]) Въ виду того, что дворянство есть качественно высшее сословіе, какъ сословіе служилое, проникнутое сознаніемъ общественнаго долга и наиболѣе образованное, государственная польза требуетъ привлеченія преимущественно дворянъ къ земскому дѣлу. Для проведенія въ жизнь этого принципа необходимо уничтожить трехклассную систему выборовъ и раздѣлить избирателей на три сословія—дворянъ, горожанъ и крестьянъ, при чемъ представительство дворянское увеличить на счетъ представительства отъ крестьянъ и отъ городовъ. Въ крестьянское представительство вводится слѣдующая поправка: крестьяне собственники лишаются права участвовать въ выборахъ непосредственно, а выбираютъ уполномоченныхъ на волостныхъ сходахъ вмѣстѣ со своими односельчанами; это вполнѣ послѣдовательно съ сословной точки зрѣнія: нельзя же дѣйствительно пустить крестьянина, хотя-бы и богатаго, въ дворянское или городское избирательное собраніе. Купцовъ 1-ой и 2-ой гильдіи проектъ полагаетъ возможнымъ допустить

[1]) См. Отчетъ по Государственному Совѣту за 1890 годъ и статью М—скаго. „Нужды мѣстнаго управленія“ въ №№ 3 и 5 „Русскаго Вѣстника“ за 1888 годъ.

къ избирательной урнѣ только въ томъ случаѣ, если они одновременно обладаютъ и цензомъ, а не на основаніи одного только гильдейскаго званія, какъ по положенію 1864 года. Но самыя крупныя преимущества даруются дворянамъ. Помимо выдѣленія ихъ въ совершенно-обособленную группу избирателей, помимо измѣненія состава гласныхъ въ виду созданія несомнѣннаго преобладанія дворянъ въ земскихъ собраніяхъ графъ Толстой проектировалъ установить для нѣкоторыхъ изъ дворянъ право присутствовать въ земскихъ собраніяхъ въ качествѣ гласныхъ по личному праву помимо выборовъ. Такое право жалуется всякому помѣщику, владѣющему количествомъ земли, цѣнность, которой составляетъ не менѣе $^1/_2$ милліона; въ соотвѣтствіи съ этимъ предположеніемъ всѣ губерніи разбивались на 7 группъ по цѣнности земель и цензъ, дающій право личнаго участія, опредѣлялся отъ 3.500 до 15.000 десятинъ.

Число гласныхъ предполагалось значительно уменьшить, но въ то же время для всѣхъ почти уѣздовъ предполагалось составить новое росписаніе гласныхъ такимъ образомъ, чтобы число гласныхъ дворянъ всегда превышало горожанъ и крестьянъ, вмѣстѣ взятыхъ. Число представителей городского сословія было сильно сокращено. Кромѣ того, проектъ полагалъ, что избраніе въ „земскіе представители при проектируемой новой постановкѣ всего земскаго дѣла слѣдуетъ признать *не только правомъ*, но вмѣстѣ съ тѣмъ *и обязанностью* всего мѣстнаго населенія, добросовѣстное исполненіе коей должно быть обезпечено въ случаѣ надобности карательными постановленіями“, для чего и проектировались штрафы за неявку въ собраніе.

По внесеніи проекта на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта Министръ Внутреннихъ Дѣлъ графъ Толстой, отъ лица котораго былъ представленъ проектъ, умеръ, и его преемникомъ Дурново проектъ былъ значительно переработанъ, но только не въ сферѣ разсматриваемаго нами въ этой главѣ вопроса о реформѣ земскаго представительства. Измѣненія или вѣрнѣе сокращенія въ вопросахъ земскаго представительства внесены были въ проектъ Государственнымъ Совѣтомъ. Право личнаго участія въ собраніяхъ было совершенно

уничтожено, значительно увеличено, по сравненію съ проектомъ, число губернскихъ и уѣздныхъ гласныхъ, хотя все же число гласныхъ по положенію 1890 года менѣе числа гласныхъ по положенію 1864 года [1]).

Проектъ Дурново, пересмотрѣнный Государственнымъ Совѣтомъ, получилъ Высочайшую санкцію 12 іюня 1890 года, и въ самомъ непродолжительномъ времени новое положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ было введено въ дѣйствіе въ 34 земскихъ губерніяхъ взамѣнъ положенія 1864 года.

По положенію 1890 года уѣздные избиратели разбиваются на 2 избирательныхъ собранія, на 2 избирательныхъ съѣзда мелкихъ землевладѣльцевъ и волостные сходы (ст. 15), созываемые черезъ каждые три года, при чемъ избирательные съѣзды выбираютъ только уполномоченныхъ, которые имѣютъ право голоса въ земскихъ избирательныхъ собраніяхъ. Число уполномоченныхъ опредѣляется по тому числу полныхъ цензовъ какъ земельныхъ, такъ и имущественныхъ, которыми обладаютъ явившіеся на съѣздъ мелкіе собственники (ст. 33). Активнымъ избирательнымъ правомъ пользуются русскіе подданные, благотворительныя, ученыя и учебныя учрежденія, торговыя и промышленныя общества, товарищества и компаніи, владѣющія не менѣе *одного* года въ уѣздѣ обложенной сборомъ на земскія повинности землей въ размѣрѣ не менѣе опредѣленнаго ценза или другимъ недвижимымъ имуществомъ (не исключая состоящаго въ городской чертѣ), оцѣненнымъ для взиманія земскаго сбора не ниже пятнадцати тысячъ рублей, а также уполномоченные отъ съѣздовъ мелкихъ землевладѣльцевъ (ст. 16). Женщины и лица, не достигшія двадцати-пятилѣтняго возраста, не могутъ участвовать въ избирательныхъ собраніяхъ (ст. 17). За совершеннолѣтнихъ мужчинъ, не достигшихъ избирательнаго возраста, участвуютъ въ избирательныхъ собраніяхъ лица, снабженныя отъ нихъ довѣренностями, за малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ—ихъ

[1]) См. отчетъ по Государственному Совѣту за 1890 годъ и хронику Арсеньева въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1890 г., № 8.

опекуны и попечители, но и тѣ и другіе должны удовлетворять условіямъ, требуемымъ для личнаго участія въ избирательныхъ собраніяхъ, а женщины могутъ передавать свой голосъ только мужьямъ, сыновьямъ, зятьямъ, внукамъ, роднымъ братьямъ и племянникамъ [1]) (ст. 18). Одинъ изъ неотдѣленныхъ сыновей можетъ участвовать въ собраніи вмѣсто своего отца (ст. 19). Въ губ. Вятской, Олонецкой, Пермской, въ 7 уѣздахъ [2]) Вологодской губ. и въ Златоустовскомъ уѣздѣ Уфимской губ. могутъ участвовать въ выборахъ управляющіе по особой довѣренности владѣльцевъ (ст. 20). Представители юридическихъ лицъ получаютъ полномочія отъ управленій и правленій этихъ учрежденій (ст. 22). Всѣ эти уполномоченные, кромѣ опекуновъ и довѣренныхъ лицъ въ возрастѣ отъ 21 до 25 лѣтъ, могутъ и не имѣть имущественнаго ценза, но для нихъ необходимо обладать всѣми остальными личными условіями активнаго избирательнаго права (ст. 21).

Никто не можетъ имѣть больше двухъ голосовъ (ст. 23). Избирать уполномоченныхъ отъ съѣзда мелкихъ землевладѣльцевъ могутъ лица, владѣющія какъ землей, такъ и недвижимымъ имуществомъ въ размѣрѣ $^1/_{10}$ установленнаго ценза, и удовлетворяющія всѣмъ прочимъ условіямъ для пользованія избирательнымъ правомъ. Эти лица не могутъ никого уполномочивать участвовать вмѣсто себя въ собраніи (ст. 24). Опредѣленіе избирательнаго права по совокупности двухъ различныхъ видовъ имуществъ не допускается (ст. 25). Къ лицамъ, которыя не имѣли права участвовать въ избирательныхъ собраніяхъ и по положенію 1864 г., присоединены лица, состоящія подъ гласнымъ надзоромъ полиціи (ст. 27), а также: 1) предсѣдатель и члены мѣстнаго губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія, за исключеніемъ

---

[1]) Подъ зятьями подразумѣваются по разъясненію Правительствующаго Сената какъ мужья дочерей, такъ и мужья сестеръ довѣрительницъ (ук. Сен. 23 дек. 1885 г., № 15117).

[2]) Вельскомъ, Никольскомъ, Сольвычегодскомъ, Тотемскомъ, Устьсысольскомъ, Устюжскомъ, Яренскомъ.

губернскаго предводителя дворянства, предсѣдателя губернской земской управы, городского головы губернскаго города и членовъ отъ губернскаго земскаго собранія и городской думы губернскаго города; 2) священно- и церковно-служителей христіанскихъ исповѣданій; 3) мѣстные чины прокурорскаго надзора; 4) лица, занимающія полицейскія должности въ губерніи, и 5) крестьяне, принадлежащіе къ составу сельскихъ обществъ уѣзда (ст. 26).

Выборы производятся на двухъ избирательныхъ собраніяхъ, 2 избирательныхъ съѣздахъ и на волостныхъ сходахъ. Въ *первомъ* собраніи и *первомъ* съѣздѣ участвуютъ, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, дворяне потомственные и личные; во второмъ собраніи и съѣздѣ, подъ предсѣдательствомъ городского головы, прочія лица, имѣющія право участвовать въ избирательныхъ собраніяхъ, и представители юридическихъ лицъ (ст. 28, ст. 31).

Гласные отъ сельскихъ обществъ избираются волостными сходами. Каждый сходъ избираетъ *одно* лицо, но если число волостей въ уѣздѣ не превышаетъ опредѣленнаго для онаго росписаніемъ числа гласныхъ отъ сельскихъ обществъ, то губернское присутствіе разрѣшаетъ волостнымъ сходамъ наиболѣе населенныхъ волостей избирать по *два* лица. Изъ числа избранныхъ губернаторъ утверждаетъ положенный росписаніемъ комплектъ гласныхъ отъ сельскихъ обществъ и опредѣляетъ очередь, на основаніи которой остальныя избранныя лица заступаютъ утвержденныхъ, въ случаѣ выбытія послѣднихъ до окончанія срока (ст. 51).

Губернскіе гласные выбираются такимъ же порядкомъ, какъ и по старому положенію (ст. 14).

Каждое избирательное собраніе или съѣздъ могутъ выбирать въ гласные или уполномоченные только своихъ членовъ (ст. 38).

Затѣмъ слѣдуютъ подробныя указанія на то, какъ производятся выборы—своего рода земскій code électoral. Избирательныя собранія созываются въ губернскомъ или уѣздномъ городѣ или въ какомъ либо другомъ мѣстѣ въ сроки, опредѣляемые губернаторомъ по представленію земской управы

(ст. 29), при чемъ второе избирательное собраніе съ разрѣшенія губернатора можетъ быть разбито на отдѣленія. Въ отдѣленіи, засѣдающемъ въ городѣ, предсѣдательствуетъ городской голова, а въ остальныхъ лица, назначаемыя губернаторомъ изъ среды каждаго отдѣленія; число гласныхъ отъ каждаго отдѣленія опредѣляется также губернаторомъ (ст. 30). Избирательные съѣзды могутъ быть также раздѣлены губернаторомъ, при чемъ онъ указываетъ поселенія, гдѣ будутъ открыты отдѣленія и назначаетъ предсѣдателя (31). Избирательные списки, находящіеся въ уѣздной управѣ, которая наблюдаетъ за ихъ исправностью и вноситъ соотвѣтствующія измѣненія, публикуются за четыре мѣсяца до выборовъ въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ или иными способами, которые будутъ указаны губернаторомъ (ст. 34).

Заявленіе о неправильности списковъ могутъ быть поданы черезъ мѣсяцъ послѣ ихъ оглашенія (черезъ два въ губ. Вологодской, Вятской, Пермской и Олонецкой). По истеченіи этого срока управа вноситъ соотвѣтствующія поправки и представляетъ списки на усмотрѣніе губернатора со своими заключеніями по тѣмъ возраженіямъ, съ которыми она не сочла возможнымъ согласиться. Одновременно управа извѣщаетъ и лицъ, заявившихъ свой протестъ (ст. 35); послѣдніе могутъ обжаловать постановленіе управы губернатору, который передаетъ какъ такія жалобы, такъ и свои замѣчанія на списокъ на разрѣшеніе губернскаго присутствія (ст. 36). Избирательные списки въ окончательномъ своемъ видѣ публикуются за мѣсяцъ до выборовъ и послѣ этого никакія измѣненія въ нихъ не допускаются (ст. 37). Сперва происходятъ выборы уполномоченныхъ на съѣздахъ мелкихъ владѣльцевъ (ст. 39). Способъ удостовѣренія въ личности избирателей предоставляется усмотрѣнію предсѣдателя избирательнаго собранія и съѣзда. Избирательныя собранія продолжаются не долѣе двухъ дней. Подача голосовъ тайная, посредствомъ баллотировки шарами (ст. 41). Избирательное собраніе приступаетъ къ производству выборовъ только въ томъ случаѣ, если прибывшее число избирателей составляетъ не менѣе $^2/_3$ числа гласныхъ, подлежащихъ избранію (ст. 42), въ против-

номъ случаѣ всѣ прибывшіе признаются гласными (ст. 45). Послѣ выборовъ въ уѣздной земской управѣ составляется списокъ гласныхъ и представляется губернатору со всѣми матеріалами, касающимися выборовъ (ст. 46). Заявленія частныхъ лицъ о неправильностяхъ, допущенныхъ при выборахъ, также подаются губернатору, который передаетъ ихъ на разсмотрѣніе губернскаго присутствія, также какъ и списки гласныхъ, если онъ найдетъ въ нихъ нарушеніе законнаго порядка (ст. 47). Губернское присутствіе можетъ отмѣнить произведенные выборы въ виду допущенныхъ неправильностей и назначить другіе (ст. 48). Если же губернское присутствіе признаетъ неправильными выборы отдѣльныхъ гласныхъ, то оно постановляетъ замѣнить ихъ кандидатами, получившими наибольшее количество голосовъ (ст. 49). Когда будетъ избрано менѣе $^2/_3$ полагающагося числа гласныхъ, то губернаторъ отдаетъ распоряженіе о созваніи вновь избирательнаго собранія (ст. 50). Послѣ всѣхъ этихъ измѣненій и дополненій по распоряженію губернатора составляется окончательный списокъ гласныхъ, который и публикуется въ губернскихъ вѣдомостяхъ (ст. 52). Если же и послѣ всѣхъ этихъ мѣропріятій гласныхъ окажется въ спискѣ менѣе $^2/_3$ нужнаго числа, то Министръ Внутреннихъ Дѣлъ или продолжаетъ на время не долѣе *трехъ лѣтъ* срокъ полномочій гласныхъ, выбранныхъ на предыдущее трехлѣтіе, или назначаетъ на тотъ же срокъ предсѣдателя и членовъ уѣздной земской управы (ст. 53).

V.

Сословное начало—вотъ новость положенія 1890 года по сравненію съ положеніемъ 1864 года. Новая система тоже трехклассная, но избиратели распредѣляются по классамъ не на основаніи владѣнія разнаго рода имуществомъ, а на основаніи принадлежности къ извѣстному сословію. Тотъ принципъ безсословности, за который такъ ратовали земскія собранія, ученые, публицисты и который былъ провозглашенъ въ „совѣщаніи“ Кахановской коммисіи оказался нарушеннымъ.

Значительно пострадалъ избирательный съѣздъ землевладѣльцевъ, обращенный въ первое избирательное собраніе, въ которомъ остался только дворянскій элементъ; всѣ же остальные уѣздные землевладѣльцы и промышленники пристегнуты новымъ положеніемъ ко второму избирательному собранію—городскому, съ которымъ они не имѣютъ ничего общаго по своимъ имущественнымъ интересамъ; наконецъ, священнослужители совершенно лишены избирательнаго права въ виду того, что это не разрѣшается каноническими правилами и несогласно со священническимъ саномъ, но тѣмъ не менѣе считается согласнымъ съ каноническими правилами и священническимъ саномъ участіе въ собраніи по назначенію депутата отъ духовнаго вѣдомства, если епархіальное начальство признаетъ полезнымъ его назначить. Не намъ судить, конечно, что болѣе сообразуется съ духомъ каноническихъ правилъ—принципъ ли назначенія или принципъ избранія, но тѣмъ не менѣе нельзя не пожалѣть, что близко знакомое съ бытомъ крестьянства сельское духовенство лишено права участвовать въ собраніи и отдавать свой досугъ на пользу мѣстнаго населенія. Священникъ же, назначенный епархіальнымъ начальствомъ, естественно, будетъ защищать интересы своего вѣдомства а не мѣстнаго населенія.

Если мы находимъ слѣды избирательнаго съѣзда землевладѣльцевъ въ 1-омъ избирательномъ собраніи, то 2-е избирательное собраніе буквально ничѣмъ не напоминаетъ прежнихъ городскихъ съѣздовъ. Оно превратилось въ какой-то агломератъ лицъ съ самыми разнообразными имущественными интересами: тутъ и уѣздные землевладѣльцы, не принадлежащіе къ дворянскому сословію и къ сельскимъ обществамъ даннаго уѣзда, и лица, владѣющія цензомъ въ предѣлахъ города, но какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ установленъ одинаковый цензъ соотвѣтственно тому, какой цензъ установленъ для участія въ первомъ избирательномъ собраніи. Этотъ высокій имущественный цензъ и устраняетъ отъ избирательной урны многихъ изъ горожанъ, которые имѣли право участвовать въ городскомъ избирательномъ съѣздѣ по положенію 1864 г., т. е. лицъ, имѣющихъ купеческія свидѣтельства, владѣющихъ торговыми и промыш-

ленными заведеніями съ годовымъ шеститысячнымъ оборотомъ и имѣющихъ недвижимую собственность, оцѣненную отъ 500 до 3000 рублей, смотря по населенности города. По теперешнему положенію могутъ участвовать въ собраніи только лица, обладающія недвижимостью, оцѣненною въ 15000 р. и уполномоченные отъ съѣзда мелкихъ владѣльцевъ, имѣющихъ имущество, оцѣненное въ 1500 р. Какъ видимъ, контингентъ городскихъ избирателей очень сильно сокращенъ, но въ обоихъ собраніяхъ сохранено въ полной неприкосновенности выборное начало, съ гласными же отъ крестьянъ поступлено гораздо суровѣе: избирательное право здѣсь замѣнено началомъ назначенія изъ выбранныхъ кандидатовъ. Такимъ образомъ, избирательныя права населенія значительно уменьшены по положенію 1890 года по сравненію съ положеніемъ 1864 года и крестьянское большинство населенія уѣзда избираетъ только кандидатовъ въ гласные, изъ которыхъ губернаторъ утверждаетъ въ званіи гласнаго лишь то число кандидатовъ, которое полагается по расписанію.

Государство, поручая часть дѣлъ мѣстнаго управленія мѣстнымъ самоуправляющимся организаціямъ, должно заботиться о томъ, чтобы порученныя самоуправленію „мѣстныя пользы и нужды“ были вполнѣ раціонально удовлетворены земскими учрежденіями. Самый фактъ замѣны бюрократическихъ органовъ управленія на мѣстахъ органами самоуправленія указываетъ на то, что правительство признаетъ несостоятельность централизаціи и призываетъ къ земскому дѣлу мѣстное общество для лучшаго удовлетворенія нуждъ населенія.

Возникаетъ вопросъ: кому, какимъ элементамъ мѣстнаго общества лучше всего для государства передать дѣло мѣстнаго управленія? Положеніе 1890 года отвѣчаетъ—представителямъ сословій, при чемъ дворянамъ дается подавляющее преимущество въ собраніяхъ. Это преимущество выражено гораздо ярче, чѣмъ преимущество крупныхъ землевладѣльцевъ по положенію 1864 г. Возьмемъ для примѣра двѣ губерніи: Полтавскую и Тверскую, отстоящія другъ отъ друга на сотни верстъ и съ совершенно различнымъ характеромъ

экономической жизни. И тутъ и тамъ подавляющее преобладаніе дворянства.

По положенію 1864 года. Число гласныхъ. — По положенію 1890 года. Число гласныхъ.

	Съѣздъ крупныхъ землевладѣльцевъ.	Городской съѣздъ.	Сельскія общества.	ИТОГО.		Первое избирательное собраніе.	Второе избирательное собраніе.	Волостные сходы.	ИТОГО.
Полтавская .	265	76	247	588	Полтавская .	294	53	147	496
Тверская . .	260	59	205	524	Тверская . .	216	46	108	370

Въ процентныхъ отношеніяхъ:
Число гласныхъ:

	Съѣздъ крупныхъ землевладѣльцевъ.	Городской съѣздъ.	Сельскія общества.	ИТОГО.		Первое избирательное собраніе.	Второе избирательное собраніе.	Волостные сходы.	ИТОГО.
Полтавская .	45,1	12,9	42	100	Полтавская .	59,3	10,7	30	100
Тверская . .	49,6	11,3	39,1	100	Тверская . .	58,4	12,4	29,2	100

Уменьшеніе числа гласныхъ въ процентахъ по положенію 1890 г. по сравненію съ положеніемъ 1864 г.

	Отъ перваго избирательнаго собранія по сравненіи съ съѣзд. крупн. землевлад.	Отъ второго избирательнаго собранія по сравненію съ городскимъ съѣздомъ.	Отъ сельскихъ обществъ.	ВСЕГО.
Полтавская .	111%	70%	60%	84%
Тверская . .	83%	78%	53%	71%

Въ вышеприведенныхъ данныхъ особенно достойно вниманія то, что по старому положенію представители крупнаго землевладѣнія составляли меньше половины собранія, тогда какъ по новому положенію дворянскій элементъ перевѣшиваетъ горожанъ и крестьянъ вмѣстѣ взятыхъ. Слѣдовательно, если до 1890 года въ земскихъ собраніяхъ могъ составиться перевѣсъ голосовъ на сторонѣ соединившихся горожанъ и крестьянъ, то послѣ 1890 года „командующимъ“ элементомъ

въ собраніи являются дворяне и фактически въ ихъ рукахъ находится все земское дѣло. Такимъ образомъ, наши теперешнія земскія учрежденія могутъ быть смѣло названы не только сословными, но даже сословно-дворянскими.

Дворянамъ главнымъ образомъ ввѣрено земское дѣло государствомъ, отъ городовъ въ земскомъ собраніи находится только 3 или 4 гласныхъ, а крестьянское представительство такъ запугано, особенно если имѣть въ виду присутствіе на собраніи въ качествѣ гласныхъ земскихъ начальниковъ, что о самостоятельномъ выраженіи крестьянскими гласными своего мнѣнія нечего и думать. Но является ли такой дворянскій составъ собранія гарантіей правильнаго веденія дѣла? Едва ли. Дворянское земство должно заботиться объ интересахъ всего населенія, т. е. главнымъ образомъ крестьянства; развѣ можно требовать отъ средняго помѣщика, чтобы онъ вполнѣ вникъ въ нужды крестьянства и заботился о скорѣйшемъ ихъ осуществленіи, вѣдь это для него чужое дѣло; несомнѣнно, что онъ отнесется отзывчивѣе къ нуждамъ населенія, чѣмъ чиновникъ, потомучто онъ постоянно видитъ у себя дома, что необходимо данной мѣстности, но тѣмъ не менѣе его дѣятельность будетъ носить въ себѣ несомнѣнные признаки благотворительности. Гласный дворянинъ, устраивая школы и больницы, заботясь объ экономическомъ благостояніи населенія, не свои нужды удовлетворяетъ: дѣтей своихъ онъ не станетъ учить въ земской школѣ, самъ съ своей семьей не будетъ лечиться у земскаго доктора, не о своемъ хозяйствѣ заботится онъ, раздавая безплатно сѣмена клевера крестьянамъ; онъ не выбранъ мѣстнымъ населеніемъ, а потому и не можетъ себя чувствовать отвѣтственнымъ передъ нимъ, онъ выбранъ сословіемъ и долженъ защищать интересы сословія. Если мы не видимъ этого во многихъ собраніяхъ, то это явленіе несомнѣнно нужно отнести къ чести *даннаго* состава собранія, но никто не можетъ поручиться, что другой составъ собранія не будетъ соблюдать исключительно дворянскіе интересы.

По меньшей мѣрѣ опасно ставить интересы населенія въ зависимость отъ дворянскаго альтруизма.

Раздѣленіе избирателей на сословія вызываетъ антагонизмъ между мѣстными людьми, что менѣе всего можетъ отразиться благопріятно на земскомъ дѣлѣ и сплотить всѣ мѣстныя силы для дружной совмѣстной работы. Предоставленіе дворянству такихъ широкихъ избирательныхъ правъ часто ведетъ къ тому, что на избирательное собраніе не является достаточнаго числа избирателей, такъ какъ для мѣстнаго дворянства не представляетъ никакого интереса земское дѣло, какъ дѣло чужое; или даже просто въ уѣздѣ нѣтъ достаточнаго числа дворянъ, обладающихъ требуемымъ цензомъ, наконецъ, многіе изъ дворянъ не живутъ въ уѣздѣ и имѣютъ занятія въ городахъ далеко отъ родной земли. Какъ напримѣръ можно указать, что за самое послѣднее время такой недоборъ гласныхъ оказался въ Мосальскомъ [1]) и Жиздринскомъ [2]) уѣздахъ Калужской губ. и въ Свіяжскомъ [3]) уѣздѣ Казанской губ. Кромѣ такихъ случаевъ зачисленія въ гласные всѣхъ явившихся на избирательное собраніе по 45 статьѣ очень нерѣдки такіе случаи, что на избирательное собраніе является столько избирателей, сколько должно быть выбрано гласныхъ или даже и менѣе этого числа, но все же въ достаточномъ числѣ для того, чтобы были произведены выборы. Естественно, что при такихъ условіяхъ если и производится баллотировка, то она сводится къ пустой формальности и всѣ присутствующіе попадаютъ въ гласные.

Представительство отъ прочихъ сословій до такой степени ничтожно, что не можетъ имѣть никакого значенія въ собраніи. Болѣе компактную группу составляетъ представительство крестьянское, но гласныхъ отъ сельскихъ обществъ нельзя считать представителями населенія, потомучто они не избираются мѣстнымъ населеніемъ, а назначаются губернаторомъ изъ числа кандидатовъ, выбранныхъ волостными сходами. Такимъ образомъ, гласныхъ отъ сельскихъ обществъ съ гораздо большимъ успѣхомъ можно было назвать гласными отъ гу-

---

[1]) Русскія Вѣдомости, № 253 за 1904 г.
[2]) Русск. Вѣд., № 201 за 1904 г.
[3]) Русск. Вѣд., № 190 за 1904 г.

бернатора. Самостоятельность этихъ назначенныхъ гласныхъ уменьшается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ собраніи часто находится ихъ непосредственное начальство — земскіе начальники и не разъ уже говорилось о томъ, что при открытомъ голосованіи въ собраніи какихъ-либо вопросовъ гласные крестьяне встаютъ и опускаются по мановенію карандаша земскаго начальника. Изъ послѣднихъ фактовъ въ такомъ родѣ мы считаемъ возможнымъ привести слѣдующіе: Въ Тульскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи „при баллотировкѣ всѣхъ вопросовъ рѣшающее значеніе имѣли голоса гласныхъ отъ крестьянъ, имѣвшихъ изъ 10 представителей 9 волостныхъ старшинъ, которые всѣ дѣйствовали солидарно съ земскими начальниками“ [1]). Другая корреспонденція той же газеты изъ Обояни настолько ярко рисуетъ современные земскіе нравы, что мы позволяемъ себѣ ее привести цѣликомъ [2]): „Въ Обоянскомъ земскомъ собраніи во время баллотировки размѣровъ содержанія предсѣдателю и членамъ уѣздной управы предсѣдателю собранію пришлось два раза ходить собирать гласныхъ отъ крестьянъ волостныхъ старшинъ, уклонявшихся по требованію земскихъ начальниковъ К. и П. отъ баллотировки. Предводитель дворянства грозилъ старшинамъ, что онъ ихъ оштрафуетъ и сообщитъ обо всемъ губернатору, и только тогда изъ девяти гласныхъ отъ крестьянъ въ залу вошли трое. Одинъ изъ гласныхъ негодовалъ громко, что земскіе начальники запрещаютъ старшинамъ—гласнымъ принять участіе въ баллотировкѣ. Съ возвращеніемъ предсѣдателя начались переговоры въ группѣ гласныхъ, среди которыхъ находились господинъ К., а также земскій начальникъ, не-гласный г. О., завершившіеся ультиматумомъ со стороны предсѣдателя: закрыть собраніе и увѣдомить губернатора. Къ тому же времени удалось гласнымъ общими усиліями усадить за столъ еще двухъ старшинъ, изъ которыхъ одинъ наивно жаловался незадолго до этого: „Какъ тутъ быть? Одинъ говоритъ: оштрафую, а другой: вышвырну“. . . (Орл. Вѣстн.)“.

---

[1]) Русскія Вѣдомости, № 285 за 1904 г.

[2]) Р. В., № 329 за 1904 г.

Вообще крестьянство является какимъ-то сословіемъ-пасынкомъ для составителей положенія, такъ, напримѣръ, если мѣстный крестьянинъ и пріобрѣтетъ такое количество земли, которое составляетъ цензъ для даннаго уѣзда, то онъ не имѣетъ права участвовать во второмъ избирательномъ собраніи, а долженъ выбирать вмѣстѣ со своими односельчанами кандидатовъ на волостномъ сходѣ; тогда какъ крестьянинъ изъ другого уѣзда, владѣющій цензомъ, допускается къ участію во второмъ избирательномъ собраніи. По положенію 1864 г. крестьянинъ, обладающій земельнымъ цензомъ, пользовался избирательными правами наравнѣ съ прочими землевладѣльцами.

Для вящшаго охраненія сословности каждая группа можетъ выбирать гласныхъ только изъ своей среды.

Но кромѣ охраненія дворянскаго сословія наше земское положеніе является и охранителемъ интересовъ крупныхъ собственниковъ путемъ установленія высокаго имущественнаго ценза для того, чтобы имѣть право голоса на избирательныхъ собраніяхъ; въ этомъ отношеніи новое положеніе идетъ по стопамъ стараго и если въ чемъ и противорѣчитъ ему, то въ повышеніи ценза для права участія въ съѣздахъ мелкихъ землевладѣльцевъ для избранія уполномоченныхъ въ избирательныя собранія съ $^1/_{20}$ до $^1/_{10}$ полнаго нормальнаго ценза по данному уѣзду. Въ то же время нормы земельнаго ценза при пересмотрѣ положенія подверглись уменьшенію, такъ, по положенію 1864 г. низшимъ размѣромъ ценза являлось 200 десятинъ, по положенію же 1890 года низшей нормой ценза является 125 десятинъ (а для Ялтинскаго уѣзда послѣ 10 мая 1899 года 25 и 100 десятинъ). Нельзя, конечно, не привѣтствовать хотя бы и самаго ничтожнаго пониженія избирательнаго ценза, но въ то же время нельзя и закрывать глаза на то, что пониженіе избирательнаго ценза въ такихъ скромныхъ размѣрахъ, въ какихъ это было сдѣлано при пересмотрѣ земскаго Положенія, не имѣетъ никакого значенія въ смыслѣ увеличенія числа избирателей. Нужно имѣть въ виду, что цѣны на землю такъ сильно возрастаютъ, что пониженіе ценза въ общемъ на $^1/_3$, сдѣланное

при пересмотрѣ Положенія, отнюдь не соотвѣтствуетъ повышенію стоимости земли. Цѣны на землю къ 1890 году поднялись до такой степени, что для того, чтобы сравнять земельный цензъ съ оцѣночнымъ, въ 15000 руб., нужно было бы гораздо значительнѣе понизить размѣры земельнаго ценза.

Кромѣ указанныхъ уже новшествъ Положеніемъ 1890 года по сравненію съ Положеніемъ 1864 года внесены еще слѣдующія измѣненія: 1) къ лишеннымъ права участвовать въ избирательныхъ собраніяхъ присоединены лица, состоящія подъ гласнымъ назоромъ полиціи. 2) Арендаторы лишены избирательныхъ правъ. 3) Женщины лишены права передавать свой избирательный голосъ постороннимъ лицамъ и могутъ передавать его только ближайшимъ родственникамъ. 4) Въ составъ уѣздныхъ собраній введены, кромѣ представителей отъ вѣдомствъ государственныхъ имуществъ и удѣльнаго, еще депутатъ отъ духовнаго вѣдомства и мѣстный городской голова. 5) Въ составъ собраній губернскихъ введены всѣ уѣздные предводители дворянства, а въ мѣстахъ, гдѣ не производится уѣздныхъ дворянскихъ выборовъ—предсѣдатели уѣздныхъ съѣдовъ, депутатъ отъ духовнаго вѣдомства и послѣ закона 6 декабря 1899 года всѣ предсѣдатели уѣздныхъ управъ. 6) Наконецъ, сокращено число гласныхъ какъ губернскихъ, такъ и уѣздныхъ собраній. Тогда какъ по положенію 1864 года число гласныхъ въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ собраніяхъ поднималось до 86 и даже 96, по положенію 1890 года оно нигдѣ не поднимается выше 40. Въ губернскихъ собраніяхъ самымъ большимъ числомъ гласныхъ по новому положенію обладаютъ губерніи Полтавская и Черниговская—62, тогда какъ по старому Положенію та же Полтавская губ. имѣла 100 губернскихъ гласныхъ. Во всей земской Россіи эти перемѣны въ численномъ составѣ собранія сводятся къ слѣдующимъ:

	уѣздныхъ	%	губернскихъ	%[1])
По положенію 64 г.	13.329	100	2274	100
По положенію 90 г.	10.229	76,7	1576	69,3

[1]) Статистическія данныя заимствованы изъ статьи Скалона въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона.

Какъ видимъ, число какъ губернскихъ такъ и уѣздныхъ гласныхъ сильно уменьшено, но составъ губернскихъ собраній подвергся большимъ сокращеніямъ, чѣмъ составъ собраній уѣздныхъ.

Всѣ эти новшества, очевидно, продиктованы одной мыслью —мыслью сократить избирательныя права населенія, какъ активныя, такъ и пассивныя. Будучи сторонниками возможно болѣе полнаго проведенія избирательнаго начала въ системѣ мѣстнаго управленія и считая, что только при этомъ условіи „мѣстныя пользы и нужды“ будутъ надлежащимъ образомъ удовлетворены, мы никакъ не можетъ согласиться съ какимъ бы то ни было усѣченіемъ земской избирательной системы и потому должны высказаться противъ положенія 1890 года.

Включеніе въ составъ губернскихъ собраній предсѣдателей уѣздныхъ управъ по должности, а не по выбору намъ также не представляется необходимымъ. Основаніемъ для проведенія въ жизнь такой мѣры, вѣроятно, послужило то соображеніе, что предсѣдатели уѣздныхъ управъ ближе губернскихъ гласныхъ знаютъ мѣстныя условія и нужды своего земства, такъ какъ находятся у кормила земскаго правленія. Но развѣ губернскіе гласные отъ уѣздовъ не знаютъ нуждъ своего уѣзда? Не есть-ли самый фактъ призванія предсѣдателей управъ въ губернскія собранія одинъ изъ симптомовъ проявленія недовѣрія со стороны законодателя къ достаточной компетентности губернскихъ гласныхъ въ дѣлахъ своего уѣзда. Но если это такъ, то законодатель стоитъ на въ высшей степени странной точкѣ зрѣнія, точкѣ зрѣнія недовѣрія къ выбору земскаго собранія. Насколько неправильна такая точка зрѣнія можно судить потому, что дѣйствительно даровитые и знающіе предсѣдатели уѣздныхъ управъ и до 1899 года всегда попадали въ губернскія собранія въ качествѣ гласныхъ отъ своихъ уѣздовъ. Кромѣ того, такъ распространившіяся за послѣднѣе время совѣщанія предсѣдателей уѣздныхъ управъ при губернскихъ управахъ, въ особенности созываемыя передъ очередной губернской сессіей, могутъ вполнѣ замѣнить собою включеніе предсѣдателей въ составъ губернскихъ собраній. Всѣ нужды уѣзда, выяснившіяся на подобныхъ

совѣщаніяхъ будутъ извѣстны губернской управѣ и доложены ею губернскому собранію. Такимъ образомъ, при наличности существованія совѣщаній предсѣдателей уѣздныхъ управъ интересы уѣзда будутъ вполнѣ обезпечены на губернскомъ собраніи; да если бы даже и не было подобныхъ совѣщаній, то мы отнюдь не раздѣляемъ опасеній законодателя, что губернскіе гласные отъ уѣздовъ не будутъ достаточно освѣдомлены о нуждахъ своего уѣзда; на это, по крайней мѣрѣ, нѣтъ никакихъ указаній въ исторіи губернскихъ земствъ.

Обращаетъ на себя вниманіе также земскій code électoral, заключающійся въ 21 статьѣ дѣйствующаго положенія [1]) и регламентирующій составленіе избирательныхъ списковъ и производство выборовъ. Сложная процедура составленія списковъ съ перепискою ихъ изъ уѣздной управы къ губернатору и обратно такъ же, какъ и все избирательное производство (Wahlverfahren), подвергаются самой тщательной и всепроникающей опекѣ губернатора и губернскаго правленія, даже предсѣдатели не избираются собраніями избирателей, а или являются предсѣдателями по должности (уѣздный предводитель дворянства, городской голова) или назначаются губернаторомъ. Въ разрѣшеніи самыхъ пустяшныхъ вопросовъ избирательной техники уѣздная управа связана непремѣнными представленіями губернатору и только губернаторская власть можетъ ихъ разрѣшить. Характерна заботливость законодателя о томъ, какъ поступать при наличности абсентеизма избирателей. По ст. 45 если избирателей соберется менѣе ²/₃ числа гласныхъ, подлежащихъ къ избранію, то выборы не производятся и всѣ прибывшіе зачисляются въ гласные. Правда, потомъ созывается новое избирательное собраніе, но не для переизбранія уже зачисленныхъ гласныхъ, а для выборовъ остальныхъ гласныхъ. Такимъ образомъ, при наличности случая, указаннаго въ ст. 45, избирательный моментъ совершенно устраняется и замѣняется моментомъ самоназначенія. Эта 45 статья представляетъ большой интересъ съ той точки зрѣнія, что

[1]) статьи: 29, 30, 32, 34, 35, 36, 37, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 52 и 53.

по ней можно съ большою вѣроятностью заключить о томъ, что законодатель предвидѣлъ такое явленіе, какъ дворянскій абсентеизмъ и, съ сословной точки зрѣнія, совершенно благоразумно рѣшилъ, что распускать избирательное собраніе для новыхъ выборовъ, какъ это обыкновенно дѣлается въ такихъ случаяхъ, не стоитъ, потомучто все равно не соберется больше народу при той сословной избирательной системѣ, которая установлена закономъ, лучше ужъ прямо помимо выборовъ предоставить дворянскимъ избирателямъ право назначенія.

Изъ разсмотрѣнія ст. 45 можно съ большою достовѣрностью заключить, что законодатель сознательно жертвовалъ принципомъ избранія въ пользу проведенія принципа преобладанія дворянства въ собраніяхъ, предоставляя дворянамъ права самоназначенія.

Для иллюстраціи дворянскаго абсентеизма приводимъ статистическія данныя, собранныя коммисіей Московскаго губернскаго земскаго собранія о пересмотрѣ нормъ, опредѣляющихъ право участія въ земскихъ избирательныхъ собраніяхъ и представленныя ею вмѣстѣ съ докладомъ губернскому собранію въ началѣ 1904 г.

Участіе въ выборахъ различныхъ избирательныхъ группъ въ 1903 году.

УѢЗДЫ.	ИЗБИРАТЕЛЬНЫЯ ГРУППЫ.	Число избирателей, внесенныхъ въ списокъ.	Число участвовавшихъ въ выборахъ.	% участія.	Избрано гласныхъ.	На одного гласнаго приходится участвовавшихъ въ выборахъ.
Богородскій	1-ый избирательный съѣздъ	11	—	—	—	—
	1-ое избирательное собраніе	32	9	28,1	12	0,75
	2-ой избирательный съѣздъ	136	20	14,7	—	—
	2-ое избирательное собраніе	103	17	16,5	6	3,5
Бронницкій	1-ый избирательный съѣздъ	17	9	53	—	—
	1-ое избирательное собраніе	34	16	47,1	13	1,23
	2-ой избирательный съѣздъ	55	11	20,0	—	—
	2-ое избирательное собраніе	35	7	20	5	1,4
Верейскій	1-ый избирательный съѣздъ	11	2	18,2	—	—
	1-ое избирательное собраніе	37	13	35,1	15	0,87
	2-ой избирательный съѣздъ	51	18	35,3	—	—
	2-ое избирательное собраніе	38	6	15,8	4	2,75
Волоколамскій	1-ый избирательный съѣздъ	5	2	40	—	—
	1-ое избирательное собраніе	33	9	27,3	9	1,1
	2-ой избирательный съѣздъ	31	5	16,1	—	—
	2-ое избирательное собраніе	12	5	41,7	3	1,67
Дмитровскій	1-ый избирательный съѣздъ	31	4	12,9	—	—
	1-ое избирательное собраніе	39	16	41,0	18	0,94
	2-ой избирательный съѣздъ	132	23	17,4	—	—
	2-ое избирательное собраніе	45	16	35,6	6	3,5
Звенигородскій	1-ый избирательный съѣздъ	46	6	13,0	—	—
	1-ое избирательное собраніе	52	13	25	18	0,83
	2-ой избирательный съѣздъ	93	10	10,8	—	—
	2-ое избирательное собраніе	32	4	12,5	4	1,5
Клинскій	1-ый избирательный съѣздъ	44	7	15,6	—	—
	1-ое избирательное собраніе	48	14	29,2	15	1,13
	2-ой избирательный съѣздъ	144	19	13,2	—	—
	2-ое избирательное собраніе	58	9	15,5	4	3,5

УѢЗДЫ.	ИЗБИРАТЕЛЬНЫЯ ГРУППЫ.	Число избирателей, внесенныхъ въ списокъ.	Число участвовавшихъ въ выборахъ.	% участія.	Избрано гласныхъ.	На одного гласнаго приходится участвовавшихъ въ выборѣ
Коломенскій	1-ый избирательный съѣздъ	42	16	38,1	—	—
	1-ое избирательное собраніе	39	22	56,4	17	1,47
	2-ой избирательный съѣздъ	285	19	6,7	—	—
	2-ое избирательное собраніе	50	9	18	6	2,0
Можайскій	1-ый избирательный съѣздъ	13	3	23,1	—	—
	1-ое избирательное собраніе	52	34	65,4	16	2,19
	2-ой избирательный съѣздъ	21	3	14,3	—	—
	2-ое избирательное собраніе	14	4	28,6	3	1,33
Московскій	1-ый избирательный съѣздъ	199	27	13,6	—	—
	1-ое избирательное собраніе	95	24	25,3	18	1,78
	2-ой избирательный съѣздъ	2037	10	0,5	—	—
	2-ое избирательное собраніе	501	56	11,9	6	9,5
Подольскій	1-ый избирательный съѣздъ	39	16	41,0	—	—
	1-ое избирательное собраніе	47	23	49	18	1,56
	2-ой избирательный съѣздъ	126	14	11,1	—	—
	2-ое избирательное собраніе	61	7	11,5	4	2,75
Рузскій	1-ый избирательный съѣздъ	13	—	—	—	—
	1-ое избирательное собраніе	38	15	39,5	18	0,83
	2-ой избирательный съѣздъ	66	18	27,3	—	—
	2-ое избирательное собраніе	37	11	29,7	3	5.33
Серпуховскій	1-ый избирательный съѣздъ	29	2	6,9	—	—
	1-ое избирательное собраніе	46	16	34,8	20	0,85
	2-ой избирательный съѣздъ	118	7	5,1	—	—
	2-ое избирательное собраніе	67	9	13,3	5	2,20
По губерніи.	1-ый избирательный съѣздъ	500	94	18,8	—	—
	1-ое избирательное собраніе	592	224	38,0	207	1,20
	2-ой избирательный съѣздъ	3302	177	5,3	—	—
	2-ое избирательное собраніе	1046	160	15,3	59	3,34

Приведенныя коммисіей цифры въ высшей степени поучительны. По всей Московской губерніи одинъ гласный отъ перваго избирательнаго собранія приходится на 1,20 избирателей, тогда какъ одинъ гласный отъ второго избирательнаго собранія приходится на 3,34 избирателей. Очевидно, что почти во всѣхъ уѣздахъ Московской губерніи начало избранія въ первомъ избирательномъ собраніи замѣнено фактически началомъ самоназначенія.

Нельзя не пожалѣть, что въ земскомъ code électoral нѣтъ никакого намека на выставленіе кандидатуръ и на програмныя рѣчи кандидатовъ. Правда, въ условіяхъ русской земской дѣйствительности все это звучитъ довольно необычно, въ особенности если представить себѣ обстановку избирательнаго собранія, которое вмѣсто выборовъ занимается самоназначеніемъ въ гласные по ст. 45 или вспомнить положеніе крестьянскаго гласнаго кандидата, произносящаго програмную рѣчь и неутвержденнаго впослѣдствіи за нее губернаторомъ, но въ то же время нельзя не признать, что при наличности и такихъ обстоятельствъ прямо-таки необходимы и выставленіе кандидатуръ и програмныя рѣчи кандидатовъ. Благодаря отсутствію такого рода условій сплошь и рядомъ случается то, что избирательное собраніе совершенно не знаетъ, какъ будетъ себя держать въ земскомъ собраніи человѣкъ, котораго выбираютъ избиратели; кандидатуру свою онъ выставляетъ самъ, ибо обыкновенно проектируется такой порядокъ, что предсѣдатель собранія вызываетъ присутствующихъ и спрашиваетъ желаютъ ли они баллотироваться; вызываемый заявляетъ о своемъ согласіи и попадаетъ въ гласные; програмной рѣчи избираемый не произноситъ и избиратели кладутъ ему направо исключительно только потому, что онъ просто симпатичный человѣкъ или родственникъ какого-нибудь знакомаго. Что онъ будетъ говорить на собраніи, къ какой партіи примкнетъ, наконецъ, даже сочтетъ ли онъ необходимымъ явиться на собраніе, этого никто не знаетъ.

Повторяемъ и при нашей убогой избирательной системѣ необходимы выставленія кандидатуръ и програмныя рѣчи кандидатовъ.

Но возвратимся къ разсмотрѣнію главныхъ основаній избирательной системы 1890 года: сословной группировки и высокаго избирательнаго ценза.

Сословная группировка избирателей основывается авторами новаго положенія на выводахъ государственной теоріи самоуправленія, на признаніи органовъ земскаго самоуправленія органами управленія государственнаго; авторы положенія доказывали, что для пользы государственнаго дѣла его надо поручить представителямъ сословій, а не представителямъ безсословнаго мѣстнаго общества [1]), но съ такимъ же успѣхомъ сословное представительство можно бы было построить и на выводахъ общественной теоріи самоуправленія, для этого только нужно было признать мѣстное общество сословнымъ, а не безсословнымъ.

Профессоръ Коркуновъ уже съ совершенною убѣдительностью доказалъ, что сословность не есть „необходимая принадлежность каждаго органа государственнаго управленія" и что „сословный строй отнюдь не можетъ быть признанъ прямымъ и послѣдовательнымъ выраженіемъ сословнаго начала" [2]). Намъ хотѣлось бы разсмотрѣть здѣсь другой вопросъ, а именно вопросъ о томъ, обезпечиваетъ-ли передача дѣла мѣстнаго управленія въ руки сословій правильное веденіе дѣла мѣстнаго государственнаго управленія, цѣлесообразно-ли поступилъ законодательный огранъ государства, ввѣривъ заботу о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ сословіямъ и даже главнымъ образомъ дворянству?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ долженъ несомнѣнно послѣдовать отрицательный. Выше мы уже говорили о томъ, что доминирующіе въ земскихъ учрежденіяхъ дворяне, не будучи представителями всего населенія, не могутъ раціонально удовлетворить „мѣстныя пользы и нужды", остановились также на абсентеизмѣ дворянъ на избирательныхъ собраніяхъ; здѣсь осталось только остановиться на послѣднемъ вопросѣ, вопросѣ о томъ, какъ крестьянское большинство населенія от-

---

[1]) Коркуновъ. Русское государственное право, т. II, стр. 407.
[2]) Тамъ же, стр. 407—408.

носится къ земству. Мы останавливаемся на этомъ вопросѣ потому, что онъ, какъ намъ кажется, является самымъ лучшимъ показателемъ того, насколько, дѣйствительно, сословно дворянское земство удовлетворяетъ „мѣстныя пользы и нужды“.

Нельзя сказать, чтобы отношеніе къ земству было враждебное, время крестьянскаго взгляда на земство какъ на *лишнее* начальство, взимающее лишнія подати, постепенно, въ особенности въ наиболѣе культурныхъ мѣстностяхъ, отходитъ въ область преданій, но остается взглядъ на земское собраніе, какъ на собраніе господъ, въ которомъ мужицкіе интересы остаются непредставленными. Крестьянинъ и теперь смотритъ на земскія учрежденія какъ на начальство, правда, не *лишнее* и въ большинствѣ случаевъ благопріятное, но, подавая всякаго рода прошенія въ земскія собранія, крестьяне не могутъ найти поддержки въ самой средѣ собранія, потому что своихъ quasi—представителей—гласныхъ отъ сельскихъ обществъ, назначаемыхъ губернаторомъ, крестьяне не могутъ считать выразителями своихъ интересовъ.

И вотъ лишенное права участвовать въ земскихъ собраніяхъ черезъ своихъ представителей крестьянство должно заявлять о своихъ „пользахъ и нуждахъ“ не чрезъ свободно выбранныхъ ими гласныхъ въ самомъ земскомъ собраніи, а подавать всякаго рода прошенія въ уѣздную земскую управу для передачи ихъ на разсмотрѣніе собранія „господъ“. Это-ли раціональное удовлетвореніе „мѣстныхъ пользъ и нуждъ“? Представляемъ судить читателямъ.

Но если сословная группировка избирателей не даетъ основаній быть увѣреннымъ въ томъ, что „мѣстныя пользы и нужды“ будутъ удовлетворены, то и старая трехклассная система выборовъ отнюдь не является какимъ-то совершенствомъ. Правда, по положенію 1864 года, интересы всего населенія, и въ частности крестьянства были представлены полнѣе и совершеннѣе въ собраніи, нежели по теперешнему положенію, однако же и до 1890 года преобладающимъ элементомъ являлся имущій классъ крупныхъ землевладѣльцевъ, который въ меньшей степени, чѣмъ дворянство, но все же является оторваннымъ отъ крестьянскаго большинства, и

его интересы даже до нѣкоторой степени противорѣчатъ интересамъ крестьянства. Въ особенности ярко выражается эта противоположность интересовъ въ сферѣ отношеній экономическихъ. Такимъ образомъ, и трехклассная безсословная система выборовъ по положенію 1864 года не можетъ обезпечить вполнѣ раціональнаго удовлетворенія „мѣстныхъ пользъ и нуждъ".

Вторымъ основнымъ началомъ обоихъ земскихъ положеній является идея высокаго имущественнаго ценза. Только сравнительно богатый человѣкъ имѣетъ право участвовать въ избирательномъ собраніи, и подавляющее большинство земскаго собранія тоже состоитъ если не изъ богатыхъ, то изъ обезпеченныхъ людей. Но, какъ извѣстно, „сытый голоднаго не понимаетъ" и „мѣстныя пользы и нужды" голоднаго и полуголоднаго крестьянства едва-ли доступны пониманію имущаго большинства собранія.

Въ сословной группировкѣ избирателей ясно выражено стремленіе законодателя охранить интересы дворянства, въ проведеніи въ законодательство идеи высокаго имущественнаго ценза ясно выражена уже охрана интересовъ классовыхъ— интересовъ крупныхъ собственниковъ. Такое очевидное законодательное освѣщеніе преимуществъ богатства надъ бѣдностью, выражающихся такъ ярко въ сферѣ экономическихъ отношеній и въ сферѣ отношеній соціально-правовыхъ, едва-ли заслуживаетъ сочувствія. Такое противоположеніе интересовъ двухъ общественныхъ классовъ способствуетъ дальнѣйшему культивированію, уже и безъ того сильно ощущающейся въ деревнѣ въ сферѣ экономическихъ отношеній, соціальной розни между имущими и неимущими классами населенія.

Подобное обостреніе отношеній между двумя соціальными группами не оправдывается и тѣмъ соображеніемъ, что при системѣ представительства на основѣ высокаго имущественнаго ценза будутъ раціональнѣе удовлетворены „мѣстныя пользы и нужды". Это соображеніе въ корнѣ своемъ неправильно, потому что ничтожное меньшинство имущихъ не можетъ быть компетентно въ удовлетвореніи нуждъ огромной массы неимущаго населенія.

Итакъ, основные принципы теперешняго земскаго представительства: сословное начало и высокій имущественный цензъ не гарантируютъ правильнаго веденія дѣла мѣстнаго управленія и раціональнаго удовлетворенія „мѣстныхъ пользъ и нуждъ“.

П. Гронскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА Ж. Ж. РУССО

въ ея отношенiи къ ученiю Монтескье о равновѣсiи властей и въ освѣщенiи одного изъ ея новѣйшимъ истолкователей.

Вступленiе.

Теорiи Руссо и Монтескье провели глубокую борозду на пути развитiя современнаго государства и всякiй, задумывающiйся надъ этимъ развитiемъ, невольно обращаетъ свою испытующую мысль на доктрины, созданныя авторомъ „Общественнаго Договора“ и творцомъ „Духа законовъ“.

Ученья Руссо и Монтескье имѣли самое рѣшительное влiянiе на политическiй символъ вѣры передовыхъ людей той эпохи, которая ознаменована крутымъ переворотомъ въ общественномъ и политическомъ строѣ западнаго государства, и выставленные имъ принципы являются тѣми началами, которыя проводятъ наиболѣе рѣзкую грань между государствомъ стараго порядка и современнымъ правовымъ государствомъ. Никто ярче Руссо не опредѣлилъ природу государства, какъ союза, основаннаго на началѣ равенства, другими словами, какъ союза общественнаго, а не личнаго господства, никто рѣшительнѣе его не выставилъ требованiя, по которому въ государствѣ должна господствовать не личная воля правителя или правителей, а законъ, какъ выраженiе общей воли, никто рѣзче его не провелъ различiя между закономъ и административнымъ распоряженiемъ, на которомъ покоится отноше-

ніе органовъ верховнаго управленія къ органамъ подчиненнаго управленія. Въ свою очередь Монтескье своимъ своеобразнымъ истолкованіемъ англійской конституціи болѣе другихъ политическихъ писателей содѣйствовалъ торжеству доктрины, требующей, чтобы въ современномъ государствѣ разнородныя функціи верховной власти распредѣлялись и между разнородными органами, изъ которыхъ ни одинъ не обладалъ бы всею полнотою верховной власти, и сфера дѣятельности каждаго изъ которыхъ находила бы свои предѣлы въ границахъ компетенціи остальныхъ органовъ.

Эти принципы не являются, конечно, исключительно плодомъ творческой дѣятельности Руссо и Монтескье: они были подготовлены всѣмъ предшествующимъ развитіемъ политической мысли, но никто до появленія „Духа законовъ" и „Общественнаго Договора" не высказывалъ ихъ съ такою рѣзкостью, яркостью и силой, какъ это сдѣлали именно Руссо и Монтескье и никто не вылилъ ихъ въ такія цѣльныя и законченныя доктрины.

Неудивительно поэтому, что эти два корифея политической мысли XVIII ст. не перестаютъ находить себѣ все новыхъ истолкователей и что литература о нихъ съ каждымъ новымъ поколѣніемъ обогощается все новыми произведеніями, расширяющими кругъ свѣдѣній объ ихъ жизни и дѣятельности и углубляющими смыслъ и значеніе ихъ доктринъ. Всякій, касающійся въ своихъ трудахъ исторіи политической мысли новаго времени или толкующій объ основныхъ вопросахъ государственнаго права, невольно встрѣчается съ принципами, установленными въ „Духѣ Законовъ" и въ „Общественномъ Договорѣ" и нѣтъ въ современной литературѣ сочиненія по общему государственному праву, въ которой доктрины Руссо и Монтескье не были бы освѣщены съ той или другой стороны. Рядомъ съ общими сочиненіями по государственному праву, отводящими широкое мѣсто доктринѣ народнаго суверенитета и ученію о раздѣленіи властей, мы можемъ указать и на цѣлый рядъ спеціальныхъ монографій, появившихся за послѣднее время и посвященныхъ Монтескье и Руссо. Работа Дюгюи: „Ученіе о раздѣленіи власти Мон-

тескье" обратила на себя всеобщее вниманіе и послужила поводомъ къ оживленному обмѣну мыслей о значеніи теоріи равновѣсія властей. Но особенно посчастливилось за послѣднее время Руссо, доктрина котораго въ теченіе послѣднихъ тринадцати лѣтъ вызвала цѣлую многотомную литературу.

Въ 1887 году мы издали два тома, посвященные Руссо. Въ первомъ томѣ мы изучаемъ жизнь и дѣятельность Руссо во время его пребыванія въ Парижѣ отъ 1748—1762 г., во второмъ мы, на основаніи новыхъ рукописныхъ данныхъ, собранныхъ нами въ библіотекахъ Женевы и Невшателя, излагаемъ внѣшнюю исторію „Общественнаго Договора" и изслѣдуемъ связь политической доктрины Руссо съ государственнымъ бытомъ Женевы. Къ этому тому мы приложили, кромѣ другихъ документовъ, и первоначальный текстъ „Общественнаго Договора". Это изданіе дало толчокъ новымъ работамъ о Руссо: Появился рядъ изслѣдованій, которыя, воспользовавшись собраннымъ нами матеріаломъ, частью подтвердили наши выводы, частью внесли въ нихъ дополненія и коррективы.

Этой литературой и воспользовался г. Ковалевскій для той части своего обширнаго труда „Происхожденіе современной Демократіи", въ которой онъ говоритъ о родоначальникахъ „теоріи демократической монархіи". Въ этомъ отдѣлѣ своего изслѣдованія онъ подробно изучаетъ доктрины Монтескье и Руссо въ ихъ происхожденіи, въ ихъ отношеніи другъ къ другу и въ ихъ вліяніи на доктрину французской революціи. Освѣщая всесторонне эти двѣ политическія теоріи, г. Ковалевскій высказываетъ цѣлый рядъ своеобразныхъ взглядовъ, важнѣйшіе изъ которыхъ мы и хотимъ провѣрить на послѣдующихъ страницахъ.

Центральнымъ тезисомъ г. Ковалевскаго является положеніе, что между ученьемъ Россо о народномъ суверенитетѣ и доктриной Монтексье о равновѣсіи властей не существуетъ принципіальнаго различія и что эти два писателя сходятся въ своихъ воззрѣніяхъ на отношенія законодательной власти къ власти правительственной.

Мы вмѣстѣ съ другими новѣйшими истолкователями и

критиками этихъ двухъ ученій держимся иного воззрѣнія. Для того, чтобы обосновать его и имѣть твердую точку опоры для критическаго отношенія къ выставляемому г. Ковалевскимъ положенію, мы хотимъ прежде всего дать читателю систематическое изложеніе какъ ученья Руссо, такъ и доктрины Монтескье; при этомъ мы особенно подробно остановимся на исходныхъ тезисахъ этихъ двухъ мыслителей, характеризующихъ ихъ воззрѣнія на ту политическую свободу, которую должно гарантировать государство, и затѣмъ изложимъ во всѣхъ существенныхъ деталяхъ ихъ воззрѣнія на природу государственной власти и отношеніе законодательной власти къ власти правительственной, т. е. на тотъ вопросъ, по которому, на нашъ взглядъ, вопреки мнѣнію г. Ковалевскаго, всего рѣзче расходятся Руссо и Монтескье и который вмѣстѣ съ тѣмъ является кореннымъ вопросомъ современнаго конституціоннаго права.

Отдѣлъ первый.

Ученья Руссо и Монтескье о государственной власти.

I. Политическое ученіе Руссо.

1. Исходные тезисы политическаго ученія Руссо.

а) *Преимущества естественнаго состоянія и невыгоды общественнаго состоянія.*

Естественное состояніе, по воззрѣнію Руссо, относится къ той эпохѣ въ жизни человѣчества, когда люди жили разрозненно и изолированно другъ отъ друга и не знали никакихъ связей, ни семейныхъ, ни общественныхъ. Въ этомъ первобытномъ состояніи ничто не нарушало того равновѣсія физическихъ и нравственныхъ силъ, которыми природа надѣлила человѣка. Между потребностями человѣка и его силами существовало полное соотвѣтствіе и онъ могъ удовлетворять своимъ нуждамъ, не прибѣгая къ чужой помощи. И въ этой свободѣ и въ этой независимости отъ другихъ ле-

жала причина физическаго и нравственнаго здоровья человѣка. „Пока люди", говоритъ Руссо, „занимались работой, которая была подъ силу одному человѣку и такими искусствами, для которыхъ не требуется содѣйствія нѣсколькихъ лицъ, до тѣхъ поръ они жили здоровыми, бодрыми и счастливыми, насколько допускаетъ это ихъ природа и наслаждались выгодами взаимной независимости. Но съ тѣхъ поръ, какъ одинъ человѣкъ сталъ нуждаться въ другомъ и люди замѣтили, что полезно одному имѣть запасъ для двоихъ, съ тѣхъ поръ исчезло безвозвратно равенство, возникла собственность, трудъ сталъ необходимостью и необъятные лѣса превратились въ улыбающіяся пашни, которыя нужно было орошать человѣческимъ потомъ и на которыхъ вмѣстѣ съ жатвой выростали рабство и нищета. Роковое зло, погубившее человѣка, это зависимость человѣка отъ человѣка". Эта зависимость усиливающаяся по мѣрѣ того, какъ возрастаетъ неравенство между людьми, является источникомъ всѣхъ человѣческихъ пороковъ и всѣхъ тѣхъ общественныхъ бѣдствій и неурядицъ, подъ гнетомъ которыхъ изнываетъ современный человѣкъ.

b) *Невыгоды естественнаго состоянія и преимущества общественнаго состоянія.*

Слѣдуетъ ли однако изъ этого, что люди должны вернуться къ естественному состоянію и вмѣстѣ со свободою возвратить себѣ утраченную невинность первобытнаго человѣка?

На этотъ вопросъ Руссо отвѣчаетъ отрицательно и этотъ отрицательный отвѣтъ онъ всего опредѣленнѣе формулируетъ во второй главѣ первой книги первоначальнаго текста „Общественнаго Договора". „Полная независимость", говоритъ тутъ Руссо, „и несдержанная никакими правилами свобода, если бы онѣ и остались соединенными съ первобытной невинностью, страдали бы существеннымъ недостаткомъ, который служилъ бы препятствіемъ развитію наиболѣе дорогихъ человѣку способностей: отсутствіемъ той связи между частями, которая объединяетъ ихъ въ одно цѣлое. Земля была бы покрыта людьми, между которыми не существовало бы никакихъ сношеній; мы

соприкасались бы между собою случайно, не будучи связаны ни въ какомъ отношеніи; каждый оставался бы изолированнымъ среди другихъ и заботился бы только о самомъ себѣ; наше мышленіе не могло бы развиваться; мы умирали бы не сознавъ жизни; все несчастіе наше заключалось бы только въ томъ, что мы не уразумѣвали бы нашего убожества; чувство добра было бы невѣдомо нашему сердцу; поступки наши были бы лишены всякой нравственной цѣны и мы не испытали бы никогда самаго сладкаго изъ чувствъ—любви къ истинѣ". Только въ обществѣ себѣ подобныхъ развивается мысль человѣка и только въ обществѣ человѣкъ возвышается до сознанія своихъ обязанностей къ Богу и къ ближнему, только въ обществѣ онъ вооружается тѣмъ мѣриломъ, который научаетъ его отличать добро отъ зла.

c) Государственное состояніе, соединяющее выгоды естественнаго состоянія съ преимуществами общественнаго состоянія.

Но если только въ обществѣ человѣкъ дѣлается способнымъ къ нравственному усовершенствованію, то въ обществѣ же онъ, какъ мы знаемъ, заразился всѣми тѣми порочными наклонностями, которыя исказили чистый образъ человѣка, какимъ онъ вышелъ изъ рукъ природы.

Если бы эти наклонности были неотразимыми спутниками жизни, то человѣку ничего другого бы не оставалось, какъ добродѣтель отдѣльнаго человѣка покупать цѣною нравственной испорченности всего общества. Но исторія неравенства между людьми показываетъ, что эти порочныя наклонности вовсе не коренятся въ самой природѣ человѣка, а являются лишь послѣдствіями ненормальныхъ общественныхъ условій, не природою уготовленныхъ, а искусственно созданныхъ людьми. „Гоббсъ не заблуждался", говоритъ Руссо, „утверждая, что между людьми независимыми, вступившими въ общеніе другъ съ другомъ, господствовала война всѣхъ противъ всѣхъ, ошибка его заключалась лишь въ томъ, что онъ эту войну всѣхъ противъ всѣхъ признавалъ присущей человѣческой природѣ и что онъ видѣлъ въ ней причину чело-

вѣческихъ пороковъ, между тѣмъ, какъ она является лишь ихъ послѣдствіемъ" [1]). Подводя въ предисловіи къ комедіи Нарциссъ итогъ своимъ нападкамъ на современный общественный строй, Руссо говоритъ: „Я знаю, что все это не разъ было сказано философами, но все это они только возглашали, я же это доказываю; они только указывали на зло, я же обнаружилъ его причины и раскрылъ очень утѣшительную и полезную истину, а именно, что *всѣ эти пороки не присущи человѣку какъ таковому, а человѣку извращенному дурнымъ правительствомъ*". „Прежде чѣмъ были придуманы эти страшныя слова, научившія людей отличать мое отъ твоего", говоритъ Руссо въ другомъ мѣстѣ, „прежде чѣмъ существовала та порода грубыхъ и жестокихъ людей, которыхъ называютъ господами, и та, другая порода подлыхъ трусовъ и лжецовъ, которыхъ называютъ рабами, прежде чѣмъ народились тѣ презрѣнные люди, у которыхъ хватаетъ духу жить въ изобиліи благъ земныхъ, между тѣмъ, какъ другіе умираютъ съ голоду, прежде чѣмъ взаимная зависимость сдѣлала ихъ плутами, завистниками и измѣнниками, прежде чѣмъ накопилось все это зло, я желалъ бы знать, въ чемъ могли заключаться тѣ пороки, тѣ преступленія, которыя съ такимъ паѳосомъ приписываютъ людямъ" [2]).

Если, съ одной стороны, человѣкъ не можетъ, да и не долженъ вернуться къ естественному состоянію, которое исключаетъ для него возможность нравственнаго усовершенствованія и если, съ другой стороны, онъ хочетъ избѣгнуть той зависимости, которая въ общественномъ состояніи является причиною порочныхъ наклонностей и соціальныхъ бѣдствій, то ему ничего другого не остается, какъ создать искусственный союзъ, государство, которое соединило бы преимущества естественнаго состоянія съ выгодами общественнаго состоянія, другими словами союзъ, въ которомъ, съ одной стороны, люди были бы свободны и равны,

---

[1]) Первоначальный текстъ „Общественнаго Договора" въ приложеніи ко II т. нашихъ „Этюдовъ о Руссо", стр. XIII.

[2]) Dernière Réponse à M. Bordes.

какъ въ естественномъ состоянiи (т. е. подчинялись бы не людямъ, а законамъ), а съ другой стороны подчиненiе не было бы слѣпымъ подчиненiемъ, какъ въ естественномъ состоянiи, а явилось бы, какъ въ общественномъ состоянiи, повиновенiемъ мыслящаго человѣка, уразумѣвшаго свое отношенiе къ цѣлому и сознательно подчиняющаго свою частную волю волѣ общей. „Существуетъ", говоритъ Руссо, „два рода зависимости: зависимость отъ природы (celle des choses, qui est de la nature) и зависимость отъ людей (celle des hommes, qui est de la société). Зависимость отъ природы не нарушаетъ свободы и не порождаетъ пороковъ; зависимость же отъ людей, будучи безпорядочной, порождаетъ ихъ всѣ и ею взаимно извращаются рабъ и господинъ. Если существуетъ средство избѣгнуть этого зла въ обществѣ, то оно можетъ заключаться только въ томъ, чтобы *замѣнить зависимость человѣка отъ человѣка зависимостью человѣка отъ закона* и вооружить общiя воли силой, превосходящей противодѣйствiе всякой частной воли. Если бы законы народовъ могли, подобно законамъ природы, обладать такой незыблемостью, что ни одна человѣческая сила не могла бы сокрушить ихъ, то зависимость отъ людей стала бы зависимостью отъ природы, выгоды гражданскаго состоянiя въ государствѣ присоединились бы къ преимуществамъ естественнаго состоянiя, и къ свободѣ, которая дѣлаетъ человѣка недоступнымъ порокамъ, присоединилась бы нравственность, которая возвышаетъ человѣка до добродѣтели" [1]).

Задача наилучшаго государственнаго устройства сводится, такимъ образомъ, къ тому, чтобы создать такой общественный союзъ, въ которомъ люди подчинялись бы не людямъ, а законамъ, и въ которыхъ эти законы, какъ предписанiя общей воли, обладали бы по отношенiю къ частнымъ волямъ всею незыблемостью и несокрушимостью законовъ природы.

Основанiемъ такого государства, въ которомъ человѣкъ остается независимымъ отъ человѣка и подчиняется только закону общей воли, можетъ быть лишь свободное соглашенiе

[1]) Emile Livre II.

всѣхъ со всѣми, другими словами общественный договоръ, въ силу котораго всякій, входящій добровольно въ союзъ, отказывается отъ всѣхъ своихъ правъ въ пользу цѣлаго, и взамѣнъ этого отказа пріобрѣтаетъ, какъ членъ этого цѣлаго, равноправный со всѣми остальными,—власть надъ каждымъ и защиту и охрану всего того, что ему принадлежитъ. Всѣ въ этомъ союзѣ въ одинаковой степени подчинены, ибо всѣ повинуются общей волѣ, и всѣ въ одинаковой степени властвуютъ, ибо всѣ въ равной степени принимаютъ участіе въ образованіи этой общей воли.

2. Ученье Руссо о верховной власти.

а) Опредѣленіе верховной власти.

Если въ государствѣ должны господствовать не люди, а законы, а законы не могутъ быть ничѣмъ инымъ, какъ предписаніемъ общей воли, то эта общая воля и есть господствующая въ государствѣ воля; она и есть другими словами верховная власть—суверенитетъ.

„Какъ природа“, говоритъ Руссо, „даетъ каждому человѣку абсолютную власть надъ своими членами, такъ и общественный договоръ даетъ политическому тѣлу абсолютную власть надъ своими членами, и *эту абсолютную власть политическаго тѣла, направляемую общей волей, я и называю суверенитетомъ*“ [1]). Верховная власть по Руссо есть, такимъ образомъ, сила государства, какъ цѣлаго, направляемая общей волей. Общая воля безъ этой силы не есть государственная власть, точно также какъ и эта сила, не направляемая общей волей, не есть государственная власть. Сила не отдѣлима отъ воли, и ошибаются тѣ политики, которые раздѣляютъ суверенитетъ на силу и на волю, на законодательную власть и власть исполнительную. Заблужденіе этихъ писателей заключается въ томъ, что они принимаютъ за части су-

---

[1]) Contrat Social, L. II, Ch. 4.

веренитета то, что является лишь его проявленіями [1]). Какъ дѣйствія человѣка суть проявленія его, какъ единаго существа, хотя и имѣютъ различныя причины, такъ и акты государства суть проявленія политическаго цѣлаго, какъ единства, хотя и приводятся въ движеніе различными факторами. „Всякій свободный актъ“, говоритъ Руссо, „имѣетъ двѣ производящія его причины, одну—нравственную, а именно—волю, которая опредѣляетъ актъ, другую—физическую, а именно силу, которая приводитъ его въ исполненіе. Паралитикъ, который хотѣлъ бы пуститься въ бѣгъ и ловкій человѣкъ, который не захотѣлъ бы этого, оба они не сдвинутся съ мѣста. Политическое тѣло имѣетъ такіе же двигатели: мы различаемъ въ немъ силу и волю, послѣднюю называемъ законодательной властью, первую исполнительной. Безъ ихъ совмѣстнаго дѣйствія въ государствѣ ничего не творится или ничего не должно твориться“. Верховная власть, какъ сила государства, направляемая общей волею, едина и нераздѣльна, но проявленія ея различны, и тѣ акты этой власти, которыми государство выражаетъ свою волю, являются актами законодательной власти и называются законами, а тѣ акты, которыми эта власть настаиваетъ на исполненіи этихъ законовъ и примѣняетъ ихъ къ жизни, являются актами правительственной власти и называются административными распоряженіями.

Различіе между закономъ и административнымъ распоряженіемъ имѣетъ въ ученіи Руссо важное значеніе, и мы должны на немъ остановиться подробнѣе.

b) *Различные акты верховной власти, законы и административныя распоряженія.*

Законы, по опредѣленію Руссо, суть предписанія общей воли о предметахъ общаго интереса, административныя же распоряженія ни что иное, какъ примѣненія этихъ предписа-

[1]) Contrat Social, L. II, Ch. 2.

ній къ отдѣльнымъ лицамъ и къ конкретнымъ случаямъ. „Акты суверена“, говоритъ Руссо, „могутъ быть только актами общей воли, законами; далѣе должны быть акты опредѣляющіе, акты силы или правительства для исполненія этихъ законовъ и эти акты, наоборотъ, могутъ касаться только индивидуальныхъ предметовъ (ne peuvent avoir que des objets particuliers)“ [1]). Такъ, напримѣръ, актъ, въ силу котораго суверенъ постановляетъ, что будетъ избранъ глава правительства (un chef)—есть законъ, актъ же, въ силу котораго этотъ глава правительства избирается во исполненіе закона, есть только актъ правительства. Руссо, объясняя въ „Общественномъ Договорѣ“ актъ, въ силу котораго учреждается правительство, говоритъ, что это „сложный актъ, слагающійся изъ двухъ другихъ, а именно изъ закона и изъ его исполненія. Первымъ суверенъ постановляетъ, что будетъ правительство (un corps de gouvernement), устроенное въ такой то и такой то формѣ (établi sous telle ou telle forme) и ясно, что этотъ актъ—законъ. Вторымъ народъ назначаетъ вождей, которымъ поручаетъ учрежденное правительство (les chefs, qui seront chargés du gouvernement). Это назначеніе, будучи частнымъ актомъ, не есть второй законъ, а только послѣдствіе перваго и функція правительства [2]). Предписанія суверена объ индивидуальномъ предметѣ, говоритъ Руссо въ другомъ мѣстѣ, не законъ, а декретъ, не актъ суверенитета, а актъ правительства (Ce qu'ordonne même le souverain sur un objet particulier n'est pas non plus une loi, mais un décret, ni un acte de souverain, mais de magistrature). Когда аѳинскій народъ, напримѣръ, назначалъ или отставлялъ своихъ правителей, награждалъ почестями однихъ, налагалъ наказанія на другихъ и множествомъ частныхъ декретовъ отправлялъ безразлично всѣ функціи правительства (exerçait indistinctement tous les actes du gouvernement), тогда народъ, строго говоря, не выражалъ общей воли: онъ дѣйствовалъ не какъ суверенъ, а какъ правитель. Различіе между закономъ и административнымъ распоряженіемъ (декретомъ) опредѣляется,

[1]) Emile, L. 5.

[2]) C. Contrat Social. L. II, Ch. 6.

такимъ образомъ, по Руссо, не тѣмъ, отъ кого они исходятъ, а тѣмъ, что они содержатъ; разъ государственный актъ касается не предмета общаго интереса, а имѣетъ въ виду извѣстный фактъ, конкретный случай, отдѣльныхъ лицъ, то это будетъ не законъ, а правительственное распоряженіе, безразлично, отъ кого бы онъ ни исходилъ, отъ суверена ли—законодателя или отъ правительства. Актъ, которымъ избираются правители, акты, въ силу которыхъ даруется помилованіе преступникамъ и т. п., могутъ исходить только отъ суверена; но исходя отъ суверена законодателя, они этимъ не становятся законами, а, касаясь извѣстныхъ лицъ, являются ни чѣмъ инымъ, какъ декретами.

Но если правительственныя распоряженія не всегда исходятъ отъ правительства, а могутъ исходить и отъ суверена-законодателя, то законы никогда не могутъ исходить отъ правительства, а всегда должны быть непосредственными предписаніями народа—суверена.

Этотъ основной тезисъ Руссо получитъ свое обоснованіе въ слѣдующемъ отдѣлѣ.

c) *Законодательная власть.*

Законъ можетъ быть только предписаніемъ общей воли о предметахъ общаго интереса, т. е. исходить отъ народа, какъ цѣлаго, и касаться народа, какъ цѣлаго. Въ этомъ и заключается гарантія его справедливости и безпристрастія, а, слѣдовательно, и его прочности и устойчивости.

„Только общая воля“, говоритъ Руссо, „можетъ направлять силы государства согласно той цѣли, ради которой учреждено государство, т. е. согласно общему благу, ибо если противоположность интересовъ сдѣлала необходимымъ учрежденіе общественныхъ союзовъ, то только общность интересовъ сдѣлала это учрежденіе возможнымъ. То, что есть общаго въ различныхъ интересахъ людей, только оно и образуетъ начало, связывающее людей въ общество, и если бы не было этой общности, не существовало бы и самаго общества. И этотъ общій интересъ и долженъ быть исключи-

тельнымъ началомъ, согласно которому общество должно быть управляемо. Вотъ почему не частная, а только общая воля можетъ служить источникомъ закона; первая естественно стремится къ частному интересу, между тѣмъ какъ вторая, по самой природѣ своей, можетъ хотѣть только общій интересъ (car la volonté particulière tend, par sa nature, aux préférences, et la volonté générale à l'egalité)[1]. Законъ, исходя отъ всѣхъ и касаясь всѣхъ, не можетъ нарушать интересовъ того или другого члена, ибо онъ этихъ индивидуальныхъ интересовъ не касается, а опредѣляетъ только такіе интересы, которые общи всѣмъ; а эти общіе интересы не могутъ быть нарушены общей волей: цѣлое, судя объ интересахъ цѣлаго, не можетъ, очевидно, нарушать ихъ, ибо значило бы нарушать свои собственные интересы, т. е. творить зло самому себѣ[2].

Если законъ для того, чтобы быть справедливымъ, можетъ быть только предписаніемъ общей воли о предметахъ общей воли, то онъ можетъ исходить только отъ народа въ цѣломъ, другими словами, законодательная власть можетъ принадлежать никому иному, какъ народу. Народъ никогда и ни подъ какимъ предлогомъ никому передать ее не можетъ, ибо власть не въ рукахъ цѣлаго перестаетъ быть общей волей, а дѣлается волей частной. „Законъ", говоритъ, Руссо „который не утвержденъ самимъ народомъ, ничтоженъ, это не законъ". Англійскій народъ думаетъ, что онъ свободенъ: онъ очень ошибается, онъ свободенъ только въ теченіи того времени, когда избираетъ депутатовъ въ парламентъ; какъ только они избраны, онъ становится рабомъ, онъ обращается въ ничто[3].

d) *Правительственная власть.*

Изданіемъ законовъ, которые включаютъ въ себѣ лишь общія отвлеченныя правила и которыя касаются лишь предметовъ общаго интереса, не можетъ, очевидно, исчерпываться

[1] C. S. L. II, Ch. 1.
[2]) Emile, L. V.
[3]) C. S. L. III, Ch. XV.

дѣятельность верховной власти. Законы должны быть примѣняемы къ индивидуальнымъ отношеніямъ, къ отдѣльнымъ случаямъ, къ отдѣльнымъ людямъ, къ конкретнымъ фактамъ. Отсюда возникаетъ потребность въ особомъ органѣ, который примѣнялъ бы общія правила, заключающіяся въ законѣ, къ отдѣльнымъ случаямъ, который, другими словами, издавалъ бы административныя распоряженія—декреты. Этотъ подзаконный, подчиненный суверену органъ, призванный примѣнять общую волю (законъ) къ отдѣльнымъ случаямъ и отношеніямъ и есть—правительство.

„Что такое правительство? Это, отвѣчаетъ Руссо, посредствующій органъ (corps intermédiaire), установленный между сувереномъ и подданными для ихъ взаимныхъ отношеній, органъ, на котораго возлагается исполненіе законовъ и поддержаніе гражданской и политической свободы“ [1]). Это учрежденіе, чтобы мочь отправлять возложенныя на него функціи, должно имѣть свою организацію, которая связывала бы его члены въ одно цѣлое, сознающее свое особое существованіе и способное дѣйствовать, какъ одно политическое тѣло. Эта организація предполагаетъ существованіе собраній, совѣтовъ, надѣленныхъ правомъ обсужденія и рѣшенія и извѣстными почестями и отличіями [2]). Эта организація дается правительству законами, которые, какъ всякіе законы, исходятъ отъ народа суверена. Но этотъ народъ суверенъ, не только законами устанавливаетъ форму правительства, но и административными распоряженіями опредѣляетъ и личный составъ правительства [3]).

Различіемъ той организаціи, которую народъ суверенъ даетъ правительству, обусловливается различіе между образами правленія. Суверенъ можетъ, во первыхъ, поручить правительство всему народу, или большинству, такъ что лицъ, отправляющихъ правительственныя должности, больше, чѣмъ простыхъ гражданъ. Эта форма правительства называется

---

[1]) C. S., L. III, Ch. 1.
[2]) Тамъ-же.
[3]) C. S., L. III, Ch. 17.

демократіей. Или же онъ можетъ передать правительство въ руки немногихъ, такъ что простыхъ гражданъ больше, чѣмъ должностныхъ лицъ; и эта форма носитъ названіе аристократіи. Наконецъ, онъ можетъ сосредоточить правительство въ рукахъ одного должностного лица, отъ котораго всѣ остальные заимствуютъ свою власть. Эта третья форма самая обыденная (la plus commune) она называется монархіей или королевскимъ правительствомъ [1]).

Но какую бы форму народъ суверенъ не давалъ правительству, природа его отъ этого не мѣняется: оно не перестаетъ быть подчиненнымъ, подзаконнымъ учрежденіемъ, призваннымъ исполнять законъ и только законъ, другими словами, волю народа-суверена.

e) Подчиненіе власти законодательной, какъ верховной.

Народъ суверенъ, учреждая правительство поручаетъ ему извѣстныя подчиненныя функціи, но никоимъ образомъ не отчуждаетъ ему части своего суверенитета: суверенитетъ единъ и нераздѣленъ, и нельзя его расчленять, не разрушая его. (L'autorité souveraine est simple et une et l'on ne peut la diviser sans a détruire [2]).

Самое существенное различіе между супереномъ законодателемъ и правителемъ заключается, поэтому, въ томъ, что суверенъ существуетъ самъ по себѣ (въ силу самостоятельнаго права, въ силу самого общественнаго договора), а правитель лишь въ силу соизволенія суверена: онъ имѣетъ лишь подчиненное и заимствованное бытіе (une vie empruntée et subordonnée); правитель не имѣетъ или не долженъ имѣть своей воли, онъ долженъ хотѣть только общую волю, законъ; онъ не имѣетъ и своей власти: его сила есть лишь сила общественная, въ немъ сосредоточенная [3]). „Если бы случилось" говоритъ Руссо, „что правитель имѣлъ бы частную волю, болѣе дѣятельную, чѣмъ воля суверена и если бы для того,

[1]) C. S., l. III, Ch. 3.
[2]) C. S., l. III, Ch. 3.
[3]) C. S., l. III, Ch. 1.

чтобы заставить повиноваться этой своей частной волѣ, онъ воспользовался бы общественной силой, находящейся въ его рукахъ, такъ что существовало бы два суверена—одинъ по праву, другой, фактически, то общественная связь немедленно исчезла бы и политическое тѣло распалось бы [1])". Подводя итогъ своимъ разсужденіямъ объ учрежденіи и природѣ правительства, Руссо выставляетъ слѣдующій рядъ тезисовъ, рѣзко поддерживающихъ его взглядъ на подчиненность правительственной власти, власти законодателя. „Учрежденіе правительства не договоръ, а законъ; носители (dépositaires) исполнительной власти не господа, властвующіе надъ народомъ (les maîtres du peuple), а ничто иное, какъ его слуги; онъ можетъ ихъ назначать и отставлять, когда ему заблагоразсудится; ихъ дѣло не договариваться, а лишь повиноваться; принимая на себя функціи, которыя налагаетъ на нихъ государство, они лишь исполняютъ обязанности гражданъ, отнюдь не имѣя права спорить объ условіяхъ, на которыхъ на нихъ возлагаются эти обязанности. Когда, поэтому, народъ учреждаетъ наслѣдственное правительство или монархическое въ извѣстномъ семействѣ или аристократическое въ извѣстномъ классѣ гражданъ, то онъ не беретъ на себя никакого обязательства, а даетъ правительству временную форму, которая сохраняетъ свою силу до тѣхъ поръ, пока ему не будетъ угодно дать ему другую форму [2])".

f) *Правительственная дѣятельность за исключеніемъ немногихъ административныхъ актовъ, не должна входить въ сферу непосредственной дѣятельности суверена.*

Народъ суверенъ обладаетъ всей полнотой верховной власти, по самой природѣ своей неотчуждаемой, неограниченной и нераздѣльной, но онъ не можетъ и не долженъ осуществлять непосредственно всѣ функціи этой власти. Если законодательная дѣятельность, какъ непосредственное про-

---

[1]) C. S., L. III, Ch. 1.
[2]) L. III, Ch. 18.

явленіе верховности, не можетъ быть поручена подзаконнымъ органамъ, а должна исходить отъ народа суверена, то правительственная дѣятельность, какъ подзаконная и подчиненная, можетъ и должна быть поручена сувереномъ подчиненнымъ ему органамъ. Въ сферу непосредственной дѣятельности суверена входятъ лишь тѣ правительственные акты, которые законами урегулированы быть не могутъ и которые не будучи законами т. е. общими правилами, вмѣстѣ съ тѣмъ не являются и простымъ исполненіемъ законовъ, а представляютъ собою свободные, не связанные распоряженія суверена: сюда относятся избранія правителей, привлеченіе ихъ къ отвѣтственности, лишеніе ихъ правительственныхъ полномочій, помилованіе преступниковъ и созваніе чрезвычайныхъ законодательныхъ собраній. Всѣ же остальные правительственные акты, которые законами предусмотрѣны и которые являются ничѣмъ инымъ, какъ примѣненіемъ общихъ правилъ къ отдѣльнымъ случаямъ, могутъ и должны быть предоставлены сувереномъ подчиненнымъ органамъ. И это порученіе подзаконныхъ правительственныхъ функцій подчиненнымъ органамъ и является въ глазахъ Руссо одной изъ существенныхъ гарантій господства въ государствѣ закона, какъ предписанія общей воли о предметахъ общаго интереса. Чѣмъ болѣе суверенъ будетъ предписывать лишь общими правилами, имѣющими въ виду общіе интересы и чѣмъ менѣе онъ будетъ отвлекаться правительственными дѣлами, направляющими его вниманіе на индивидуальныя отношенія и частные интересы, тѣмъ болѣе онъ будетъ стоять на стражѣ общаго интереса и тѣмъ менѣе онъ будетъ доступенъ соблазну частные интересы предпочитать общимъ. „Тотъ, кто творитъ законъ", говоритъ Руссо, „знаетъ лучше всякаго другого, какъ онъ долженъ быть исполненъ и истолкованъ. Казалось бы поэтому, что наилучшимъ государственнымъ устройствомъ должно быть то, въ которомъ законодательная власть не отдѣлена отъ правительственной; между тѣмъ это соединеніе обусловливаетъ собою главный недостатокъ этого государственнаго устройства, ибо тутъ не различается то, что должно быть различено: правитель и суверенъ, сливаясь въ одномъ лицѣ, образуютъ,

такъ сказать, правительство безъ правительства. *Нехорошо, чтобы тотъ, кто творитъ законъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и исполнялъ бы его* и чтобы народъ отвлекалъ свое вниманіе отъ общихъ соображеній, чтобы направлять его на частные предметы. Нѣтъ въ общественныхъ дѣлахъ ничего опаснѣе вліянія частныхъ интересовъ, и злоупотребленіе правительствомъ законами есть меньшее зло, чѣмъ то развращеніе законодателя, которое является неотразимымъ послѣдствіемъ подчиненія этого законодателя соображеніямъ частнаго интереса [1]“. Такимъ образомъ, первый доводъ Руссо въ пользу того, чтобы правительственныя дѣла не входили въ сферу непосредственной дѣятельности суверена, заключается въ томъ, что занятіе такими дѣлами сдвинетъ суверена съ той высоты, на которой онъ долженъ стоять какъ стражъ общихъ интересовъ, и перенесетъ его въ низменную сферу частныхъ интересовъ и такихъ соображеній, которыя лишатъ его безпристрастія и объективности, являющихся главными условіями справедливости исходящихъ отъ него законовъ.

Выдѣленіе правительственныхъ дѣлъ изъ компетенціи законодателя и порученіе ихъ подчиненному органу является въ глазахъ Руссо кромѣ того и важной гарантіей закономѣрности управленія. Для того, чтобы правительственные акты были строго подчинены законамъ, необходимо, чтобы было между ними ясное формальное различіе; только тамъ, гдѣ законъ рѣзко по формѣ отличается отъ правительственнаго акта, только тамъ и возможно провести требованіе, чтобы эти акты были согласны съ закономъ. Тамъ же, гдѣ этого различія не существуетъ и правительственный актъ сливается съ законодательнымъ, тамъ правительственному произволу открытъ широкій просторъ. „Если бы было возможно“, говоритъ Руссо, „чтобы суверенъ, какъ таковой имѣлъ бы и исполнительную власть, то право и фактъ до такой степени сливались бы, что нельзя было бы распознать, что законъ и что имъ не является, и политическое тѣло, такимъ путемъ извращенное,

---

[1]) L. III. Ch. 4.

сдѣлалось бы скоро добычей произвола, т. е. того зла, ради устраненія котораго оно было бы создано“ [1]).

Выдѣленіе правительственныхъ актовъ изъ сферы непосредственной дѣятельности народа суверена необходимо, наконецъ, и потому, что только подъ этимъ условіемъ правительственная дѣятельность можетъ быть сосредоточена въ рукахъ немногихъ. Если законодательная власть можетъ находиться лишь въ рукахъ всего народа и только этотъ народъ въ цѣломъ можетъ быть истолкователемъ общей воли, то исполнительная власть, наоборотъ, въ рукахъ этого народа, какъ сложнаго и тяжелаго на подъемъ цѣлаго, можетъ лишь утратить необходимую ей энергію и силу. Правительство тѣмъ сильнѣе и энергичнѣе, чѣмъ болѣе оно сосредоточено въ рукахъ немногихъ, это же сосредоточеніе осуществимо лишь тамъ, гдѣ правительственные акты изъяты изъ сферы непосредственной дѣятельности народа суверена и предоставлены особому органу [2]).

g) *Отношеніе правительственной власти къ народу какъ совокупности подданныхъ съ одной стороны и къ народу, какъ суверену съ другой.*

Если правительство, съ одной стороны, должно обладать достаточной принудительной силой, чтобы мочь настаивать на безропотномъ и безусловномъ исполненіи воли суверена, то, съ другой, —оно не должно быть вооружено самостоятельной властью, способной противодѣйствовать этой волѣ. Правительство должно быть сильно, чтобы мочь исполнять законъ, но оно должно быть безвластно его нарушить; другими словами, оно должно подчинять себѣ народъ какъ совокупность гражданъ и подчиняться этому народу какъ суверену.

Чѣмъ, поэтому, въ государствѣ частная воля болѣе склонна реагировать противъ общей воли, тѣмъ правительство должно быть сильнѣе, чтобы противодѣйствовать этой частной волѣ.

---

[1]) L. III., Ch. 16.

[2]) L. III., Ch. 2.

Частныя же воли тѣмъ болѣе склонны противодѣйствовать общей волѣ, чѣмъ меньше они принимаютъ участіе въ ея образованіи. Участіе же отдѣльныхъ лицъ въ образованіи общей воли тѣмъ слабѣе, чѣмъ больше государство. Отсюда необходимый выводъ, что чѣмъ государство больше, тѣмъ правительство должно быть сильнѣе. А если это такъ, то монархическій образъ правленія приличествуетъ большимъ государствамъ, аристократическій—среднимъ, а демократическій—малымъ. Но чѣмъ правительство сильнѣе, чѣмъ больше оно сосредоточивается въ рукахъ немногихъ, тѣмъ тенденція, присущая всякому правительству—подчинять общій интересъ своимъ интересамъ, проявляется рѣзче. Самое сильное правительство—монархическое, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и то, въ которомъ правитель всего болѣе склоненъ злоупотреблять своей силой ради своихъ личныхъ интересовъ. Всего слабѣе, наоборотъ, эта тенденція сказывается въ государствѣ, въ которомъ правительство обнимаетъ наибольшее число правителей, т. е. въ демократіи. Но недостатокъ этого образа правленія заключается въ томъ, что правительство, обнимая большинство гражданъ, лишено той энергіи, которая необходима для подчиненія частной воли волѣ общей. Съ этой точки зрѣнія аристократическая форма правленія является наилучшей: въ ней правительство, съ одной стороны, не столь сосредоточено, какъ въ монархіи, и поэтому и менѣе склонно подчинять интересъ цѣлаго интересамъ правителей, съ другой же оно и не столь многочисленно, какъ въ демократіи, и поэтому болѣе энергично, а слѣдовательно и болѣе способно подчинять частныя воли волѣ общей.

Какой бы мы, однако, образъ правленія не взяли, вездѣ сказывается тенденція правительства злоупотреблять общественной силой въ своихъ интересахъ, вся разница заключается лишь въ томъ, что при одной формѣ правленія эта тенденція сказывается сильнѣе, при другой—слабѣе.

Если каждому правительству присуща тенденція подчинять своимъ интересамъ интересы цѣлаго, то каждому правительству должно быть свойственно и стремленіе, ради достиженія этой цѣли, усиливаться, другими словами, сосредо-

точиваться, т. е. сокращаться въ своей численности. И въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что демократіи присуще естественное стремленіе перейти въ аристократію, а аристократіи въ монархію.

Но если при всякомъ образѣ правленія, правительство стремится злоупотреблять своею властью и подчинять общую волю своей частной волѣ, то нѣтъ иного средства противодѣйствовать этому злу, какъ противопоставлять силѣ правительства—силу суверена, его способность держать правительство въ безусловномъ отъ себя подчиненіи. Чѣмъ сильнѣе правительство, тѣмъ въ свою очередь суверенъ долженъ обладать бо́льшей силою, чтобы сдерживать правительство. Суверенъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ чаще онъ выступаетъ передъ правительствомъ и чѣмъ онъ болѣе даетъ правителямъ чувствовать ихъ зависимость отъ общей воли. Государство же существуетъ не столько наличностью законовъ, сколько наличностью законодательной власти, какъ источникомъ этихъ законовъ. У этого источника законы должны черпать свою жизненную силу и чѣмъ этотъ источникъ бьетъ неудержимѣе и непрерывнѣе, тѣмъ энергичнѣе проявляется жизненное начало государства и тѣмъ всякая попытка правительства—противопоставлять свою волю волѣ суверена—безсильнѣе и безплоднѣе. „Недостаточно, говоритъ Руссо, чтобы народъ разъ навсегда установилъ государственное устройство, утвердивъ извѣстную систему законовъ (un corps de lois), недостаточно, чтобы онъ учредилъ постоянное правительство и чтобы онъ разъ навсегда принялъ мѣры для избранія должностныхъ лицъ (qu'il est pourvu une fois pour toutes à l'élection des magistrats). Кромѣ чрезвычайныхъ собраній, которыя могутъ быть вызваны непредвидѣнными случаями, должны существовать разъ навсегда установленныя (fixes) періодическія собранія, которыхъ никто и ничто не можетъ отмѣнить и отсрочить такъ, чтобы народъ въ опредѣленный день былъ собранъ въ силу закона и чтобы для этого не требовалось никакого спеціальнаго формальнаго созыва [1]). И чѣмъ такія

[1]) C. S., L. III, Ch. 13.

собранія будутъ чаще, тѣмъ болѣе народъ будетъ держать правителей въ своемъ повиновеніи и тѣмъ чаще онъ будетъ напоминать этимъ своимъ слугамъ, что они зависятъ отъ его воли и что всякое ихъ ослушаніе велѣніямъ суверена повлечетъ за собою смѣну правительства. „При открытіи каждаго такого періодическаго собранія должны быть поставлены на очередь два вопроса и притомъ такъ, чтобы никогда нельзя было бы обойти ихъ обсужденіе и чтобы каждый изъ нихъ подвергался голосованію въ отдѣльности. Первый вопросъ: угодно ли суверену сохранить существенную форму правителя? Второй вопросъ: угодно ли народу оставить правительство въ рукахъ тѣхъ, которые имъ въ данное время облечены“ [1]).

Когда народъ легально собранъ и суверенъ, такимъ образомъ, налицо, всякая дѣятельность правительства прекращается и исполнительная власть временно упраздняется. Голосъ народа—голосъ Бога на землѣ, и когда онъ раздается, все въ молчаніи передъ нимъ преклоняется. Sitôt que la puissance législative parle, tout rentre dans l'égalité, tout autorité se tait devant elle, sa voix est la voix de Dieu sur terre [2]).

II. Ученіе Монтескье о раздѣленіи и равновѣсіи властей.

1) Исходные тезисы политическаго ученія Монтескье о раздѣленіи и равновѣсіи властей.

a) *Воззрѣніе Монтескье на политическую свободу.*

Отправная точка ученія Монтескье о государственномъ устройствѣ, всего лучше гарантирующемъ политическую свободу, совершенно иная сравнительно съ той, отъ которой исходитъ Руссо въ своемъ „Общественномъ Договорѣ“. По воззрѣнію Руссо, свобода заключается въ независимости отъ частной воли и въ исключительномъ подчиненіи общей волѣ, другими словами, въ подчиненіи гражданина лишь тѣмъ законамъ, въ установленіи которыхъ онъ самъ участвовалъ.

---

[1]) C. S. L. III Ch. 14.

[2]) Considerations sur le Gouvernement de Pologne Ch. VI.

Эта свобода возможна, поэтому, только въ государствѣ, въ которомъ верховная власть принадлежитъ народу. Свобода же, какъ ее понимаетъ Монтескье, не требуетъ народовластія: она осуществима въ любомъ государствѣ, въ которомъ подданному гарантирована безопасность отъ произвола. „Обыкновенно", говоритъ Монтескье, „свободу считаютъ связанной съ республиканскимъ образомъ правленія и думаютъ, что она неосуществима въ монархіи. Такое воззрѣніе объясняется ложнымъ пониманіемъ свободы" [1]). „Въ демократіяхъ народъ, дѣйствительно, повидимому, дѣлаетъ все, что онъ хочетъ, но свобода политическая вовсе не заключается въ возможности дѣлать то, что желаешь. Въ государствѣ, т. е. въ обществѣ, гдѣ существуютъ законы, свобода можетъ заключаться лишь въ возможности дѣлать то, что дозволяется законами; и если бы гражданинъ имѣлъ право дѣлать то, что они запрещаютъ, то не существовало бы свободы, такъ какъ и остальные имѣли бы такое же право" [2]). „Политическая свобода гражданина, по опредѣленію Монтескье, есть то спокойствіе духа, которое вытекаетъ изъ увѣренности каждаго въ своей безопасности, и для того, чтобы пользоваться такой свободой, необходимо, чтобы правительство было устроено такъ, чтобы одинъ гражданинъ не боялся другого" [3]). Политическая свобода, по Монтескье, есть, такимъ образомъ, ничто иное, какъ личная безопасность отъ произвола и задача наилучшаго государственнаго устройства заключается въ томъ, чтобы создать по возможности надежныя гарантіи противъ произвола, откуда бы онъ ни исходилъ. Эти гарантіи осуществимѣе въ монархіи, чѣмъ въ народовластіяхъ, и въ республикахъ Италіи, по словамъ Монтескье, свобода менѣе обезпечена, чѣмъ и въ современной ему монархіи. „Демократія и аристократія не являются вовсе свободными государствами по самой своей природѣ. Политическая свобода возможна только въ умѣренныхъ правленіяхъ. Но она не встрѣчается во всѣхъ умѣренныхъ государствахъ;

[1]) Esprit de lois. Кн. XI, гл. 2.
[2]) Тамъ же, гл. 3.
[3]) Тамъ же гл. 6.

а лишь въ тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ не злоупотребляютъ властью. Но опытъ вѣковъ учитъ насъ, что всякій человѣкъ, облеченный властью, склоненъ злоупотреблять ею, и онъ идетъ въ этомъ направленіи до тѣхъ поръ, пока не встрѣчаетъ предѣла.... *Чтобы предупредить злоупотребленіе властью, необходимо установить такой порядокъ вещей, при которомъ одна власть сдерживала бы другую* [1]).

b) *Равновѣсіе властей, какъ условіе политической свободы.*

Для того, чтобы власти въ государствѣ сдерживали и умѣряли другъ друга, необходимо, чтобы эти власти были бы 1) равносильны, 2) разнородны.

1) Государственныя власти должны быть, прежде всего, равносильны. Власть, которая сильнѣе другой власти, не можетъ въ этой послѣдней найти себѣ сдерживающій факторъ; она, естественно, пересилитъ ее и подчинитъ ее себѣ. Органы, между которыми распредѣлены функціи власти, будутъ умѣрять другъ друга лишь тогда, когда каждый изъ нихъ будетъ надѣленъ одинаковою мѣрою власти. Для того, чтобы одна власть сдерживала другую, необходимо не только распредѣленіе властей между различными органами, необходимо и ихъ равновѣсіе. „Въ Римѣ, говоритъ Монтескье, народъ, вооруженный большею частью законодательной власти, частью исполнительной и частью судебной, имѣлъ большую власть, которую нужно было бы уравновѣсить другою (C'était un grand pouvoir, qu'il fallait balancer par un autre). Сенатъ, правда, имѣлъ часть исполнительной власти, обладалъ отраслью законодательной власти, но эта власть Сената не была достаточной для того, чтобы служить противовѣсомъ власти народа (mais cela ne suffisait pas pour contrebalancer le peuple) [2]).

2) Власти могутъ сдерживать другъ друга лишь подъ условіемъ разнородности своего личнаго состава. Если власть будетъ распредѣлена между различными носителями, но эти

---

[1]) Тамъ же, Ch. 4.
[2]) Тамъ же Ch. 18.

носители будутъ исходить изъ одного того же общественнаго класса, объединеннаго общими интересами и общими политическими притязаніями, то власти, въ рукахъ этихъ однородныхъ органовъ не будутъ сдерживать другъ друга, а будутъ имѣть тенденцію дѣйствовать солидарно и слиться въ одну власть, которая, не находя себѣ задержекъ въ другой власти, естественно станетъ властью неограниченной, а слѣдовательно и произвольной. Въ итальянскихъ аристократіяхъ не господствуетъ азіатскій деспотизмъ благодаря тому, что въ нихъ существуютъ различныя учрежденія, которыя другъ друга умѣряютъ; такъ, напр., въ Венеціи одинъ органъ законодательствуетъ, другой правитъ, третій судитъ. Но зло, продолжаетъ Монтескье, заключается здѣсь въ томъ, что эти учрежденія состоятъ изъ должностныхъ лицъ, выходящихъ изъ однороднаго политическаго сословія, благодаря чему они собственно сливаются въ одну и ту же власть [1]).

2) Ученье Монтескье о верховной власти.

а) *Основныя функціи верховной власти, законодательная, исполнительная и судебная, и распредѣленіе ихъ между различными органами.*

Раздѣленіе власти между равносильными и разнородными органами, другъ друга сдерживающими, не можетъ быть произвольнымъ, а должно вытекать изъ самой природы власти. Другими словами, власть должна быть раздѣлена не случайно, а сообразно тѣмъ своимъ естественнымъ составнымъ элементамъ, изъ которыхъ она слагается. Этими элементами являются тѣ разнородныя функціи, которыя присущи всякой верховной власти и которыя заключаются въ законодательствѣ, исполненіи и судѣ. Въ предупрежденіи соединенія этихъ разнородныхъ функцій въ однѣхъ рукахъ и въ предоставленіи ихъ разнороднымъ органамъ Монтескье видитъ одну изъ наиболѣе существенныхъ гарантій политической свободы. Недостаточно, чтобы верховная власть была распредѣлена между различными

[1]) Тамъ же Ch. 6.

органами, взаимно ограничивающими другъ друга, необходимо также, чтобы функціи были бы такъ распредѣлены между ними, чтобы родъ власти, находящейся въ одномъ органѣ, находилъ бы свое дополненіе въ родѣ власти, предоставленномъ другому, такъ что ни одинъ изъ этихъ органовъ не могъ бы, безъ содѣйствія другого, совершать акты, связывающіе подданныхъ и ограничивающіе ихъ свободу. Только подъ этимъ условіемъ власть одного органа будетъ служить сдерживающимъ власть другихъ органовъ факторомъ. „Если въ одномъ и томъ же лицѣ или въ одномъ и томъ же учрежденіи (corps de magistrature), говоритъ Монтескье, соединены власть законодательная и власть исполнительная, то нѣтъ свободы, ибо можно опасаться, что монархъ или Сенатъ будутъ издавать тираническіе законы, чтобы исполнять ихъ тиранически. Нѣтъ также свободы и тамъ, гдѣ власть судить не отдѣлена отъ властей законодательной и исполнительной. Если бы она была соединена съ властью законодательной, то власть надъ жизнью и свободой была бы произвольной, ибо судья былъ бы и законодателемъ. Если бы она была соединена съ исполнительной, то судья имѣлъ бы силу притѣснителя (le juge pourrait avoir la force d'un opresseur) и все было бы потеряно, если бы одно и то же лицо или одна и та же коллегія (или правителей или дворянъ или народа) отправляли бы эти три власти: власть издавать законы, власть исполнять государственныя рѣшенія и власть судить или разрѣшать споры между частными лицами". При распредѣленіи этихъ трехъ властей между различными органами ни одинъ изъ этихъ органовъ власти не можетъ злоупотреблять своей властью, ибо его власть дѣйствительна лишь при содѣйствіи другой власти и въ ней находитъ свой предѣлъ. Рѣшенія законодательной власти исполняются правительственной властью и безъ согласія послѣдней не могутъ найти своего осуществленія, судебная власть и правительственныя власти, въ свою очередь, не могутъ дѣйствовать произвольно, ибо первая примѣняетъ законы установленные не ею, а другою, независимою отъ нея властью, а вторая дѣйствуетъ въ предѣлахъ и согласно съ правилами не ею начерченными, а властью законодатель-

ной. Законодательная власть находитъ, такимъ образомъ, свой предѣлъ въ волѣ правительственной власти, а судебная и исполнительная власти находятъ свою границу въ волѣ законодательной власти.

Эти разнородныя функціи не только должны быть распредѣлены между различными органами, но и должны быть предоставлены тѣмъ именно органамъ, которые по своему личному составу и по своей организаціи всего болѣе приноровлены отправлять ихъ. „Исполнительная власть, говоритъ Монтескье, должна находиться въ рукахъ монарха, ибо эта правительственная функція, которая почти всегда нуждается въ быстромъ дѣйствіи, лучше отправляется однимъ, чѣмъ многими, между тѣмъ какъ то, что относится къ законодательству, часто лучше дѣлается многими, чѣмъ однимъ. Судебная же власть должна быть отправляема какъ въ Аѳинахъ людьми, избираемыми изъ среды народа порядкомъ, установленнымъ законами, и образующими коллегію, засѣдающую непостоянно, а по мѣрѣ надобности“.

Но кто тѣ многіе, которымъ должна быть предоставлена законодательная власть?

На этотъ вопросъ Монтескье отвѣчаетъ слѣдующими соображеніями: „Такъ какъ въ свободномъ государствѣ, всякій человѣкъ, который признается имѣющимъ свободную душу, долженъ управлять самъ собою, то нужно было бы, чтобы народъ въ цѣломъ обладалъ законодательною властью, но такъ какъ это невозможно въ большихъ государствахъ и сопряжено съ большими неудобствами въ малыхъ, то народъ и долженъ дѣлать черезъ своихъ представителей все то, что онъ не можетъ дѣлать самъ. Нужды своего города знаешь гораздо лучше, чѣмъ нужды другихъ городовъ и о способностяхъ своихъ сосѣдей судишь лучше, чѣмъ о способностяхъ другихъ своихъ соотечественниковъ. Не нужно, поэтому, чтобы члены законодательнаго корпуса были избираемы изъ народа вообще (tirés en general du corps de la nature), но необходимо, чтобы во всѣхъ главныхъ центрахъ (dans chaque lieu principal) жители избирали своего представителя“. Но законодательная власть не можетъ быть предоставлена однимъ только этимъ

представителямъ народа. „Въ каждомъ государствѣ, говоритъ Монтескье, существуютъ люди, отличные отъ другихъ происхожденіемъ, богатствомъ, почестями, если бы они были слиты съ народомъ и не имѣли среди народа своего особаго голоса (s'il était confondu parmi le peuple et s'il n'y avaient qu'une voix comme les autres), общая свобода сдѣлалась бы для нихъ рабствомъ, они не имѣли бы никакого интереса защищать ее, ибо большинство рѣшеній было бы направлено противъ нихъ. Ихъ участіе въ законодательствѣ должно, поэтому, соразмѣряться съ другими преимуществами, которыми они пользуются въ государствѣ и это будетъ достигнуто, какъ скоро они образуютъ особое учрежденіе, надѣленное правомъ останавливать рѣшенія народа и соотвѣтствующее такому же праву народнаго представительства. Такимъ образомъ, законодательная власть будетъ довѣрена и палатѣ дворянъ, и палатѣ народныхъ представителей, и каждая изъ нихъ будетъ имѣть и свои собранія, и свои совѣщанія, и свои виды, и свои особые интересы.

Законодательная власть, по Монтескье, будетъ организована цѣлесообразно лишь тогда, когда будетъ поручена двумъ разнороднымъ, по своему личному составу, учрежденіямъ и настолько равносильнымъ, что рѣшенія одного будутъ имѣть возможность останавливать рѣшенія другого.

Въ государствѣ, какъ намъ его рисуетъ Монтескье въ 6 гл. XI кн. „Духа Законовъ", существуетъ три власти въ смыслѣ функцій верховной власти: власть законодательная, власть исполнительная и власть судебная и четыре власти въ смыслѣ властей органовъ, между которыми эти функціи распредѣляются,—власть короля, власть дворянской палаты, власть палаты народныхъ представителей и власть судебной коллегіи.

b) *Взаимныя отношенія органовъ, между которыми распредѣляются основныя функціи верховной власти.*

Изъ четырехъ органовъ, между которыми распредѣляются функціи верховной власти, судебная коллегія не обладаетъ

властью, способной служить противовѣсомъ властямъ законодательной и правительственной. „Судьи", говоритъ Монтескье, „избранные изъ среды народа, являются лишь устами, предписывающими слова закона; это не воодушевленныя существа, которыя не могутъ умѣрять ни силы, ни суровости закона (Les juges de la nation ne sont, que la bouche, qui prononce les paroles de la loi; des êtres inanimés, qui n'en peuvent modérer ni la force ni la rigueur)". „Власть судить, говоритъ Монтескье въ другомъ мѣстѣ, которая такъ страшна для людей, не будучи предоставлена извѣстному сословію и не образуя особой профессіи, является, такъ сказать, властью невидимой и ничтожной (De cette façon la puissance de juger si terrible parmi les hommes, n'étant attachée ni à un certain état ni à une certaine profession, devient, pour ainsi dire, invisible et nulle)". „Изъ трехъ властей", о которыхъ мы говорили, продолжаетъ Монтескье, „власть судить не есть нѣкоторымъ образомъ власть (est en quelque sorte nulle). Остаются только двѣ и такъ какъ онѣ нуждаются въ регулирующей власти, которая бы ихъ умѣряла, то та часть законодательнаго корпуса, которая состоитъ изъ дворянъ, вполнѣ на это пригодна".

Тѣ власти, которыя должны сдерживать другъ друга и этимъ предупреждать злоупотребленія властью, являются, такимъ образомъ, не власти законодательная, исполнительная и судебная, какъ обыкновенно думаютъ, а власть монарха, власть дворянской палаты и власть палаты народныхъ представителей. „Вотъ, такимъ образомъ „заключаетъ Монтескье", основная конституція того правительства, о которомъ мы говоримъ. Въ ней законодательный корпусъ состоитъ изъ двухъ частей и одна будетъ связывать другую своимъ правомъ отмѣнять рѣшенія другой (Le corps législatif y étant composé de deux parties l'une enchainera l'autre par la faculté mutuelle d'empêcher) [1]. И эти обѣ власти, въ свою очередь, будутъ ограничены властью исполнительной, которая сама будетъ ограничена властью за-

[1]) J'appelle faculté, говоритъ Монтескье въ другомъ мѣстѣ, le droit de rendre nulle une résolution, prise par quelque autre.

конодательной (Toutes les deux seront liées par la puissance éxecutive, qui le sera elle même par la legislative).

Эти три власти, связывая другъ друга, казалось, не могутъ двигаться и должны находиться въ состояніи покоя или бездѣйствія. Но такъ онѣ должны двигаться въ силу движенія, присущаго природѣ вещей, то онѣ будутъ вынуждены, двигаясь, дѣйствовать не иначе, какъ въ согласіи другъ съ другомъ. (Ces trois puissances devraient former un repos ou une inaction mais comme, par le mouvement nécessaire des choses elles sont contraintes d'aller, elles seront forcées d'aller de concert). Нормы, которыя опредѣляютъ отношенія между властями, распадаются поэтому на двѣ категоріи: 1) на нормы, которыя, опредѣляя компетенцію органовъ, ограничиваютъ ихъ власть и *обособляютъ ихъ другъ отъ друга* и 2) на такія, которыя, вооружая ихъ правомъ взаимнаго контроля, *согласуютъ и объединяютъ ихъ дѣятельность*. Разсмотримъ каждую изъ этихъ категорій въ отдѣльности.

c) *Нормы, которыя опредѣляютъ компетенцію государственныхъ органовъ, ограничиваютъ ихъ власть и обособляютъ ихъ другъ отъ друга.*

Обращаясь къ нормамъ, опредѣляющимъ компетенцію государственныхъ органовъ, мы должны прежде всего начать съ тѣхъ изъ нихъ, которыя опредѣляютъ кругъ вѣдомства законодательнаго собранія.

Говоря о сферѣ дѣятельности закодательнаго корпуса, мы должны различать кругъ вѣдомства, общій обѣимъ палатамъ, отъ компетенціи предоставленной каждой изъ нихъ.

Обѣ палаты вѣдаютъ: 1) законодательныя дѣла, 2) дѣла верховнаго финансоваго управленія; другими словами въ кругъ вѣдомства законодательнаго корпуса входитъ: подготовленіе новыхъ законовъ, постоянныхъ и издаваемыхъ на время, исправленіе и отмѣна старыхъ, установленіе новыхъ налоговъ и отмѣна старыхъ. Издавая законы и уста-

новляя налоги, законодательная власть не имѣетъ права вмѣшиваться въ управленіе. Она только устанавливаетъ правила для правительственной дѣятельности, но сама, однако, не правитъ. „Народное представительство", говоритъ Монтескье, „не должно быть избираемо для того, чтобы принимать какія-нибудь активныя рѣшенія, что оно не умѣло бы хорошо дѣлать, но для того, чтобы издавать законы". „Оно и не имѣетъ права останавливать рѣшенія правительства". „Законодательная власть не должна имѣть права останававливать исполнительную власть, ибо исполненіе, имѣя свои предѣлы, по самой природѣ своей не нуждается въ ограниченіи".

Что касается до спеціальной компетенціи дворянской палаты и палаты народныхъ представителей, то необходимо прежде всего напомнить, что каждая изъ нихъ имѣетъ право останавливать рѣшенія другой. Въ области законодательства обѣ палаты имѣютъ одинаковыя права, въ области же финансоваго верховенства народная палата имѣетъ то преимущество, что только она имѣетъ право въ этой сферѣ постановлять рѣшенія, между тѣмъ какъ дворянская палата имѣетъ право лишь останавливать рѣшенія. Съ другой же стороны дворянская палата вооружена широкими правами въ области судебной, которыя въ компетенцію народнаго представительства не входятъ. Дворянской палатѣ, во первыхъ, подсудны члены дворянскаго сословія, во вторыхъ, принадлежитъ право, въ извѣстныхъ случаяхъ, смягчать суровость и строгость законовъ, она, наконецъ, является верховнымъ судилищемъ по нѣкоторымъ политическимъ преступленіямъ.

Обращаясь теперь къ кругу вѣдомства монарха, замѣтимъ прежде всего, что онъ, во-первыхъ, отправляетъ исполнительную власть во всемъ ея объемѣ, во вторыхъ, принимаетъ участіе въ законодательствѣ.

Монархъ, какъ органъ, въ рукахъ котораго сосредоточивается вся полнота исполнительной власти, „заключаетъ миръ и объявляетъ войну, посылаетъ и принимаетъ посланниковъ, поддерживаетъ безопасность, предупреждаетъ вторженіе непріятеля; онъ распоряжается военными силами государства и, какъ охранитель внутренней безопасности, „обле-

как и у Локка

ченъ принудительной властью". Участіе же его въ законодательной дѣятельности выражается въ двухъ направленіяхъ: во-первыхъ, въ правѣ останавливать рѣшенія законодательнаго корпуса, во-вторыхъ, въ правѣ созывать его.

Праву короля останавливать рѣшенія законодательнаго собранія Монтескье придаетъ большое значеніе, какъ важной гарантіи противъ злоупотребленія законодательнымъ корпусомъ предоставленной ему властью. „Если бы исполнительная власть", говоритъ Монтескье, „не имѣла бы права останавливать постановленія законодательнаго корпуса, то этотъ послѣдній слѣлался бы деспотичнымъ, ибо, имѣя возможность захватить столько власти, сколько бы ему вздумалось, онъ естественно поглотилъ бы всѣ другія власти. Законодательная же власть наоборотъ не должна имѣть права останавливать исполнительную власть; ибо исполнительная власть не нуждается въ ограниченіи, она ограничена по самой природѣ своей; кромѣ того, она всегда имѣетъ дѣло лишь съ преходящими отношеніями". „Исполнительная власть", говоритъ Монтескье въ другомъ мѣстѣ, „должна принимать участіе въ законодательствѣ своимъ правомъ останавливать рѣшенія законодательнаго собранія, ибо, не имѣя этого права, она очень скоро будетъ лишена своихъ прерогативъ. Но она также будетъ уничтожена, если законодательная власть будетъ принимать участіе въ управленіи. Если бы монархъ принималъ участіе въ законодательствѣ съ правомъ постановлять рѣшенія, то свободы не было бы. Но такъ какъ необходимо, чтобы онъ принималъ участіе въ законодательствѣ для того, чтобы защищать себя, то онъ долженъ участвовать въ немъ своимъ правомъ останавливать рѣшенія законодательнаго корпуса. Исполнительная власть, принимая участіе въ законодательствѣ этимъ своимъ правомъ (veto), въ самое обсужденіе дѣлъ не входитъ; представляется даже излишнимъ, чтобы она вносила свои предложенія, ибо она всегда можетъ отвергнуть рѣшенія по тѣмъ предложеніямъ, относительно которыхъ она не желала бы, чтобы они были внесены".

Монархъ въ образцовомъ государствѣ Монтескье вооруженъ, такимъ образомъ, широкими полномочіями, которыя

обезпечиваютъ ему самостоятельность и свободу дѣйствія въ качествѣ носителя исполнительной власти и даютъ ему право отмѣнять (rendre nulle) всякія постановленія законодательнаго корпуса, которыя могли бы съузить его власть или стѣснить его дѣятельность. Монархъ въ государствѣ Монтескье является не только носителемъ исполнительной власти, но и факторомъ законодательства, безъ согласія котораго ни одинъ законъ не можетъ получить своего совершенія. Но этого мало: онъ же и регулируетъ дѣятельность законодательнаго собранія, онъ опредѣляетъ продолжительность законодательной сессіи, онъ созываетъ законодательный корпусъ, онъ же его распускаетъ. „Законодательный корпусъ", говоритъ Монтескье, „не долженъ собираться собственной властью, ибо корпорація можетъ имѣть волю лишь тогда, когда она собрана... Если бы законодательный корпусъ имѣлъ право расходиться собственной властью (proroger lui même), то могло бы случиться, что онъ никогда бы не разошелся, что было бы опасно въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ захотѣлъ бы покуситься на исполнительную власть. Такъ какъ для засѣданій законодательнаго собранія одно время можетъ быть удобнѣе другого, то необходимо, чтобы исполнительная власть опредѣляла время и продолжительность законодательныхъ сессій, сообразуясь съ обстоятельствами, ей извѣстными". Единственное требованіе, которое должно въ этомъ отношеніи связывать монарха, заключается въ томъ, чтобы онъ созывалъ законодательныя собранія черезъ извѣстные промежутки времени не слишкомъ продолжительные. „Если бы", говоритъ Монтескье, „законодательное собраніе оставалось бы долгое время не созваннымъ, то свобода исчезла бы, ибо произошло бы одно изъ двухъ: или не было бы законодательныхъ постановленій и государство впало бы въ анархію, или эти постановленія исходили бы отъ исполнительной власти, и эта власть стала бы абсолютной".

d) *Нормы, которыя, вооружая государственные органы правомъ взаимнаго контроля, согласуютъ и объединяютъ ихъ дѣятельность.*

Нѣкоторыя изъ нормъ, вооружающихъ государственные органы правомъ взаимнаго контроля, совпадаютъ съ тѣми, которыя ограничиваютъ кругъ ихъ дѣятельности и которыя мы только что изложили. Въ самомъ дѣлѣ, упомянутое выше право короля, останавливая постановленія законодательнаго собранія, является очень дѣйствительнымъ средствомъ для предупрежденія законовъ, не соотвѣтствующихъ видамъ и интересамъ правительства. Разъ законы не могутъ быть изданы законодательнымъ собраніемъ иначе, какъ съ согласія короля, законы эти естественно являются результатомъ соглашенія между исполнительной властью и властью законодательной. Законодательная власть должна или остановиться въ своей дѣятельности, или должна идти въ согласіи съ властью исполнительной.

Законодательная власть, въ свою очередь, имѣетъ въ своемъ распоряженіи средства — заставлять исполнительную власть дѣйствовать согласно съ издаваемыми ею законами. Этими средствами является отвѣтственность, которую несутъ министры за свои правительственные акты передъ законодательной властью. „Если въ свободномъ государствѣ“, говоритъ Монтескье, „законодательная власть не должна обладать правомъ останавливать исполнительную власть, то она должна быть вооружена и правомъ имѣть возможность наблюдать, какъ исполняются издаваемые ею законы. Но въ чемъ бы это наблюденіе не заключалось, законодательный корпусъ не долженъ имѣть право судить личность и поведеніе того, кто исполняетъ. Его личность должна быть священной. Онъ для государства необходимъ, какъ оплотъ противъ тираніи; а разъ онъ будетъ обвиненъ и судимъ — свобода исчезнетъ, и государство перестанетъ быть монархіей“, и превратится въ несвободную республику. Но такъ какъ тотъ, кто исполняетъ, ничего не можетъ исполнять дурно безъ дурныхъ совѣтниковъ,

то эти совѣтники (министры) и могутъ быть привлечены къ отвѣтственности и наказаны“.

Законодательная власть контролируетъ исполнительную власть и тѣмъ, что устанавливаетъ государственный бюджетъ не далѣе, какъ на одинъ годъ, и на одинъ же только годъ издаетъ постановленія, которыя касаются сухопутныхъ и морскихъ силъ, довѣренныхъ исполнительной власти.

(Окончаніе слѣдуетъ).

А. С. Алексѣевъ.

КЪ ВОПРОСУ О ТЕОРІИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЪ.

(*По поводу дѣла Малинина и Ганзенъ*).

Сорокъ лѣтъ тому назадъ составители судебныхъ уставовъ, убѣдительно выяснивъ полную несостоятельность формальной теоріи доказательствъ и необходимость совершенной отмѣны ея, поясняли: „Впрочемъ, было бы ошибочно разсуждать, что въ тѣхъ государствахъ, гдѣ въ законахъ о судопроизводствѣ нѣтъ вовсе постановленій о доказательствахъ, не имѣется также и никакой теоріи доказательствъ. Напротивъ, у нихъ есть твердая раціональная теорія, тщательно обработанная наукою, охраняемая и развиваемая юриспруденціею. Многія сочиненія о доказательствахъ способствуютъ уразумѣнію сей теоріи между юристами и распространяютъ понятія о ней въ народѣ. Въ самой Англіи сія теорія, развита въ высшей степени и охраняется съ неимовѣрною заботливостью". Внутреннее судейское убѣжденіе о винѣ или невинности подсудимаго основывается тамъ „не на простомъ и личномъ каждаго изъ судящихъ взглядѣ на то или другое доказательство, а на строгомъ обсужденіи онаго по указаніямъ науки и юриспруденціи, выработавшихъ самую теорію доказательствъ. Также точно будетъ и у насъ, потомучто юридическое образованіе видимо распространяется, а судебная практика успѣла уже, кажется, утвердиться на прочныхъ основаніяхъ, вслѣдствіе чего съ отмѣною законной теоріи дока-

зательствъ придетъ въ помощь судьѣ и наука и юриспруденція"[1]).

Нынѣ приходится съ грустью констатировать, что надежды эти отнюдь не оправдались. На судѣ присяжныхъ напутственное слово предсѣдателя, на которое составители уставовъ возлагали столь большія надежды, за немногими исключеніями не только не является проводникомъ научныхъ знаній при оцѣнкѣ доказательствъ, но нерѣдко противорѣчитъ и элементарному требованію безпристрастія въ изложеніи обстоятельствъ дѣла. Въ дѣлахъ же, рѣшаемыхъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей, полное незнакомство судей съ положеніями научной теоріи доказательствъ или совершенное игнорированіе ихъ съ неменьшей ясностью обнаруживается въ самихъ приговорахъ и ихъ мотивировкѣ. Дѣло Малинина и Ганзенъ, судьба котораго недавно окончательно запечатлѣна оставленіемъ безъ послѣдствій кассаціонной жалобы подсудимыхъ, служитъ для сего новой яркой иллюстраціей.

I.

Элли Тейманъ, дочь чернорабочихъ-пьяницъ, была пяти лѣтъ отъ роду, въ 1900 году, взята отъ родителей, плохо съ ней обращавшихся, сердобольной сестрой милосердія Ольгой Тундербергъ. У нея дѣвочка пробыла до лѣта слѣдующаго года, когда Тундербергъ по совѣту врачей отправила болѣзненную, рахитичную Элли на дачу къ вдовѣ Маріи Ганзенъ, занимавшейся послѣ смерти мужа преподаваніемъ французскаго языка въ частныхъ школахъ. У нея же Элли осталась и на зиму. Но въ февралѣ—мартѣ 1902 г. Ганзенъ заболѣла, и дѣвочка снова перешла къ Ольгѣ Тунденбергъ, которая, уѣзжая въ Юрьевъ, помѣстила ее въ августѣ 1902 г. въ пріютъ при церкви св. Олая въ Ревелѣ.

Весною 1902 года Марія Ганзенъ поселилась въ домѣ

[1]) Судебные Уставы съ изложеніемъ разсужденій, на коихъ они основываются, изданные Государственною Канцеляріею, 2 изд., 1867, II, стр. 280—281.

доктора Михаила Малинина въ отдѣльной квартирѣ во флигелѣ; она давала уроки французскаго языка его сыновьямъ и помогала женѣ его по хозяйству. Живя у Малининыхъ, Ганзенъ продолжала интересоваться маленькой Тейманъ. Она, вообще, по отзывамъ всѣхъ знавшихъ ее отличалась любовью къ дѣтямъ, между прочимъ, еще до поступленія Элли въ пріютъ Ганзенъ бывала здѣсь, носила дѣтямъ платья и другіе подарки. Къ жившей-же у нея Элли Ганзенъ особенно привязалась, часто навѣщала ее и брала ее къ себѣ изъ пріюта. Между прочимъ и 20 октября Ганзенъ просила отпустить дѣвочку къ ней на домъ, при чемъ обѣщала прислать за ней гимназиста, сына доктора Малинина. Такъ и было сдѣлано, а на другой день Ганзенъ сама привела Элли въ пріютъ и разсказала, что, когда она уходила изъ дому, Элли, оставшись одна, упала и разбилась. Лицо и носъ Элли были въ крови, лѣвая щека—ушиблена, голова—въ шишкахъ, правая рука и нога—опухшія. Но дня черезъ два всѣ эти поврежденія зажили.

30 октября Ганзенъ опять взяла Элли къ себѣ и обѣщала вернуть ее на другой день или еще днемъ позже. Но и 1 ноября дѣвочка не вернулась—оказалось, она въ больницѣ; вечеромъ того же дня въ пріютъ пришла Ганзенъ и сообщила, что Элли упала съ лѣстницы и сильно ушиблась. Между тѣмъ еще наканунѣ, т. е. 31 октября, часовъ въ 6—7 вечера, Ганзенъ пришла взволнованная къ своей знакомой Каверъ, держа на рукахъ Элли, блѣдную, съ окровавленнымъ лицомъ, большою шишкою у праваго глаза, плѣшью на головѣ, продолговатыми черно-синими пятнами на ляжкахъ, и торопливо объяснила, что Элли упала съ дивана (впослѣдствіи, въ виду недовѣрія Каверъ, она объяснила, что дѣвочка упала съ лѣстницы). Элли на ночь осталась у Каверъ. Ночью она все плакала и жаловалась на боль въ лѣвой рукѣ. На другой день Каверъ пригласила врача, Михаила Малинина, пришедшаго вмѣстѣ съ сыномъ, гимназистомъ Андреемъ—тѣмъ самымъ, который приходилъ 20-го за Элли: сынъ пошелъ съ нимъ, чтобы показать, гдѣ живетъ Каверъ. Докторъ Малининъ осмотрѣлъ больную, констатировалъ у нея, между прочимъ, переломъ лѣвой руки и велѣлъ отправить ее въ больницу. Здѣсь

у врачей вызвали подозрѣніе синіе продолговатые, въ видѣ полосъ, кровоподтеки, распространявшіеся отъ лѣвой плечевой лопатки, черезъ спину, ягодицу и правое бедро и вокругъ него на внутреннюю его поверхность. Въ виду наличности этихъ кровоподтековъ врачи усомнились въ томъ, что поврежденія на тѣлѣ Элли произошли отъ паденія, и рѣшили, что она была избита. Однако, во время шестидневнаго пребыванія Элли въ больницѣ, отъ нея невозможно было ничего добиться о томъ, кто и какъ причинилъ ей оказавшіяся у нея поврежденія.

Не у однихъ врачей возникли подозрѣнія. Еще когда Элли была у Каверъ, послѣдняя показала ее дворничихѣ, и та выразила сомнѣніе въ томъ, что ребенокъ упалъ. На слѣдующій день послѣ того, какъ Элли отправили въ больницу, Каверъ занесла начальницѣ пріюта оставшіяся у нея калоши и перчатки Элли. Начальница, разсказывала Каверъ впослѣдствіи на судѣ, приняла ее очень холодно, думая, что она виновата въ томъ, что Элли пострадала; но она „объяснила въ чемъ дѣло“, и разстались онѣ съ начальницей хорошо. Послѣ этого визита Каверъ уже „думала, что съ Элли сотворили что то неладное“, что Ганзенъ что-то скрываетъ. Сомнѣнія свои Каверъ высказала дворничихѣ, которая отвѣтила, что она съ мужемъ давно уже думаетъ, что навѣрное что-то нехорошее сдѣлали съ дѣвочкой, чѣмъ и укрѣпила Каверъ въ ея сомнѣніяхъ.

Въ пріютѣ также ни начальницѣ, ни преподавательницамъ не вѣрилось, чтобы дѣвочка получила поврежденія отъ паденія. И съ 6 ноября, когда Элли была доставлена изъ больницы, начались разспросы. Первые дни Элли отмалчивалась, но затѣмъ, нѣсколько дней спустя, разсказала, въ отвѣтъ на вопросы, что, когда она была у Ганзенъ, „злой дядя, докторъ Малининъ“ вырывалъ ей волосы, капалъ со свѣчки въ глазъ, раздѣвъ до гола, билъ ее чернымъ ремнемъ, который онъ снялъ съ себя, и крутилъ ей руку до тѣхъ поръ, пока сдѣлалось „краксъ“. Посредствомъ новыхъ разспросовъ пріютскія дамы установили, что докторомъ Малининымъ дѣвочка называетъ того, который приходилъ за

нею, т. е. сына врача, гимназиста Андрея Малинина. Разсказъ свой Элли повторяла въ пріютѣ нѣсколько разъ. Здѣсь, какъ и впослѣдствіи, у слѣдователя и на судѣ, она очень различно изображала роль Ганзенъ: то будто она говорила Малинину, чтобы онъ не билъ ее, то будто ея при томъ вовсе не было, то будто и она сама била ея бѣлымъ кушакомъ. Другія подробности Элли также передавала различно, но отъ того, что Малининъ билъ и мучилъ ее, она ни здѣсь, ни впослѣдствіи не отступала, одинаково передавая многія обстоятельства.

О томъ, что случилось съ Элли, въ пріютѣ въ первое время много говорили, потомъ перестали. Но не перестала говорить Каверъ. Между Рождествомъ и Новымъ годомъ она разсказывала своему знакомому, знавшему также и Ганзенъ и Элли, о томъ что съ Элли „произошла ужасная исторія", и что „тутъ замѣшанъ мужчина". Знакомый разсказалъ своему знакомому, оба они вмѣстѣ имѣли объясненіе съ Ганзенъ, и въ результатѣ 7 января 1903 г. ими послано было заявленіе прокурору.

На предварительномъ слѣдствіи медицинская экспертиза подтвердила возникшія подозрѣнія. Мѣстный врачъ—не спеціалистъ-хирургъ—высказался въ томъ смыслѣ, что поврежденія у Элли Тейманъ произошли отъ нанесенныхъ ей побоевъ, а не отъ паденія съ лѣстницы. Но на судебномъ слѣдствіи экспертъ присоединился къ мнѣнію профессора хирургіи Турнера, заявившаго, что переломъ руки дѣвочки не можетъ быть приписанъ выкручиванію, и что это, какъ и всѣ другія поврежденія, должны быть объяснены какъ послѣдствія паденія съ лѣстницы. Далѣе, относительно показаній Элли Тейманъ, медицинская экспертиза высказала, что они могли явиться результатомъ нервнаго потрясенія (шока), вызваннаго паденіемъ, и внушенія путемъ наводящихъ вопросовъ. На основаніи заключеній экспертовъ и въ виду совершенной невыясненности возможнаго мотива преступленія, Ревельскій окружный судъ оправдалъ подсудимыхъ Андрея Малинина 18 лѣтъ и Марію Ганзенъ 47 лѣтъ, обвинявшихся по 1489 и по 13 и 1489 ст. улож. о нак. По протесту то-

варища прокурора дѣло перешло въ С.-Петербургскую судебную палату, и, хотя мотивъ остался здѣсь столь же мало выясненнымъ, хотя цѣлый рядъ спеціалистовъ высказался въ томъ же смыслѣ, какъ и экспертиза въ первой инстанціи—палата признала подсудимыхъ виновными въ приписываемомъ имъ дѣяніи и приговорила Малинина—къ заключенію въ тюрьмѣ на четыре мѣсяца, а Ганзенъ—къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и заключенію въ тюрьмѣ на одинъ годъ.

II.

Одно изъ основныхъ положеній научной системы доказательствъ гласитъ: виновность обвиняемаго лишь въ томъ случаѣ можетъ считаться доказанной, если представленныя данныя не могутъ быть объяснены посредствомъ какой-либо иной разумной гипотезы, кромѣ той, которая основывается на виновности обвиняемаго [1]). „Недостаточно, говоритъ Уильзъ, чтобъ какая либо опредѣленная гипотеза объясняла всѣ обстоятельства. . . . Надлежитъ тщательно провѣрить и исключить всякое иное предположеніе, посредствомъ котораго факты могутъ быть согласованы съ невинностью обвиняемаго, и лишь когда никакое иное предположеніе не можетъ быть разсматриваемо въ качествѣ разумнаго объясненія всѣхъ обстоятельствъ дѣла,—допустимъ тотъ выводъ, что обвиняемый виновенъ въ приписываемомъ ему преступленіи“ [2]).

Въ дѣлѣ Малинина и Ганзенъ съ самаго начала, болѣе того—еще раньше чѣмъ само дѣло началось, еще раньше, чѣмъ возникла гипотеза о причиненіи истязаній Элли Тейманъ, было высказано иное объясненіе обстоятельствъ происшествій 20-го и 31-го октября, исходящее изъ того, что

---

[1]) Greenleaf, Law of evidence, 12 изд., 1866, I § 11. Wills, An essay on the principles of circumstantial evidence, 4 изд., 1862, стр. 10. Thayer, A preliminary treatise on evidence at the common law, 1898, стр. 566. Best's Grundzüge des Englischen Beweisrecht, bearb. von Marquardsen, 1851, стр. 89. Glaser, Beiträge zur Lehre vom Beweis im Strafprozess, 1883, 188—189, 140 прим.

[2]) Wills, стр. 189.

поврежденія на тѣлѣ дѣвочки произошли вслѣдствіе паденія ея при бѣганіи по двору и съ лѣстницы. Доколѣ эта гипотеза не опровергнута, принятіе судомъ другой, ведущей къ осужденію обвиняемыхъ, составляетъ рѣзкое нарушеніе элементарныхъ началъ теоріи доказательствъ. Для того, чтобъ имѣть право постановить обвинительный приговоръ, недостаточно выяснить, что выставленная гипотеза осталась недоказанной, необходимо опровергнуть ее, т. е. доказать, что гипотеза эта не объясняетъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла, или, по крайней мѣрѣ, что такое объясненіе представляется крайне маловѣроятнымъ.

Гипотеза о случайномъ причиненіи поврежденій Элли Тейманъ можетъ и должна быть отвергнута только въ одномъ изъ трехъ слѣдующихъ случаевъ: 1) если фактъ паденія дѣвочки—20-го во время игры, 31-го съ дивана и съ лѣстницы—оказался бы, сообразно обстоятельствамъ дѣла, самъ по себѣ, независимо отъ вызванныхъ имъ послѣдствій, невѣроятнымъ или по крайней мѣрѣ очень маловѣроятнымъ; 2) если имѣющіяся на тѣлѣ дѣвочки поврежденія не могли бы—или лишь съ трудомъ могли бы—быть приписаны паденію, и 3) если, исходя изъ этого предположенія, оказалось бы невозможнымъ объяснить послѣдующее поведеніе прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ.

Разсмотримъ по порядку всѣ эти три пункта.

Прежде всего: есть ли что нибудь загадочное въ многократномъ случайномъ паденіи Элли 20-го и 31-го октября? Если бы дѣвочка вообще не часто падала, то „такое послѣдовательное возникновеніе случайностей (мы цитируемъ приговоръ палаты) и притомъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ, среди весьма незначительнаго числа однихъ и тѣхъ же лицъ, при одинаковыхъ почти условіяхъ“ дѣйствительно представлялось бы „уже само по себѣ маловѣроятнымъ“. Но если мы примемъ во вниманіе, что Элли—рахитичка, которая, согласно свидѣтельскимъ показаніямъ, легко падала и плохо ходила, что она, по словамъ пріютскихъ дамъ, и въ пріютѣ часто падала,—вся странность повторнаго паденія исчезнетъ, такъ какъ предъ нами уже не рядъ случайностей въ настоящемъ смыслѣ этого

слова, а однородныя послѣдствія, вызванныя одною же, постоянно дѣйствующей причиной.

Быть можетъ, однако, происшествія 20 и 31 и каждое въ отдѣльности представляются загадочными? Въ первый разъ Элли бѣгала по двору, играя съ маленькими дѣтьми доктора Малинина, упала и расшиблась. Во второй—дѣло, по объясненіямъ подсудимой, произошло такъ: 31-го октября, Ганзенъ, придя домой, застала Элли заплаканной—дѣвочка упала съ дивана; ,,желая утѣшить ее, Ганзенъ, взяла ее на руки и поднялась по наружной лѣстницѣ, ведущей на верхній этажъ дома, намѣреваясь достать вѣтку рябины, которая росла рядомъ съ лѣстницей; при этомъ она держала Элли на правой рукѣ, а лѣвой рукой хотѣла достать вѣтку; въ это время она уронила Элли; желая ее удержать, она схватила ее за волосы, но удержать не могла, такъ какъ волоса на головѣ вырвались, и Элли покатилась внизъ по лѣстницѣ; вслѣдъ за Элли упала и она сама на землю, на Элли, и сначала думала, что совсѣмъ раздавила Элли, которая оказалась лишь въ обморочномъ состояніи". Что изъ квартиры Ганзенъ одна дверь выходитъ въ садъ, что отсюда ведетъ очень крутая наружная лѣстница въ 19 ступеней, что рядомъ съ лѣстницей растетъ рябина—все это установлено осмотромъ мѣстности; что же невѣроятнаго въ разсказѣ Ганзенъ?

Итакъ, дѣвочка могла упасть и 20-го и 31-го. Но могли ли послѣдствіемъ этого явиться именно тѣ поврежденія, которыя оказались у нея на тѣлѣ?

Здѣсь палата придаетъ преимущественное значеніе однородности поврежденій. Не говоря уже о томъ, что сравненіе поврежденій 20-го и 31-го на тѣлѣ не обнаруживаетъ рѣшительно ничего подозрительнаго, мы вообще не считаемъ возможнымъ итти за палатой по избранному ею пути. Эксперты поступили на нашъ взглядъ вполнѣ правильно, оставивъ въ своихъ заключеніяхъ вовсе безъ вниманія поврежденія, оказавшіяся у Элли 21-го октября, такъ какъ свѣдѣнія, имѣющіяся о нихъ, представляются намъ крайне недостовѣрными и совершенно недостаточными для какихъ-либо сопоставленій и выводовъ. За врачомъ тогда послано не было,

сами пріютскія дамы также не подвергли Элли тщательному осмотру, ее даже не раздѣли.

На первый взглядъ какъ будто бы кажется, что и разсмотрѣніе поврежденій, оказавшихся у Элли послѣ 31-го, не можетъ служить для разъясненія дѣла. Для рѣшенія вопроса о томъ, чему слѣдуетъ приписать эти поврежденія, необходимы спеціальныя медицинскія познанія, необходима помощь экспертовъ. Но хирургическая экспертиза не дала единодушнаго отвѣта. Профессоръ военно-медицинской академіи Турнеръ, занимающій единственную въ Россіи кафедру десмургіи, механургіи и ортопедіи, лейбъ-хирургъ профессоръ Павловъ и хирургъ приватъ-доцентъ Цейдлеръ полагали, что имѣвшіяся на тѣлѣ Элли поврежденія вполнѣ могутъ быть приписаны паденію съ лѣстницы и отнюдь не могутъ быть объяснены намѣреннымъ причиненіемъ побоевъ. Напротивъ того, по мнѣнію префессора судебной медицины Косоротова, въ виду характера и свойствъ оказавшихся у Тейманъ поврежденій, надлежитъ заключить, что дѣвочкѣ нанесены были побои.

Если-бы разногласіе между экспертами не могло-быть выяснено и устранено, если бы заключенія ихъ оказались при критической оцѣнкѣ ихъ равно обоснованными, пришлось бы признать, что обстоятельства, для разсмотрѣнія которыхъ эксперты были вызваны, остались неразъясненными, и суду надлежало бы стать на ту точку зрѣнія, которая является болѣе выгодной для подсудимыхъ—in dubio pro reo [1]). Невозможность причиненія поврежденій паденіемъ съ лѣстницы не была бы доказана, и гипотеза, исходящая изъ того предположенія, что дѣвочка разбилась, падая съ лѣстницы, осталась бы и въ этомъ пунктѣ неопровергнутой.

Въ настоящемъ случаѣ, однако, несмотря на разногласіе среди экспертовъ, заключенія ихъ могутъ быть использованы въ цѣляхъ выясненія причины поврежденій на тѣлѣ Элли.

---

[1]) Glaser Beweis, стр. 406, 408. Geyer, Beweis, въ Holtzendorffs Handbuch des deutschen Strafprozessrechts, 1879, I, стр. 259. Mittermaier, Die Lehre vom Beweise, 1834, стр. 217.

Но для этого надлежитъ при критическомъ разсмотрѣніи заключеній экспертовъ итти путемъ противоположнымъ тому ложному пути, на который ступила палата, заявляя, „что цѣнной и существенной для дѣла является та экспертиза, которая основывается на обсужденіи всей совокупности данныхъ дѣла, и изъ обсужденія этого выводитъ то общее заключеніе о причинахъ изслѣдуемаго событія или явленія, которое освѣщаетъ всѣ подробности этого событія и при помощи котораго, какъ руководящей нити, могутъ быть точно и ясно объяснены всѣ встрѣчаемыя въ дѣлѣ сомнѣнія и затрудненія". Еслибы палата въ приведенныхъ словахъ имѣла въ виду тѣ требованія, которыя должны быть предъявлены къ судебному рѣшенію, съ нею въ общемъ можно было бы согласиться; но, обращенныя къ экспертамъ, требованія эти едва ли свидѣтельствуютъ о достаточномъ пониманіи природы и значенія судебной экспертизы. „Предметъ экспертизы, говоритъ проф. Фойницкій, есть вопросъ о конкретномъ обстоятельствѣ, подлежащій разрѣшенію при помощи спеціальныхъ свѣдѣній и опытности" [1]). Этимъ положеніемъ опредѣляется и тотъ методъ, которымъ эксперты должны пользоваться, и то относительное значеніе, которое имѣетъ ихъ заключеніе въ различныхъ частяхъ своихъ. Въ ряду тѣхъ спеціальныхъ свѣдѣній, которыми обладаютъ эксперты и не обладаетъ по общему правилу судъ, далеко не послѣднее мѣсто занимаютъ пріемы и способы изслѣдованія, выработанные въ данной области знанія. Экспертиза, говоритъ проф. Фойницкій, „должна быть построена согласно требованіямъ данной спеціальности, по законамъ ея, передъ которыми въ интересахъ самаго правосудія должны склоняться даже законы процессуальные" [2]). Первыми, а не послѣдними, опредѣляется между прочимъ и тотъ матеріалъ, который является пригоднымъ и достаточнымъ для рѣшенія вопроса, поставленнаго на разсмотрѣніе экспертовъ. И не палатѣ, едва-ли ком-

---

[1]) Фойницкій, Курсъ уголовнаго судопроизводства, 2 изд. 1899, II, стр. 321.

[2]) Тамъ-же, стр. 322.

петентной въ медицинскихъ вопросахъ, поучать извѣстнѣйшихъ спеціалистовъ-хирурговъ относительно того, какія обстоятельства могутъ быть предметомъ обсужденія съ точки зрѣнія хирургіи, и разсмотрѣніе какихъ именно данныхъ дѣла требуется для разрѣшенія какого-либо хирургическаго вопроса. „Экспертиза, говоритъ проф. Фойницкій, должна находить готовый отвѣтъ въ данной спеціальности, строго держась ея предѣловъ; если его нѣтъ, она обязана воздержаться отъ всякаго отвѣта. И для суда авторитетными могутъ быть только тѣ заключенія, которыя даются экспертомъ, какъ представителемъ данной спеціальности; переходя въ сферу общихъ логическихъ размышленій, онъ утрачиваетъ свое специфическое значеніе и становится не только безполезнымъ, но порою даже вреднымъ для правосудія“ [1]). Поэтому, въ примѣненіи къ разсматриваемому нами дѣлу, мнѣніе экспертовъ имѣетъ наименьшее значеніе по общему вопросу о томъ, чему слѣдуетъ приписать поврежденія на тѣлѣ Элли Тейманъ, и, напротивъ того, оно огромно—когда эксперты высказываются о природѣ и происхожденіи отдѣльныхъ поврежденій и о присущихъ имъ характерныхъ особенностяхъ. Разсмотрѣнныя съ этой точки зрѣнія заключенія трехъ хирурговъ, съ одной стороны, и проф. Косоротова съ другой—далеко не представляются столь разногласными, какъ оно кажется, если придавать первостепенное значеніе конечному выводу экспертовъ о причинѣ поврежденій.

Важнѣйшее изъ нихъ—переломъ лѣвой руки; и по вопросу о его происхожденіи всѣ эксперты вполнѣ сходятся. Всѣ они отвергаютъ возможность происхожденія перелома отъ выкручиванія руки, какъ утверждаетъ дѣвочка. „При выкручиваніи руки, говоритъ проф. Косоротовъ, одновременнаго поврежденія лучевой и локтевой костей (какъ у Элли) быть не можетъ“. То же обстоятельно изъясняютъ проф. Турнеръ и Цендлеръ. Такой переломъ, какъ у Элли, гдѣ сломана лучевая кость въ такъ наз. locus classicus и, въ косомъ направленіи, локтевая кость „можетъ, по мнѣнію проф.

[1]) Тамъ же.

Турнера, произойти лишь отъ прямого насилія: брыкнетъ въ руку лошадь копытомъ, ударитъ человѣкъ самъ руку обо что нибудь и т. п.“. Взглядъ этотъ раздѣляютъ и остальные эксперты, въ томъ числѣ и проф. Косоротовъ, который примѣнительно къ данному случаю указываетъ, что переломъ могъ произойти и еслибъ дѣвочка была брошена на полъ или еслибъ рука ея была ушиблена о край какого нибудь предмета, напр. стула. Но онъ не отвергаетъ возможности и того частнаго случая удара руки обо что нибудь твердое, который имѣется на лицо при паденіи, и даже указываетъ, что „поврежденіе лучевой кости болѣе всего является при паденіи“. Единственное разногласіе между нимъ и другими экспертами заключается въ томъ, что проф. Косоротовъ считаетъ паденіе съ лѣстницы лишь возможной причиной перелома, остальные же признаютъ ее весьма вѣроятной, такъ какъ „всякій человѣкъ при паденіи инстинктивно протягиваетъ впередъ руки для защиты лица“, тѣмъ болѣе что на такое движеніе со стороны Элли указываетъ и поврежденіе кистевого сустава другой руки.

Нѣтъ разногласія между экспертами и относительно плѣшивостей на головѣ Элли. Проф. Косоротовъ этого вопроса вовсе не касается, а проф. Турнеръ указываетъ, что, будутъ ли волосы насильно умышленно вырваны или же они вырвутся при удержаніи за волосы вслѣдствіе тяжести падающаго тѣла дѣвочки—никакого различія въ послѣдствіяхъ не окажется.

Проф. Косоротовъ рѣзко расходится съ остальными экспертами лишь по вопросу о происхожденіи кровоподтековъ на спинѣ и бедрахъ дѣвочки; и здѣсь суду дѣйствительно приходится сдѣлать выборъ между двумя противоположными взглядами. Но это не значитъ, что онъ вправѣ присоединиться къ тому мнѣнію, которое ему почему либо пришлось болѣе по душѣ. Руководясь интересами правосудія, судъ прежде всего долженъ обратить вниманіе на тѣ доводы, которые приводятся въ подкрѣпленіе того и другого мнѣнія. „Заявленіе, изрекаемое точно оракуломъ, убѣжденіе, неизвѣстно какъ сложившееся, представляетъ собою рѣшеніе, ко-

торое экспертъ хотѣлъ бы постановить вмѣсто судьи, но которое все же не снимаетъ съ послѣдняго лежащей на немъ отвѣтственности“ [1]). Проф. Косоротовъ полагаетъ, что кровоподтеки въ видѣ полосъ на спинѣ и ягодицахъ произошли не отъ паденія, а отъ побоевъ, потому, „что полосы шли и по внутренней сторонѣ бедра, защищенной при паденіи съ лѣстницы, но доступной ударамъ поясного ремня; ибо онъ представить себѣ не можетъ, какъ при паденіи съ лѣстницы могли получиться на тѣлѣ дѣвочки обхватывающія бедро полосы“. Но по мнѣнію проф. Турнера мы имѣемъ здѣсь дѣло съ распространеніемъ кровоподтековъ внутрь, „какъ это всегда и бываетъ, такъ какъ кровоподтеки вообще распространяются быстро и даже на далекое пространство отъ мѣста ушиба“. Эти опровергающіе аргументацію проф. Косоротова доводы не были опровергнуты въ свою очередь, и для суда, который собственныхъ соображеній въ подобнаго рода вопросахъ представить не можетъ, обхватывающія бедро полосы должны были потерять всякое доказательное значеніе. Но, мало того, неопровергнутыми остались не только доводы, убѣждающіе въ возможности причиненія кровоподтековъ паденіемъ съ лѣстницы,—не опровергнутыми остались и указанія проф. Павлова на то, что „при ударахъ кушакомъ широкимъ, да еще съ пряжкою на концѣ, полосъ на спинѣ такихъ, какъ онѣ описаны, не получилось бы, а весь ударъ сосредоточился бы въ конечной точкѣ приложенія силы, не образовавъ полосъ“; и что, напротивъ того, при паденіи съ лѣтницы такія полосы вполнѣ возможны.

Итакъ, медицинская экспертиза, при надлежащемъ пользованіи ею, согласно указаніямъ ученія о доказательствахъ, неизбѣжно приводитъ во всякомъ случаѣ къ тому выводу, что имѣвшіяся на тѣлѣ Элли поврежденія вполнѣ могутъ быть приписаны паденію съ лѣстницы.

Заключенія экспертовъ въ дѣлѣ Малинина и Ганзенъ даютъ богатѣйшій, основанный на строго научныхъ данныхъ матеріалъ; но, чтобъ онъ не пропалъ даромъ, палатѣ надле-

---

[1]) Glaser, стр. 404 и 406.

жало вмѣсто того, чтобъ негодовать на экспертовъ за то, что они не взяли на себя роли судей, и по этому поводу читать имъ крайне неумѣстныя нотаціи, вслушаться и вдуматься во всѣ тѣ умныя вещи, которыя эксперты говорили, чтобы какъ можно полнѣе использовать читанное и слышанное при выполненіи своего судейскаго долга. Иное дѣло доводы, почерпнутые изъ поведенія подсудимыхъ послѣ того, какъ произошло событіе, которое ставится имъ въ вину. При пользованіи этимъ матеріаломъ требуется большая разборчивость и крайняя осторожность, ибо, какъ замѣчаетъ Глазеръ, „мы имѣемъ здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ либо дѣло съ явленіями, которыя допускаютъ различное истолкованіе и легко могутъ ввести въ заблужденіе, хотя съ другой стороны при извѣстныхъ обстоятельствахъ онѣ могутъ служить весьма убѣдительными доказательствами; все зависитъ отъ того, могутъ ли онѣ быть объяснены *исключительно* тѣмъ, что обвиняемый зналъ о дѣяніи и сопровождавшихъ его обстоятельствахъ и могъ имѣть ихъ въ виду лишь вслѣдствіе сознанія своей вины въ этомъ дѣяніи. Но чуть лишь поведеніе подсудимаго можетъ проистекать изъ того, что за нимъ какая нибудь иная вина, или изъ того, что онъ сознаетъ что его подозрѣваютъ, подозрительность данныхъ обстоятельствъ теряетъ свое значеніе. Также обстоитъ дѣло и въ томъ случаѣ, если обвиняемый можетъ дать другое весьма невинное объясненіе обстоятельствъ, привлекшихъ къ себѣ вниманіе“, напр., что его ложныя сообщенія проистекали изъ желанія скрыть нѣчто иное, помимо всякаго преступленія [1]). Такова именно та ложь, которая содержится въ первоначальномъ объясненіи Ганзенъ у Каверъ относительство поврежденій на тѣлѣ Элли. Ганзенъ говоритъ: дѣвочка упала съ дивана, лишь впослѣдствіи объясняетъ, что съ дивана то она упала, но поврежденія получила при паденіи съ лѣстницы. Ясно, что при первомъ объясненіи Ганзенъ что то скрываетъ. Но что именно? „Совершенное преступленіе“ утверждаетъ обвиненіе. „Паденіе съ лѣстницы“ возражаетъ защита: Ганзенъ оберегала свою

---

[1]) Glaser, Beweis, стр. 172.

профессіональную честь, ибо кто же довѣритъ ей своихъ дѣтей, если она не сумѣла уберечь столь любимую ею Элли. Возможны оба объясненія: первое исходитъ изъ преступности подсудимой, второе изъ глупости ея. Но кому послѣднее предположеніе покажется мало вѣроятнымъ, тотъ отмѣтитъ фактъ лжи со стороны Ганзенъ какъ первое обстоятельство плохо объясненное съ точки зрѣнія гипотезы случайнаго причиненія поврежденій, съ тѣмъ чтобъ если подобныхъ обстоятельствъ накопится много—отбросить эту гипотезу, если же оно останется одинокимъ—отбросить само обстоятельство, которое въ единственномъ числѣ, конечно, ужъ безусловно ничтожно и бездоказательно.

Въ поведеніи Ганзенъ нельзя найти другихъ столь же „подозрительныхъ" моментовъ. Почему, спрашиваетъ палата, если дѣйствительно Элли только случайно упала, Ганзенъ не доставила ее въ пріютъ или не отвезла ее прямо въ больницу или къ какому-либо врачу? Защита даетъ и на этотъ вопросъ тотъ же отвѣтъ: Ганзенъ скрывала паденіе съ лѣстницы, она скрывала его какъ показываютъ и свидѣтели,—особенно отъ д-ра Малинина, который запретилъ Ганзенъ брать къ себѣ Элли. Вотъ что онъ самъ говоритъ: „Ганзенъ запирала Элли одну въ своей квартирѣ и, конечно, дитя играя могло разбиться, могло спичкой поджечь и сгорѣть, и это я находилъ неправильнымъ, а потому запретилъ Ганзенъ брать дѣвочку къ себѣ по буднямъ, когда она не могла смотрѣть за нею". Объясненіе это критиковать не приходится: оно единственное; ибо если исходить изъ того, что Ганзенъ не отъ Малининыхъ пряталась, а скрывала преступленіе, то, какъ правильно указалъ защитникъ Малинина, остается совершенно непонятнымъ, почему, вмѣсто того, чтобъ спрятать дѣвочку у себя во флигелѣ, Ганзенъ тащитъ ее почти къ первой встрѣчной, къ Маріи Каверъ, куда приходятъ посторонніе, ей совершенно неизвѣстные люди, и оставляетъ ее тамъ на всю ночь, на полъ-дня.

Стифенъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ предсѣдательскихъ резюме: „Если вы будете исходить изъ того предположенія, что этотъ человѣкъ совершилъ преступленіе, то най-

дется много обстоятельствъ, которыя покажутся подозрительными; но если вы не будете исходить изъ того, что онъ виновенъ, обстоятельства эти окажутся вовсе не подозрительными, такъ какъ имъ легко дать объясненіе"[1]). Слова эти полезно имѣть въ виду, обсуждая „подозрительное" поведеніе Ганзенъ; но ихъ не слѣдуетъ забывать и при разборѣ показаній Элли Тейманъ и отношенія ея къ подсудимымъ.

Говорятъ, Элли боялась Андрея Малинина и при одномъ видѣ его начинала трястись. Такъ было въ камерѣ слѣдователя. Но это, конечно, не убѣдительно: какъ мы увидимъ далѣе, никто не отрицаетъ субъективной правдивости показанія Элли; утверждаютъ лишь, что оно—продуктъ безсознательной лжи, которая сложилась въ сознаніи Элли еще задолго до того, какъ ее допрашивали у слѣдователя. Но, говорятъ, дѣвочка обнаруживала страхъ предъ Малининымъ еще до наступленія тѣхъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ могло сложиться безсознательно ложное показаніе Элли. Еще 30-го октября, когда Ганзенъ пришла за нею въ пріютъ въ послѣдній разъ, Элли, разсказываетъ начальница пріюта, не хотѣла идти съ Ганзенъ, боялась какого то дяди, просила не отпускать ее, говоря: „а дядя тамъ"; но Ганзенъ стала успокаивать Элли, ласкать ее, и послѣдняя, хотя и со слезами на глазахъ, ушла съ Ганзенъ.

Всей этой, устанавливаемой лишь однимъ свидѣтельскимъ показаніемъ, исторіи едва-ли можно придавать какое либо значеніе.

„Надо всегда имѣть въ виду, говоритъ судья Джонъ Ромили, какъ сильно склонны люди вѣрить въ то, чему они желаютъ вѣрить. Часто приходится наблюдать, какъ люди, останавливаясь долгое время на фактахъ, которые по ихъ мнѣнію должны были произойти, и стараясь вспомнить, произошли ли они, въ концѣ концовъ сами убѣждаютъ себя въ томъ, что они дѣйствительно вспоминаютъ то, что, какъ имъ сперва казалось, лишь должно было произойти. То, что пер-

---

[1]) Harris, Hints on advocacy, 12 изд., 1903, стр. 132—133.

воначально было плодомъ воображенія, становится со временемъ продуктомъ воспоминаній“ [1]).

Что всей исторіи съ „дядей“—грошъ цѣна, неопровержимо явствуетъ изъ того, что Элли видѣла Андрея Малинина 31-го октября, т. е. сейчасъ послѣ того, какъ ей, будто бы, были причинены самыя тяжкія истязанія, и—не испугалась его. Андрей Малининъ былъ въ этотъ день у Каверъ два раза: сперва одинъ, потомъ съ отцомъ. Дѣвочка не видѣла Андрея Малинина, когда онъ пришелъ къ Каверъ второй разъ, но при первомъ приходѣ Андрея Малинина Элли, какъ она сама показываетъ, видѣла его и—не испугалась. Что она не испугалась, мы потому вправѣ утверждать, что при этомъ присутствовала Каверъ. Конечно, изъ того, что свидѣтель не замѣтилъ какого либо обстоятельства, по общему правилу далеко еще не слѣдуетъ, что данное обстоятельство не произошло. Но когда предъ нами свидѣтельница, которая все время что то подозрѣвала и во всемъ искала и находила подтвержденіе для своихъ подозрѣній, которая даже въ томъ, что подсудимый, узнавъ о переломѣ руки дѣвочки, воскликнулъ „ахъ“, усмотрѣла выраженіе „мученія и страха“,—когда предъ нами такая свидѣтельница, мы безусловно можемъ утверждать, что если ужъ она не замѣтила ничего подозрительнаго, то ничего подозрительнаго не произошло.

Итакъ, только что получивъ поврежденія, Элли видѣла Андрея Малинина и не испугалась его. Прошли мѣсяцы, Элли вновь увидѣла Андрея Малинина въ камерѣ судебнаго слѣдователя и испугалась, затряслась отъ страха. Очевидно, здѣсь были какіе то привходящіе моменты, которые заставили дѣвочку видѣть въ Андреѣ Малининѣ своего палача—мучителя.

Когда Элли еще не пугалась Андрея Малинина, она ничего не говорила объ истязаніяхъ. Къ тому времени, какъ она стала дрожать при видѣ его, она утверждала, что ее били, мучили. Невольно является сомнѣніе, не представляетъ ли

---

[1]) Wellman, The art of cross-examination, 2 изд., 1904, стр. 143.

собою и это ея утвержденіе продуктъ тѣхъ же привходящихъ моментовъ, которые вселили въ нее страхъ къ подсудимому.

По показанію Сергѣя Малинина Элли, упавши съ лѣстницы, потеряла сознаніе. Далѣе цѣлымъ рядомъ свидѣтельскихъ показаній установлено, что вечеръ и ночь она провела безпокойно, была угнетена. „Очевидно, заключаетъ экспертъ, приватъ-доцентъ Добротворскій, отъ паденія у нея произошло нервное потрясеніе (шокъ), послѣдствіемъ котораго весьма часто бываетъ потеря памяти какъ о случившемся при томъ, такъ и о событіяхъ, предшествовавшихъ даже за часъ времени до того. Впослѣдствіи, когда Тейманъ стали разныя лица спрашивать, отчего у нея синяки, кто ее билъ, кто ручку сломалъ и т. д., то она сначала молчала, а потомъ, понимая, какъ умный ребенокъ, что сами собой поврежденія не могли появиться, вслѣдствіе наводящихъ вопросовъ, не помня дѣйствительнаго событія—паденія съ лѣстницы, могла подпасть внушенію разспрашивающихъ лицъ, которыя привили ей извѣстный образъ мышленія".

Приведемъ нѣкоторыя данныя, подкрѣпляющія эти соображенія. Прежде всего, для иллюстраціи того, какъ поврежденія, въ особенности касающіяся и головы (какъ у Элли), могутъ сами по себѣ отразиться на правильности показанія о самихъ поврежденіяхъ и о предшествовавшихъ имъ моментахъ, приведемъ нѣкоторые изъ числа фактовъ, собранныхъ Гросомъ въ его Руководствѣ для судебныхъ слѣдователей [1]).

Потерпѣвшій получилъ въ дракѣ здоровый ударъ дубиной по головѣ, такъ что онъ потерялъ сознаніе. Два дня спустя, когда его допрашивали въ первый разъ, онъ показывалъ съ чрезвычайною настойчивостью, что ударъ нанесъ ему очень высокій мужчина съ длинной черной бородой. Къ счастію, это описаніе не подходило ни къ одному изъ участвовавшихъ въ дракѣ; кромѣ того, цѣлымъ рядомъ свидѣтельскихъ показаній удалось установить, что нанесшій ударъ—маленькаго роста и имѣетъ лишь бѣлокурые усы. Когда потерпѣвшій выздоровѣлъ, онъ назвалъ въ качествѣ виновнаго того са-

[1]) Gross, Handbuch für Untersuchungsrichter, 4 изд., 1904, I, стр. 89 сл.

маго, на котораго указывали другіе свидѣтели, но вмѣстѣ съ тѣмъ объяснилъ, что когда онъ лежалъ въ полубезсознательномъ состояніи, ему все казалось, будто высокій мужчина съ длинной черной бородой хочетъ вытащить его изъ постели. *Это описаніе вполнѣ подходило къ врачу, подавшему ему первую помощь.*

Было бы, однако, ошибочно полагать, что такое возвращеніе правильныхъ представленій, какъ въ изложенномъ случаѣ, должно обязательно наступить когда потерпѣвшій вполнѣ оправится. Напротивъ того, обычнымъ является закрѣпленіе неправильныхъ представленій. Приведемъ для примѣра еще одинъ случай: на крестьянина, шедшаго на ярмарку, совершено было нападеніе; его ранили и у него отняли деньги, на которыя онъ хотѣлъ купить корову. При допросѣ, день спустя, онъ находился въ полномъ сознаніи и точно разсказалъ все, что съ нимъ произошло, въ совершенномъ согласіи съ добытыми помимо него данными. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ упорно настаивалъ, несмотря на всѣ возраженія, что у него отняли купленную корову, а не деньги на покупку коровы. Когда ему указывали, что онъ былъ ограбленъ по дорогѣ *на* ярмарку и за день *до* ярмарки и т. п., онъ призадумывался и давалъ каждый разъ тотъ же отвѣтъ: „Все равно, онъ отнялъ у меня корову, я не знаю, какой видъ она имѣла и сколько она стоила, но корова у меня была“. Дѣйствительныя обстоятельства дѣла были точно установлены на основаніи другихъ данныхъ.

Иногда, какъ въ изложенныхъ случаяхъ, воспринятое искажается, въ другихъ оно совершенно стирается изъ сознанія пострадавшаго. Приведемъ два примѣра, свидѣтельствующіе вмѣстѣ съ тѣмъ о томъ, что для того, чтобъ произошли подобныя измѣненія въ памяти, не требуется ни продолжительнаго безсознательнаго состоянія, ни особой тяжести поврежденій.

Хирургъ Аберкромби упалъ однажды съ лошади и поранилъ себѣ голову. Въ виду отсутствія врача, онъ самъ точно и правильно отдалъ всѣ распоряженія относительно

перевязки и ухода за нимъ, но совершенно забылъ, что у него есть жена и дѣти.

„Когда я былъ студентомъ, разсказываетъ Гросъ, я на охотѣ однажды скатился съ отвѣснаго склона горы, но не причинилъ себѣ никакихъ существенныхъ поврежденій. Мой спутникъ, старый священникъ, говорилъ мнѣ, что все время, что я скатывался, я безпрерывно кричалъ: Нѣтъ, нѣтъ, я не падаю, я твердо стою. Но у меня не осталось ни малѣйшаго представленія объ этомъ комичномъ увѣреніи“ [1]).

Это исчезновеніе воспринятыхъ представленій косвеннымъ образомъ также въ большой мѣрѣ содѣйствуетъ искаженію ихъ, создавая благодарную почву для внушенія. Способность ко внушенію, какъ выясняютъ новѣйшія изслѣдованія, не есть свойство, относящееся всецѣло къ области психопатологіи. „Внушеніе, говоритъ проф. Бехтеревъ, сводится къ непосредственному прививанію тѣхъ или другихъ психическихъ состояній отъ одного лица къ другому,—прививанію, происходящему безъ участія воли (и вниманія) воспринимающаго лица и нерѣдко даже безъ яснаго съ его стороны сознанія“ [2]). Въ извѣстныхъ предѣлахъ подверженность внушенію—явленіе нормальное, обыденное. Но лишь при благопріятныхъ условіяхъ оно принимаетъ огромные размѣры, вселяя въ сознаніе объекта внушенія вѣру въ то, что имъ восприняты цѣлые комплексы фактовъ, свидѣтелемъ которыхъ онъ въ дѣйствительности никогда не былъ. „Чѣмъ интенсивнѣе, полнѣе и свѣжѣе картина памяти, тѣмъ большее сопротивленіе окажетъ она внушенію“ [3]). Поэтому воздѣйствіе посредствомъ внушенія наиболѣе легко осуществимо по отношенію къ образамъ весьма слабо воспринятымъ или затуманеннымъ, стертымъ какими либо послѣдующими обстоя-

---

[1]) Gross, Archiv für Kriminalanthropologie und Kriminalistik, XIV, 1893, стр. 189.

[2]) Бехтеревъ, Внушеніе и его роль въ общественной жизни, 2 изд., 1904, стр. 19.

[3]) Stern, Die Aussage, I, стр. 79 (Beitrage zur Psychologie der Aussage Erste Folge, 1903—1904, стр. 347).

тельствами, какъ напр. паденіе, сопровождавшееся нервнымъ потрясеніемъ.

На такой канвѣ нетрудно вышить какіе угодно причудливые узоры. Необходима лишь пригодность выбранныхъ средствъ. А такъ какъ вообще внушеніе „проявляется легче всего въ томъ случаѣ, когда оно проникаетъ въ психическую сферу незамѣтно, вкрадчиво“ [1]), то для внушенія будто-бы воспринятыхъ представленій едва-ли не наиболѣе надежный путь заключается въ многократномъ разспрашиваніи при помощи наводящихъ вопросовъ. „Свидѣтель, который при первомъ допросѣ могъ-бы еще воспроизвести болѣе или менѣе неискаженную картину воспринятаго имъ, такъ тренируется многократнымъ повтореніемъ допроса, при которомъ внушеніе играетъ не легко поддающуюся контролю, но печальную роль, что онъ самъ въ концѣ концовъ вѣритъ въ то, что ему часто подсказывали и что онъ вслѣдъ за тѣмъ повторялъ“ [2]).

Если такіе „блестящіе“ результаты могутъ быть достигнуты со взрослыми свидѣтелями, то по отношенію къ дѣтямъ они еще значительно легче осуществимы. Показанія дѣтей вообще не безъ основанія не пользуются особыми симпатіями со стороны юристовъ. Очень ужъ странно звучитъ въ приговорѣ палаты ссылка на мнѣніе дѣтскаго врача д-ра Геппенера, что дѣти начинаютъ толково отвѣчать не позже пятилѣтняго возраста, когда вопросъ о показаніяхъ свидѣтелей съ давнихъ поръ разрабатывается въ юридической литературѣ и въ настоящее время обратилъ на себя особое вниманіе со стороны психологовъ и юристовъ. Новѣйшіе изслѣдователи отнюдь не считаютъ возможнымъ видѣть въ каждомъ пятилѣтнемъ ребенкѣ толковаго, психологически-достовѣрнаго свидѣтеля; они, напротивъ того, настаиваютъ на необходимости соблюдать величайшую осторожность при пользованіи показаніями дѣтей [3]).

[1]) Бехтеревъ, стр. 24.

[2]) Schneickert, Zus Psychologie der Zeugenaussagen, въ Archiv für Kriminalanthropologie und Kriminalistik, XIII, стр. 206.

[3]) Ср. Binet, La suggestibilité, 1900. Mottet, Les faux témoignages des enfants devant la justice, 1887. Schrenck-Notzing, въ Archiv für Kriminalanthropologie, V, стр. 5. Stern, Aussagestudium, Beiträge, I, стр. 55.

Одинъ изъ современныхъ нѣмецкихъ изслѣдователей выставляетъ „въ виду крайней ненадежности показаній дѣтей, являющейся слѣдствіемъ ихъ недостаточной способности къ воспріятію, слабости памяти и высокой сугжестивности, то положеніе, что дѣти моложе семи лѣтъ не должны быть допускаемы къ свидѣтельству на судѣ“ [1]). Это, можетъ быть, преувеличеніе. Но вотъ мнѣніе одного изъ крупнѣйшихъ криминалистовъ теоретиковъ и практиковъ, далеко при томъ не склоннаго къ скороспѣлымъ выводамъ. „Показаніямъ дѣтей, говоритъ Стифенъ, придаютъ обыкновенно большее значеніе, нежели они того заслуживаютъ, такъ какъ симпатіи присяжныхъ всегда на ихъ сторонѣ. И это—большое зло, ибо въ дѣтствѣ сила воображенія развита далеко не соразмѣрно съ другими свойствами; дѣти сплошь и рядомъ говорятъ неправду не изъ желанія ввести въ заблужденіе, а потому, что онѣ такъ именно и думаютъ подъ вліяніемъ разговоровъ или фантазированія о томъ, что произошло“ [2]). Особенно опаснымъ является неизбѣжное вліяніе на дѣтей со стороны окружающихъ—взрослыхъ [3]). „У ребенка говоритъ Гросъ, не выработались еще общія начала поведенія; онъ полонъ вѣры въ слова взрослыхъ, и если взрослый, не слишкомъ ужъ скоро послѣ воспріятія, станетъ производить давленіе на ребенка, послѣдній легко повѣритъ, что онъ наблюдалъ то самое, что говоритъ взрослый. Особенно хорошо и вѣрно происходитъ этотъ процессъ, когда взрослый осторожно и постепенно окажетъ воздѣйствіе на ребенка и, посредствомъ частыхъ вопросовъ: „не такъ ли оно было“?—„не правда ли, такъ оно было“? приведетъ его къ тому результату, который онъ хочетъ получить. Также обстоитъ дѣло, когда воздѣйствіе происходитъ не намѣренно. Когда случилось что либо важное, о происшествіи естественно много говорятъ, дѣлаютъ умозаключенія, обсуждаютъ и что другіе наблюдали, и что они при извѣстныхъ усло-

---

[1]) Schneickert, Die Zeugenvernehmung im Lichte der Strafprozessreform (Beitrâge, I, стр. 440).

[2]) Stephen, A general view of the criminal law of England, 1863, стр. 287.

[3]) Ram, A treatise on facts as subjects of inquiry by a jury, 3 амер. изд. 1873, стр. 160—161.

віяхъ могли-бы видѣть. Когда все это слышитъ ребенокъ, эти разговоры глубоко врѣзываются въ его мягкую душу, и въ концѣ концовъ онъ легко вѣритъ, что онъ самъ воспринялъ все то, о чемъ говорятъ другіе“ [1]. „Къ важнѣйшимъ моментамъ, говоритъ Штернъ, которые въ отрицательномъ отношеніи отзываются на показаніяхъ дѣтей, принадлежитъ—рядомъ съ свойственнымъ неумѣлымъ наблюденіемъ, недисциплинированнымъ воображеніемъ и слабо-развитымъ сознаніемъ отвѣтственности—невѣроятная степень сугжестивности дѣтей“ [2]. „Если вы хотите, резюмируетъ Бинэ практическіе результаты произведенныхъ имъ опытовъ, получить отъ ребенка возможно болѣе правильное показаніе, не ставьте ему никакихъ вопросовъ, избѣгайте даже такихъ, которые свободны отъ всякаго внушенія“ [3].

Такъ ли ограждали Элли отъ всякаго хотя бы и невольнаго воздѣйствія на нее со стороны взрослыхъ? Напротивъ, все сдѣлано было для того, чтобъ показаніе ея какъ можно менѣе заслуживало довѣрія, какъ можно менѣе соотвѣтствовало дѣйствительности, словомъ, чтобъ оно вышло такимъ, какимъ оно на дѣлѣ и оказалось.

Еще когда Элли была у Каверъ, у ея постели велись разговоры о томъ, что не можетъ быть, чтобы поврежденія произошли отъ паденія, что ее избили, что надъ нею что то ужасное совершено. Подобные же разговоры велись и недѣлю спустя въ пріютѣ, когда Элли доставили туда. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ее распрашивали. Какъ распрашивали? При помощи ли наводящихъ вопросовъ? Палата находитъ обстоятельство это неустановленнымъ, и рядомъ съ тѣмъ сама признаетъ, что даже на судѣ „Тейманъ никакого связнаго, послѣдовательнаго разсказа о томъ, что дѣлалъ съ ней подсудимый, не представляла, а ограничивалась самыми краткими на предлагавшіеся ей вопросы отвѣтами, заключавшимися въ значительномъ количествѣ случаевъ лишь въ словахъ: да или

[1] Gross, Handbuch, I, стр. 98—99.
[2] Stern, Aussagestudium, стр. 55 (Beiträge, Erste Folge).
[3] Binet, стр. 294.

нѣтъ". Но мы имѣемъ и прямыя данныя относительно того, какъ дѣвочку разспрашивали. Когда ее принесли къ Каверъ, послѣдняя спросила ее, не упала ли она, но Элли молчала. Каверъ повторила вопросъ: „ты съ дивана упала?" Элли чуть слышно отвѣтила „да". Пришедшая къ Каверъ знакомая также распрашивала Элли, и дѣвочка говорила, что она упала съ дивана и съ лѣстницы. „Во время шестидневнаго пребыванія Элли въ больницѣ, устанавливаетъ палата на основаніи показаній пользовавшаго дѣвочку врача, отъ нея невозможно было ничего добиться о томъ, кто и какъ причинилъ ей оказавшіяся у нея поврежденія". Дѣвочка еще не говорила, что ей вообще причинили поврежденія, а ее уже спрашиваютъ, кто и какъ причинилъ ихъ; спрашивавшіе, какъ они сами показываютъ, не вѣрили, что дѣвочка упала, и были убѣждены, что ее избили. Несмотря на всѣ старанія, въ больницѣ отъ Элли ничего нельзя было добиться; это удалось лишь въ пріютѣ, куда Элли доставили недѣлю спустя послѣ того, какъ она получила поврежденія. Первый и второй день Элли и здѣсь молчала, несмотря на всѣ разспросы; но затѣмъ *на вопросы* одной изъ наставницъ (которая, какъ и всѣ въ пріютѣ, не вѣрила, что Элли упала) она разсказала кое что, потомъ, въ теченіе слѣдующихъ дней, *на вопросы* другихъ дамъ (такъ всѣ онѣ сами показываютъ) дѣвочка сообщала новыя и новыя свѣдѣнія.

Говорила она, что ее била Ганзенъ—впрочемъ относительно ея она показывала разное—и еще какой то дядя. На вопросы, какъ звать дядю, дѣвочка отвѣчала сперва: „не знаю", потомъ: „докторъ Малининъ". Впослѣдствіи, у слѣдователя и на судѣ, Элли ясно и опредѣленно объясняла, что докторомъ она называетъ гимназиста Андрея Малинина. Но тотъ способъ, которымъ это было впервые выяснено, не можетъ вселить особой увѣренности въ томъ, что она и прежде подразумѣвала подъ докторомъ Малининымъ то же лицо. Одна изъ пріютскихъ дамъ свидѣтельствуетъ, что ей „показалось невѣроятнымъ, чтобы докторъ губилъ дѣвочку, и объ этомъ она высказала и дѣвочкѣ и стала разспрашивать ее, какъ былъ дядя одѣтъ"; Элли разсказала, и дама „тогда

подумала, что это или сынъ доктора Малинина, или же однофамилецъ доктора". А между тѣмъ, какъ прекрасно отмѣчаетъ защитникъ Малинина, настоящій докторъ Малининъ дѣйствительно несомнѣнно продѣлывалъ надъ Элли многое изъ того, что она приписываетъ молодому „доктору Малинину". Осматривая ее, онъ, между прочимъ, и ручку крутилъ для того, чтобы установить, гдѣ переломъ, пока не раздался характерный для перелома хрустъ—„краксъ", какъ выражается дѣвочка.

Повидимому, предъ нами случай аналогичный тому, гдѣ раненый, описывая внѣшность лица, причинившаго ему поврежденія, изображалъ лечившаго его врача.

Во всякомъ случаѣ мы, кажется намъ, вполнѣ вправѣ считать выясненнымъ, что показаніе Элли Тейманъ отнюдь не можетъ служить препятствіемъ къ принятію той гипотезы, что дѣвочка упала съ лѣстницы, ибо мы имѣемъ всѣ основанія сомнѣваться въ томъ, что показаніе ея соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

III.

Разборъ обстоятельствъ дѣла показалъ намъ, что всѣ онѣ, безъ всякой натяжки, вполнѣ могутъ быть совмѣщены съ предположеніемъ о невинности подсудимыхъ. При такихъ условіяхъ, когда не разрушено „разумное сомнѣніе" въ томъ, что подсудимые совершили преступленіе, [1]) сомнѣніе „основанное на доказательствахъ и составляющее результатъ знанія, а не одного лишь впечатлѣнія или гаданія", [2]) постановленіе обвинительнаго приговора представляется во всякомъ случаѣ крайне легкомысленнымъ.

Тѣмъ не менѣе, оно могло бы быть хоть сколько нибудь оправдано, если бы гипотеза, исходящая изъ предположенія виновности подсудимыхъ, отличалась чрезвычайной, подавляющей стройностью и простотою. Но что сказать объ об-

---

[1]) Stephen, A digest of the law of evidence, 4 изд. 1893, § 94, стр. 105.
[2]) Фойницкій, II, стр. 219.

виненіи, покоющемся на предположеніи, которое не въ состояніи объяснить главнѣйшихъ обстоятельствъ дѣла, составляющихъ самую суть его?

Гипотеза, лежащая въ основѣ обвиненія, не объясняетъ ни того, почему Элли Тейманъ подверглась истязаніямъ, ни какимъ образомъ произошли причиненныя ей поврежденія. Она не объясняетъ ни мотивовъ предполагаемаго преступленія, ни оставленныхъ имъ слѣдовъ.

Мотивъ преступленія былъ уже намѣченъ бабьими сплетнями о томъ, что „здѣсь безъ мужчины не обошлось". Его искали въ области половыхъ отношеній. Дѣло представлялось такъ: Малининъ и Ганзенъ, которая однѣхъ лѣтъ съ его матерью, находятся въ любовной связи; для того, чтобъ вызвать половое возбужденіе въ садистѣ Малининѣ, Ганзенъ и предоставляла въ его распоряженіе для истязаній дѣвочку Элли. Но при ближайшемъ изслѣдованіи все это построеніе оказалось сущимъ вздоромъ. Единственное „доказательство" интимныхъ отношеній между подсудимыми представлено все той же Каверъ: однажды, зайдя въ комнату Ганзенъ, она увидѣла на столѣ раскрытую книгу съ стихотвореніемъ: „Я жду тебя, приди въ мои объятья"; въ это время вошелъ Андрей Малининъ, и Каверъ рѣшила, что книга раскрыта не спроста. Но цѣлый рядъ свидѣтельскихъ показаній удостовѣрилъ, что ни о какихъ интимныхъ отношеніяхъ между подсудимыми и рѣчи быть не можетъ. Совершенно опровергнута была и гипотеза о садизмѣ. Ей безусловно противорѣчитъ и весь нравственный обликъ подсудимаго, какъ онъ вырисовывается изъ очень благопріятныхъ, подчасъ прямо-таки восторженныхъ отзывовъ его учителей, товарищей и всѣхъ знавшихъ его, противорѣчитъ и полное отсутствіе какихъ либо признаковъ дегенераціи, полное отсутствіе какихъ либо физическихъ недуговъ, предрасполагающихъ къ подобнымъ ненормальнымъ проявленіямъ полового чувства; противорѣчитъ, наконецъ, и то объективное обстоятельство, что у Элли половая область не тронута при массѣ другихъ поврежденій, а между тѣмъ при проявленіяхъ садизма всѣ истязанія направлены обыкновенно на половую область. Все это

согласно устанавливаютъ столь авторитетные эксперты какъ Чечотъ, Розенбахъ, Рыбалкинъ. Вся гипотеза обвиненія относительно мотива преступленія, замѣчаетъ прив.-доц. Розенбахъ, представляется ему совершеннымъ nonsens'омъ: „еслибъ здѣсь не существовала легенда, то не было бы и подсудимыхъ". Совершенное отсутствіе мотива предполагаемаго преступленія принуждена признать и палата. „Нельзя не указать, мягко замѣчаетъ палата, что вопросъ этотъ (о мотивѣ) остался судебными слѣдствіями неразъясненнымъ въ той мѣрѣ, въ какой это было бы желательно".

Не объясняетъ гипотеза обвиненія, какъ мы видѣли и оказавшихся на тѣлѣ у Элли поврежденій, въ особенности перелома руки. Онъ, какъ утверждаютъ всѣ эксперты, въ томъ числѣ и проф. Косоротовъ, не могъ произойти отъ выкручиванія. И палата, соглашаясь съ ними, объясняетъ переломъ не, согласно показаніямъ Элли, какъ послѣдствіе крученія, а какъ продуктъ удара руки обо что-то. Этимъ подрывается все значеніе того единственнаго доказательства, на которомъ зиждется все обвиненіе. Крученіе руки не мелочь, оно занимаетъ центральное мѣсто во всѣхъ показаніяхъ Элли. Если мы предположимъ, что она здѣсь ошибается, то отчего не можемъ мы предположить, что весь разсказъ ея основанъ на одной лишь фантазіи? Притомъ въ дѣлѣ нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ для того, чтобъ утверждать, что дѣвочку ударили рукой обо что-то. Проф. Косоротовъ, въ качествѣ эксперта, вправѣ былъ указывать, въ видѣ матеріала для судейскаго сужденія, на тѣ дѣйствія, которыми переломъ могъ быть вызванъ,—такъ дѣлалъ и проф. Турнеръ, но судъ не можетъ строить обвинительнаго приговора на такихъ предположеніяхъ.

Таковы тѣ доказательства, на основаніи которыхъ палата сочла возможнымъ вынести обвинительный приговоръ; доказательства, которыхъ, какъ выразился кто-то, недостаточно для осужденія собаки, не то что человѣка.

Но представимъ себѣ на минуту, что предъ нами не уголовное дѣло, гдѣ ошибочное осужденіе невиннаго является несравненно большимъ зломъ, чѣмъ оправданіе виновнаго, и

гдѣ, поэтому, какъ говорили англійскіе юристы уже три вѣка тому назадъ, доказательства должны быть яснѣе свѣта (probationes debent esse luce clariores),—представимъ себѣ, что предъ нами гражданское дѣло, гдѣ равно важно, чтобъ ни той ни другой сторонѣ не было причинено несправедливаго имущественнаго вреда, и гдѣ, поэтому, дѣло должно быть рѣшено въ пользу того, въ чью сторону хоть сколько нибудь перевѣшиваютъ представленныя на судѣ доказательства,—даже при такихъ условіяхъ не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, какъ слѣдуетъ разрѣшить разсматриваемое нами дѣло.

Если мы отбросимъ многочисленныя косвенныя улики, которыя, какъ мы видѣли, никого ни въ чемъ не уличаютъ, то весь даказательственный матеріалъ по дѣлу Малинина и Ганзенъ сводится къ заключеніямъ экспертовъ и противорѣчащему имъ показанію потерпѣвшей. Что перевѣшиваетъ—рѣшить не трудно. Съ одной стороны—научно-обоснованное мнѣніе видныхъ ученыхъ, опытныхъ практиковъ, по вопросамъ ихъ спеціальности, высоко развитой, тщательно разработанной. Съ другой—показаніе, отличающееся всѣми тѣми свойствами, которыя умаляютъ психологическую достовѣрность словъ свидѣтеля; здѣсь и малолѣтство свидѣтеля, и возможность нервнаго потрясенія, и внушеніе посредствомъ наводящихъ вопросовъ: еслибъ искусственно конструировать случай, гдѣ, при полной моральной правдивости свидѣтеля, показаніе его лишено всякаго значенія, онъ не вышелъ бы болѣе яркимъ нежели тотъ, который дала намъ сама жизнь въ злополучномъ дѣлѣ Малинина и Ганзенъ.

Е. Кулишеръ.

ОБЗОРЪ ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННАГО ПРАВА ПО УЛОЖЕНІЯМЪ САКСОНСКОМУ И ГЕРМАНСКОМУ.

Всего только съ небольшимъ сорокъ лѣтъ тому назадъ было обнародовано Саксонское гражданское уложеніе, составленное лучшими юристами Германіи, какъ на смѣну его уже явился другой кодексъ, новое Германское гражданское уложеніе, вступившее въ дѣйствіе съ 1 января 1900 года. Надъ составленіемъ этого послѣдняго уложенія болѣе десяти лѣтъ трудились также лучшіе юристы Германіи. Хотя время протекшее между годами составленія того и другого изъ этихъ кодексовъ, и довольно незначительно, но, несмотря на это, въ виду многихъ различій между ними, мнѣ казалось небезынтереснымъ прослѣдить путемъ сравнительнаго обзора ихъ, насколько за это время подвинулись впередъ результаты трудовъ германской юриспруденціи въ области гражданскаго права. Въ виду того обстоятельства, что въ настоящее время, вслѣдствіе усложненія и развитія гражданскаго оборота, замѣтнѣе движется впередъ и усложняется область правоотношеній права обязательственнаго, съ полной вѣроятностью возможно предположить, что рѣзче и нагляднѣе долженъ обнаруживаться прогрессъ и въ отдѣлѣ законодательства, до опредѣленія именно этой области правомочій относящемся, вслѣдствіе чего, и въ видахъ достиженія только что намѣченной цѣли обзора ихъ, представляется наиболѣе интереснымъ остановиться на разсмотрѣніи отдѣловъ ихъ, содержащихъ постановленія именно о правѣ обязательственномъ, и почему

въ настоящей статьѣ мной и подвергнуты обзору только эти постановленія ихъ.

I.

Въ отдѣлѣ постановленій о правѣ обязательственномъ есть, какъ извѣстно, такія, которыя имѣютъ отношеніе ко всѣмъ обязательственнымъ правамъ, какъ постановленія: о содержаніи обязательствъ, основаніяхъ ихъ возникновенія, ихъ видахъ, ихъ исполненіи и отвѣтственности за ихъ неисполненіе, а также о ихъ передачѣ, обезпеченіи и прекращеніи, и которыя имѣютъ, поэтому, значеніе такихъ общихъ постановленій, предшествующихъ постановленіямъ объ отдѣльныхъ обязательственныхъ правахъ, которыя и въ законодательствѣ должны быть отдѣлены отъ послѣднихъ и изложены особо, какъ постановленія общія. Такое отдѣленіе общихъ постановленій о правахъ обязательственныхъ отъ постановленій частныхъ объ отдѣльныхъ обязательствахъ, требуемое наукой права, представляется необходимымъ и въ положительныхъ законодательствахъ, какъ не только вызываемое различіемъ въ самомъ существѣ тѣхъ и другихъ постановленій, но и какъ практически полезное, какъ дѣлающее ненужнымъ повтореніе въ частныхъ постановленіяхъ объ отдѣльныхъ обязательствахъ правилъ общихъ. Несмотря на всю необходимость такого отдѣленія первыхъ постановленій отъ послѣднихъ и предпосылки ихъ въ законѣ послѣднимъ, оно, если и сдѣлано въ уложеніяхъ Саксонскомъ и Германскомъ, то только отчасти и, притомъ, въ послѣднемъ гораздо въ меньшей степени, чѣмъ въ первомъ. Такъ, въ то время, какъ въ уложеніи Саксонскомъ отдѣлъ о правахъ обязательственныхъ открывается общимъ опредѣленіемъ существа и содержанія обязательствъ, въ уложеніи Германскомъ, напротивъ, хотя первый раздѣлъ постановленій объ этихъ правахъ и озаглавленъ: „Содержаніе обязательствъ“, но въ немъ на самомъ дѣлѣ никакихъ общихъ указаній на ихъ содержаніе не дано, а начинается онъ прямо постановленіями объ исполненіи обязательствъ, которыя къ тому же изложены въ немъ не

всѣ, и часть ихъ помѣщена въ раздѣлѣ о прекращеніи обязательствъ, чѣмъ только напрасно разорваны постановленія по ихъ предмету однородныя. Правда, и въ уложеніи Саксонскомъ объ исполненія обязательствъ говорится въ двухъ раздѣлахъ: въ одномъ, какъ о правѣ вѣрителя на исполненіе обязательства и объ обязанности должника на представленіе ему удовлетворенія по немъ, а въ другомъ—объ исполненіи ихъ, какъ объ одномъ изъ основаній ихъ прекращенія, но дѣло въ томъ, что въ послѣдній отдѣлъ въ немъ выдѣлены только тѣ правила, въ которыхъ даны указанія на то, когда произведенное по обязательству удовлетвореніе можетъ влечь за собой его прекращеніе, между тѣмъ, какъ въ уложеніи Германскомъ въ отдѣлѣ объ исполненіи обязательствъ, какъ объ одномъ изъ основаній ихъ прекращенія, помѣщены не только эти послѣднія, но и постановленія о допустимости ихъ исполненія посредствомъ in solutum datio и внесенія предмета исполненія въ присутственное мѣсто. Не даны въ этомъ послѣднемъ уложеніи также и указанія на основанія возникновенія обязательствъ, между тѣмъ, какъ въ уложеніи Саксонскомъ, хотя я недостаточныя и неисчерпывающія, но содержатся, однакоже, указанія, какъ на основанія ихъ возникновенія, на сдѣлки, договоры и недозволенныя дѣйствія.

Общихъ, затѣмъ, правилъ о различныхъ видахъ обязательствъ не выражено ни въ томъ, ни въ другомъ уложеніи, и только изъ нѣкоторыхъ постановленій ихъ объ исполненіи обязательствъ возможно усмотрѣть, что имъ извѣстны, какъ особый видъ обязательствъ, обязательства альтернативныя; а постановленія уложенія Саксонскаго, помѣщенныя въ отдѣлѣ—„Совокупныя долговыя отношенія“, а въ уложеніи Германскомъ, помѣщенныя въ отдѣлѣ—„Обязательства съ многими должниками и вѣрителями“, указываютъ, что имъ извѣстны еще обязательства долговыя и солидарныя, а отчасти также дѣлимыя и недѣлимыя, отчасти потому, что уложеніе Саксонское послѣднія совершенно неправильно и напрасно вполнѣ отожествляетъ съ обязательствами солидарными, а уложеніе Германское отожествляетъ ихъ съ ними въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Правила, затѣмъ, объ отвѣт-

ственности за неисполненіе обязательствъ хотя и есть въ обоихъ уложеніяхъ, но не выдѣлены въ нихъ въ особую главу, какъ бы слѣдовало по содержанію ихъ, а помѣщены среди постановленій объ исполненіи обязательствъ. Также и выраженныя въ нихъ правила о передачѣ обязательственныхъ правъ и переводѣ долговъ неправильно помѣщены въ нихъ, несмотря на то, что они по ихъ значенію суть общія постановленія обязательственнаго права, послѣ постановленій о договорахъ. Особой главы объ обезпеченіи обязательствъ въ нихъ, напротивъ, нѣтъ совсѣмъ, несмотря на то, что они упоминаютъ и о задаткѣ, и о неустойкѣ, и о поручительствѣ, но о послѣднемъ упоминаютъ, какъ объ особомъ договорѣ, а постановленія о задаткѣ и неустойкѣ содержатся среди общихъ правилъ о договорахъ. Постановленія, наконецъ, о прекращеніи обязательствъ, хотя и выражены въ нихъ въ особомъ раздѣлѣ, но раздѣлъ этотъ помѣщенъ въ нихъ неправильно послѣ общихъ постановленій о договорахъ, несмотря на то, что постановленія эти должны относиться къ прекращенію всякихъ обязательствъ, а не только обязательствъ, вытекающихъ изъ договоровъ.

По самому содержанію ихъ тѣ постановленія уложеній Саксонскаго и Германскаго, которыя имѣютъ значеніе общихъ постановленій обязательственнаго права, представляются отчасти сходными, а отчасти различными. Такъ, въ тѣхъ ихъ постановленіяхъ, въ которыхъ преподаны правила объ альтернативныхъ обязательствахъ, ими одинаково опредѣляется ихъ существо, какъ такихъ обязательствъ, которыми должникъ обязывается къ представленію того или другого предмета въ удовлетвореніе его обязательства, причемъ ими одинаково предоставляется должнику и право выбора того или другого предмета удовлетворенія, и затѣмъ, все различіе между постановленіями ихъ объ этихъ обязательствахъ заключается только въ томъ, что уложеніе Саксонское вполнѣ опредѣлительно предоставляетъ должнику это право выбора только въ тѣхъ случаяхъ, когда оно особымъ соглашеніемъ не предоставлено вѣрителю, или третьему лицу, а уложеніе Германское не совсѣмъ опредѣлительно предоставляетъ ему это

право въ случаѣ сомнѣнія. Почти одинаково они опредѣляютъ, затѣмъ, какъ порядокъ осуществленія права выбора относительно представленія того или другого предмета удовлетворенія, или посредствомъ заявленія, дѣлаемаго одной стороной другой о выборѣ ею предмета удовлетворенія, или же, когда право выбора его принадлежитъ должнику, посредствомъ прямого представленія имъ вѣрителю того или другого предмета, такъ и переходъ этого права выбора отъ одной стороны къ другой, въ случаяхъ его неосуществленія ею только что указаннымъ порядкомъ (Сакс. §§ 697—700; Герм. §§ 262—264). Объ обязательствахъ дѣлимыхъ уложеніе Саксонское упоминаетъ только вскользь въ постановленіяхъ о послѣдствіяхъ превращенія обязательствъ недѣлимыхъ въ дѣлимыя, а обязательства по ихъ предмету недѣлимыя оно, какъ я упомянулъ нѣсколько выше, смѣшиваетъ съ обязательствами солидарными (§§ 1037, 1038); уложеніе же Германское, напротивъ, особо опредѣляетъ первыя, какъ такія обязательства, когда нѣсколько лицъ или обязаны представить дѣлимое удовлетвореніе, или же имѣютъ право на его полученіе, причемъ, оно, однакоже, вопреки тому началу, въ силу котораго солидарность обязательства никогда не предполагается, постановляетъ, что при сомнѣніи отвѣчать за исполненіе такого обязательства должники обязаны солидарно, а вторыя и оно смѣшиваетъ отчасти съ обязательствами солидарными, устанавливая солидарную отвѣтственность должниковъ за ихъ исполненіе и опредѣляя въ то же время, напротивъ, право нѣсколькихъ вѣрителей на требованіе представленія удовлетворенія по такому обязательству, когда они не состоятъ солидарными вѣрителями, совершенно согласно съ существомъ такихъ обязательствъ, какъ право каждаго изъ нихъ требовать его представленія не иначе, какъ въ пользу ихъ всѣхъ вмѣстѣ (§§ 420, 427, 431, 432).

Обязательства солидарныя какъ пассивныя, такъ и активныя ими обоими, напротивъ, опредѣляются совершенно одинаково, какъ такія обязательства, удовлетвореніе по которымъ или каждый изъ должниковъ обязанъ представить по требованію вѣрителя все въ полномъ объемѣ, но только однажды

или же каждый изъ вѣрителей имѣетъ право требовать его въ полномъ объемѣ, но также только однажды.(Сакс. § 1119; Герм. §§ 421, 428). Послѣдствія просрочки въ исполненіи обязательства, допущенной однимъ изъ солидарныхъ должниковъ обязательства, или однимъ изъ солидарныхъ его вѣрителей, они, напротивъ, опредѣляютъ уже нѣсколько различно, постановляя: уложеніе Саксонское, что послѣдствія ея наступаютъ только по отношенію того должника, или вѣрителя, которые ее допустили (§ 1025), а уложеніе Германское, что послѣдствія просрочки, допущенной вѣрителемъ обязательства относительно одного изъ его должниковъ, наступаютъ и относительно прочихъ должниковъ, а также что просрочка, допущенная однимъ изъ вѣрителей, оказываетъ вліяніе и въ ущербъ прочихъ вѣрителей (§§ 424, 429), каковое опредѣленіе послѣдствій просрочки представляется, кажется, болѣе согласнымъ съ самымъ существомъ солидарнаго обязательства. Послѣдствія, затѣмъ, исполненія солидарнаго обязательства передъ однимъ изъ солидарныхъ вѣрителей, или же однимъ изъ солидарныхъ должниковъ полнѣе опредѣляетъ уложеніе Саксонское, постановляя, что исполненіе, произведенное какъ передъ однимъ изъ вѣрителей, такъ и однимъ изъ должниковъ такого обязательства, одинаково имѣетъ силу какъ противъ прочихъ вѣрителей, такъ и для прочихъ должниковъ (§ 1026), между тѣмъ, какъ уложеніе Германское указываетъ только послѣдствія исполненія солидарнаго обязательства однимъ изъ должниковъ, постановляя, что исполненіе, произведенное однимъ изъ нихъ, освобождаетъ и прочихъ должниковъ, прибавляя, приэтомъ, что это же послѣдствіе влечетъ за собой и представленіе должникомъ, вмѣсто слѣдуемаго по обязательству удовлетворенія, и какого либо другого предмета (§ 422), каковая прибавка, врядъ ли, однакоже, представляется на самомъ дѣлѣ необходимой, вслѣдствіе того, что и безъ особаго указанія въ законѣ на послѣдсткія исполненія обязательства должникомъ съ согласія вѣрителя посредствомъ совершенія дѣйствія, равносильнаго исполненію, очевидно и само собой, что послѣдствія эти должны быть тѣ же, какъ и послѣдствія прямого исполненія обязательства.

Послѣдствія, затѣмъ, наступленія другихъ фактовъ, могущихъ прекращать обязательства, какъ то: представленія однимъ изъ должниковъ солидарнаго обязательства къ зачету вѣрителю его обязательства передъ нимъ, сліянія въ лицѣ вѣрителя и одного изъ должниковъ солидарнаго обязательства правъ и обязанностей, солидарнымъ обязательствомъ установленныхъ, невозможности исполненія обязательства однимъ изъ солидарныхъ должниковъ, или передъ однимъ изъ солидарныхъ вѣрителей, погашенія обязательства или силой судебнаго рѣшенія, состоявшагося въ пользу или противъ одного изъ солидарныхъ вѣрителей, или солидарныхъ должниковъ, или истеченіемъ давности исковой противъ одного изъ солидарныхъ вѣрителей, или въ пользу одного изъ солидарныхъ должниковъ, оно опредѣляютъ почти одинаково, постановляя, что наступленіе только перваго изъ этихъ фактовъ влечетъ за собой прекращеніе обязательства и относительно прочихъ должниковъ, а что наступленіе всѣхъ остальныхъ изъ нихъ влечетъ за собой прекращеніе обязательства только относительно тѣхъ солидарныхъ должниковъ и вѣрителей, съ личностью которыхъ они связаны, но никакъ не прочихъ должниковъ, или вѣрителей, по отношенію которыхъ солидарное обязательство, несмотря на ихъ наступленіе, остается въ полной силѣ (Сакс. §§ 1027, 1031—1034; Гер. § 425). Уложеніе Саксонское одинаково опредѣляетъ также и послѣдствія сліянія въ лицѣ одного изъ вѣрителей активнаго солидарнаго обязательства и должника ихъ правъ и обязанностей, обязательствомъ установленныхъ, между тѣмъ, какъ уложеніе Германское, напротивъ, опредѣляетъ послѣдствія сліянія въ этомъ случаѣ правъ и обязанностей иначе, указывая, что вслѣдствіе такого сліянія ихъ прекращаются и права прочихъ вѣрителей солидарнаго обязательства (§ 429), каковое опредѣленіе врядъ-ли представляется не только послѣдовательнымъ, какъ стоящее въ противорѣчіи съ его опредѣленіемъ послѣдствій сліянія правъ и обязанностей въ лицѣ вѣрителя и одного изъ должниковъ солидарнаго обязательства, но и справедливымъ, какъ напрасно поражающее права прочихъ вѣрителей.

Также различнымъ образомъ опредѣляютъ уложенія Саксонское и Германское послѣдствія заключенія соглашенія одномъ изъ вѣрителей солидарнаго обязательства съ должникомъ, или вѣрителемъ съ однимъ изъ должниковъ о прощеніи долга, и именно, первое изъ нихъ указываетъ, что заключеніе такого соглашенія влечетъ за собой прекращеніе обязательства только между лицами, его заключившими (§ 1030), между тѣмъ, какъ второе, послѣдствій заключенія такого соглашенія однимъ изъ солидарныхъ вѣрителей съ должникомъ обязательства совсѣмъ не опредѣляетъ, а какъ на послѣдствіе заключенія такого соглашенія вѣрителемъ съ однимъ изъ солидарныхъ должниковъ, указываетъ на прекращеніе обязательства и относительно прочихъ должниковъ, хотя и не во всѣхъ случаяхъ, а лишь только въ тѣхъ, когда цѣлью заключенія такого соглашенія было погашеніе всего обязательства (§ 423), т. е. какъ можно предполагать, когда цѣлью его заключенія не было погашеніе обязательства въ части. Послѣдствій, затѣмъ, заключенія новаціоннаго договора, а также мировой сдѣлки, направленной на погашеніе обязательства однимъ изъ солидарныхъ вѣрителей и должникомъ обязательства, или вѣрителемъ его съ однимъ изъ солидарныхъ должниковъ, уложеніе Германское совсѣмъ не опредѣляетъ, что нельзя не считать за довольно существенный пробѣлъ въ немъ, между тѣмъ, какъ уложеніе Саксонское, какъ на послѣдствіе заключенія такихъ соглашеній указываетъ на прекращеніе всего обязательства относительно прочихъ вѣрителей, или должниковъ обязательства (§§ 1028, 1029).

Различно также опредѣляютъ они послѣдствія исполненія обязательства однимъ изъ солидарныхъ должниковъ по отношенію правъ его къ прочимъ должникамъ, постановляя: уложеніе Саксонское, что должникъ, удовлетворившій вѣрителя, не имѣетъ права требовать возмѣщенія отъ прочихъ должниковъ (1036), а уложеніе Германское, что должникъ, удовлетворившій вѣрителя, напротивъ, имѣетъ право требовать отъ прочихъ должниковъ удовлетворенія за все то, что имъ исполнено сверхъ того, что упадало на его долю въ испол-

неніи (§ 426). Нельзя не признать, что такое опредѣленіе послѣдствій по отношенію правъ однихъ должниковъ къ другимъ, исполнившимъ обязательство, представляется не только нисколько не противорѣчащимъ существу солидарнаго обязательства, какъ устанавливающаго солидарность въ отвѣтственности должниковъ только передъ вѣрителемъ обязательства, но не между ними другъ къ другу, но и гораздо болѣе справедливымъ, чѣмъ опредѣленіе уложенія Саксонскаго, какъ устраняющее возможность неправомѣрнаго обогащенія однихъ должниковъ на счетъ другихъ. Уложеніе Саксонское опредѣляетъ также, что и одинъ изъ солидарныхъ вѣрителей обязательства, получившій все удовлетвореніе по немъ, не обязанъ дѣлиться полученнымъ съ прочими вѣрителями (§ 1036); уложеніе же Германское прямого указанія на послѣдствія полученія удовлетворенія по обязательству однимъ изъ вѣрителей по отношенію правъ прочихъ вѣрителей на его полученіе не даетъ, но изъ того его постановленія, въ которомъ оно указываетъ, что солидарные вѣрители по отношенію другъ къ другу управомочены въ равныхъ частяхъ, если не постановлено противное (§ 430), вполнѣ возможно выведеніе того заключенія, что, согласно этого постановленія его, одинъ изъ вѣрителей солидарнаго обязательства, по полученіи полнаго удовлетворенія по немъ отъ должника, обязанъ выдать прочимъ вѣрителямъ все то, что слѣдуетъ на части ихъ въ обязательствѣ. Въ уложеніи Саксонскомъ даны еще указанія и на основанія возникновенія солидарныхъ обязательствъ, за которыя оно считаетъ законъ, договоръ, завѣщаніе и судебное рѣшеніе (§§ 1020, 1021), помѣщеніе каковаго указанія въ законѣ и на самомъ дѣлѣ представляется вполнѣ необходимымъ, и отсутствіе каковаго указанія въ уложеніи Германскомъ нельзя не считать за довольно существенный пробѣлъ въ немъ.

Общія, затѣмъ, правила объ исполненіи обязательствъ открываются въ уложеніи Германскомъ чрезвычайно справедливымъ и цѣлесообразнымъ указаніемъ, не имѣющимся въ уложеніи Саксонскомъ, на то, что должникъ обязанъ чинить исполненіе добросовѣстно, сообразно обычаямъ граж-

данскаго оборота (§ 242). Указанія, далѣе, на то, кѣмъ должны быть исполняемы обязательства, даны почти одинаковыя въ обоихъ уложеніяхъ (Сак. § 690), но только въ Германскомъ, по указаніи на то, что обязательство можетъ быть исполняемо за должника и другимъ лицомъ даже и безъ согласія на это вѣрителя, если только обязательство не заключается въ совершеніи такихъ чисто личныхъ дѣйствій, которыя должникъ обязанъ исполнять самъ лично, дано еще довольно цѣлесообразное указаніе, необходимое для огражденія правъ третьихъ лицъ, на то, что тѣ изъ нихъ, которымъ, вслѣдствіе обращенія вѣрителемъ взысканія на тотъ принадлежащій должнику предметъ, на который они имѣютъ какое-либо право, грозитъ опасность лишиться его, имѣютъ право исполнить обязательство за должника (§§ 267; 268). За то въ уложеніи Германскомъ нѣтъ постановленій, имѣющихся въ уложеніи Саксонскомъ и необходимыхъ во всякомъ законодательствѣ, о томъ, передъ кѣмъ должно быть исполняемо обязательство должникомъ, а также и о послѣдствіяхъ его исполненія имъ передъ ненадлежащимъ лицомъ, въ каковыхъ постановленіяхъ его выражено въ этомъ отношеніи, что обязательство должно быть исполняемо должникомъ непремѣнно лично передъ вѣрителемъ и, притомъ, передъ вѣрителемъ дѣеспособнымъ, и что въ случаѣ исполненія имъ обязательства передъ третьимъ лицомъ исполненіе дѣйствительно только въ случаяхъ или полученія вѣрителемъ удовлетворенія по обязательству отъ третьяго лица, или одобренія имъ такого исполненія, или-же существованія между нимъ и должникомъ соглашенія о предоставленіи удовлетворенія третьему лицу, или же когда предметъ исполненія, представленный должникомъ недѣеспособному вѣрителю, дойдетъ до его законнаго представителя, или будетъ у него въ наличности, или онъ обогатится имъ (§§ 691—693).

О предметѣ исполненія только уложеніе Саксонское постановляетъ прямо категорично, что вѣритель имѣетъ право требовать отъ должника представленія только того предмета удовлетворенія, который ему слѣдуетъ, а равно, что и должникъ безъ согласія вѣрителя не имѣетъ права представить

въ удовлетворенiе по обязательству какой-либо другой предметъ, вмѣсто слѣдуемаго (§ 694); заключенiе-же о томъ, что эти принципы присущи и уложенiю Германскому, напротивъ, можетъ быть выведено только по аргументу à contrario изъ того его постановленiя, помѣщеннаго въ немъ въ послѣдующемъ раздѣлѣ объ исполненiи обязательствъ, какъ объ одномъ изъ оснований ихъ прекращенiя, въ которомъ, между прочимъ, указано, что обязательство погашается и тогда, когда или вѣритель принялъ въ исполненiе обязательства другой предметъ, вмѣсто слѣдуемаго, или если должникъ по соглашенiю съ нимъ принялъ на себя другое обязательство, взамѣнъ подлежавшаго исполненiю (§ 364). Обязанность должника представить сполна все слѣдуемое по обязательству удовлетворенiе они, только по внѣшнему выраженiю ихъ опредѣленiй, къ этому предмету относящихся, опредѣляютъ какъ будто различно, но на самомъ дѣлѣ совершенно одинаково, постановляя: уложенiе Саксонское,—что вѣритель не обязанъ принимать удовлетворенiе по частямъ (§ 695), а Германское, что должникъ не имѣетъ права представлять удовлетворенiе по частямъ (§ 266). Опредѣленiя объ исполненiи въ частности обязательствъ, заключающихся въ платежѣ денегъ, уложенiя Германскаго очень кратки и заключаются только въ двухъ правилахъ, изъ которыхъ указывается въ одномъ, какимъ образомъ можетъ быть дѣлаема уплата по такимъ обязательствамъ, по которымъ платежи условлены въ иностранной валютѣ, и какимъ образомъ и по какому разсчету платежъ можетъ быть переводимъ на германскую валюту, а въ другомъ,—какимъ образомъ должны быть производимы платежи по такимъ обязательствамъ, по которымъ платежъ долженъ быть производимъ такой монетой, которой ко времени его совершенiя нѣтъ болѣе въ обращенiи (§§ 244; 245). Гораздо болѣе подробны и имѣютъ болѣе существенное значенiе постановленiя уложенiя Саксонскаго объ исполненiи этихъ обязательствъ, хотя въ немъ постановленiй, аналогичныхъ только что указаннымъ уложенiя Германскаго, и нѣтъ, за то оно указываетъ: во 1-хъ) какимъ образомъ должны быть производимы платежи въ тѣхъ случаяхъ, когда родъ той монеты, которой

они должны быть производимы, не условленъ; во 2-хъ) какимъ образомъ должна быть опредѣляема цѣна той внутренней или иностранной монеты, которой должны быть производимы платежи; въ 3-хъ) какой монетой долженъ быть производимъ возвратъ прежде полученной суммы и въ частности въ тѣхъ случаяхъ, когда такой монеты, въ которой они были получены, уже нѣтъ болѣе въ обращеніи, и въ 4-хъ) какимъ образомъ должна быть опредѣляема цѣна бумажныхъ денегъ и банковыхъ билетовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда платежи должны быть ими произведены, а равно по какому разсчету долженъ быть дѣлаемъ переводъ при производствѣ платежей съ золотой монеты на серебряную и обратно, а также съ какой-либо монеты на деньги бумажныя, или банковые билеты или другіе денежные знаки и обратно (§§ 665—672). Исполненіе въ частности обязательствъ о доставленіи вещей, опредѣленныхъ по роду, оба они опредѣляютъ одинаково, вмѣняя должнику въ обязанность доставленія вещей по его выбору средняго качества (Сак. § 696; Гер. § 243). О постановленіяхъ ихъ объ исполненіи обязательствъ альтернативныхъ мной было упомянуто уже нѣсколько выше, и, затѣмъ, кромѣ только что приведенныхъ постановленій ихъ о предметѣ исполненія, въ уложеніи Саксонскомъ выражено только еще постановленіе о томъ, что должникъ обязанъ вообще нести издержки, сопряженныя съ исполненіемъ обязательства, за исключеніемъ только случаевъ исполненія имъ заказа о доставкѣ вещей въ другое мѣсто, издержки по доставкѣ которыхъ обязанъ нести заказчикъ (§ 701), а уложеніе Германское, напротивъ, содержитъ еще въ себѣ вполнѣ необходимыя въ законѣ правила: во 1-хъ) объ исполненіи обязательствъ о дачѣ отчета по управленію, и во 2-хъ) объ исполненіи обязательствъ о выдачѣ совокупности вещей, изъ которыхъ первымъ оно возлагаетъ на должника обязанность представить вѣрителю такой отчетъ, подкрѣпленный надлежащими доказательствами, въ которомъ были бы подробно и правильно указаны полученные доходы и произведенные расходы, а вторымъ также возлагаетъ на должника обязанность представить вѣрителю подробную опись предметовъ, составляющихъ совокупность (§§ 259; 260).

Мѣсто исполненія обязательства подробнѣе и лучше опредѣляется постановленіями уложенія Саксонскаго, такъ какъ оно предлагаетъ правила съ цѣлью опредѣленія мѣста исполненія не только такихъ обязательствъ, мѣсто исполненія которыхъ не опредѣлено сдѣлкой, или не можетъ быть опредѣлено по самому существу обязательства, какъ вытекающаго, напр., изъ недозволеннаго дѣйствія, какъ дѣлаетъ уложеніе Германское, но и такихъ обязательствъ, мѣсто исполненія которыхъ опредѣлено недостаточно и, притомъ, различныхъ обязательствъ о доставленіи вещей, платежѣ денегъ и друг. Именно, оно, по указаніи на то, что обязательство должно быть исполняемо вообще въ мѣстѣ, опредѣленномъ сдѣлкой, далѣе, на случаи неопредѣленія его послѣдней, постановляетъ: во 1-хъ, что платежи денегъ должны быть производимы въ томъ мѣстѣ жительства вѣрителя, которое онъ имѣлъ во время возникновенія обязательства; во 2-хъ, что возвратъ вещей движимыхъ долженъ быть совершаемъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онѣ были приняты, а передача вещей движимыхъ должна быть совершаема въ томъ мѣстѣ, гдѣ онѣ находились во время возникновенія обязательства; въ 3-хъ, когда опредѣлено нѣсколько мѣстъ исполненія обязательства, то оно должно быть исполняемо, если оно дѣлимо, въ каждомъ изъ этихъ мѣстъ въ равныхъ частяхъ, а если недѣлимо, то въ одномъ изъ нихъ по выбору должника, какъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда опредѣлено нѣсколько мѣстъ исполненія по выбору, но право выбора его не предоставлено вѣрителю (§§ 703; 704; 706; 707). Кромѣ этого, уложеніе Саксонское указываетъ, что исполненіе обязательства, возникшаго изъ недозволеннаго дѣйствія, должно быть производимо вообще въ мѣстѣ жительства потерпѣвшаго во время его исполненія (§ 708). Вмѣсто этихъ, вполнѣ цѣлесообразныхъ и необходимыхъ въ законѣ, постановленій въ уложеніи Германскомъ имѣются только два, довольно краткихъ указанія, заключающіяся, во 1-хъ, въ томъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда мѣсто исполненія обязательства не опредѣлено и не можетъ быть опредѣлено ни по свойству обязательства, ни по обстоятельствамъ дѣла, оно должно быть исполняемо должникомъ въ томъ

мѣстѣ его жительства, которое онъ имѣлъ во время возникновенія обязательства, и, во 2-хъ, въ томъ, что обязательства, заключающіяся въ платежѣ долга, должны быть исполняемы должникомъ при сомнѣніи въ мѣстѣ жительства вѣрителя, къ каковымъ указаніямъ въ немъ сдѣлано одно только еще довольно цѣлесообразное добавленіе, не имѣющееся въ уложеніи Саксонскомъ, о томъ, что если обязательство возникло по поводу занятій должника, а долгъ по поводу занятія вѣрителя какимъ-либо промысломъ, то оно должно быть исполняемо должникомъ въ мѣстѣ ихъ промышленнаго обзаведенія, какъ мѣстѣ, замѣняющемъ ихъ дѣйствительное мѣстожительство (§§ 469; 470).

Столь-же кратки постановленія уложенія Германскаго и о времени исполненія обязательствъ, такъ какъ оно и по этому предмету даетъ только два указанія, постановляя, во 1-хъ, что тѣ обстоятельства, срокъ исполненія которыхъ не былъ опредѣленъ и не можетъ быть опредѣленъ по обстоятельствамъ дѣла, должны быть исполняемы должникомъ немедленно, и, во 2-хъ, что исполненія тѣхъ обязательствъ, срокъ исполненія которыхъ былъ опредѣленъ, напротивъ, вѣритель не имѣетъ права требовать ранѣе этого срока, должникъ-же при сомнѣніи можетъ представить удовлетвореніе и ранѣе, причемъ онъ въ случаѣ уплаты въ исполненіе обязательства ранѣе срока безпроцентнаго долга не имѣетъ права вычитать проценты за время, остающееся до срока (§§ 271; 272). Въ уложеніи Саксонскомъ, напротивъ, даны не только эти указанія, но и выражены довольно подробныя правила, содержащія въ себѣ указанія на то: во 1-хъ, когда должно быть исполняемо такое обязательство, для исполненія котораго назначены различные сроки, а равно обязательства условныя, или исполненіе которыхъ опредѣлено временемъ наступленія такого событія, наступленіе котораго стало невозможнымъ; во 2-хъ, когда должны быть исполняемы такія обязательства, время исполненія которыхъ опредѣлено недостаточно, или время исполненія которыхъ предоставлено усмотрѣнію должника. Кромѣ этого, уложеніе Саксонское, дозволяя должнику исполнять обязательства и ранѣе срока, въ

противоположность уложенію Германскому, совершенно справедливо ограничиваетъ его право пользоваться этимъ дозволеніемъ тѣми только случаями, когда срокъ исполненія былъ установленъ единственно въ его интересѣ (§§ 711—719).

На тѣ, затѣмъ, случаи, въ которыхъ обязательство не можетъ быть исполнено должникомъ по обстоятельствамъ, относящимся къ личности вѣрителя, въ нихъ обоихъ выражены правила, открывающія должнику возможность исполнить обязательство посредствамъ представленія предмета удовлетворенія въ присутственное мѣсто,—правила, напрасно только помѣщенныя въ уложеніи Германскомъ среди постановленій о прекращеніи обязательствъ, а не среди правилъ о ихъ исполненіи, какъ въ уложеніи Саксонскомъ, гдѣ ихъ настоящее мѣсто, какъ правилъ, указывающихъ собственно одинъ изъ способовъ ихъ исполненія, а не основаніе ихъ прекращенія. За то по содержанію эти правила уложенія Германскаго болѣе подробны, цѣлесообразны и болѣе справедливымъ образомъ опредѣляютъ взаимныя права и обязанности сторонъ обязательства. Такъ, оба они, указавъ сперва почти одинаковымъ образомъ, когда должникъ имѣетъ право исполнить обязательство посредствомъ внесенія предмета его въ судебное мѣсто, самые, затѣмъ, тѣ предметы, которые могутъ быть представлены въ присутственное мѣсто, опредѣляютъ уже нѣсколько различно, относя къ такимъ предметамъ, уложеніе Саксонское вообще такіе, которые могутъ быть представлены въ судъ, а уложеніе Германское опредѣлительнѣе: деньги, процентныя бумаги, документы и драгоцѣнности (Сак. § 756; Гер. 372). Уложеніе Саксонское, указавъ только, затѣмъ, въ какое именно судебное мѣсто долженъ быть внесенъ предметъ обязательства, и когда или должникъ имѣетъ право взять его обратно, или вѣритель имѣетъ право его получить (§§ 756; 758; 759), никакихъ другихъ постановленій о правахъ должника и вѣрителя на предметъ удовлетворенія въ себѣ не содержитъ, между тѣмъ, какъ уложеніе Германское, по указаніи на то, въ какое присутственное мѣсто долженъ быть внесенъ должникомъ предметъ обязательства, совершенно справедливо, затѣмъ, предоставляетъ должнику

право, при внесеніи имъ предмета обязательства на храненіе, обусловить выдачу его вѣрителю въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ обязанъ совершить исполненіе, лишь по полученіи отъ него извѣстнаго удовлетворенія, представленіемъ имъ этого удовлетворенія (§§ 373; 374). Предоставивъ, затѣмъ, подобно уложенію Саксонскому, должнику право брать внесенное въ присутственное мѣсто на храненіе обратно, оно указываетъ также и случаи, когда должникъ этого право лишается, и именно въ случааяхъ заявленія имъ отказа отъ права на обратное его полученіе, или заявленія вѣрителемъ желанія принять внесенный на храненіе предметъ, или учрежденія надъ имуществомъ должника конкурса, или представленія рѣшенія суда о признаніи сдѣланнаго должникомъ взноса на храненіе правильнымъ; а затѣмъ, указываетъ еще, что этого права должникъ, напротивъ не лишается въ случаяхъ только наложенія ареста на внесенное имъ на храненіе имущество (§§ 376; 377). Указываетъ оно также на то, что во время нахожденія внесеннаго должникомъ на храненіе имущества въ присутственномъ мѣстѣ, страхъ за его гибель лежитъ на вѣрителѣ и, затѣмъ, устанавливаетъ еще особую погашающую право вѣрителя на полученіе изъ присутственнаго мѣста представленнаго должникомъ имущества давность, по истеченіи которой оно уже безусловно предоставляетъ должнику право взять его обратно (§§ 379; 382). Наконецъ, возмѣщеніе издержекъ, понесенныхъ должникомъ по взносу на храненіе, оно такъ же, какъ и уложеніе Саксонское, возлагаетъ на обязанность вѣрителя (Сак. § 760; Гер. § 381).

На случаи, затѣмъ, невозможности исполнить передъ вѣрителемъ такія обязательства, предметъ которыхъ не можетъ быть внесенъ на храненіе въ присутственное мѣсто, уложеніе Саксонское предоставляетъ должнику право не только продать предметъ обязательства на публичномъ торгѣ, но въ случаѣ невозможности его продажи покинуть его на произволъ судьбы (§ 757), между тѣмъ, какъ уложеніе Германское совершенно основательно и справедливо предоставляетъ должнику только право продать его или на публичномъ торгѣ при посредствѣ судебнаго пристава, или другого должностнаго лица, на это

уполномоченнаго, или по вольной цѣнѣ, если предметъ обязательства имѣетъ рыночную цѣну черезъ маклера, или другое должностное лицо, имѣющее право производить публичные продажи, за исключенiемъ только недвижимости, которую и оно такъ же, какъ и уложенiе Саксонское, дозволяетъ должнику покинуть (§§ 383, 385, 303). Воспользоваться этимъ правомъ оно дозволяетъ должнику не прежде, какъ по увѣдомленiи вѣрителя о предполагаемой имъ продажѣ, за исключенiемъ тѣхъ случаевъ, когда или увѣдомленiе его представляется невозможнымъ, или когда предметъ обязательства подверженъ скорой порчѣ и замедленiе его продажи угрожаетъ опасностью и, затѣмъ, по совершенiи продажи оно возлагаетъ на должника обязанность опять увѣдомить вѣрителя о ея совершенiи, а деньги, вырученныя отъ его продажи, вносить въ присутственное мѣсто (§§ 383, 384), о каковыхъ обязанностяхъ должника уложенiе Саксонское не упоминаетъ.

Какъ за довольно, затѣмъ, крупный и существенный пробѣлъ въ постановленiяхъ уложенiя Германскаго объ исполненiи обязательствъ нельзя не считать отсутствiе въ немъ какихъ бы то ни было указанiй на право вѣрителя, въ защиту его права, на полученiе удовлетворенiя по обязательству изъ имущества должника, опорачивать дѣйствiя его по распоряженiю имъ его имуществомъ и его отчужденiю, предпринимаемому имъ съ цѣлью лишить вѣрителя возможности получить удовлетворенiе отъ него посредствомъ actio pauliana. Въ уложенiи Саксонскомъ, напротивъ, выражены довольно подробныя правила, открывающiя вѣрителю право на защиту его интересовъ посредствомъ этого иска отъ злонамѣрныхъ дѣйствiй должника, указывающiя какъ случаи и условiя допустимости пользованiя имъ съ его стороны, такъ и послѣдствiя его осуществленiя, каковыя правила помѣщены только въ немъ не въ надлежащемъ мѣстѣ,—среди постановленiй его объ обязательствахъ, возникающихъ изъ недозволенныхъ дѣйствiй (§§ 1509—1518).

Постановленiя объ отвѣтственности за неисполненiе обязательствъ и о просрочкѣ въ ихъ исполненiи въ обоихъ уложенiяхъ помѣщены среди правилъ объ исполненiи обязательствъ и во многомъ различны. Такъ, оба они хотя и одинаково

постановляютъ, что должникъ отвѣчаетъ за неисполненіе обязательства, послѣдовавшее по его винѣ, или необдуманности, но приэтомъ уложеніе Германское поясняетъ еще, что небрежно дѣйствуетъ тотъ, кто пренебрегаетъ обычной въ оборотѣ заботливостью, въ понятіи которой оба они опять различаютъ простую и грубую небрежность, но уложеніе Саксонское добавляетъ еще, что въ томъ случаѣ, когда неисполненіе обязательства послѣдовало по винѣ вѣрителя, оно должно считаться исполненнымъ (Сак. §§ 721, 728, 730; Гер. 276, 277). Послѣдующія постановленія ихъ, напротивъ, уже настолько различны, что могли бы служить полезнымъ добавленіемъ одни другимъ, вслѣдствіе того, что въ постановленіяхъ одного изъ нихъ не выражены указанія, сдѣланныя, въ постановленіяхъ другого, — указанія, представляющіяся, однако-же, въ каждомъ кодексѣ равно необходимыми. Такъ, въ уложеніи Германскомъ помѣщены отсутствующія въ уложеніи Саксонскомъ слѣдующія, имѣющія существенное значеніе, постановленія: во 1-хъ, что должникъ долженъ отвѣчать за неисполненіе обязательства и тогда, когда оно было не исполнено тѣмъ его представителемъ, черезъ посредство котораго обязательство подлежало исполненію; во 2-хъ, что должникъ отвѣчаетъ за неисполненіе обязательства о доставленіи вещей, опредѣленныхъ по роду и въ случаѣ неисполненія его, вслѣдствіе субъективной невозможности для него ихъ доставленія, если только возможно доставленіе вещей этого рода и, въ 3-хъ, что въ случаѣ невозможности исполненія обязательства въ части, вѣритель не только можетъ и не принимать представленнаго должникомъ удовлетворенія въ остальной части, но имѣетъ право требовать отъ него возвращенія всего имъ переданнаго ему въ исполненіе его обязательства передъ нимъ и возмѣщенія понесенныхъ имъ убытковъ (§§ 278—281). Въ уложеніи Саксонскомъ, напротивъ, имѣются, отсутствующія въ уложеніи Германскомъ, также довольно существенныя и подробныя постановленія объ отвѣтственности за неисполненіе альтернативныхъ обязательствъ (§§ 722—727), въ законѣ крайне необходимыя, въ виду многихъ особенностей этого вида обязательствъ, и непомѣщеніе которыхъ въ первомъ

нельзя не считать за довольно существенный пробѣлъ въ немъ. Болѣе, затѣмъ, опредѣлительныя постановленія выражены въ уложеніи Саксонскомъ также и объ обязанности сторонъ обязательства доказывать наличность фактовъ, сдѣлавшихъ его исполненіе невозможнымъ, такъ какъ въ немъ въ этомъ отношеніи прямо указано, что если исполненіе его сдѣлалось невозможнымъ, то вина должника въ этомъ предполагается до тѣхъ поръ, пока имъ будетъ доказано, что невозможность произошла по винѣ вѣрителя, или отъ случая и что, затѣмъ, въ томъ только случаѣ, когда невозможность произошла отъ неопреодолимой силы, вѣритель обязанъ доказать, что обязательство было не исполнено по винѣ должника (§§ 731, 732), между тѣмъ, какъ въ уложеніи Германскомъ въ этомъ отношеніи довольно неопредѣлительно указано только, что если споренъ вопросъ о томъ, обусловлена-ли невозможность исполненія обязательства обстоятельствомъ, за которое отвѣчаетъ должникъ, то онъ долженъ и доказать наличность его (§ 282).

Болѣе сходными между собой представляются постановленія обоихъ уложеній о просрочкѣ должника въ исполненіи обязательства и о ея послѣдствіяхъ не только въ общихъ ихъ указаніяхъ, но и въ подробностяхъ. Такъ, оба они одинаково указываютъ, что должникъ впадаетъ въ просрочку въ исполненіи обязательства, когда онъ не исполнитъ его по напоминаніи ему вѣрителемъ о его исполненіи, или же по предъявленіи къ нему иска о его исполненіи, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда срокъ исполненія обязательства прямо опредѣленъ и когда должникъ впадаетъ въ просрочку, не исполнивъ его въ этотъ срокъ и прямо безъ всякаго напоминанія (Сак. §§ 733, 736; Гер. §§ 284, 285). Впрочемъ, уложеніе Саксонское указываетъ совершенно основательно еще одинъ случай, когда должникъ впадаетъ въ просрочку въ исполненіи обязательства и безъ напоминанія ему о его исполненіи, это тогда, когда кто-либо обязанъ возвратить вещь, которой онъ обладаетъ вслѣдствіе преступленія и которую онъ обязанъ возвратить кому слѣдуетъ немедленно по завладѣніи ею (§ 739). Приблизительно одинаково оба уложенія

опредѣляютъ и послѣдствія просрочки должника въ исполненіи обязательства, постановляя, что вслѣдствіе просрочки должникъ отвѣчаетъ передъ вѣрителемъ какъ за вредъ, происшедшій отъ просрочки, такъ и за случайно наступившую послѣ просрочки невозможность исполненія обязательства, а равно несетъ страхъ за гибель и ухудшеніе вещи, подлежащей передачѣ вѣрителю въ исполненіе обязательства, къ каковымъ постановленіямъ уложеніе Германское добавляетъ еще только, что вслѣдствіе просрочки должника въ исполненіи обязательства и вѣритель имѣетъ право не исполнить и лежащее на немъ обязательство передъ должникомъ (Сак. §§ 740, 745; Гер. §§ 286, 287). Затѣмъ, въ уложеніи Германскомъ нѣтъ изложенныхъ въ уложеніи Саксонскомъ постановленій о томъ, во 1-хъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда для исполненія обязательства необходимо содѣйствіе вѣрителя, должникъ впадаетъ въ просрочку только тогда, когда онъ не исполнитъ обязательства, несмотря на оказаніе вѣрителемъ надлежащаго содѣйствія, и, во 2-хъ, о томъ, что должникъ впадаетъ въ просрочку только тогда, когда напоминаніе объ исполненіи обязательства было сдѣлано правильно, т. е. или самимъ вѣрителемъ, или его представителемъ, ему самому, или его представителю (§§ 734, 737). Приблизительно одинаковымъ образомъ оба уложенія опредѣляютъ послѣдствія просрочки въ исполненіи какъ обязательства о платежѣ денегъ, возлагая на должника обязанность платить вѣрителю извѣстный процентъ на слѣдуемую ему сумму долга за время просрочки, такъ и обязательствъ о доставленіи плодоприносящихъ вещей, возлагая на должника обязанность предоставленія вѣрителю плодовъ, или выгодъ, привесенныхъ этими вещами за время просрочки (Сак. §§ 742, 743; Гер. §§ 288, 292). Кромѣ этихъ постановленій въ уложеніи Саксонскомъ даны еще указанія: во 1-хъ, какъ на послѣдствіе просрочки въ исполненіи обязательства о доставленіи вещей замѣнимыхъ, на обязанность должника уплачивать вѣрителю, вмѣсто доставленія самихъ вещей, по требованію его, ихъ стоимость, и, во 2-хъ, какъ на послѣдствіе просрочки въ исполненіи обязательства о доставленіи вообще какихъ-либо вещей, на

обязанность должника возмѣщать вѣрителю тотъ вредъ, который произошелъ для него отъ уменьшенія цѣны этихъ вещей за время просрочки (§§ 741; 744).

Приблизительно одинаково оба уложенія опредѣляютъ также случаи и послѣдствія просрочки со стороны вѣрителя въ принятіи исполненія по обязательству, постановляя, что вѣритель впадаетъ въ просрочку тогда, когда онъ не принимаетъ исполненія, предложеннаго ему надлежащимъ образомъ должникомъ, или и другимъ лицомъ за него, имѣющимъ право исполнить обязательство за него, и, притомъ, исполненія, предложеннаго не только на словахъ, но на самомъ дѣлѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ особыхъ случаевъ, а также и тогда, когда онъ, несмотря на готовность должника совершить исполненіе обязательства, не совершаетъ тѣхъ дѣйствій, которыя онъ обязанъ исполнить и безъ совершенія которыхъ представляется для должника невозможнымъ и самое исполненіе, или когда онъ, бывъ и съ своей стороны обязанъ къ какому-либо возмездному исполненію относительно должника, отказывается совершить его (Сак. §§ 746—748; Гер. §§ 293—298). Какъ на послѣдствія, затѣмъ, допущенія со стороны вѣрителя просрочки въ принятіи исполненія оба они указываютъ: во 1-хъ, что должникъ не обязанъ платить вѣрителю проценты на слѣдуемый отъ него по обязательству капиталъ, по допущеніи вѣрителемъ просрочки въ его принятіи; во 2-хъ, что по допущеніи вѣрителемъ просрочки въ принятіи, какъ предмета обязательства, плодоприносящей вещи, должникъ обязанъ выдать ему плоды ея, только дѣйствительно имъ полученные во время просрочки; въ 3-хъ, что вѣритель, по допущеніи просрочки обязанъ возмѣстить должнику понесенные имъ отъ этого убытки и добавочныя издержки на храненіе и сбереженіе вещи, предмета обязательства: въ 4-хъ, что онъ, по допущеніи просрочки вѣрителемъ, отвѣчаетъ только за умышленную и грубую небрежность и, въ 5-хъ, что со времени допущенія просрочки со стороны вѣрителя онъ несетъ страхъ за гибель и ухудшеніе вещи, составляющей предметъ обязательства (Сак. § 750; Гер. §§ 300; 302; 304). Впрочемъ, по уложенію Германскому на вѣрителя, по

допущеніи имъ просрочки, переходитъ страхъ за гибель не всякихъ вещей вообще, какъ по уложенію Саксонскому, а только за гибель вещей, опредѣленныхъ по роду, но не индивидуально, какъ можно полагать потому, что при отчужденіи вещей право собственности на нихъ къ ихъ пріобрѣтателю по уложенію Германскому переходитъ не прежде, какъ по ихъ передачѣ ему (§ 446). Постановленія, затѣмъ, объ отклоненіи просрочки, допущенной вѣрителемъ, или должникомъ въ исполненіи обязателства, имѣются, напротивъ, только въ уложеніи Саксонскомъ, и въ постановленіяхъ этихъ указывается, что какъ вѣритель, такъ и должникъ могутъ отклонять просрочку — первый заявленіемъ должнику готовности принять исполненіе, а второй предложеніемъ вѣрителю надлежащаго исполненія вмѣстѣ съ удовлетвореніемъ, слѣдуемымъ отъ него за допущенную имъ просрочку. Кромѣ этого, послѣдствія просрочки могутъ быть устраняемы по уложенію Саксонскому договоромъ между сторонами обязательства, а также подлежать отпаденію и въ случахъ полнаго прекращенія того обязательства, въ исполненіи котораго была допущена просрочка (§§ 752—755). Постановленія эти врядъ-ли возможно считать лишними во всякомъ законодательствѣ.

Постановленія, затѣмъ, объ отвѣтственности должника за оказавшіеся въ вещи, или въ правѣ, составляющихъ предметъ его обязательства, недостатки и пороки, хотя и имѣются въ обоихъ уложеніяхъ, но въ уложеніи Саксонскомъ они изложены какъ общія правила, имѣющія отношеніе къ опредѣленію отвѣтственности должника за недостатки вещи, или права, составляющихъ предметъ обязательства, изъ какого-бы договора оно ни возникло, между тѣмъ, какъ въ уложеніи Германскомъ они напрасно помѣщены среди правилъ о договорѣ купли-продажи, несмотря на то, что имъ и въ немъ все же придается значеніе правилъ общихъ, такъ какъ въ немъ сдѣланы указанія, во 1-хъ, на то, что правила объ отвѣтственности продавца за недостатки проданной вещи примѣняются и къ другимъ договорамъ, которые имѣютъ цѣлью возмездное отчужденіе, или обремененіе какой-либо вещи (§ 493), и, во 2-хъ, на то, что при datio in solutum въ случаѣ пере-

дачи въ удовлетвореніе по обязательству какихъ-либо вещей, или правъ, должникъ отвѣчаетъ за оказавшіеся въ нихъ недостатки, или пороки такъ же, какъ и продавецъ вещи (§ 365). Очевидно, что вмѣсто того, чтобы дѣлать такія указанія было бы гораздо проще изложить правила объ отвѣтственности должника за недостатки или пороки вещи, или права въ видѣ правилъ общихъ и, притомъ, не только въ видѣ общихъ правилъ среди постановленій о договорахъ, какъ сдѣлано въ уложеніи Саксонскомъ, но какъ общія правила среди постановленій объ отвѣтственности должника за неисполненіе обязательствъ вообще, вслѣдствіе того, что правила эти должны имѣть примѣненіе къ опредѣленію его отвѣтственности за недостатки и пороки вещи, или права не только въ тѣхъ случаяхъ, когда они подлежатъ передачѣ на основаніи договора, но и вообще въ силу какого бы то ни было обязательства.

По самому содержанію постановленія эти въ обоихъ уложеніяхъ въ многомъ сходны. Такъ, оба они возлагаютъ отвѣтственность на должника за недостатки и пороки вещи, или права, предметовъ, обязательства, только въ случаяхъ возмезднаго ихъ отчужденія имъ, причемъ уложеніе Саксонское упоминаетъ еще, что въ случаяхъ безмезднаго ихъ отчужденія должникъ, напротивъ, не отвѣчаетъ за ихъ недостатки и пороки, за исключеніемъ только тѣхъ случаевъ, когда онъ или особо обязался отвѣчать за нихъ, или, зная о ихъ наличности, имѣлъ намѣреніе прямо причинить вредъ ихъ пріобрѣтателю (Сакс. §§ 899; 949; Герм. § 493). Оба они, затѣмъ, какъ на случаи исключенія, когда должникъ не отвѣчаетъ за недостатки отчужденной вещи, указываютъ на тѣ случаи, когда пріобрѣтатель вещи зналъ о ея недостаткахъ, или когда она была пріобрѣтена имъ на публичномъ торгѣ въ осуществленіе залоговаго права на нее, а уложеніе Саксонское, какъ на такіе же случаи исключенія, указываетъ еще, во 1-хъ, на случаи пріобрѣтенія вещи вообще на публичномъ торгѣ при понудительной ея продажѣ; во 2-хъ, на случаи пріобрѣтенія всего имущества, или доли его, когда отчуждатель не отвѣчаетъ за недостатки, оказавшіеся въ нѣ-

которыхъ отдѣльныхъ вещахъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда онъ или особо обязался отвѣчать за нихъ, или, зная о нихъ, имѣлъ намѣреніе причинить вредъ пріобрѣтателю, и, въ 3-хъ, на случай, когда отвѣтственность отчуждателя вещи за недостатки ея устранена соглашеніемъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда онъ зналъ о ихъ наличности въ ней, а пріобрѣтатель не зналъ (Сакс. §§ 904; 947—951; Герм. §§ 460—461). Въ послѣднемъ случаѣ, впрочемъ, какъ можно полагать, отвѣтственность отчуждателя за недостатки вещи устраняется и по уложенію Германскому, вслѣдствіе того, что оно объявляетъ соглашеніе о ея устраненіи недѣйствительнымъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда отчуждатель вещи умышленно умолчалъ о ихъ наличности въ ней (§ 476). Оба они, затѣмъ, возлагаютъ на должника отчуждателя вещи ту же отвѣтственность, какъ за ея недостатки и пороки, и за отсутствіе въ ней обѣщанныхъ имъ въ ней качествъ, удостовѣренныхъ пробами или образцами, когда вещь отчуждена по нимъ или, какъ поясняетъ собственно уложеніе Саксонское, за отсутствіе въ ней такихъ качествъ, наличность которыхъ въ ней имъ была завѣрена, за исключеніемъ собственно по послѣднему уложенію тѣхъ случаевъ, когда пріобрѣтатель вещи зналъ объ отсутствіи ихъ въ ней (Сакс. §§ 906—908; Герм. §§ 459; 494). Почти одинаково оба они опредѣляютъ также и послѣдствія обнаруженія въ отчужденной вещи скрытыхъ недостатковъ, или пороковъ, или отсутствія въ ней обѣщанныхъ качествъ по отношенію правъ ея пріобрѣтателя, предоставляя ему по выбору или усмотрѣнію требовать или отмѣны договора, или же сбавки въ цѣнѣ пріобрѣтенной имъ вещи, или же вмѣсто его отмѣны, или сбавки въ цѣнѣ, возмѣщенія понесеннаго имъ ущерба, а уложеніе Германское предоставляетъ ему еще право требовать передачи другихъ вещей безъ недостатковъ, если имъ были пріобрѣтены вещи, опредѣленныя по роду (Сакс. §§ 909; 922; Герм. §§ 462; 463; 480). Въ послѣднемъ уложеніи, кромѣ того, изложены еще особыя правила собственно о порядкѣ отмѣны договора о пріобрѣтеніи вещи въ этихъ случаяхъ по взаимному соглашенію сторонъ договора,—правила, въ виду общихъ правилъ о до-

говорахъ, врядъ ли въ законѣ необходимыя (§§ 465; 466). Оба они, затѣмъ, вполнѣ цѣлесообразно предоставляютъ пріобрѣтателю вещи право требовать сбавки въ ея цѣнѣ, вслѣдствіе обнаруженія въ ней недостатковъ не только однажды, но и нѣсколько разъ, въ случаяхъ обнаруженія въ ней впослѣдствіи другихъ недостатковъ (Сакс. § 920; Герм. § 475). Право нѣсколькихъ пріобрѣтателей вещи требовать отмѣны договора, или сбавки въ цѣнѣ пріобрѣтенной вещи отъ одного, или нѣсколькихъ должниковъ, достаточно полно, напротивъ, опредѣляетъ только уложеніе Саксонское, которое право требовать отмѣны договора предоставляетъ только всѣмъ пріобрѣтателямъ вещи вмѣстѣ и также отъ всѣхъ отчуждателей ея вмѣстѣ, а право требовать уменьшенія ея цѣны, напротивъ, предоставляетъ каждому пріобрѣтателю ея въ отдѣльности, соразмѣрно его доли участія въ правѣ на нее и противъ каждаго изъ отчуждателей ея въ отдѣльности (§ 910); уложеніе же Германское, напротивъ, опредѣляетъ только это послѣднее право нѣсколькихъ пріобрѣтателей вещи, но опредѣляетъ точно такъ же, какъ и уложеніе Саксонское (§ 474).

Также гораздо болѣе полны и подробны постановленія уложенія Саксонскаго и о послѣдствіяхъ отмѣны договора, по причинѣ недостатковъ вещи. Именно, оно по этому предмету постановляетъ, что по отмѣнѣ договора стороны становятся въ то положеніе, въ которомъ онѣ находились до его заключенія, почему пріобрѣтатель вещи обязанъ возвратить ее ея отчуждателю со всѣми ея принадлежностями, извлеченными изъ нея плодами и прибылями, а также обязанъ возвратить ее чистой отъ тѣхъ правъ, которыми онъ ее обременилъ, а отчуждатель ея обязанъ возвратить ея пріобрѣтателю полученное имъ вознагражденіе за нее и, если оно заключалось въ деньгахъ, то уплатить и проценты на нихъ, а если оно заключалось въ какихъ-либо вещахъ, то возвратить ихъ со всѣми ихъ принадлежностями и полученными отъ нихъ прибылями и плодами, а также чистыми отъ правъ, на нихъ установленныхъ, и возмѣстить ему вредъ, понесенный отъ отмѣны договора и издержки, понесенныя по его заключенію (§§ 911—914). Такихъ общихъ опредѣленій послѣд-

ствій отмѣны договора въ уложеніи Германскомъ нѣтъ, а есть только нѣкоторыя частныя указанія, имѣющіяся, впрочемъ, также и въ уложеніи Саксонскомъ на послѣдствія его отмѣны въ нѣкоторыхъ особыхъ случаяхъ ея допустимости. Такъ, оба они постановляютъ, что отмѣна договора, вслѣдствіе обнаруженія недостатка въ главной вещи, влечетъ за собой отмѣну его и относительно ея принадлежностей, но не наоборотъ, вслѣдствіе сего, въ случаѣ обнаруженія недостатка въ принадлежности можно требовать и отмѣны договора только относительно ея (Сак. § 917; Гер. § 470). Приблизительно одинаково они опредѣляютъ допустимость отмѣны договора объ отчужденіи нѣсколькихъ вещей, когда недостатки оказались только въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, постановляя, что въ этомъ случаѣ пріобрѣтатель ихъ можетъ требовать отмѣны его только относительно тѣхъ вещей, въ которыхъ оказались недостатки, причемъ, однакоже, уложеніе Саксонское предоставляетъ по исключенію пріобрѣтателю ихъ право требовать отмѣны договора и относительно ихъ всѣхъ, если совмѣстное обладаніе ими возвышаетъ ихъ цѣну, а уложеніе Германское предоставляетъ ему это право, напротивъ, лишь только въ томъ случаѣ, когда отдѣльныя вещи принадлежатъ однѣ къ другимъ такъ, что не могутъ быть отдѣлены безъ ущерба однѣ отъ другихъ (Сак. § 916; Гер. § 469). Уложеніе Саксонское, кромѣ этого, особо упоминаетъ еще о допустимости требованія объ отмѣнѣ договора о пріобрѣтеніи совокупной вещи въ тѣхъ случаяхъ, когда недостатки оказываются въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ ея предметахъ, но такихъ, отдѣленіемъ которыхъ отъ остальныхъ предметовъ, въ составъ ея входящихъ, можетъ быть нарушено существо ея, какъ совокупной вещи (§ 915), каковое указаніе, кажется, также нельзя считать лишнимъ въ законѣ. Нѣтъ также въ уложеніи Германскомъ постановленій уложенія Саксонскаго, также въ законѣ необходимыхъ, о правѣ пріобрѣтателя вещи требовать отмѣны договора, или сбавки въ ея цѣнѣ, вслѣдствіе оказавшихся въ ней недостатковъ въ случаѣ ея гибели, или-же ея отчужденія имъ, изъ каковыхъ случаевъ въ первомъ оно предоставляетъ ему право требовать отмѣны до-

говора, а во второмъ—только сбавки въ ея цѣнѣ (§ 918). Основанія, затѣмъ, по соображеніи которыхъ должна быть дѣлаема сбавка въ цѣнѣ отчужденной вещи, вслѣдствіе обнаружившихся въ ней недостатковъ, оба уложенія опредѣляютъ почти одинаково, и изъ нихъ уложеніе Германское нѣсколько только подробнѣе объ основаніяхъ сбавки въ случаяхъ отмѣны договора по отношенію только нѣкоторыхъ вещей, а также въ случаяхъ полученія отчуждателемъ ея вознагражденія не только деньгами, но частью другими замѣнимыми вещами (Сак. § 919; Гер. §§ 471—473).

Отвѣтственность должника, отчуждателя животныхъ за болѣзни и пороки ихъ оба уложенія опредѣляютъ хотя приблизительно одинаково, но Германское напрасно ограничиваетъ отвѣтственность его только случаями отчужденія животныхъ домашнихъ, которыя оно подробно и перечисляетъ, между тѣмъ, какъ уложеніе Саксонское говоритъ объ отвѣтственности отчуждателя животныхъ вообще, что гораздо цѣлесообразнѣе (Сакс. § 924; Гер. § 481). Послѣдствія, затѣмъ, отвѣтственности отчуждателя животныхъ въ означенныхъ случаяхъ по отношенію правъ ихъ пріобрѣтателя они опредѣляютъ также не совсѣмъ одинаково, и именно, уложеніе Германское предоставляетъ ему право требовать только отмѣны договора даже и въ случаяхъ убоя имъ пріобрѣтенныхъ животныхъ, или же ихъ отчужденія имъ и гибели, между тѣмъ какъ уложеніе Саксонское въ этихъ послѣднихъ случаяхъ предоставляетъ ему только право требовать сбавки въ условленной цѣнѣ за нихъ (Сак. § 927; Гер. § 487). Въ общемъ, послѣдствія отмѣны договора о пріобрѣтеніи животныхъ оба они опредѣляютъ одинаково, указывая, какъ на послѣдствіе его отмѣны, на обязанность ихъ отчуждателя возмѣстить ихъ пріобрѣтателю понесенныя имъ издержки на ихъ прокормъ и уходъ за ними; но, затѣмъ, уложеніе Германское, кромѣ этого, совершенно основательно упоминаетъ еще объ обязанности ихъ отчуждателя возмѣстить ихъ пріобрѣтателю понесенныя имъ издержки на ветеринарный осмотръ животнаго, а также на его лѣченіе и убой (Сак. § 928; Гер. § 488). Кромѣ этого, это послѣднее уложеніе совершенно основательно пре-

доставляетъ пріобрѣтателю животныхъ, опредѣленныхъ только по ихъ роду, также право по его усмотрѣнію требовать, вмѣсто отмѣны договора о ихъ пріобрѣтеніи, передачи ему другихъ животныхъ безъ пороковъ и недостатковъ (§ 491). Уложеніе Саксонское перечисляетъ еще подробно тѣ болѣзни и пороки животныхъ, за обнаруженіе которыхъ долженъ нести отвѣтственность ихъ отчуждатель, каковое перечисленіе собственно въ законахъ гражданскихъ врядъ-ли представляется умѣстнымъ, и почему нельзя не признать болѣе цѣлесообразнымъ сдѣланное въ уложеніи Германскомъ общее указаніе, что продавецъ отвѣчаетъ за коренные недостатки животныхъ, подробно перечисленные въ особо издаваемомъ Императорскомъ указѣ (Сак. § 926; Гер. § 482). Наконецъ, въ обоихъ уложеніяхъ, но съ особенной подробностью въ уложеніи Германскомъ указываются, какъ срокъ обнаруживанія недостатковъ въ пріобрѣтенныхъ животныхъ, такъ и тѣ сроки, въ которые пріобрѣтатель ихъ долженъ заявлять о ихъ обнаруженіи въ видахъ сохраненія права его требовать отмѣны договора о ихъ пріобрѣтеніи,—постановленія, неимѣющія особаго интереса.

Въ тѣхъ отдѣлахъ уложеній Саксонскаго и Германскаго, въ которыхъ помѣщены постановленія объ отвѣтственности должника, отчуждателя вещи, за ея недостатки и пороки, помѣщены также и постановленія о его отвѣтственности за отсужденіе или эвикцію отчужденной имъ вещи отъ ея пріобрѣтателя. Какъ на довольно крупный пробѣлъ, допущенный въ постановленіяхъ уложенія Германскаго, къ этому предмету относящихся, нельзя не указать на отсутствіе въ немъ опредѣленій, какъ самаго отсужденія, какъ факта, могущаго влечь за собой отвѣтственность за его наступленіе, такъ и тѣхъ условій, при наличности которыхъ онъ можетъ влечь за собой это послѣдствіе,—опредѣленій, подробно изложенныхъ въ уложеніи Саксонскомъ (§§ 931—938), и во всякомъ законодательствѣ крайне необходимыхъ. Собственно тѣ случаи, когда отвѣтственность за отсужденіе вещи не имѣетъ мѣста, оба они опредѣляютъ одинаково, постановляя, что отчуждатель вещи не отвѣчаетъ за недостатки его права на

нее, когда пріобрѣтатель ея или зналъ объ этихъ недостаткахъ, или, все равно, о правѣ на нее третьихъ лицъ, или же когда отвѣтственность ея отчуждателя за ея отсужденіе была устранена его соглашеніемъ съ пріобрѣтателемъ, каковое соглашеніе оба они признаютъ дѣйствительнымъ, однако же, лишь только въ томъ случаѣ, когда при заключеніи его отъ пріобрѣтателя вещи не было скрыто существованіе этихъ недостатковъ (Сак. §§ 944, 947; Гер. §§ 439, 443). Послѣдствія, затѣмъ, отсужденія вещи отъ ея пріобрѣтателя по отношенію правъ его, напротивъ, они опредѣляютъ уже нѣсколько различно и, притомъ, полнѣе и подробнѣе опредѣляетъ ихъ уложеніе Саксонское, указывая тѣ различія въ нихъ, которыя вызываются и обусловливаются отсужденіемъ или цѣлой вещи, или части ея, или нѣсколькихъ отдѣльныхъ вещей самостоятельныхъ, или нѣсколькихъ отдѣльныхъ вещей изъ вещи совокупной. Какъ на общія послѣдствія отсужденія вещи по отношенію правъ ея пріобрѣтателя, оба они указываютъ, на право его требовать отъ ея отчуждателя возмѣщенія понесенныхъ имъ отъ этого убытковъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ и на право его также отступаться отъ исполненія договора о ихъ пріобрѣтеніи, и изъ нихъ уложеніе Саксонское указываетъ еще на право его требовать отмѣны всего договора въ случаѣ отсужденія отъ него части пріобрѣтенной имъ вещи (Сак. §§ 939 – 943; Гер. §§ 440, 441).

По поводу постановленій уложеній Саксонскаго и Германскаго о передачѣ обязательственныхъ правъ, нельзя, прежде всего, не замѣтить, что имъ отведено врядъ ли надлежащее мѣсто, какъ въ уложеніи Саксонскомъ среди общихъ правилъ о договорахъ, такъ еще болѣе въ уложеніи Германскомъ послѣ постановленій о прекращеніи обязательствъ, вслѣдствіе того, что правила эти на самомъ дѣлѣ имѣютъ отношеніе къ передачѣ обязательственныхъ правъ, возникающихъ не только изъ договора, но и изъ другихъ основаній, а также потому, что они могутъ переходить отъ одного лица къ другому не только на основаніи договора, но и въ силу закона, и почему имъ надлежащее мѣсто среди общихъ постановленій объ обязательственныхъ правахъ. Какъ

на самыя, затѣмъ, основанія перехода обязательственныхъ правъ, оба они одинаково указываютъ на сдѣлки о передачѣ обязательственнаго права между вѣрителемъ обязательства и третьимъ лицамъ, его пріобрѣтающимъ, и на законъ, когда и независимо отъ соглашенія, а въ силу закона обязательственное право переходитъ отъ вѣрителя обязательства къ другому лицу (Сак. § 953; Гер. §§ 398, 412). Впрочемъ, уложеніе Саксонское, кромѣ этихъ основаній перехода обязательственныхъ правъ отъ вѣрителя обязательства къ другому лицу, совершенно основательно указываетъ еще на судебное опредѣленіе, предписывающее переходъ его къ послѣднему. Какъ по сдѣлкѣ, такъ и на основаніи закона по обоимъ уложеніямъ одинаково могутъ переходить отъ вѣрителя обязательства къ другому лицу одни и тѣ же обязательственныя права, но въ уложеніи Саксонскомъ подробно, затѣмъ, указаны еще тѣ случаи, когда можетъ имѣть мѣсто переходъ ихъ въ силу закона, и именно: во 1-хъ, когда третье лицо, удовлетворяя за должника вѣрителя обязательства, выговорило въ свою пользу его переводъ отъ него; во 2-хъ, когда кто-либо въ качествѣ представителя другого пріобрѣлъ обязательственное право на свое имя, но съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы оно принадлежало послѣднему; въ 3-хъ, когда кто-либо пріобрѣтаетъ обязательственное право на средства другого, но на свое имя, бывъ на самомъ дѣлѣ обязаннымъ, какъ представитель послѣдняго, пріобрѣсти его для него; въ 4-хъ, когда кто либо, будучи не въ состояніи доставить вѣрителю предметъ его обязательства, имѣетъ право требовать доставленія его себѣ отъ другого лица и, въ 5-хъ, когда отчуждена какая либо вещь, обязательственныя права, къ ней относящіяся (§§ 955—964). Быть можетъ указаніе на эти случаи и неисчерпывающее, но, несмотря на это, все же врядъ ли можно считать помѣщеніе его въ законѣ лишнимъ, почему и неупоминаніе о нихъ въ уложеніи Германскомъ врядъ ли можно не считать за пробѣлъ въ немъ.

Болѣе краткими сравнительно съ постановленіями уложенія Саксонскаго представляются опредѣленія уложенія Германскаго и о самыхъ тѣхъ обязательственныхъ правахъ, ко-

торыя могутъ переходить отъ вѣрителя обязательства къ другому лицу. Оно не даетъ даже положительнаго опредѣленія по этому предмету, а указываетъ только, какія обязательственныя права не могутъ быть передаваемы ихъ вѣрителемъ другому лицу, относя къ категоріи ихъ: во 1-хъ, такія удовлетворенія, по которымъ другому лицу взамѣнъ первоначальнаго вѣрителя не можетъ быть совершено безъ измѣненія его содержанія; во 2-хъ, такія, права передачи которыхъ вѣритель былъ лишенъ соглашеніемъ съ должникомъ и въ 3-хъ, такія, на которыя не можетъ быть обращаемо взысканіе (§§ 399, 400). Не говоря уже о томъ, что такія указанія со стороны только отрицательной тѣхъ обязательственныхъ правъ, которыя не могутъ быть предметомъ передачи, представляются далеко недостаточными для опредѣленія тѣхъ обязательственныхъ правъ, передача которыхъ должна считаться допустимой, но и по самому ихъ содержанію первое изъ нихъ представляется крайне неопредѣлительнымъ и, потому, не могущимъ служить пригоднымъ руководствомъ для опредѣленія того, передача какихъ изъ указанныхъ въ немъ обязательственныхъ правъ недопустима. Уложеніе Саксонское, напротивъ, опредѣляетъ прежде всего со стороны положительной тѣ обязательственныя права, передача которыхъ допустима, относя къ категоріи ихъ всякія права, какъ условныя, или неподлежащія еще исполненію, такъ и подлежащія исполненію и по которымъ возникло право на искъ, и затѣмъ, и самые иски, а изъ обязательственныхъ правъ двустороннихъ, только самыя права, но никакъ не въ соединеніи съ лежащими на обладателѣ ихъ обязанностями. Какъ объ обязательственныхъ правахъ, неподлежащихъ передачѣ, оно упоминаетъ о такихъ чисто личныхъ правахъ, которыя или по особымъ качествамъ вѣрителя, или по особому ихъ содержанію представляются невозможными къ исполненію передъ другимъ лицомъ (§§ 964—967).

Нѣтъ также въ уложеніи Германскомъ постановленій о послѣдствіяхъ передачи обязательственнаго права по отношенію правъ прежняго вѣрителя, имѣющихся въ уложеніи Саксонскомъ, которое въ этомъ отношеніи постановляетъ, что вѣ-

ритель по передачѣ его права перестаетъ быть вѣрителемъ, теряетъ право распоряженія имъ и требовать его исполненія (§ 968). Постановленія о послѣдствіяхъ передачи обязательственныхъ правъ по отношенію правъ новаго вѣрителя, ихъ пріобрѣтателя, напротивъ, есть и въ немъ и, притомъ, постановленія почти одинаковыя съ аналогичными имъ постановленіями уложенія Саксонскаго. Имено, оба они въ этомъ отношеніи указываютъ, что къ новому вѣрителю, по передачѣ ему обязательственнаго права, переходятъ установленные съ цѣлью обезпеченія его исполненія залоги и поручительства, а также что ему должно быть представляемо должникомъ и удовлетвореніе по обязательству, къ каковымъ указаніямъ уложеніе Саксонское прибавляетъ только, что новый вѣритель пріобрѣтаетъ отъ прежняго обязательственное право въ томъ объемѣ, въ которомъ оно принадлежало послѣднему (Сак. § 969, Гер. §§ 401—410). Обязанности, затѣмъ, вѣрителя, уступившаго его право, по отношенію новаго вѣрителя опредѣлены въ уложеніи Германскомъ даже опредѣлительнѣе, чѣмъ въ уложеніи Саксонскомъ, такъ какъ въ немъ въ этомъ отношеніи прямо указано, что прежній вѣритель обязанъ, во 1-хъ, передать новому какъ документы, удостовѣряющіе его право, такъ и сообщить ему всѣ свѣдѣнія, необходимыя для его осуществленія, а также дать ему и актъ объ уступкѣ ему его права, и, во 2-хъ, обязанъ отвѣчать передъ нимъ въ случаѣ возмездной передачи ему его права за его дѣйствительность, а если онъ принялъ на себя обязанность отвѣчать передъ нимъ и за состоятельность должника, то и за его осуществимость (§§ 402, 403, 437 438). Эти же собственно обязанности на передатчика обязательственнаго права передъ новымъ вѣрителемъ возлагаетъ и уложеніе Саксонское, опредѣляя ихъ только въ его постановленіяхъ выраженіями менѣе точными (§§ 970, 971). Обязанности, затѣмъ, должника передъ новымъ вѣрителемъ обязательства, а равно и моментъ ихъ возникновенія передъ нимъ оба уложенія опредѣляютъ также почти одинаково, постановляя, что должникъ обязанъ представить удовлетвореніе по обязательству не прежде, какъ или по предъявленіи

ему акта о его передачѣ новымъ вѣрителемъ, или же по увѣдомленіи его о передачѣ ему права прежнимъ вѣрителемъ, или же еще, какъ постановляетъ уложеніе Саксонское, по полученіи имъ увѣдомленія о передачѣ права отъ суда, или новаго вѣрителя (Сак. § 972, Гер. § 410). Приблизительно одинаково оба они опредѣляютъ и права должника передъ новымъ вѣрителемъ, предоставляя ему: во 1-хъ, право на предъявленіе и противъ послѣдняго всѣхъ тѣхъ возраженій противъ его права, которыя онъ могъ предъявить противъ прежняго вѣрителя, и во 2-хъ, право на предъявленіе къ зачету требованія его къ прежнему вѣрителю, которое онъ имѣлъ противъ него до передачи права. Уложеніе германское опредѣляетъ еще точнѣе только какъ тѣ возраженія, которыя должникъ не имѣетъ права предъявлять противъ новаго вѣрителя, такъ и тѣ случаи, когда онъ не можетъ предъявлять къ зачету его требованіе къ прежнему вѣрителю, постановляя во 1-хъ, что должникъ не имѣетъ права предъявлять возраженіе о фиктивности его обязательства передъ прежнимъ вѣрителемъ и, во 2-хъ, что онъ не имѣетъ права предъявлять новому вѣрителю къ зачету такое его требованіе къ прежнему вѣрителю, которое стало годно ко взысканію послѣ передачи имъ его права послѣднему (Сак. § 975; Гер. §§ 405, 406), каковыя разъясненія представляются вполнѣ цѣлесообразными и очень не лишними въ законѣ. Послѣдствія, далѣе, передачи вѣрителемъ его обязательственнаго права послѣдовательно нѣсколькимъ лицамъ полнѣе опредѣляетъ уложеніе Саксонсое, такъ какъ оно, какъ и уложеніе Германское не только постановляетъ, что вѣритель, прежде пріобрѣтшій обязательственное право отъ первоначальнаго вѣрителя, не имѣетъ права оспаривать исполненіе обязательства, произведенное должникомъ передъ послѣдующимъ вѣрителемъ, если только онъ не зналъ прежде о послѣдовавшей передачѣ обязательственнаго права, но и предоставляетъ должнику право, въ случаѣ неполученія имъ увѣдомленія о предшествовавшей передачѣ, исполнить его обязательство и передъ послѣдующимъ пріобрѣтателемъ, и такимъ образомъ, освободиться отъ него (Сак. § 973, Гер. § 408).

Постановленія, затѣмъ, уложеній Саксонскаго и Германскаго о переводѣ долговъ, или принятіи на себя чужихъ обязательствъ не только вполнѣ различны по ихъ содержанію, но даже и помѣщены въ нихъ въ различныхъ отдѣлахъ, и именно, въ то время, какъ въ послѣднемъ они помѣщены среди общихъ правилъ о договорахъ, вслѣдъ за постановленіями о передачѣ обязательственныхъ правъ, въ первомъ, напротивъ, они помѣщены среди постановленій объ отдѣльныхъ договорахъ, какъ постановленія объ одномъ изъ возможныхъ договоровъ. Кромѣ этого, постановленіями ихъ, къ этому предмету относящимися, и нормируются собственно различныя сдѣлки, и именно, въ то время, какъ уложеніе Саксонское упоминаетъ о принятіи на себя чужого долга, какъ о такой сдѣлкѣ, по которой третье лицо по договору съ должникомъ принимаетъ на себя его долгъ (§ 1402), уложеніе Германское, напротивъ, говоритъ о возможности перевода долга съ должника на третье лицо посредствомъ двухъ сдѣлокъ, и именно: по договору третьяго лица съ вѣрителемъ о принятіи имъ на себя долга его должника и по договору третьяго лица съ должникомъ о принятіи на себя его долга, заключенному съ согласія вѣрителя (§§ 414, 415). Само собой разумѣется, конечно, что вслѣдствіе такого различія въ основаніяхъ перевода долга или принятія на себя чужихъ обязательствъ, настолько различными представляются и послѣдствія совершенія сдѣлокъ объ этомъ по уложеніямъ Саксонскому и Германскому, что указывать на нихъ особо нѣтъ надобности.

Особаго раздѣла объ обезпеченіи исполненія обязательствъ нѣтъ ни въ уложеніи Саксонскомъ, ни въ уложеніи Германскомъ, и хотя въ нихъ есть постановленія о задаткѣ, добровольной неустойкѣ и поручительствѣ, но первому не всегда ими присваивается значеніе средства обезпеченія обязательствъ, и постановленія о немъ помѣщены въ нихъ среди общихъ постановленій и договорахъ, а послѣднимъ хотя и присваивается значеніе средствъ обезпеченія ими исполненія обязательствъ, но постановленія о послѣднемъ въ нихъ обоихъ помѣщены среди постановленій объ отдѣльныхъ договорахъ,

какъ объ одномъ изъ нихъ, а постановленія о неустойкѣ въ уложеніи Саксонскомъ также помѣщены среди этихъ послѣднихъ правилъ, а въ уложеніи Германскомъ въ одной главѣ съ постановленіями о задаткѣ. Значеніе послѣдняго опредѣляется ими обоими одинаково, какъ знака заключенія договора. Послѣдствія, затѣмъ, дачи задатка при заключеніи договора оба они также опредѣляютъ почти одинаково, постановляя: во 1-хъ, что при исполненіи договора онъ долженъ быть зачтенъ въ слѣдуемое по немъ удовлетвореніе, а при невозможности зачета долженъ быть возвращенъ лицу, его давшему; во 2-хъ, что при расторженіи договора онъ долженъ быть возвращенъ лицу, его давшему, и, въ 3-хъ, что въ случаѣ неисполненія договора лицомъ, его давшимъ, по его винѣ такъ же, какъ и въ случаѣ расторженія его по его винѣ, сторона, его получившая, имѣетъ право удержать его въ ея пользу, къ каковымъ постановленіямъ уложеніе Саксонское прибавляетъ еще, что въ случаѣ неисполненія договора по винѣ лица, получившаго задатокъ, онъ долженъ быть возвращенъ имъ вдвойнѣ лицу, его давшему, и, притомъ, какъ въ этомъ случаѣ, такъ и въ предыдущемъ, независимо отъ возмѣщенія убытковъ, понесенныхъ отъ неисполненія договора (Сак. §§ 893—895; Гер. §§ 336—338). Въ двухъ послѣднихъ указаніяхъ на послѣдствія дачи задатка по отношенію права другой стороны на его удержаніе и нельзя не видѣть указанія на то, что ими обоими придается задатку не только значеніе знака заключенія договора, но и значеніе одного изъ средствъ обезпеченія его исполненія.

Значеніе, затѣмъ, добровольной неустойки, какъ штрафа или пени, опредѣляемыхъ соглашеніемъ сторонъ и подлежащихъ уплатѣ одной стороной обязательства другой за неисполненіе ея обязательства передъ послѣдней, хотя оба они и опредѣляютъ одинаково (Сак. § 1428; Гер. § 339), но въ дальнѣйшихъ ихъ постановленіяхъ, къ ней относящихся, проявляютъ уже довольно рѣзкія различія и, притомъ, такія, которыя выгодно отличаютъ уложеніе Германское. Такъ, оно указываетъ: во 1-хъ, что неустойка можетъ быть опредѣляема не только въ денежной суммѣ, но и въ иномъ удовлетворе-

ніи и, во 2-хъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда она назначена въ несоразмѣрно большомъ количествѣ, она по просьбѣ лица, ею обязаннаго, можетъ быть уменьшаема судомъ (§§ 342; 343), между тѣмъ, какъ уложеніе Саксонское предоставляетъ опредѣленіе ея размѣра безусловно усмотрѣнію сторонъ обязательства, и только въ тѣхъ случаяхъ, когда она назначается ими за неплатежъ своевременно денежнаго долга, оно ограничиваетъ ея размѣръ суммой, не долженствующей превышать вмѣстѣ съ выговоренными процентами количества ея, допускаемаго постановленіями о лихвѣ (§ 1430). Затѣмъ, уложеніе Германское также справедливѣе опредѣляетъ послѣдствія осуществленія вѣрителемъ его права на взысканіе неустойки. Именно, въ то время, какъ уложеніе Саксонское допускаетъ взысканіе неустойки только вмѣсто убытковъ, причиненныхъ неисполненіемъ обязательства (§ 1431), оно, напротивъ, совершенно основательно предоставляетъ ему право, вмѣстѣ со взысканіемъ неустойки, требовать и возмѣщенія убытковъ, поскольку они превышаютъ размѣръ условленной неустойки (§ 340). Право вѣрителя на осуществленіе его права на взысканіе неустойки и послѣдствія ея взысканія въ другихъ ихъ постановленіяхъ они опредѣляютъ уже почти одинаково, различая случаи установленія неустойки за неисполненіе обязательства и ненадлежащее его исполненіе и предоставляя вѣрителю право въ первомъ случаѣ требовать или неустойку, или исполненіе обязательства, а во второмъ требовать вмѣстѣ и неустойку, и исполненіе обязательства, причемъ оба они лишаютъ вѣрителя права требовать неустойку въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ, принимая ненадлежащее исполненіе, не оставилъ за собой права на взысканіе неустойки (Сак. §§ 1428; 1429; Гер. §§ 340; 341). Опредѣляютъ, наконецъ, они одинаково, какъ тотъ моментъ, съ наступленія котораго возникаетъ для вѣрителя право на взысканіе неустойки, указывая, что это право его возникаетъ со времени допущенія со стороны должника просрочки въ исполненіи обязательства, если оно заключается въ совершеніи чего-либо, а если, напротивъ, оно заключается въ воздержаніи отъ совершенія какихъ-либо дѣйствій, то со вре-

мени ихъ совершенія, такъ и основанія ея отпаденія, постановляя, что въ случаѣ недѣйствительности главнаго обязательства отпадаетъ и обязательство платежа неустойки, къ каковому постановленію уложеніе Саксонское добавляетъ только еще, что обязанность платежа неустойки отпадаетъ также въ случаяхъ, или допущенія просрочки въ принятіи исполненія вѣрителемъ, или же прекращенія обязательства вслѣдствіе наступившей для должника невозможности его исполненія до времени, условленнаго для его исполненія (Сак. §§ 1432—1434; Гер. §§ 339; 344).

Договоръ поручительства оба уложенія опредѣляютъ почти одинаково, какъ такой договоръ, на основаніи котораго кто-либо принимаетъ на себя обязательство передъ вѣрителемъ третьяго лица должника отвѣчать за исполненіе передъ нимъ обязательства послѣднимъ, безъ освобожденія его, какъ совершенно основательно прибавляетъ уложеніе Саксонское, отъ обязанности исполнить его обязательство (Сак. § 1442; Гер. § 765). Кромѣ поручительства договорнаго оба они указываютъ также на одинъ случай такого поручительства, когда оно возникаетъ въ силу закона, а именно тотъ случай, когда кто-либо поручаетъ другому оказать кредитъ отъ своего имени и за свой счетъ третьему лицу и когда онъ отвѣчаетъ, какъ поручитель, за исполненіе обязательства послѣднимъ, возникшаго изъ оказанія ему кредита (Сак. § 1476; Гер. § 778). О поручительствѣ за поручителя уложеніе Германское, напротивъ, не упоминаетъ. По объему отвѣтственности поручителя за должника уложеніе Саксонское различаетъ два вида поручительства: одно съ неограниченной отвѣтственностью, а другое въ размѣрѣ недополученнаго вѣрителемъ отъ должника удовлетворенія; уложеніе-же Германское, напротивъ, упоминаетъ только о послѣднемъ видѣ поручительства, но въ этомъ послѣднемъ его видѣ отличаетъ еще поручительство на срокъ, или такое, при которомъ поручитель ручается за исполненіе обязательства должникомъ въ срокъ, для исполненія его назначенный (Сак. § 1452; Гер. § 777). Самый объемъ отвѣтственности поручителя при поручительствѣ неограниченномъ въ общемъ оба они опредѣляютъ почти одинаково, по-

становляя, что поручитель отвѣчаетъ за исполненіе всего обязательства должника, какъ и онъ самъ, и что въ случаяхъ увеличенія размѣра его обязательства вслѣдствіе допущенія имъ просрочки въ его исполненіи обязанностью, напр. возмѣщенія убытковъ, платежа издержекъ по взысканію и другихъ, онъ отвѣчаетъ передъ вѣрителемъ также и за послѣднія. Объ обязанности поручителя отвѣчать еще за какія-либо другія добавочныя обязательства должника уложеніе Германское не упоминаетъ; уложеніе же Саксонское возлагаетъ на него еще обязанность отвѣчать за проценты за просрочку въ исполненіи обязательства должникомъ, за положенную за его неисполненіе неустойку и другія добавочныя обязательства (Сак. §§ 1456, 1457; Гер. § 767), что врядъ-ли представляется справедливымъ, въ особенности возложеніе на него обязанности платить неустойку. Отвѣтственность нѣсколькихъ поручителей оба они опредѣляютъ совершенно одинаково, какъ отвѣтственность солидарную (Сак. § 1458; Гер. § 769). Оба они, затѣмъ, предоставляютъ поручителю право на предъявленіе всѣхъ тѣхъ возраженій, которыя имѣетъ право предъявлять и должникъ противъ требованія вѣрителя, даже и тогда, когда-бы должникъ и отказался отъ ихъ предъявленія, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, какъ указываетъ собственно уложеніе Саксонское, когда-бы поручитель или принялъ на себя поручительство именно съ цѣлью обезпечить вѣрителя отъ этихъ возраженій, или-же, принимая на себя поручительство, зналъ о несуществованіи или прекращеніи обязательства (Сак. §§ 1459, 1460; Гер. § 768). Возложеніе отвѣтственности на поручителя въ этомъ послѣднемъ случаѣ не только противорѣчитъ существу поручительства, но и предшествующимъ постановленіямъ самаго уложенія Саксонскаго, которое совершенно основательно опредѣляетъ, что поручительство предполагаетъ существованіе главнаго обязательства, и что оно дѣйствительно лишь въ размѣрѣ послѣдняго, а если оно принято имъ на сумму высшую противъ главнаго долга, или если поручитель обѣщалъ другой предметъ удовлетворенія, нежели должникъ, то оно во всемъ томъ, въ чемъ превышаетъ обязательство должника, считается за са-

мостоятельное его обязательство (§§ 1454, 1455). Моментъ наступленія отвѣтственности поручителя за обязательство должника въ общемъ оба они опредѣляютъ почти одинаково, указывая, что вѣритель имѣетъ право обратиться къ поручителю съ требованіемъ объ исполненіи обязательства въ то время, когда оно подлежитъ исполненію, но что поручитель, въ свою очередь, имѣетъ право требовать отъ вѣрителя, чтобы онъ сперва обратился съ искомъ о его исполненіи къ самому должнику, къ каковому указанію уложеніе Германское еще добавляетъ, что поручитель имѣетъ право отказать вѣрителю въ представленіи удовлетворенія также и тогда, когда должникъ имѣетъ право оспаривать его обязательство, или когда вѣритель имѣетъ возможность получить отъ него удовлетвореніе черезъ представленіе ему въ зачетъ его требованія къ нему, а затѣмъ и вообще можетъ отказывать ему въ представленіи удовлетворенія до тѣхъ поръ, пока не окажется безуспѣшной его попытка получить удовлетвореніе отъ должника путемъ понудительнаго взысканія съ его имущества, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда-бы или поручитель обязался отвѣчать наравнѣ съ главнымъ должникомъ или отказался отъ его права требовать обращенія взысканія предварительно съ имущества должника, или-же когда-бы надъ имуществомъ его былъ открытъ конкурсъ, или-же когда-бы взысканіе съ его имущества оказалось затруднительнымъ или предвидѣлось, что вѣритель не получитъ удовлетворенія съ его имущества (Сак. § 1461; Гер. §§ 770—773). Предоставляя поручителю право требовать отъ вѣрителя, чтобы онъ съ искомъ объ исполненіи обязательства обратился сперва къ самому должнику, уложеніе Саксонское также указываетъ нѣкоторые случаи исключенія, когда онъ этого права не имѣетъ, и именно въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ или самъ отказался отъ него, или обязался отвѣчать наравнѣ съ главнымъ должникомъ, или принялъ на себя поручительство на срокъ, или когда должникъ объявленъ несостоятельнымъ, или пришелъ въ неоплатность, или когда мѣстопребываніе его неизвѣстно, или онъ находится за границей (§ 1462).

Права, затѣмъ, поручителя по отношенію главнаго долж-

ника по производствѣ имъ удовлетворенія по обязательству за него оба они опредѣляютъ почти одинаково, указывая, что посколько онъ удовлетворилъ вѣрителя, требованіе его противъ главнаго должника переходитъ къ нему, за исключеніемъ того случая, по указанію уложенія Саксонскаго, когда онъ зналъ о тѣхъ возраженіяхъ, которыя могъ предъявить должникъ противъ требованія вѣрителя, и не воспользовался ими, и когда онъ лишается права обратнаго требованія къ должнику (Сак. § 1471; Гер. § 774). Кромѣ этого, оба они предоставляютъ право такому поручителю, котораго къ принятію поручительства побудилъ должникъ, требовать отъ него освобожденія и отъ поручительства въ случаяхъ, когда должникъ медлитъ исполненіемъ его обязательства, или когда дѣла его пришли въ разстройство, или замѣтно ухудшились, или когда поручитель присужденъ рѣшеніемъ суда къ исполненію обязательства должника (Сак. § 1470; Гер. § 775); а уложеніе Германское совершенно основательно предоставляетъ поручителю еще право освободиться отъ отвѣтственности и передъ вѣрителемъ, если не всегда во всемъ объемѣ обязательства, то въ извѣстной части его, въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ отказывается или отъ его права на полученіе преимущественнаго удовлетворенія отъ должника по обязательству, обезпеченному залогомъ, или-же отъ полученія удовлетворенія отъ другихъ поручителей, поручившихся за исполненіе имъ этого-же обязательства и въ томъ размѣрѣ, въ которомъ черезъ такія дѣйствія вѣрителя усиливается его отвѣтственность, какъ поручителя (§ 776).

О прекращеніи, наконецъ, поручительства уложеніе Германское общихъ постановленій въ себѣ не содержитъ, что̀ представляется, разумѣется, довольно существеннымъ пробѣломъ въ немъ, а заключаетъ въ себѣ одно только частное постановленіе о прекращеніи поручительства на срокъ, въ которомъ оно указываетъ, что это поручительство прекращается въ томъ случаѣ, когда вѣритель, по наступленіи срока исполненія обязательства, не приметъ немедленно мѣръ къ полученію удовлетворенія отъ должника (§ 777). Въ уложеніи Саксонскомъ, напротивъ, выражены подробныя постановленія

объ основаніяхъ прекращенія поручительства, въ которыхъ указывается, что оно прекращается: во-1-хъ, всякой отмѣной главнаго обязательства; во-2-хъ, когда поручитель лишается возможности осуществить право его обратнаго требованія къ должнику по винѣ вѣрителя; въ-3-хъ, когда вѣритель даетъ должнику отсрочку въ исполненіи обязательства въ то время, когда видно, что дѣла его приходятъ въ разстройство, и, въ 4-хъ, когда вѣритель не предъявитъ иска къ должнику въ теченіе 30 дней съ наступленія срока исполненія обязательства, если поручительство было принято на срокъ (§§ 1464—1467).

Есть какъ въ уложеніи Саксонскомъ, такъ и Германскомъ особый раздѣлъ, въ которомъ помѣщены постановленія о прекращеніи обязательствъ, но въ послѣднемъ уложеніи постановленія эти представляются крайне недостаточными, такъ какъ въ нихъ изъ семи основаній прекращенія обязательствъ, перечисленныхъ въ уложеніи Саксонскомъ, и, притомъ, неисчерпывающимъ образомъ, указывается всего только три: исполненіе, зачетъ и прощеніе долга. Постановленія ихъ собственно объ исполненіи обязательствъ, какъ объ одномъ изъ основаній ихъ прекращенія, одинаковы, такъ какъ оба они согласно постановляютъ, что обязательство прекращается посредствомъ представленія должникомъ вѣрителю должнаго удовлетворенія, или посредствомъ совершенія имъ дѣйствій, равносильныхъ удовлетворенію, т. е. или посредствомъ взноса его въ присутственное мѣсто, какъ поясняетъ уложеніе Саксонское, или же посредствомъ принятія вѣрителемъ отъ должника въ исполненіе его обязательства какого-либо другого предмета вмѣсто условленнаго, какъ поясняетъ уложеніе Германское (Сак. § 976; Гер. §§ 362—364). Постановленія ихъ, затѣмъ, о томъ, на погашеніе какого именно обязательства должно быть обращено представленное должникомъ удовлетвореніе, когда на немъ лежитъ нѣсколько обязательствъ, но когда представленнаго имъ удовлетворенія недостаточно для погашенія ихъ всѣхъ, напротивъ, не совсѣмъ одинаковы, и именно уложеніе Германское предоставляетъ безусловно должнику право опредѣлять то обязательство, на погашеніе

котораго должно быть обращено представленное имъ удовлетвореніе, ограничивая это право его только въ тѣхъ случаяхъ, когда представленное имъ удовлетвореніе должно быть обращаемо на уплату не только главнаго долга, но и издержекъ и процентовъ, и когда, при отсутствіи согласія вѣрителя, оно должно быть обращаемо прежде на погашеніе послѣднихъ, и, затѣмъ, уже остатокъ его на погашеніе капитала; между тѣмъ, какъ уложеніе Саксонское хотя и предоставляетъ опредѣленіе того обязательства, на погашеніе котораго должно быть обращено представленное удовлетвореніе, также сперва должнику, но, затѣмъ, на случай несдѣланія имъ указанія въ этомъ отношеніи, оно предоставляетъ опредѣленіе этого обязательства уже вѣрителю, и только уже въ случаѣ неопредѣленія и имъ этого обязательства оно предписываетъ обращать его сперва на погашеніе издержекъ и процентовъ (Сак. §§ 977—980; Гер. §§ 366; 367). Оба они, затѣмъ, даютъ въ этихъ-же постановленіяхъ приблизительно одинаковыя указанія на то, на погашеніе какого обязательства прежде должно быть обращено представленное должникомъ удовлетвореніе въ случаяхъ неопредѣленія его, по уложенію Саксонскому, должникомъ и вѣрителемъ, а по Германскому только должникомъ. Уложеніе Саксонское даетъ еще нѣкоторыя детальныя указанія относительно опредѣленія того, какія части нѣкоторыхъ обязательствъ должны считаться прежде погашенными, представленнымъ удовлетвореніемъ,— не имѣющія особаго значенія.

Понятіе зачета опредѣляется уложеніемъ Германскимъ нѣсколько общѣе, чѣмъ Саксонскимъ, такъ какъ оно указываетъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда обязательства двухъ лицъ одного передъ другимъ и наоборотъ однородны по ихъ предмету, то каждая сторона можетъ зачесть свое требованіе за требованіе другой стороны, какъ только она имѣетъ право потребовать слѣдующее ей удовлетвореніе и сама обязана совершить удовлетвореніе, слѣдуемое другой сторонѣ (§ 387); между тѣмъ, какъ уложеніе Саксонское говоритъ о допустимости зачета только однородныхъ обязательствъ, предметомъ которыхъ являются деньги или другія замѣнимыя вещи,

особливо не опредѣленныя (§ 988). Болѣе правильнымъ нельзя не считать, кажется, определенія понятія зачета уложенія Германскаго; послѣдствія-же зачета они, напротивъ, опредѣляютъ совершенно одинаково, указывая, что зачетъ влечетъ за собой прекращеніе обоихъ обязательствъ, посколько они покрываютъ другъ друга, съ того времени, когда наступили условія для ихъ зачета (Сак. § 988; Гер. § 389). Порядокъ совершенія зачета нѣсколько подробнѣе опредѣленъ, напротивъ, въ уложеніи Саксонскомъ, въ которомъ въ этомъ отношеніи указано, что зачетъ имѣетъ мѣсто тогда, когда одинъ изъ вѣрителей заявитъ другому судебнымъ или внѣсудебнымъ порядкомъ о его желаніи произвести зачетъ, въ каковой моментъ зачетъ и считается совершившимся, къ каковому указанію оно присовокупляетъ, что согласія на совершеніе зачета другой стороны не требуется (§ 992); между тѣмъ, какъ уложеніе Германское кратко постановляетъ только, что зачетъ совершается черезъ заявленіе, сдѣланное другой сторонѣ (§ 388). За то уложеніе Германское совершенно основательно указываетъ еще тѣ случаи, когда зачетъ недопустимъ, и именно: во-1-хъ, въ томъ случаѣ, когда противъ требованія заявлено возраженіе, и, во-2-хъ, въ случаѣ наложенія ареста на требованіе, принадлежащее должнику противъ вѣрителя, если требованіе это стало годно ко взысканію послѣ наложенія ареста, или-же если должникъ пріобрѣлъ свое требованіе послѣ наложенія ареста (§§ 390, 392). Также нѣсколько различно они опредѣляютъ обязательства, не подлежащія зачету, указывая, какъ на такія обязательства, уложеніе Саксонское на обязательства, вытекающія изъ договора поклажи, противозаконнаго завладѣнія чужими вещами и обязательство о доставленіи содержанія, если оно не можетъ быть предметомъ понудительнаго взысканія (§§ 994, 995), а уложеніе Германское,—обязательства, возникшія вообще изъ недозволенныхъ дѣйствій, а также вообще всѣ тѣ обязательства, которыя не могутъ быть предметомъ понудительнаго взысканія (§§ 393, 394). О зачетѣ, наконецъ, нѣсколькихъ обязательствъ оба они одинаково постановляютъ, что онъ подлежитъ осуществленію въ томъ же порядкѣ, въ

какомъ подлежитъ обращенію представленное должникомъ удовлетвореніе на погашеніе нѣсколькихъ обязательствъ (Сак. § 993; Гер. § 396).

О прощеніи долга и его послѣдствіяхъ уложеніе Германское кратко постановляетъ только, что обязательство прекращается, когда вѣритель договоромъ съ должникомъ или сниметъ съ него обязательство, или признаетъ, что его обязательство прекратилось (§ 397); уложеніе же Саксонское совершенно основательно подробнѣе опредѣляетъ послѣдствія такого отмѣнительнаго договора, постановляя: во-1-хъ, что обязательство можетъ прекратиться и въ части въ случаяхъ частичной его только отмѣны такимъ договоромъ, и, во-2-хъ, что въ случаяхъ отмѣны такого договора, который вовсе исполненъ не былъ, онъ считается никогда небывшимъ заключеннымъ, но что права, пріобрѣтенныя третьими лицами на основаніи такого отмѣненнаго договора, остаются въ силѣ и нарушены отмѣнительнымъ договоромъ быть не могутъ (§§ 998—1000).

К. Н. Анненковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

РОСТОВЩИЧЕСТВО.

(Понятіе ростовщичества въ теоріи и въ положительномъ правѣ) [1]).

Кредитъ есть могущественное орудіе промышленнаго развитія. „Безъ кредита, говоритъ Іерингъ, гражданскій оборотъ былъ бы самой несовершенной, самой тяжеловѣсной вещью въ мірѣ,—все равно, что птица безъ крыла; вмѣстѣ съ ростомъ оборота растетъ и кредитъ подобно тому, какъ у птицы начинаютъ расти крылья тотчасъ же, какъ только она вылупится изъ яйца“ [2]). Но вмѣстѣ съ тѣми экономическими выгодами, которыя приноситъ съ собою возникновеніе и распространеніе кредита, послѣдній заключаетъ въ себѣ также весьма серьезныя опасности и среди нихъ немаловажною является злокачественная форма кредита—ростовщичество. Задача кредита заключается въ перемѣщеніи капитала оттуда, гдѣ онъ оставался бы безполезной силой, ждущей для себя хозяйственнаго примѣненія, туда, гдѣ онъ можетъ служить цѣли удовлетворенія человѣческихъ нуждъ. Рычагомъ, приводящимъ капиталъ въ движеніе, приманкой для него являются проценты, подъ которыми (въ широкомъ смыслѣ слова) разумѣется всякое вознагражденіе за оказаніе кредита. Когда это вознагражденіе требуется въ размѣрѣ, по своей значи-

---

[1]) Пробная лекція, прочитанная въ Московскомъ университетѣ.

[2]) Ihering. „Der Zweck im Recht“, 1893, стр. 156, 157.

тельности совершенно не соотвѣтствующемъ суммѣ кредита, тогда мы говоримъ о *ростовщичествѣ въ собственномъ смыслѣ слова.* Такъ какъ нужда, подъ давленіемъ которой заключаются самыя невыгодныя сдѣлки и эгоизмъ, побуждающій къ извлеченію изъ оказанной услуги самыхъ большихъ выгодъ, всегда были неразлучными спутниками построеннаго на принципѣ конкурренціи хозяйства, то и ростовщичество появляется уже на самыхъ раннихъ стадіяхъ развитія кредита.

Исторія отношеній законодательства къ ростовщичеству чрезвычайно интересна. Эта исторія постоянно смѣняющихъ другъ друга борьбы и примиренія между теоріею и неукладывающимися въ нее практическими отношеніями, между требованіями, настойчиво предъявляемыми реальною жизнью, и идеализмомъ доктрины, то вѣрующей въ силу облеченнаго въ форму юридическаго приказа христіанскаго завѣта братской солидарности, то оптимистически надѣющейся, что естественный ходъ вещей безъ всякаго вмѣшательства приведетъ къ ихъ наилучшему упорядоченію.

Уже въ римскомъ правѣ, которое Іерингъ [1]) изображаетъ какъ систему свободы, принципъ абсолютной автономіи гражданскаго оборота находилъ себѣ ограниченіе въ мѣрахъ принимаемыхъ въ интересахъ обремененной долгами части населенія. Впрочемъ, какъ при существованіи республики, такъ и въ императорскій періодъ до Юстиніана maximum дозволенныхъ процентовъ былъ такъ великъ (10—12), что онъ никоимъ образомъ не могъ тормозить развитіе кредита. Только Юстиніанъ, подъ вліяніемъ отчасти неблагопріятно сложившихся экономическихъ отношеній, отчасти идей христіанской церкви, свелъ этотъ maximum до 6%.

Каноническое право пошло еще дальше. Опираясь на евангельское начало безкорыстной взаимопомощи, оно отождествило съ наказуемымъ ростовщичествомъ всякое взиманіе процентовъ; всякій доходъ отъ ссуды былъ turpe lecrum. Эта отрѣшенная отъ дѣйствительности точка зрѣнія проникла и въ свѣтское законодательство среднихъ вѣковъ. Само собою

---

[1]) Geist des römischen Rechts 1894, B. II, стр. 133 и сл.

разумѣется, что практика сумѣла выработать не мало средствъ обхода запрещенія брать проценты, особенно въ городахъ, для процвѣтанія которыхъ кредитъ сыгралъ видную роль. Весьма обычнымъ уже въ то время было присоединеніе къ договору о займѣ условія о неустойкѣ на случай неуплаты долга въ срокъ; часто прибѣгали къ такъ наз. contractus trinus, при которомъ ссуда облекалась въ форму договора товарищества, обезпечивающаго заимодавцу, какъ возвращеніе предоставленнаго имъ капитала, такъ и опредѣленную часть пріобрѣтеннаго при помощи его дохода.

Почти всѣ гуманисты и великіе реформаторы 16 столѣтія придерживались точки зрѣнія каноническаго права; но уже Кальвинъ подвергъ рѣшительной критикѣ ученіе церкви о ростовщичествѣ и принципіально высказался въ пользу роста. Точно также и въ положительныхъ законодательствахъ 16-го столѣтія наблюдается, хотя и медленный, поворотъ въ сторону признанія законности взиманія процентовъ. Августъ I Саксонскій мотивировалъ это признаніе слѣдующимъ убѣдительнымъ доводомъ: „Безъ этого въ наше дѣловое время никто бы не сталъ давать въ долгъ; совершенное запрещеніе % только увеличиваетъ наглость ростовщичества, такъ какъ при такомъ запрещеніи кредиторъ справедливо думаетъ: „ну теперь уже все равно—взять мало или много %“.

Постепенно къ концу 18 столѣтія вопросъ о дозволенности или недозволенности взиманія % превратился въ вопросъ о законномъ maximum'ѣ роста. Французскій декретъ 1789 г., Прусское земское право 1794 г., Австрійскій патентъ 1803 г. признали такимъ maximum'омъ 5 %. Затѣмъ подъ вліяніемъ идей Манчестерской школы, исповѣдующей убѣжденіе, что невмѣшательство государства въ общественно-хозяйственныя отношенія есть наилучшее средство достигнуть экономической гармоніи, законодательства одно за другимъ стали объявлять такъ наз. свободу % (Zinsfreiheit). Въ 1854 году это сдѣлала Англія, въ 1855 г.—Данія, затѣмъ Испанія (1856 г.), Сардинія (1857 г.) и т. д. Такъ какъ свободѣ процентовъ не было противопоставлено никакихъ мѣръ противъ ростовщиковъ, то естественно, что она немедленно превра-

тилась въ свободу ростовщичества, т. е. въ свободу безпощадной эксплоатаціи экономически болѣе сильными болѣе слабыхъ членовъ общества. Однако здоровая реакція противъ общественнаго паразитизма не заставила себя долго ждать. Послѣ недолгой вакханаліи ростовщичества Бельгія первая вступила на путь борьбы съ нимъ мѣрами уголовной репрессіи. Ея примѣру послѣдовали другія законодательства.

Прежде, чѣмъ приступить къ изложенію положительныхъ постановленій, я остановлюсь на вопросѣ, какова должна быть теоретическая конструкція ростовщичества. Съ современной точки зрѣнія установленіе общими государственными законами, при существующемъ строѣ экономическихъ отношеній, какого бы то ни было размѣра законныхъ процентовъ, и назначеніе наказанія уже за одно превышеніе указаннаго въ законѣ процентнаго максимума считается нецѣлесообразнымъ. Правда, и въ настоящее время существуютъ теоріи, отрицающія правомѣрность какихъ бы то ни было %. Такова теорія анархизма, которая словами Прудона произноситъ слѣдующій суровый приговоръ: „общество обязано предоставлять мнѣ кредитъ безъ всякаго роста; ростъ я называю кражей“ (l'interêt je l'appele vol). Такова же теорія соціализма, который разсматриваетъ всякую ренту, а въ томъ числѣ и ту часть ея, которую получаетъ капиталистъ въ качествѣ %, какъ отнятіе у рабочаго нѣкоторой доли его заработка. Но обѣ эти теоріи предполагаютъ иную общественную организацію, чѣмъ та, которою мы теперь пользуемся. Напротивъ, что касается капиталистическаго порядка экономическихъ отношеній, то при существованіи его взиманіе % и притомъ въ размѣрѣ, ограниченномъ только выгодностью хозяйственнаго примѣненія занятаго капитала, находитъ себѣ оправданіе, правда, лишь въ отношеніи къ такъ называемому предпринимательскому кредиту, даже у теоретиковъ соціализма, напр. у Родбертуса [1]). Современная литература богата доводами въ пользу свободы %; главнѣйшій изъ нихъ сво-

[1]) Rodbertus-Jagetzow. Zur Beleuchtung der socialen Frage, 1899 г. 3-е письмо къ Кирману, стр. 173 и сл.

дится къ тому, что всегда можно представить себѣ такіе случаи, въ которыхъ взиманіе на первый взглядъ даже очень высокихъ % не заключаетъ въ себѣ ничего предосудительнаго,—когда, напр., кредиторъ подвергаетъ себя большому риску, ссужая деньги на какое-нибудь малонадежное предпріятіе, или когда, наоборотъ, деньги предназначаются для такого оборота, при которомъ онѣ должны принести заемщику очень большую выгоду; вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно выработалось убѣжденіе, что въ виду разнообразія мѣстныхъ временныхъ, общественныхъ и личныхъ условій, вліяющихъ какъ на развитіе и формы кредита, такъ и на размѣръ %, законодатель не имѣетъ возможности фиксировать въ какой нибудь цифрѣ допустимый для всего государства предѣлъ роста. Но, умудренное опытомъ прошлаго, законодательство не вправѣ отказаться отъ преслѣдованія эксплоатаціи массы населенія ростовщиками.

Спрашивается, при какихъ же условіяхъ взиманіе роста становится преступленіемъ? Вопросъ этотъ долженъ быть разрѣшенъ на основаніи того общаго начала уголовнаго права, что частныя невзгоды привлекаютъ къ себѣ лишь тогда вниманіе уголовнаго законодательства, когда за ними кроется общественное зло. Слѣдовательно и ростовщичество можетъ быть обложено наказаніемъ только при признаніи за нимъ значенія общественной опасности. Такое значеніе оно пріобрѣтаетъ тогда, когда подходитъ подъ общее понятіе соціальнаго паразитизма. Черты этого явленія, какъ нельзя лучше раскрываетъ въ своихъ „Kern-und Zeitfragen der Socialpolitik" нѣмецкій экономистъ Альбертъ Шеффле [1]). Проводя параллель между общественнымъ паразитизмомъ и явленіемъ чужеядности въ растительномъ и животномъ мірѣ, Шеффле даетъ слѣдующую характеристику его: какъ въ природѣ, такъ и въ человѣческой средѣ паразитизмъ есть своебразная форма борьбы изъ-за питанія, изъ-за средствъ существованія; отсюда—паразитизмъ общественный есть явленіе изъ области экономическихъ отношеній; какъ въ природѣ чужеядность характе-

[1]) Schäffle, Deutsche Kern-und Zeitfragen, стр. 337 и сл.

ризуется отсутствіемъ взаимности обмѣна питательныхъ веществъ, такъ въ обществѣ паразитизмъ заключается въ отсутствіи взаимности услугъ; паразитъ, какъ врагъ людей и какъ зло природы, не ведетъ честной борьбы съ равносильнымъ противникомъ; онъ основываетъ свое благосостояніе на какой либо слабой сторонѣ своей жертвы; результаты паразитизма въ природѣ и въ обществѣ однп и тѣ-же: тамъ и здѣсь истощеніе, разложеніе и, наконецъ, гибель.

Всѣмъ этимъ признакамъ общественнаго паразитизма ростовщичество соотвѣтствуетъ въ томъ случаѣ, когда подъ нимъ разумѣется оказаніе или продолженіе кредита подъ условіемъ предоставленія должникомъ чрезмѣрной имущественной прибыли при такихъ обстоятельствахъ, при которыхъ для должника, завѣдомо для виновнаго, выполненіе этого условія кредита представляется крайне тягостнымъ. Опредѣленіе это выраженіемъ: „подъ условіемъ предоставленія чрезмѣрной имущественной прибыли“ подчеркиваетъ отсутствіе взаимности въ обмѣнѣ услугъ со стороны кредитора и должника; въ словахъ „при такихъ обстоятельствахъ, при которыхъ для должника, завѣдомо для виновнаго, выполненіе этого условія представляется крайне тягостнымъ“ заключается указаніе и на преднамѣренность угнетенія кредиторомъ своей жертвы и на раззорительныя послѣдствія ростовщичества. Въ этомъ опредѣленіи недостаетъ, повидимому, одного: въ немъ нѣтъ дѣлаемаго и положительными законодательствами указанія на внутреннія основанія ростовщической сдѣлки, т. е. на тѣ свойства самаго заемщика или его положенія, которыя открываютъ для кредитора возможность эксплоатаціи. Такими свойствами, согласно указаніямъ положительныхъ законодательствъ, являются нужда, легкомысліе, неопытность, страсть. Этотъ перечень и не нуженъ, такъ какъ само собою понятно, что только необходимость или слабость могутъ заставить человѣка согласиться на принятіе ростовщическихъ условій, и съ точки зрѣнія криминально-политической непрактиченъ, такъ какъ часто затрудняетъ преслѣдованіе ростовщичества, ставя возбужденіе уголовнаго процесса въ зависимость не только отъ желанія должника, но и отъ обнаруженія недостатковъ послѣд-

няго (неопытность, легкомысліе, страсть къ карточной игрѣ) или интимной стороны его жизни [1]).

До сихъ поръ я исходилъ изъ понятія ростовщичества въ собственномъ смыслѣ, разумѣя подъ нимъ отличающуюся извѣстными признаками кредитную операцію. Въ новѣйшей литературѣ была высказана мысль, что при такихъ ограниченныхъ предѣлахъ примѣненія закона о ростовщичествѣ, имъ создается для соціальныхъ группъ, находящихся въ болѣе выгодныхъ экономическихъ условіяхъ, нѣкоторая привилегія, которою не можетъ пользоваться бѣднѣйшій классъ населенія по той простой причинѣ, что его представители, не обладая ни собственностью, ни крупнымъ заработкомъ, не внушаютъ къ себѣ довѣрія, нужнаго для оказанія имъ кредита; поэтому, если законъ о ростовщичествѣ имѣетъ своею дѣйствительною цѣлью служить въ одинаковой мѣрѣ интересамъ всѣхъ классовъ общества, то онъ долженъ распространить понятіе ростовщичества на всѣ сдѣлки, при которыхъ возможна эксплоатація нужды и слабости, и которыя одинаково всѣмъ доступны, каковы купля-продажа, вещный или личный наемъ [2]). Эта мысль (нашедшая себѣ, какъ мы потомъ увидимъ, и законодательное выраженіе) не можетъ не быть признана вполнѣ правильною. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ вспомнить о тѣхъ притѣсненіяхъ, которымъ подвергается въ городахъ масса пролетаріата при такъ называемой жилищной нуждѣ, о тѣхъ тяготахъ, которыя несутъ у насъ крестьяне при арендѣ владѣльческихъ земель, о хитроумныхъ пріемахъ пользованія нуждою мелочными торговцами, наконецъ, о той эксплоатаціи при заключеніи сдѣлокъ о заработной платѣ, которая обусловливается небходимостью для рабочаго, не имѣющаго средствъ къ существованію, возможно скорѣе запродать свою рабочую силу, чтобы убѣдиться, какъ необходимо, чтобы въ уголовномъ законодательствѣ, наряду съ ростовщичествомъ въ собственномъ смыслѣ, были предусмотрѣны въ качествѣ преступленій того же вида, по край-

---

[1]) Caro. Der. Wucher. 1893, стр. 144.
[2]) Menger. Das bürgerliche Recht und die besitzlosen Klassen, 1904, стр. 158.

нѣй мѣрѣ, всѣ случаи сознательнаго злоупотребленія (безъ обмана и принужденія) [1]) однимъ контрагентомъ бѣдственнымъ положеніемъ другого и вытекающею изъ этого положенія готовностью ради заключенія сдѣлки согласиться на самыя тягостныя условія. Единственное серьезное возраженіе, которое могло бы быть сдѣлано противъ такого распространенія понятія ростовщичества, заключается въ указаніи, что имъ слишкомъ широко раздвигаются рамки судебнаго усмотрѣнія и такимъ образомъ нарушается принципъ легальности (Legaletälsprincip) судебной дѣятельности [2]), но это соображеніе уже потому должно быть отвергнуто, что оно могло бы быть приведено противъ всѣхъ уголовныхъ законодательствъ, проникнутыхъ довѣріемъ къ добросовѣстности, житейской опытности и такту судебныхъ дѣятелей; тенденція уголовнаго права заключается въ томъ, что, освобождая судей отъ тисковъ прежнихъ слишкомъ узкихъ и по описанію состава преступленія и по объему санкціи карательныхъ законовъ, оно ищетъ гарантій противъ произвола судебной дѣятельности въ созданіи для нея опредѣленныхъ процессуальныхъ формъ.

Чтобы покончить съ теоретической стороной вопроса о ростовщичествѣ, слѣдуетъ еще указать мѣсто, которое должно принадлежать ему въ системѣ особенной части уголовнаго права. По своимъ признакамъ ростовщичество примыкаетъ къ мошенничеству и вымогательству.

Подобно мошеннику и вымогателю, ростовщикъ не совершаетъ захвата имущества, а получаетъ его отъ потерпѣвшаго; подобно мошенничеству и вымогательству, ростовщичество можетъ направляться противъ любого имущественнаго интереса, отличаясь въ этомъ отношеніи отъ всѣхъ другихъ имущественныхъ преступленій, при которыхъ всегда страдаетъ какое-нибудь опредѣленное право: при кражѣ—собственность, при банкротствѣ—обязательственныя права кредиторовъ и т. д. [3]).

---

[1]) При этихъ признакахъ мы имѣли бы мошенничество или вымогательство.

[2]) Zeitschrift fur die gesammte Strafrechtswissenschaft, 14 B., стр. 5.

[3]) Liszt, Lehbuch des deutschen Strafrechts, 1903 г., стр. 423. Лиліенталь („Die Wuchergesetzgebung in Deutschland“ въ „Jarbücher für Nationalökonomie und Statistik“, 1880) ошибочно считаетъ общею чертою ростовщичества, мошенничества и

Господствующія въ настоящее время въ Западной Европѣ системы борьбы съ ростовщичествомъ могутъ быть сведены къ двумъ типамъ: бельгійскому и германскому. Бельгійское законодательство говоритъ о ростовщичествѣ только въ примѣненіи къ кредитнымъ сдѣлкамъ. Внутреннимъ признакомъ, который придаетъ кредитной сдѣлкѣ характеръ ростовщической, статьей 494-ой бельгійскаго кодекса признается моментъ эксплоатаціи психически неустойчиваго состоянія должника, его слабостей и страстей (des faiblesses et des passions). Но, имѣя въ виду эластичность этого понятія, парламентская коммисія въ Бельгіи сочла нужнымъ ввести въ опредѣленіе ростовщичества указаніе, что чрезмѣрнымъ ростъ можетъ, но, конечно, не долженъ, быть признанъ только при превышеніи размѣра узаконенныхъ %. „Если ссуда, говорилъ докладчикъ коммисіи Pirmez, дана подъ узаконенный ростъ, т. е. подъ ростъ, обычный въ торговлѣ, то почти можно быть увѣреннымъ, что сдѣлка не имѣетъ въ своемъ основаніи злоупотребленія страстями и слабостями, какъ потому, что обычный торговый оборотъ даетъ возможность помѣщенія капитала на тѣхъ же условіяхъ, такъ и потому, что преступныя дѣйствія всегда совершаются съ цѣлью получить то, чего нельзя извлечь изъ честной дѣятельности“ [1].

Германскій законъ 1880 года расширяетъ понятіе о ростовщичествѣ, принятое бельгійскимъ кодексомъ. Объявляя лихвенною такую прибыль, которая превышаетъ обычный размѣръ роста настолько, что она по обстоятельствамъ дѣла стоитъ въ явной несоразмѣрности съ оказанною кредиторомъ услугою, § 302 Reichsstrafgesetzbuch'а отказывается отъ опредѣленія объективнаго масштаба той прибыли, при которой сдѣлка можетъ быть признана ростовщической—на томъ основаніи, что точное указаніе максимальнаго размѣра дозволенной прибыли противорѣчило бы объявленному закономъ 1867 года

вымогательства то, что при этихъ деликтахъ потерпѣвшій дѣйствуетъ не по своимъ мотивамъ и противъ своей воли. Мотивы могутъ быть только своими, и никто, кромѣ случаевъ физическаго принужденія, противъ своей воли не дѣйствуетъ. Едва-ли это требуетъ объясненій.

[1]) Le code pénal belge, interprété par I. Nypels 1899, т. IV, стр. 60.

началу свободы кредитныхъ отношеній. Въ то же время германскій законъ идетъ дальше ст. 494 бельгійскаго кодекса, распространяя понятіе о ростовщичествѣ, кромѣ случаевъ злоупотребленія психическою незрѣлостью или неуравновѣшанностью должника, также и на случаи эксплоатаціи его нужды. По мнѣнію коммисіи, которой было поручено составленіе закона о ростовщичествѣ, характеристическій моментъ преступнаго ростовщичества заключается какъ въ злоупотребленіи неопытностью и легкомысліемъ, такъ и „въ явной эксплоатаціи нужды, въ томъ гнетѣ, который изъ корыстныхъ побужденій оказываетъ заимодавецъ на подавленнаго нуждою и готоваго на всякую жертву должника“.

Уже вскорѣ послѣ вступленія въ силу закона 24 мая 1880 года въ Германіи стали раздаваться жалобы на его недостаточность для борьбы съ дѣятельностью ростовщиковъ въ виду многообразія тѣхъ пріемовъ, къ которымъ они прибѣгаютъ; отмѣчалось съ особою настойчивостью, что измѣненіе новаго закона почти нисколько не отразилось на постоянно увеличивающемся истощеніи ростовщичествомъ сельскаго населенія. Эти жалобы побудили ферейнъ для соціальной политики приступить къ тщательному охватывающему всю Германію изученію размѣровъ и формъ сельскаго ростовщичества.

Факты, собранные ферейномъ соціальной политики и подтвержденные оффиціальными анкетами, произведенными въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ государствахъ германскаго союза, побудили имперскаго канцлера графа Каприви внести на разсмотрѣніе рейхстага проектъ новаго закона, дополняющаго и отчасти измѣняющаго существовавшія раньше опредѣленія о ростовщичествѣ. На ряду съ кредитнымъ ростовщичествомъ, новый законъ предусматриваетъ всѣ тѣ случаи, когда кто либо подъ предлогомъ сдѣлки, иной чѣмъ тѣ сдѣлки, при которыхъ практикуется денежное ростовщичество, воспользовавшись нуждою, легкомысліемъ и неопытностью своего контрагента, вынудитъ у него для себя или для третьяго лица такую имущественную прибыль, которая, по обстоятельствамъ дѣла, стоитъ въ явной несоразмѣрности съ цѣнностью предоставляемаго за нее въ качествѣ эквивалента предмета или

оказываемой услуги (Sachwucher и Abeitsuricher по нѣмецкой терминологіи).

Въ виду сдѣланныхъ мною предварительныхъ теоретическихъ замѣчаній мнѣ нѣтъ надобности останавливаться на подробномъ анализѣ приведенныхъ опредѣленій бельгійскаго и германскаго права о ростовщичествѣ. Общій имъ недостатокъ заключается въ перечнѣ тѣхъ субъективныхъ условій, которыя принуждаютъ должника обратиться къ ростовщическому кредиту. Бельгійскій законъ выгодно отличается отъ германскаго указаніемъ дозволеннаго maximum'a %, безъ котораго законъ о ростовщичествѣ, не гарантируя кредиторамъ безнаказанности даже при сравнительной умѣренности взимаемыхъ ими %, могъ бы сдѣлаться серьезнымъ тормазомъ кредита. Но огромное преимущество германскаго закона передъ бельгійскимъ заключается въ усвоеніи имъ очень широкого понятія о ростовщичествѣ; распространяя это понятіе на всѣ двустороннія сдѣлки, законъ 1893 года не ограничиваетъ его даже требованіемъ злоупотребленія нуждою контрагента, считая, что и пользованіе легкомысліемъ и неопытностью при некредитныхъ сдѣлкахъ такъ же преступно, какъ и при кредитныхъ.

Посмотримъ теперь, какъ трактуется ростовщичество въ нашемъ правѣ.

Начало исторіи нынѣ дѣйствующаго и вошедшаго въ главу 24-ю новаго уголовнаго уложенія закона о ростовщичествѣ относится къ 1879 г. Согласно желанію Государственнаго Совѣта, на Министра Юстиціи было возложено выработать предположенія о мѣрахъ взысканія за такія дѣйствія заимодавцевъ, которыя должны быть признаваемы ростовщическими. „Одно уже оглашеніе, говорилось въ журналѣ Государственнаго Совѣта, твердаго намѣренія правительства преслѣдовать ростовщиковъ произведетъ и въ обществѣ и въ массѣ народа самое лучшее впечатлѣніе и будетъ служить неопровержимымъ доказательствомъ того, что, несмотря на отмѣну узаконеннаго роста, представляющуюся необходимою по соображеніямъ экономическимъ, правительство не намѣрено оставаться равнодушнымъ къ случаямъ

злоупотребленія даруемою народу свободою денежныхъ сдѣлокъ". Министръ Юстиціи Набоковъ испросилъ Высочайшее соизволеніе на передачу этого вопроса въ Коммисію по составленію Уголовнаго уложенія. Выбранная изъ среды ея Редакціонная коммисія установила слѣдующіе три момента ростовщичества: 1) имущественною сферою, въ которой ростовщичество можетъ имѣть мѣсто, должно быть признано всякое заемное отношеніе,—все равно, будутъ ли предметомъ займа деньги или иныя цѣнности; 2) кредитная прибыль можетъ быть признана ростовщическою только въ томъ случаѣ, если она превосходитъ тотъ максимумъ, котораго обыкновенно достигаетъ ростъ въ ссудахъ, необезпеченныхъ залогомъ недвижимости; этотъ максимумъ впослѣдствіи, согласно отзыву Министерства Юстиціи, былъ опредѣленъ въ 12%; 3) признакомъ, который придаетъ ростовщичеству характеръ имущественнаго посягательства, является завѣдомость для кредитора крайней тягостности условій ссуды для должника. Этотъ послѣдній признакъ при обсужденіи проекта закона въ Государственномъ Совѣтѣ былъ дополненъ требованіемъ вынужденности ссуды для должника его стѣснительными обстоятельствами. „Понятіе о тягостныхъ условіяхъ, было высказано въ разсужденіяхъ Государственнаго Совѣта, само по себѣ весьма относительно и въ общемъ гражданскомъ оборотѣ почти совпадаетъ съ невыгодностью сдѣлки, всецѣло относящеюся къ области гражданскаго права и частныхъ отношеній. Но чрезмѣрная цѣна предмета и невыгодность сдѣлки пріобрѣтаютъ уголовный характеръ, коль скоро первая чѣмъ либо вынуждена, а вторая является результатомъ обмана или пользованія какою-либо слабою стороною контрагента". Другимъ видоизмѣненіемъ проекта Редакціонной коммисіи при разсмотрѣніи его въ Государственномъ Совѣтѣ было внесеніе въ него весьма счастливой по существу и неудачной по выполненію идеи различенія двухъ видовъ ростовщичества: городского и сельскаго.

„Въ городѣ преобладаютъ денежныя ссуды", говорится въ соображеніяхъ Государственнаго Совѣта. Отъ этого городское ростовщичество отождествлено въ законѣ съ денеж-

нымъ ростовщичествомъ, причемъ наличность послѣдняго признается не только при доказанной эксплоатаціи стѣсненныхъ обстоятельствъ заемщика, но также во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда „виновный, занимающійся ссудами, скрылъ (хотя бы только одинъ разъ) чрезмѣрность роста включеніемъ роста въ капитальную сумму, подъ видомъ неустойки, платы за храненіе или инымъ способомъ". (Наказаніе—тюрьма). Какъ тяжкая форма городского растовщичества, влекущая за собою всегда исправительное няказаніе, разсматривается обращеніе ростовщичества въ промыселъ. Съ ростовщичествомъ отождествляется пріобрѣтеніе и предъявленіе ко взысканію завѣдомо ростовщическаго обязательства или полученіе по нему завѣдомо растовщическаго платежа. Особенность санкціи, которою снабжено постановленіе о денежномъ ростовщичествѣ, въ отличіе отъ сельскаго ростовщичества, о которомъ рѣчь будетъ ниже, заключается въ предоставленіи суду подвергнуть виновнаго денежному взысканію, „въ качествѣ, какъ объясняютъ тѣ же соображенія Государственнаго Совѣта, придаточной кары за преступное дѣяніе, всегда исходящее изъ глубоко корыстныхъ побужденій". Таковы постановленія о городскомъ ростовщичествѣ.

Сельское ростовщичество, какъ на Западѣ, такъ и у насъ отличается многими своеобразными чертами, вызывающими необходимость созданія для него особыхъ правилъ.

Уже народники, несмотря на односторонность своего увлеченія, несмотря на склонность разыскивать доказательства неиспорченности и чистоты народной души, не могли пройти мимо отталкивающей язвы нашего сельскаго быта, извѣстной подъ многозначительнымъ наименованіемъ кулачества и міроѣдства [1]).

Для того, чтобы уяснить, какую роль можетъ играть уголовная репрессія въ борьбѣ съ сельскимъ ростовщичествомъ, я не могу пройти мимо вопроса о факторахъ его происхожденія и процвѣтанія. Предѣлы находящагося въ моемъ рас-

---

[1]) Гвоздевъ. Кулачество-ростовщичество. Его общественно-экономическое значеніе, 1899 г., стр. 2 и сл.

поряженіи времени даютъ возможность мнѣ лишь схематически изобразить процессъ развитія сельскаго ростовщичества.

Приблизительно къ 40-мъ годамъ прошлаго столѣтія въ Россіи наблюдается окончательное упроченіе товарно-рыночнаго обращенія, явившагося на смѣну патріархальному строю натуральнаго хозяйства. Такъ какъ узлами товарно-рыночнаго обращенія естественно являются города, а не села, и такъ какъ въ то-же время барство помѣщиковъ и крѣпостная зависимость крестьянъ значительно затрудняли необходимое общеніе между сельскимъ производителемъ и городскимъ потребителемъ, то создалась настоятельная потребность въ услугахъ многочисленныхъ посредниковъ. Посредничество неизбѣжное вообще при развитіи рынка, въ качествѣ элемента, облегчающаго и ускоряющаго процессъ обмѣна продуктовъ, находило въ неподвижности крестьянско-помѣщичьей Россіи, скованной цѣпями крѣпостного права, особенно благопріятное условіе для своего размноженія и экономическаго усиленія. Соприкасаясь съ необезпеченной крестьянской массой, находившейся подъ постоянно увеличивавшимся гнетомъ оброка и барщины, будучи для крестьянскаго хозяйства единственнымъ представителемъ необходимаго для него капитала, торговецъ-скупщикъ роковымъ образомъ долженъ былъ превратиться въ скупщика-ростовщика, въ кулака-заимодавца. Само собой понятно, что чѣмъ больше узы крѣпостного права задерживали развитіе непосредственнаго свободнаго рыночнаго обмѣна, чѣмъ, слѣдовательно, труднѣе достигалась реализація произведеній крестьянскаго хозяйства въ деньги, тѣмъ эти деньги были нужнѣе, тѣмъ большую силу пріобрѣтали ихъ обладатели. Такими обладателями, наряду съ посредниками разныхъ наименованій, являлись сумѣвшіе выбиться всѣми правдами, а чаще неправдами изъ тисковъ крѣпостной нужды хозяйственные мужики. Будучи вынуждены воздержаться отъ затратъ своихъ денегъ на промышленныя предпріятія, чтобы не привлечь къ себѣ вниманія алчныхъ до наживы господъ, эти сельскіе капиталисты часто не имѣли иныхъ средствъ для увеличенія своихъ сбереженій, кромѣ раздачи ихъ подъ высокіе проценты своимъ же односельцамъ.

Отмѣна крѣпостнаго права при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ она произошла, не только не устранила тѣхъ противорѣчій экономическихъ интересовъ, на почвѣ которыхъ пустило глубокіе корни ростовщичество, но напротивъ усилило ихъ. Извѣстно, что послѣ великой реформы „житницы меньшихъ братьевъ не наполнились“, какъ съ грустью писалъ нашъ безсмертный сатирикъ [1]). Крестьяне, правда сдѣлались собственниками, но полученная ими собственность, урѣзанная сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ они раньше владѣли, по большей части не соотвѣтствовала ни минимальнымъ размѣрамъ ихъ личнаго бюджета, ни требованіямъ, предъявляемымъ къ нимъ казною. Въ результатѣ, если часть крестьянства, лишившись доли своего имущества, отошедшей въ собственность помѣщиковъ, склонилась еще ниже подъ бременемъ нужды, то другая сравнительно очень незначительная часть, успѣвшая своевременно составить себѣ матеріальное обезпеченіе, воспитанная въ жестокой средѣ крѣпостничества, осталась въ крупномъ выигрышѣ, получивъ въ свое распоряженіе дли безпощаднаго выколачиванія послѣднихъ грошей забитую массу маломощныхъ сообщинниковъ.

Крушенію крестьянскихъ хозяйствъ подъ напоромъ грубой силы ростовщичества не мало способствовалъ также давно уже осужденный и только недавно упраздненный институтъ круговой поруки. „Община съ ея круговой порукой связала по рукамъ и ногамъ именно слабыхъ плательщиковъ, она передавала этого слабаго плательщика въ полную власть богатаго члена той-же общины, за то, что этотъ послѣдній, желая воспользоваться инвентаремъ, рабочей силой его, платилъ за маломощнаго плательщика падавшія на него подати“. (Гвоздевъ, „Кулачество-ростовщичество, стр. 32“).

Изъ этой краткой схемы видно, что явленіе ростов-

[1]) „Житницы дружинниковъ запустѣли, житницы меньшихъ братьевъ не наполнились. Какимъ образомъ произошло явленіе столь изумительное.... объ этомъ покуда не велѣно сказывать. Но достовѣрно, что оно совершилось у всѣхъ на глазахъ“.—„Пошехонскіе разсказы“. Позднѣйшая литература не могла замолчать этого на первый разъ изумительнаго явленія. Впрочемъ намекаетъ на нихъ и самъ Щедринъ въ тѣхъ-же „Пошехонскихъ разсказахъ“.

щичества находится въ тѣсной связи съ основными причинами разстройства сельскаго хозяйства. Поэтому въ борьбѣ съ сельскимъ ростовщичествомъ на первомъ мѣстѣ должны стоять мѣры соціальной политики, направленныя къ поднятію и упорядоченію хозяйства крестьянскаго населенія [1]). Однако и за уголовной репрессіей нельзя отрицать всякаго значенія. Наростъ ростовщичества слишкомъ опасенъ, чтобы можно было дожидаться, пока общія мѣры оздоровленія сельскохозяйственнаго организма приведутъ къ его отпаденію. Отсюда необходимость самаго энергичнаго репрессивнаго воздѣйствія на всякаго рода „міроѣдскихъ дѣлъ мастеровъ“ (по выраженію Щедрина), и если вообще ростовщичество должно найти себѣ въ уголовномъ кодексѣ весьма строгую оцѣнку, то изъ двухъ его видовъ—городскаго и сельскаго—послѣдній, въ виду его большей распространенности и злокачественности, долженъ быть разсматриваемъ, какъ его особо тяжкая форма, какъ ростовщичество квалифицированное. Въ нашемъ правѣ мы находимъ какъ разъ обратное отношеніе. Хотя изъ разсужденій Государственнаго Совѣта можно заключить, что основною цѣлью изданія закона о ростовщичествѣ было внушить именно сельскому населенію увѣренность, „что правительство не оставляетъ его безъ помощи и защиты отъ гнета ростовщичества и разоренія“, однако несомнѣнно, что въ самомъ законѣ выдача ссуды сельскимъ обывателямъ на чрезмѣрно обременительныхъ условіяхъ трактуется, какъ легкая форма ростовщичества. Не говоря уже о томъ, что въ качествѣ тягчайшаго наказанія за сельское ростовщичество можетъ быть назначена только тюрьма на срокъ не свыше 6 мѣсяцевъ (ст. 180^3 уст. о нак.), тогда какъ максимальнымъ наказаніемъ за городское ростовщичество является двухлѣтнее заключеніе въ тюрьмѣ (ст. 1707 улож. о нак.) [2]),—законъ въ самый составъ сельскаго ро-

---

[1]) Соболевъ. „Сельскій ростовщическій кредитъ въ Россіи по даннымъ земско-статистической литературы“, въ „Сборникѣ правовѣдѣнія“, т. I.

[2]) По новому угол. улож. даже пятилѣтнее заключеніе въ исправительномъ домѣ.

стовщичества вводитъ такіе признаки, которые оставляютъ для дѣятельности ростовщика въ средѣ сельскаго населенія гораздо больше простора, чѣмъ въ городѣ. Такъ, прежде всего, въ то время, какъ при городскомъ или денежномъ ростовщичествѣ тотъ предѣлъ, до котораго кредитору обезпечивается безнаказанность его ссудныхъ операцій, является взиманіе 12%, при сельскомъ ростовщичествѣ этотъ предѣлъ опредѣляется „мѣстнымъ обычаемъ". Между тѣмъ наблюденія показываютъ, что этотъ мѣстный обычай создается самими кулаками-міроѣдами. Крестьянскій кредитъ, въ отличіе отъ промышленнаго, есть „кредитъ нужды и тяжелой зависимости", а „кредитъ нужды, по удачному замѣчанію г. Черненкова [1]) въ его обзорѣ „состояніе кредита въ Московской губерніи", обусловливаетъ собою и кредитъ нуждъ". Берутъ столько, сколько можно, сообразуясь съ размѣромъ и настоятельностью нужды въ данной мѣстности вообще и въ данномъ хозяйствѣ въ частности. Весьма характерно и любопытно соображеніе, высказанное по этому поводу въ мотивахъ къ закону о сельскомъ ростовщичествѣ: „Мѣстный землевладѣлецъ", ссужающій крестьянъ деньгами или продуктами подъ условіемъ уплаты долга работою, цѣнность которой составляетъ весьма высокій процентъ на капиталъ, часто является не утѣснителемъ заемщика, а сосѣдомъ, спасающимъ отъ разоренія". Чтобы оцѣнить это соображеніе о добромъ помѣщикѣ, слѣдуетъ сопоставить его съ приведеннымъ въ статьѣ того же г. Черненкова сообщеніемъ, изъ котораго видно, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ чувствуется недостатокъ рабочихъ рукъ, землевладѣльцы охотно раздаютъ заимообразно овесъ и сѣмена нуждающимся крестьянамъ, которые, въ видѣ процентовъ, и убираютъ имъ рожь и овесъ—конечно, какъ разъ въ то время, когда у нихъ на поляхъ стоятъ неснятыми свои рожь и овесъ.

Привилегированность преступленія сельскаго ростовщи-

[1]) Н. Черненковъ. „Крестьянскій кредитъ въ Московской губерніи по сообщеніямъ г.г. корреспондентовъ", стр. 4, 12 въ „Статистическомъ Ежегодникѣ по Московской губерніи" за 1899 годъ.

чества по нашему закону оказывается также и въ осложненіи его состава признакомъ профессіональности: наказуемымъ оно считается только тогда, когда совершается „въ видѣ промысла“; между тѣмъ для наказуемости городского ростовщичества этого условія не требуется.

Единственною чертою въ нашемъ законѣ о сельскомъ ростовщичествѣ, въ которой отразились значеніе и дѣйствительный характеръ этого печальнаго явленія крестьянскаго быта, является опредѣленіе его какъ отдачи въ ссуду не только денегъ, но, въ отличіе отъ городскаго ростовщичества, также хлѣба или иныхъ припасовъ и при томъ подъ условіемъ уплаты долга, вполнѣ или частью, хлѣбомъ, сельскими припасами или работою. Такое дополненіе является совершенно раціональнымъ и вполнѣ вытекающимъ изъ двойственности самаго крестьянскаго хозяйства, полунатуральнаго, полуденежнаго, и соотвѣтственно этому проявляющаго двоякаго рода нужды: то въ деньгахъ, когда, наприм., требуется взносъ повинностей, уплата за арендованныя угодья и т. д., то прямо въ извѣстныхъ предметахъ, какъ напр. въ сѣменахъ, продовольственныхъ предметахъ, въ топливѣ [1]).

Какъ мы видѣли въ нашемъ правѣ имущественною сферою, въ которой ростовщичество можетъ имѣть мѣсто, считается прежде всего область кредита. Однако, на ряду съ этимъ мы имѣемъ одно опредѣленіе, предусматривающее злоупотребленіе нуждою контрагента внѣ области заемныхъ отношеній. Я имѣю въ виду законъ 18 іюня 1892 года, который облагаетъ арестомъ пріобрѣтеніе скупщикомъ хлѣба на корню, снопами или зернами по несоразмѣрно низкой цѣнѣ, согласиться на которую продавецъ былъ вынужденъ своимъ крайне тягостнымъ положеніемъ. Соединенные департаменты Государственнаго Совѣта, считая необходимымъ сохранить и въ новомъ уголовномъ уложеніи (ст. 610) это постановленіе, вмѣстѣ съ тѣмъ прямо называютъ предусматриваемую имъ сдѣлку ростовщическою. De lege ferenda слѣдуетъ пожелать, чтобы наше право, хотя бы имѣя въ виду

[1]) Черненковъ, стр. 9.

только случаи эксплоатаціи нужды, послѣдовало примѣру германскаго закона съ его чрезвычайно богатымъ содержаніемъ, охватывающимъ по авторитетному толкованію нѣмецкихъ юристовъ (наприм. Листа) и эксплоатацію рабочихъ работодателями, квартирантовъ домовладѣльцами, артистовъ театральными агентами и повышеніе цѣнъ путемъ синдикатовъ и картелей, и очень выгодную распродажу или сдачу въ аренду крупными аграріями своей земли мелкими участками безземельнымъ крестьянамъ и т. д. и т. д.

Этой оцѣнкой постановленій нашего дѣйствующаго права о ростовщичествѣ, перешедшихъ въ новое уголовное уложеніе, съ тѣми лишь измѣненіями, которыя обусловливались предположенною новою системою наказаній, я заканчиваю мой очеркъ. Постановленія эти нуждаются въ исправленіи согласно указаніямъ теоріи и жизни, но уже не можетъ быть рѣчи объ ихъ отмѣнѣ. Вы видѣли, что мѣры борьбы съ ростовщичествомъ путемъ репрессіи имѣютъ подъ собою, въ качествѣ основанія, серьезную общественную опасность. Недаромъ Данте помѣстилъ ростовщиковъ въ седьмомъ кругѣ своего ада вмѣстѣ съ богохульниками и содомитами.

Н. Полянскій.

СѢВЕРНО-РУССКІЕ СОЮЗЫ НАРОДНЫХЪ АРТЕЛЕЙ [1]).

I.

Артель, эта своеобразная форма ассоціаціи, возникшая въ народной средѣ еще при первыхъ проблескахъ развитія общественно-экономическихъ и гражданско-правовыхъ отношеній, представляетъ не мало любопытныхъ особенностей, заслуживающихъ вдумчиваго изученія. Богатый матеріалъ по артельному вопросу, разсѣянный по многочисленнымъ періодическимъ изданіямъ, отдѣльнымъ сборникамъ, собраніямъ актовъ и проч., ждетъ еще своего изслѣдователя. Путемъ анализа этихъ матеріаловъ могъ бы быть пролитъ яркій свѣтъ на историческое прошлое товарищескихъ союзовъ въ Россіи.

Врядъ ли можетъ подлежать сомнѣнію важность такого изслѣдованія не только съ исторической, но и съ юридической точки зрѣнія. Законодательныя реформы должны считаться съ народнымъ духомъ, который мощно проявляется въ обычно-правовыхъ отношеніяхъ.

Обычное право нерѣдко упрекаютъ въ косности, въ консерватизмѣ. Достаточно ли оправдано, однако, съ научной стороны столь тяжкое обвиненіе? Не лежитъ ли скорѣе въ основѣ его глубокое недоразумѣніе, порожденное шаблоннымъ представленіемъ о содержаніи понятія „*обычное право*“?

---

[1]) Въ основаніе этого очерка положенъ докладъ, прочитанный въ засѣданіи Отдѣленія Обычнаго Права С.-Петербургскаго Юридическаго Общества 14 ноября 1902 г.

Здѣсь не мѣсто останавливаться на подробномъ разборѣ аргументаціи противниковъ обычнаго права. Скажу только, что даже въ томъ случаѣ, если бы обычное право было лишь достояніемъ юридической археологіи, оно и тогда заслуживало бы внимательнаго изученія. Въ дѣйствительности же это далеко не такъ. Около $^{2}/_{3}$ всего населенія Россіи донынѣ руководится въ своихъ частноправныхъ отношеніяхъ обычно-правовыми понятіями. Неужели же въ этихъ понятіяхъ не замѣчается никакого прогресса, никакого приспособленія къ измѣнчивымъ условіямъ жизни? Трудно допустить это теоретически; еще труднѣе, скажу прямо—даже невозможно, признать это при сколько-нибудь внимательномъ изученіи обычно-правовыхъ матеріаловъ.

Обычное право не есть нѣчто неподвижное, застывшее въ своихъ формахъ: оно обладаетъ и творческою силой. Лучшимъ доказательствомъ дѣятельной работы народнаго правовоззрѣнія служитъ наблюдаемое повсемѣстно вымираніе однихъ обычаевъ и переживаніе другихъ. Это явленіе указываетъ на дифференцировку въ области обычнаго права, подобную той, какая непрестанно совершается въ животномъ и растительномъ царствахъ, гдѣ слабыя особи вытѣсняются болѣе сильными и, слѣдовательно, жизнеспособными.

Съ другой стороны, мы имѣемъ и прямыя указанія на правотворческую силу обычая. Примѣняясь къ потребностямъ, выдвигаемымъ многообразными мѣстными и бытовыми условіями, обычай облекается въ новыя, болѣе сложныя или простыя, формы, и тѣ элементы, которыми обычай заново обогащаетъ себя, становятся—въ свою очередь—источникомъ дальнѣйшаго обычно-правового развитія.

Итакъ, обычное право не есть достояніе только юридической археологіи. Содержа въ себѣ несомнѣнно не мало архаическаго, обусловленнаго уровнемъ умственнаго развитія мѣстнаго населенія, оно въ то же время обладаетъ свойствами, дѣлающими изученіе его плодотворнымъ для *юридической динамики.*

Творческое движеніе, наблюдаемое въ области обычнаго права, по существу своему ничѣмъ не отличается отъ пра-

вотворческаго процесса вообще: и тутъ и тамъ одно и то же орудіе—логика, и тутъ и тамъ одна и та же практическая цѣль—фиксированіе извѣстныхъ правоотношеній въ точно формулированныхъ нормахъ права. Отсюда слѣдуетъ, что вопросъ о движеніи и застоѣ одинаково умѣстенъ, какъ по отношенію къ обычному праву, такъ и по отношенію къ праву *вообще*, а потому понятіе „застоя" въ области правовыхъ отношеній никоимъ образомъ не должно составлять *privilegium odiosum* обычнаго права.

Не мало любопытнаго именно съ точки зрѣнія *юридической динамики* даютъ для историка права имѣющіеся матеріалы по вопросу о союзахъ народныхъ артелей. Этимъ союзамъ, быть можетъ, наименѣе посчастливилось привлечь къ себѣ взоры изслѣдователей артели, а, между тѣмъ, они—явленіе въ высокой степени интересное. Подобно тому какъ артель, въ чистомъ своемъ видѣ,—прототипъ современныхъ товариществъ, имѣя—въ свою очередь—своимъ прототипомъ патріархальную семью, точно такъ же и союзы народныхъ артелей составляютъ одинъ изъ первыхъ практическихъ опытовъ народа по организаціи болѣе сложныхъ формъ союзной товарищеской дѣятельности.

Прослѣдить по источникамъ исторію возникновенія и развитія различныхъ типовъ народныхъ союзныхъ организацій—это значитъ дать исторію возникновенія и развитія товариществъ на Руси. Выполненіе такой задачи, при всемъ ея научномъ интересѣ и важности, потребовало бы, однако, капитальнаго изслѣдованія, врядъ ли даже осуществимаго, во всемъ его объемѣ, теперь, при современномъ состояніи отечествовѣдѣнія, особенно касательно народнаго права. Въ виду этого, поневолѣ ограничивая предметъ своего очерка, я предполагаю представить въ немъ лишь нѣкоторые результаты своихъ занятій артельнымъ вопросомъ, а именно попытаюсь дать изображеніе преемственной идейной связи, существующей между единичной артелью и извѣстной опредѣленною группою союзовъ народныхъ артелей и, вслѣдъ за тѣмъ, разсмотрѣвъ обычно-правовую структуру союзовъ этой группы, укажу на отклоненія отъ артельнаго принципа, наблюдаемыя въ этихъ

болѣе сложныхъ соціальныхъ образованіяхъ, въ которыя единичныя артели входятъ, какъ составныя части. Предварительно, однако, необходимо установить, въ краткихъ хотя бы чертахъ, исходныя точки зрѣнія послѣдующаго содержанія настоящей работы.

Соглашаясь съ Георгомъ Штеромъ, что народная артель есть образованное по типу патріархальной семьи или семейной общины, основанное на договорѣ товарищество нѣсколькихъ, принадлежащихъ къ различнымъ семейнымъ общинамъ, индивидуумовъ, временно съ ними разлученныхъ, и что, сообразно этому, народная артель проникнута патріархальными принципами, я въ то же время не могу признать правильности взгляда Штера, въ силу котораго онъ отстаиваетъ *гипотезу объ отсутствіи развитія артелей.* Эта гипотеза Штера основана главнымъ образомъ на томъ, что *возникновеніе* артели находится въ зависимости отъ *существованія* патріархальной семьи: если семья потеряетъ свой патріархальный характеръ, то вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаетъ и одно изъ существенныхъ условій для образованія артели. Эмпирическое доказательство такого предположенія Штеръ усматриваетъ въ томъ общеизвѣстномъ фактѣ, что высшіе классы Россіи, давно уже пережившіе патріархальную семью, не создаютъ артелей. Итакъ, артель можетъ существовать только при условіи существованія патріархальной семьи и при необходимости во временномъ разобщеніи отдѣльныхъ семейныхъ членовъ со своими естественными семейными общинами. Другое подтвержденіе той же своей гипотезы объ отсутствіи развитія артелей Штеръ видитъ въ *кратковременности* артельнаго союза. Эта кратковременность артели исключала, по его мнѣнію, собственно уже напередъ возможность ея органическаго развитія, что обыкновенно наблюдается у другихъ соціальныхъ образованій съ болѣе продолжительнымъ существованіемъ: артель не имѣла времени развиться, т. е. измѣниться, стать другою; она или могла просто возникнуть съизнова, т. е. быть тѣмъ, чѣмъ она была до тѣхъ поръ, или ея вовсе не было, а образовывалась не артель, но—товарищество иного рода, иной сущности.

Съ этими доводами я не могу согласиться по слѣдующимъ соображеніямъ. Признать гипотезу Штера значило бы отказаться отъ установленія какой-либо связи между артелью и другими товарищескими союзами: если артель не развивалась, то она, слѣдовательно, не могла перейти въ другую форму товарищескаго общенія. При этомъ, однако, невольно напрашивается вопросъ: какимъ же образомъ возникла артель? явилась ли она изъ лона патріархальной семьи во всеоружіи законченной организаціи или для этого ей пришлось пройти извѣстный путь, претерпѣть нѣкоторую не только внѣшнюю, но и внутреннюю, эволюцію? Если принять разсматриваемую гипотезу, то необходимо было бы отвергнуть постепенность возникновенія артельной формы общенія, что противорѣчило бы всеобщему закону историческаго развитія. Однако, самъ же Штеръ, изслѣдуя вопросъ о происхожденіи артели, вынужденъ былъ признать, что естественная семейная община можетъ перейти, расширяясь чуждымъ ея природѣ образомъ (т. е. путемъ не усыновленія, а договора), въ особую форму общежитія, которая, переставъ быть естественною семьею, въ то же время не можетъ быть признана и чистою формою артели. Это бываетъ именно въ тѣхъ случаяхъ, когда путемъ договора постороннее лицо присоединяется къ естественной семейной общинѣ, какъ семейный сочленъ, слѣдовательно—на всю жизнь, съ чѣмъ мы встрѣчаемся среди русскихъ крестьянъ (да и однихъ ли русскихъ?) вплоть до нашихъ дней. Это—промежуточное звено между естественною семейною общиною и чистою артелью, которое Штеръ называетъ *семейною артелью.* Но если Штеръ признаетъ наличность промежуточныхъ звеньевъ между артелью и патріархальной семьей, то есть ли какія либо принципіальныя основанія отвергать существованіе подобныхъ же промежуточныхъ звеньевъ между артелью и болѣе совершенными, болѣе близкими намъ по духу формами человѣческихъ союзовъ? Исторія даетъ намъ поразительный примѣръ постепеннаго смягченія власти patris familiae. Поэтому то обстоятельство, что въ основѣ чистой народной артели лежатъ патріархальные принципы, а въ основѣ современныхъ намъ кооперативныхъ и др. союзовъ—принципы

демократическіе, не можетъ служить неодолимымъ препятствіемъ къ признанію непрерывности эволюціи, совершающейся почти на нашихъ глазахъ отъ первобытной артели къ усовершенствованнымъ формамъ человѣческаго общенія. Отвергать возможность подобной эволюціи значило бы отвергать возможность эволюціи семьи, собственности и т. д., включая сюда всѣ нравственныя и соціально-юридическія понятія человѣчества, но на такой шагъ врядъ ли рѣшился бы Георгъ Штеръ.

Съ другой стороны, разбираемая гипотеза Штера обязана значительною долею своей видимой логичности ошибочному толкованію *понятія кратковременности* бытія артелей. Если, съ большими оговорками, можно еще признать за *кратковременностью* значеніе фактора, оказывающаго нѣкоторое задерживающее вліяніе, то она, во всякомъ случаѣ, не исключала развитія артелей. Что Штеръ сильно преувеличилъ реальное значеніе кратковременности артелей, явствуетъ изъ слѣдующаго. Хотя въ дѣйствительности встрѣчались и встрѣчаются артели, бытіе которыхъ ограничивается однимъ или нѣсколькими днями и даже часами, однако подобная „кратковременность" далеко не повседневное явленіе, обыкновенно же время, на которое образуется артель, приходится считать недѣлями и мѣсяцами. Но, вѣдь, при такихъ условіяхъ значеніе понятія „кратковременности" существенно мѣняется! Если же, далѣе, принять въ соображеніе, что артели были (а мѣстами еще и теперь) широко распространены на Руси, что къ этой формѣ общенія прибѣгали чаще всего люди, которые практически уже извѣдали выгоды ея, то придется признать, что значительный процентъ лицъ, входящихъ во вновь образуемыя артели, составляютъ уже бывалые артельщики, могущіе примѣнить на дѣлѣ свой артельный опытъ. Что это такъ, — доказывается многочисленностью и разнообразіемъ встрѣчающихся артельныхъ обычаевъ. Очевидно, что и здѣсь происходила присущая вообще обычаю дифференцировка: отжившее отпадало и его замѣняли свѣжіе, полные жизни молодые побѣги. *Постоянное образованіе однородныхъ союзовъ (артелей) вело, такимъ образомъ, къ постепенному внутрен-*

нему совершенствованію ихъ. Касаясь первоначально второстепенныхъ подробностей артельной организаціи, это совершенствованіе не могло не затронуть, въ концѣ концовъ, и основные устои артельнаго общенія. Отдѣльныя лица или группы лицъ, подъ вліяніемъ ли мѣстныхъ бытовыхъ условій или свойствъ самаго промысла, слѣдуя, наконецъ, примѣру другихъ народностей, съ которыми ихъ сталкивала судьба, приходили къ убѣжденію въ необходимости внести болѣе или менѣе существенныя видоизмѣненія въ артельную организацію, а иногда—и образовать болѣе сложные союзы, въ которыхъ прежняя артель или играла подчиненную роль или вовсе утрачивала свои народныя, первоначальныя особенности. Но если такіе союзы существовали, то тѣмъ самымъ опровергается одно изъ главныхъ основаній гипотезы объ отсутствіи развитія артелей. Любопытно то, что у самого же Штера мы находимъ указанія на существованіе союзовъ, въ которые артели входили, какъ составныя единицы. Мало того, у него же мы встрѣчаемся съ замѣчаніями касательно обычноправовой организаціи Запорожской Сичи. Для моей цѣли весьма важно отмѣтить то обстоятельство, что Штеръ [1]) подчеркиваетъ фактъ заимствованія Сичью своей организаціи у ватагъ (артелей), входившихъ въ ея составъ, а не наоборотъ. „Возможно ли“, восклицаетъ онъ: „чтобы простая соціальная клѣточка реорганизовалась по образцу большого, сложнаго соціальнаго тѣла“ [2])?

---

[1]) См. стр. 77, 84 *второй части* его работы „Ueber Ursprung, Geschichte, Wesen und Bedeutung des russischen Artels“ (Dorpat, 1891).

[2]) Здѣсь, кстати, замѣтимъ, что авторъ книги „Кооперативное движеніе въ Россіи“ (Спб. 1903 г.) С. Н. Прокоповичъ невѣрно приписываетъ (на стр. 2) Штеру мнѣніе, будто Запорожская Сичь—образцовая артель. Штеръ говоритъ только, что Сичь „представляетъ собою, безъ сомнѣнія, наиболѣе величественное примѣненіе артельнаго начала, встрѣчающееся въ исторіи“ (см. стр. 87 части II соч. „Ueber Ursprung, Geschichte, Wesen und Bedeutung des russischen Artels“) и, сверхъ того, примѣненіе этого начала не въ экономической области; на стр. же 84-ой той же части своего труда Штеръ прямо называетъ Сичь „*государственнымъ образованіемъ*“ и единственную артельную черту въ ней усматриваетъ въ началѣ братскаго единенія извѣстнаго количества членовъ подъ руководствомъ выборнаго атамана. Что Штеръ далеко не отождествляетъ Сичи съ артелью, это явствуетъ также изъ того, что, по Штеру, артель могла, въ силу

Итакъ, вопреки гипотезѣ Штера, уже по апріорнымъ соображеніямъ необходимо признать существованіе переходной ступени отъ наивной, по своей организаціи, народной артели къ болѣе сложнымъ и совершеннымъ типамъ товарищескихъ союзовъ, такой ступени, на которой артель начинаетъ поступаться своими исконными традиціями въ угоду властнымъ требованіямъ условій мѣста и времени.

Такіе признаки зарождающагося переворота въ жизни артели мы и находимъ, дѣйствительно, въ *сѣверно-русскихъ союзахъ народныхъ артелей.*

II.

Для подтвержденія правильности только что изложенной исходной точки зрѣнія нѣтъ надобности охватывать сѣверно-русскіе союзы народныхъ артелей во всей ихъ совокупности. Для моей цѣли достаточно остановить вниманіе на одной, строго опредѣленной, группѣ такихъ союзовъ, тѣмъ болѣе, что всѣмъ имъ, при частичномъ различіи, присущи однѣ и тѣ же общія характерныя черты [1]).

своей сущности, состоять лишь изъ ограниченнаго числа лицъ, между тѣмъ какъ Сичь насчитывала въ своей средѣ тысячи членовъ. Штеръ признаетъ лишь, что въ составъ Сичи входили и артели, напр.: такъ называемыя артели запорожскихъ охотниковъ.

[1]) Матеріалы, положенные въ основу настоящей работы, почерпнуты изъ слѣдующихъ источниковъ: „Сборникъ матеріаловъ объ артеляхъ въ Россіи". Вып. I. Спб. 1873 г. (статья А. Ефименко „Артели въ Архангельской губерніи").—Акты историческіе, археографической экспедиціи и т. д.—H. Storch „Histor.-statist. Gemälde des russischen Reiches" Th. II. Riga, 1797.—Georgi „Bemerkungen einer Reise im Russ. Reiche", St.-Petersburg, 1775.—Лепёхинъ „Записки путешествія" (Собр. путешествій по Россіи, изд. Имп. Академіи Наукъ, 1822 г.).—Академикъ Озерецковскій „Описаніе моржевого промысла" (Архангельскія Губернскія Вѣдомости, 1846 г., №№ 41 и 42).—П. Ефименко „Сборникъ народныхъ юридическихъ обычаевъ Архангельской губерніи", Архангельскъ, 1869 г.—Аристовъ „Промышленность древней Руси", Спб. 1866 г.—Н. Калачовъ „Артели въ древней и нынѣшней Россіи", Спб. 1864 г.—А. Исаевъ „Артели въ Россіи", Ярославль, 1881 г.—Пономаревъ „Артельщина и дружества, какъ особый укладъ народной жизни", (Сѣверный Вѣстникъ, 1888 г., кн. X—XII).—Georg Staehr „Ueber Ursprung, Geschichte, Wesen und Bedeutung des russischen Artels". Ein Beitrag zur Kultur-und Wirtschafts-

Обратимся къ разсмотрѣнію артельныхъ союзовъ сѣверныхъ моржепромышленниковъ, такъ какъ у нихъ, подъ вліяніемъ причинъ, о которыхъ будетъ рѣчь впереди, выработалась довольно цѣльная и сложная система обычнаго права.

До 16-го столѣтія свѣдѣнія относительно ловли морскихъ звѣрей у береговъ нынѣшней Архангельской губерніи весьма скудны [1]). Что касается организаціи промысла, то имѣются прямыя основанія предполагать, что онъ производился артелями. Такъ, одно изъ указаній, относящееся къ концу 13-го и началу 14-го столѣтій, заключается въ посланной княземъ Андреемъ Александровичемъ на Двину грамотѣ о „кормахъ и подводахъ“ тремъ великокняжескимъ ватагамъ, отправленнымъ на море [2]). По свѣдѣніямъ А. Ефименко [3]), ватаги новгородскихъ промышленниковъ, при подчиненіи финскаго сѣвера русскому владычеству, играли роль піонеровъ и, подъ предводительствомъ своихъ ватамановъ, шли промышлять на богатый сѣверъ, а за ними уже, по ихъ слѣдамъ, двигалась дружина изъ новгородской вольницы; когда же Заволочье было подчинено Новгороду, то великіе князья, князья новгородскіе, новгородскіе бояре и духовныя особы обыкновенно снаряжали на свой счетъ ватаги и посылали ихъ на морскіе промыслы, но, кромѣ того, на промыслы снаряжались и сами крестьяне. Что касается 16 столѣтія, то извѣстно лишь, что въ этомъ столѣтіи голландцы нашли русскихъ промышленниковъ у береговъ Новой Земли [4]), гдѣ тогда, какъ и въ два последующія столѣтія, производилась, главнымъ образомъ, ловля моржей. Фактъ сближенія на Сѣверѣ, въ эту отдаленную

---

geschichte des russischen Volkes. I. Einleitung. Ursprung des Artels und vorläufige Bestimmung des Wesens des Artels. Dorpat, 1890; II. Geschichtliches, Dorpat, 1891.— В. В. Акимовъ „О существѣ русской артели“ (Вѣстникъ Права, 1901 г., книги за іюнь и сентябрь).—С. Н. Прокоповичъ „Кооперативное движеніе въ Россіи“. Спб., 1903, и т. д.

[1]) См. Аристовъ, op. cit., стр. 4, 29, 175, 196 и А. Ефименко, op. cit., стр. 8 и далѣе.

[2]) Акты Археогр. Экспедиціи, т. I, № 1—3.

[3]) Ibidem, стр. 9.

[4]) Ibidem, стр. 8; „Арханг. Губерн. Вѣдомости“ за 1848 г. № 10 (статья „Новая Земля и новоземельскіе промыслы“).

эпоху, русскихъ промышленниковъ съ иностранцами, не остался, по всей вѣроятности, безъ вліянія на характеръ образовавшихся тамъ промысловыхъ союзовъ, хотя значеніе этого вліянія не должно преувеличиваться. Количество заходившихъ туда иностранныхъ судовъ было крайне ничтожно; такъ, мы знаемъ, что, хотя торговыя морскія сношенія нашего Сѣвера съ иностранными (англійскими, голландскими и брабантскими) купцами черезъ Бѣлое море начались съ 1553 г., онп развивались вначалѣ лишь крайне медленно: основаніе гавани Новохолмогоры, впослѣдствіе переименованной въ Архангельскъ, состоялось въ 1584 г., а еще въ 1604 г. число прибывшихъ судовъ простиралось только до 29-ти.

Обстоятельнѣе свѣдѣнія касательно организаціи новоземельскихъ моржепромышленныхъ артелей въ концѣ 17-го столѣтія [1]). Эти артели были частью самостоятельными, частью же зависимыми отъ предпринимателя. Артели перваго рода составлялись самими крестьянами, которые, участвуя въ дѣлѣ и трудомъ и капиталомъ, являлись полными хозяевами предпріятія.

Нѣкоторыя данныя объ этихъ артеляхъ даетъ г-жа Ефименко на основаніи ненапечатанной крестьянской купчей крѣпости 1682 г. Онѣ насчитывали около 3 членовъ, причемъ каждый членъ артели имѣлъ свою долю во всѣхъ промысловыхъ принадлежностяхъ. Имѣя свою долю въ основномъ капиталѣ артели (въ орудіяхъ производства), каждый членъ артели принималъ равное участіе и въ составленіи того, что было ея оборотнымъ капиталомъ (съѣстные припасы, одежда и т. д.), въ виду чего и дѣлежъ добычи не могъ производиться иначе, какъ на условіяхъ равенства членовъ [2]). Наряду съ подобными артелями существовали и другія, съ различнымъ по размѣру участіемъ въ составленіи основного капитала и, слѣдовательно, съ различными долями добычи отдѣльныхъ членовъ. Если это различіе въ положеніи членовъ относи-

---

[1]) См. А. Ефименко, op. cit., стр. 9—12, 61—63, также G. Staehr, op. cit., II, стр. 123, 124 и далѣе.

[2]) По словамъ г-жи Ефименко, (op. cit., стр. 10), въ настоящее время вовсе нѣтъ новоземельскихъ артелей, построенныхъ на такихъ основаніяхъ.

тельно предпріятія доходило до того, что одинъ членъ доставлялъ весь основной капиталъ, а всѣ остальные—только свою рабочую силу или же, можетъ быть, еще кое-что изъ съѣстныхъ припасовъ и одежды, то первый членъ являлся просто предпринимателемъ, и, конечно, не могло быть уже и рѣчи о *самостоятельности* артели. Такія артели были распространены въ концѣ 17-го столѣтія среди крестьянъ Холмогорскаго уѣзда, при чемъ въ роли предпринимателя выступалъ архіерейскій домъ въ Холмогорахъ, который отправлялъ артели для моржевого промысла на Новую Землю „ради поживленія архіерейскаго дому на покупку церковныхъ потребствъ“, какъ сказано въ приходорасходныхъ книгахъ 1694 и слѣд. г.г. архіерейскаго дома перваго архіепископа холмогорскаго и важскаго Аѳанасія. Архіерейскій домъ доставлялъ не только необходимыя суда, орудія и т. д., но и съѣстные припасы и нѣкоторую одежду (овечьи шубы, одѣяла, оленьи шкуры). Нанимавшіеся архіерейскому дому работники были покрученниками-наймитами и вознаграждались не деньгами, а опредѣленной долей добычи. Вся артель состояла обыкновенно изъ 15 человѣкъ, при чемъ во главѣ ея стоялъ кормщикъ, а прочіе члены назывались *рядовыми* покрученниками или промышленниками. При отправленіи артели на промыселъ каждый членъ получалъ небольшую денежную сумму „*на обувь, не въ отдачу*“ и наибольшую—кормщикъ. Кромѣ того, нѣкоторые дѣлали маленькіе займы, погашавшіеся по окончаніи сезона промысла изъ доли должника. Понятно, что при такихъ условіяхъ львиная доля, при дѣлежѣ прибыли, доставалась архіерейскому дому, какъ предпринимателю. Дѣлежъ упромышленнаго производился слѣдующимъ образомъ. Если артель состояла изъ 15 человѣкъ, то вся добыча дѣлилась на 17 равныхъ частей (участковъ), изъ которыхъ *двѣ* получалъ предприниматель за судно, а остальныя 15 частей доставались номинально покрученникамъ, такъ какъ каждый долженъ былъ изъ своей части уплатить предпринимателю напередъ выговоренную послѣднимъ по договору часть. Г-жа Ефименко приводитъ извлеченные ею изъ приходо-расходной книги архіерейскаго дома за 1694 г. образчики

подобнаго дѣлежа. Такъ, по одному договору между архіерейскимъ домомъ и артелью, 9 членовъ послѣдней должны были получить изъ своихъ 9 участковъ только $^1/_3$, двое—изъ двухъ участковъ только $^1/_4$, и трое—изъ 3 участковъ: изъ одной половины $^1/_3$, а изъ другой $^1/_4$; такимъ образомъ всѣ рядовые покрученники должны были получить изъ добычи, приходящейся на ихъ 14 участковъ, $^{35}/_{112}$, а предприниматель $^{77}/_{112}$, т. е. въ $2^1/_5$ раза болѣе. Другой договоръ содержитъ еще болѣе простой разсчетъ: вся добыча подлежала раздѣлу на 3 части, изъ которыхъ одна часть шла на всѣхъ покрученниковъ, а двѣ остальныя—въ архіерейскій домъ. Эта значительная разница объясняется рискомъ, которому подвергался капиталъ, вложенный въ подобное предпріятіе.

Съ этими артелями, не объединенными путемъ договора въ союзы, мы встрѣчаемся въ источникахъ, относящихся, главнымъ образомъ, къ XVIII вѣку, въ которыхъ содержатся о нихъ довольно полныя свѣдѣнія.

Эти союзы артелей, встрѣчавшіеся преимущественно среди моржепромышленниковъ, отличаются столь стройной и притомъ подробно регламентированной организаціей, что невольно приходится согласиться съ г-жей Ефименко, считающей эту организацію плодомъ многолѣтняго опыта. „Если", говоритъ Ефименко: „мы не замѣчаемъ ее въ такомъ законченномъ видѣ раньше, то единственно за недостаткомъ сохранившихся матеріаловъ; да, впрочемъ, очень можетъ быть, что никакихъ писанныхъ матеріаловъ, касающихся ея подробностей, и не было, такъ какъ она была самобытно создана народомъ и имъ же исключительно поддерживалась; ни посторонніе частныя лица, ни правительство не участвовали ни въ ея созданіи, ни въ поддержаніи" [1]).

Среди источниковъ, знакомящихъ насъ съ этими союзами, главное мѣсто безспорно принадлежитъ *Морскому Уставу* [2])

---

[1]) А. Ефименко, op. cit., стр. 12—13.

[2]) Этотъ уставъ отпечатанъ въ видѣ приложенія къ статьѣ г-жи А. Ефименко „Артели въ Архангельской губерніи" (Сборн. матер. объ арт., вып. I, стр. 63—71). Г. Штеръ, говоря объ „Уставѣ", слѣдуетъ въ своей работѣ (ч. II, стр. 148—155) изложенію этой писательницы.

новоземельскихъ моржепромышленниковъ, появившемуся въ серединѣ 18-го столѣтія. Значеніе этого источника тѣмъ болѣе важно, что онъ является единственной въ своемъ родѣ попыткой кодификаціи не только права такъ называемыхъ *котлянъ*, о которыхъ рѣчь будетъ впереди, но и вообще всего постепенно возникшаго на русскомъ сѣверѣ со второй половины 16-го вѣка, подъ очевиднымъ вліяніемъ древнихъ артельныхъ преданій, въ высшей степени развитого моржепромышленнаго обычнаго права. Происхожденіе „Морского Устава" слѣдующее. Въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны всѣ сѣверные морскіе промыслы отданы были въ монополію графу Шувалову, и вольные промышленники должны были продавать свою добычу скупщикамъ монополиста. Въ это время контора Архангельскаго Сальнаго Правленія затребовала отъ мезенскихъ звѣропромышленниковъ точное изложеніе правилъ, которыми они руководятся при промыслахъ. Полученныя свѣдѣнія были вписаны въ протоколъ, расположены по параграфамъ, и такъ возникъ „Морской Уставъ".

Съ внѣшней стороны, „Морской Уставъ" дѣлится на 29 параграфовъ и заключеніе; всѣ параграфы, въ свою очередь, распадаются на слѣдующія главы, имѣющія свои заголовки: 1) *о котляныхъ или артельныхъ промыслахъ* (§ 1), 2) *о общемъ храненіи котляныхъ судовъ* (§ 2), 3) *о смашной котлянѣ* (§ 3), 4) *о расходѣ котляны* (§§ 4 и 5), 5) *о безкотляномъ промыслѣ* (§§ 6—9) 6) *о нечиненіи кормщику безъ хозяина и хозяину безъ кормщика плотной котляны* (§ 10), 7) *о нелишеніи въ промыслѣ пая больныхъ и умершихъ* (§ 11), 8) *о бытіи въ послушаніи у кормщика всѣмъ рядовымъ товарищамъ* (§ 12), 9) *о вывозѣ людей съ разбитыхъ судовъ* (§ 13), 10) *о разбираніи тѣхъ людей на цѣлыя суда* (§ 14), 11) *о приворачиваніи на знаки* (§ 15), 12) *о бытіи въ послушаніи у повощика невольнымъ людямъ* (§§ 16—18), 13) *о вывозѣ людей и промысловъ съ Тиманскаго берега и съ Канина Носа* (§§ 19—20), 14) *о вывозѣ съ моря промысловъ съ разбитыхъ судовъ на судахъ же* (§ 21), 15) *о вывозѣ снастей и промысла* (§§ 22), 16) *о неоставленіи взятыхъ*

промысловъ, хотя кто и самъ послѣ того напромышляетъ (§ 23), 17) *о собираніи и вывозѣ морскихъ промысловъ безъ договору* (24—29) и 18) *заключеніе.*

Прежде чѣмъ перейти къ анализу правовыхъ отношеній, охватываемыхъ „уставомъ", необходимо остановиться на обзорѣ нѣкоторыхъ чертъ организаціи моржеваго промысла, какъ ихъ обрисовываютъ имѣющіеся источники, чтобы такимъ путемъ выяснить, что представляли собою отдѣльныя моржепромышленныя артели, входившія въ составъ моржепромышленныхъ союзовъ (котлянъ).

Моржепромышленники отправлялись на Новую Землю на судахъ, изъ которыхъ на каждомъ было по одной артели. Подобная артель состояла обыкновенно изъ 8—20 человѣкъ, получавшихъ все свое промысловое снаряженіе (судно, орудія и съѣстныя припасы) отъ предпринимателя, называвшагося артелью „*хозяиномъ*". Хозяинъ обыкновенно принималъ и личное участіе въ промыслѣ; ему [1]) большею частью предоставлялась честь бросанія носка (гарпуна) въ моржа, а когда звѣрь бросался на судно, онъ отражалъ его спицею (родъ пики).

Промысловыя обязанности прочихъ судовщиковъ распредѣлены были по принципу строгаго раздѣленія труда. Во главѣ артели стоялъ *кормщикъ* (штурманъ), который могъ требовать отъ всѣхъ прочихъ артельныхъ членовъ безусловнаго подчиненія. Патріархально-всемогущее положеніе комщика, какъ главы, въ этихъ отдѣльныхъ артеляхъ отчетливо обрисовывается въ постановленіи § 12 морского устава, гласящаго: „Въ морскомъ ходу и во время промысла всѣмъ рядовымъ товарищамъ *во всемъ слушаться одного кормщика*, и ни въ чемъ воли у него не отнимать; а въ потребномъ случаѣ, хотя и подавать ему совѣтъ, только учтиво и не спорно. Ежели жъ кто изъ нихъ дерзнетъ кормщика избранить или ударить, или не станетъ его слушаться, то на такого прочіе рядовые

[1]) А иногда его намѣстнику. Г-жа Ефименко (op. cit., стр. 13) замѣчаетъ, что въ 18-мъ вѣкѣ мы уже не встрѣчаемся на сѣверѣ съ *прежнею* формою крестьянской артели (безъ „хозяина").

должны кормщику *дать помощь къ наказанію по морскому обыкновенію*, потому что безъ наказанія за отдѣленіемъ гражданскаго суда иные впадутъ въ безстрашіе, отчего безпромыслица и разбитіе судовъ приключается. Но ежели кормщику многіе изъ промышленниковъ явятся противниками, наказать же и запретить имъ будетъ онъ не въ силахъ, то *въ засвидѣтельствованіе объявлять на таковыхъ ослушниковъ въ прилучившихся судахъ, для отысканія наказанія въ гражданскомъ судѣ*". Здѣсь мы видимъ любопытное явленіе, что хозяинъ, несмотря на свое положеніе капиталиста и предпринимателя, принужденъ былъ, въ силу артельнаго обычая, повиноваться имъ же нанятому работнику—кормщику. Эта особенность, отмѣчаемая и Г. Штеромъ [1]), обходится молчаніемъ прочими писателями по артельному вопросу.

Указанное отношеніе хозяина къ кормщику было вполнѣ естественно, такъ какъ: 1) хозяинъ могъ и не обладать требующимися для роли руководителя знаніемъ промысла и опытностью, вслѣдствіе чего своимъ вмѣшательствомъ въ распоряженія опытнаго и испытаннаго руководителя онъ породилъ бы только путаницу и повредилъ бы своимъ собственнымъ интересамъ, 2) хозяинъ очень часто принадлежалъ къ тѣмъ же народнымъ слоямъ, какъ и прочіе члены договоренной имъ артели, а потому ему даже не приходилось жертвовать какими-либо сословными или иными предразсудками или же удобствами при временномъ подчиненіи своемъ власти нанятаго имъ руководителя артели и 3) подчиненія хозяина кормщику требовалъ патріархальный строй артели.

Кромѣ кормщика, въ нѣкоторыхъ артеляхъ былъ еще второй по старшинству членъ, называвшійся *полукормщикомъ*, и третій—*полууженщикъ*. Прочіе члены артели были простыми рядовыми покрученниками. Изъ нихъ въ артели обыкновенно было двое *носошниковъ* (гарпунщиковъ), находившихся при отправленіи промысла около хозяина, чтобы помогать ему бросать носки и отражать нападеніе звѣрей, и двое *забочешниковъ*, обязанныхъ притягивать и отпускать ремни, на кото-

[1]) См. G. Staehr, op. cit., II, стр. 150—151.

рыхъ привязанъ гарпунъ, а остальные несли обязанности *гребцовъ* и, сверхъ того, должны были помогать вытаскивать убитаго звѣря на льдины и его обработывать.

Различныя промысловыя операціи и приспособленія требовали различныхъ степеней навыка, прозорливости и знанія дѣла, что, въ свою очередь, представляло различную цѣнность для удачи предпріятія. Поэтому добыча раздѣлялась не на равныя части, а—смотря по трудности и важности дѣйствій отдѣльныхъ артельныхъ членовъ. Хозяинъ, прежде всего, удерживалъ для себя половину добычи, въ качествѣ процента на капиталъ и предпринимательской прибыли. Другая половина добычи принадлежала артели и дѣлилась ею на столько равныхъ частей, сколько было артельныхъ членовъ. Изъ этихъ частей (паевъ) кормщикъ получалъ двѣ или болѣе, прочіе же сотоварищи, смотря по ихъ дѣйствіямъ и по предшествовавшимъ договорамъ о вознагражденіи, 1$^1/_2$, 1, $^3/_4$, $^1/_2$, $^1/_3$ и даже $^1/_4$ части. Эти доли назывались *паемъ* или *ужной*, *ужиной* [1]). Если артельный товарищъ заболѣвалъ, онъ все-таки получалъ слѣдуемую ему часть; въ случаѣ же его смерти эта часть передавалась его наслѣдникамъ.

Различались *лѣтнія* и *зимнія* артели. Послѣднія отправлялись въ Іюнѣ или въ Іюлѣ на Новую Землю, перезимовывали тамъ въ особыхъ избахъ, построенныхъ для этой цѣли на счетъ хозяина и лишь въ сентябрѣ слѣдующаго года возвращались обратно. Организація зимнихъ и лѣтнихъ артелей была одна и та же; первыя, однако, требовали гораздо больше капитала, такъ какъ хозяину приходилось снабдить ихъ большимъ запасомъ провіанта соотвѣтственно большей продолжительности ихъ отсутствія, а также различною теплою одеждою. Поэтому хозяинъ подобной артели удерживалъ для себя, при дѣлежѣ, около $^2/_3$ всей добычи, остатокъ же дѣлился между артельными членами въ вышеуказанной мною пропорціи.

---

[1]) См. G. Staehr, op. cit., II, стр. 149; также H. Starch „Histor.-Statist. Gemälde des Russischen Reiches", II, стр. 89, Озерецковскій, op. cit.

III.

Связанныя съ промысломъ трудности и опасности, рискованность его и невозможность предвидѣнія результата, обусловленнаго многими случайностями,—все это дѣлало усилія отдѣльныхъ артелей недостаточными и вызывало необходимость въ организаціи цѣлой системы своего рода взаимнаго страхованія. Такимъ-то образомъ изъ разсмотрѣнныхъ выше артелей стали возникать среди сѣверныхъ моржепромышленниковъ союзы артелей—*котляны*.

Въ смыслѣ артелей рабочихъ на морскихъ звѣриныхъ промыслахъ *котляны* впервые упоминаются въ актахъ XVII столѣтія [1]); позднѣе это слово стало примѣняться и для обозначенія союза артелей [2]), а промыслъ, производившійся нѣсколькими договаривающимися артелями сообща, сталъ называться *котлянымъ*. Согласно Морскому Уставу имѣлось три рода котлянъ: 1) *простыя*, 2) *смашныя*, и 3) *плотныя*.

Если нѣсколько артелей соединялось по договору въ котляну, причемъ этотъ договоръ могъ быть прекращенъ въ каждую данную минуту, лишь бы былъ раздѣленъ промыселъ, то на-лицо была *простая котляна*.

Смашная котляна считалась состоявшеюся, если многія суда (карбасы) [3]) съѣдутся къ одной наледицѣ [4]) случайно, безъ предварительнаго договора, котораго въ сущности не было и времени заблаговременно заключать, и здѣсь одна изъ съѣхавшихся артелей подавала другой условный знакъ [5]), а на него отвѣчали такимъ же знакомъ. Заклю-

---

[1]) Акты историческіе, III, № 73, отъ 8 Марта 1617 г. По объясненію г-жи Ефименко (op. cit., стр. 15), слово „*котляна*" происходитъ отъ слова „*котелъ*", но неизвѣстно, отъ того-ли котла, изъ котораго ѣла артель, или въ которомъ вываривалось сало.

[2]) *Котляну-союзъ артелей* г-жа Ефименко называетъ „*большою артелью*", но это невѣрно, потому что котляна, какъ мы увидимъ, отличалась особенностями, рѣдко выдѣляющими ее изъ патріархальныхъ артелей.

[3]) Каждое судно (карбасъ) обыкновенно принадлежало одной артели.

[4]) Т. е. къ стаду моржей, отдыхающихъ на льду.

[5]) Отъ словъ „*махать*", „*смахиваться*", т. е. условливаться посредствомъ знаковъ, сигналовъ, происходитъ и наименованіе этого рода котляны *смашною*.

ченіе договора вело къ отправленію промысла на мѣстѣ (т. е. къ умерщвленію найденныхъ на наледицѣ моржей) соединенными артелями, причемъ добыча дѣлилась на равныя части по числу участвующихъ артелей. „Но ежели“, говоритъ § 3 морского устава: „съ одного карбаса знакъ подадутъ, а съ другого не будутъ на оный отвѣтствовать, тогда въ промыслѣ однимъ до другихъ дѣла не имѣть, и какъ при ономъ промыслѣ, такъ и впредь, помѣшательства другъ другу не чинить“. Начало свободы договорнаго соглашенія еще явственнѣе подчеркивается въ § 5 морского устава, гдѣ сказано: „Ежели суда стоятъ вмѣстѣ и по договору промышляютъ за одно, а по раздѣлѣ промысла одно или многія изъ нихъ разойдутся, то въ предбудущемъ бездоговорномъ промыслѣ никому до другаго дѣла нѣтъ“. Итакъ, поводомъ къ образованію смашной котляны является случайная встрѣча нѣсколькихъ артелей различныхъ хозяевъ у одной и той же наледицы, и заключенный обоюдно, помощью подачи простого знака, артельный союзъ прекращается съ производствомъ на мѣстѣ, тотчасъ послѣ умерщвленія моржей и содранія съ нихъ шкуръ, дѣлежа добычи, состоявшаго въ томъ, что каждый изъ участвовавшихъ котлянщиковъ получалъ одинаковую долю, причемъ клыки дѣлились по вѣсу.

Плотная котляна состояла изъ артелей, напередъ съ точностью уговорившихся работать *(но не житъ)* сообща втеченіе всего времени промысла по плану, установленному собравшимися кормщиками соединенныхъ артелей. При образованіи плотной котляны царило также начало свободы соглашенія. Это ясно слѣдуетъ изъ §§ 6 и 10 морского устава. Такъ, согласно § 6, „когда кто со стоящими вмѣстѣ судами въ котлянѣ быть не пожелаетъ, то такого къ ней не принуждать и въ промыслѣ ему никакого помѣшательства не чинить“. „Ежели“, говорится въ § 10: „кто пожелаетъ съ другими судами учинить плотную котляну, то есть договориться, чтобы во весь походъ съобща промышлять и промысла не считать и не дѣлить до выхода съ моря домой, то кормщику безъ воли отпускателя ни съ кѣмъ такой котляны не дѣлать, также и хозяину кормщика, если сей не пожелаетъ, не при-

нуждать". Равносильное значеніе голосовъ отпускателя (или хозяина) и кормщика при рѣшеніи вопроса о вступленіи артели въ котляну является вполнѣ понятнымъ, если принять въ соображеніе, что отпускатель (хозяинъ) былъ матеріально заинтересованъ въ успѣшности промысла, а кормщикъ, какъ глава артели, былъ естественнымъ представителемъ матеріальныхъ интересовъ сочленовъ артели. Дѣлежъ добычи происходилъ, какъ при смашной котлянѣ, по числу участвующихъ котлянщиковъ, причемъ на этотъ счетъ морской уставъ (§§ 1, 9, 11) предусматривалъ и возможныя случайности. Согласно § 1, если артельныя промышленники, выѣхавъ изъ становья, разъѣдутся по разнымъ мѣстамъ, то тѣ изъ нихъ, которые вернулись безъ добычи, все же получаютъ для себя долю изъ другихъ промысловъ; это является какъ бы подразумѣваемымъ условіемъ котлянкаго договора. По § 11, въ случаѣ болѣзни одного изъ промышленниковъ „на такого человѣка съ другихъ котлянныхъ судовъ изъ промысла паю не требовать, а изъ своей добычи доли не лишать", т. е. такое лицо, несмотря на болѣзнь и неспособность къ труду, должно получить свой договоренный съ хозяиномъ пай изъ той части общей котлянной добычи, которая приходится на долю артели, къ которой оно принадлежитъ. Въ случаѣ же его смерти, этотъ пай передавался его наслѣдникамъ. Насколько щепетильнаго отношенія къ чужой собственности требовалъ отъ промышленниковъ морской уставъ, это видно изъ § 9: „Ежели кто поколетъ мѣсто, а его льдомъ или бурею отъ онаго отобьетъ, когда же у звѣрей головы будутъ отсѣчены, то такого промысла приходящему послѣ не обирать, развѣ только однихъ плавухъ, кои по морю носятся. *Сіе запрещается для того, что всякъ, кто пололъ звѣря, всегда на оное мѣсто придти желаетъ*". Это постановленіе морского устава свидѣтельствуетъ о высокомъ развитіи правосознанія моржепромышленниковъ, являвшагося, впрочемъ, послѣдствіемъ всей обстановки ихъ промысловой жизни.

Отъ этой общей юридической характеристики видовъ котлянъ обратимся теперь къ ближайшему опредѣленію взаимоотношенія, существовавшаго между *котляною*, какъ цѣлымъ, и ея составными единицами—*артелями*.

Мы видѣли, что всякая котляна (безъ различія вида) есть союзъ нѣсколькихъ артелей для совмѣстнаго промысла. Подобный союзъ нельзя считать, какъ это дѣлаетъ г-жа Ефименко, артелью, потому что имъ не основывалось универсальнаго общежитія, а только—общность отдѣльныхъ опредѣленныхъ хозяйственныхъ интересовъ соединившихся товарищей. Такъ, ему не доставало отеческаго главы, этого характернѣйшаго признака артели. Въ котлянѣ господствуетъ иной порядокъ: здѣсь планъ работы устанавливается кормщиками отдѣльныхъ артелей *путемъ совмѣстнаго обсужденія.* Что же касается выполненія принятыхъ рѣшеній, то каждый кормщикъ по прежнему является въ своей артели отеческимъ главой и руководителемъ. Наконецъ, отдѣльныя артели, входящія въ составъ котляны, живутъ и ѣдятъ порознь, а нерѣдко—и порознь работаютъ, лишь складывая вмѣстѣ, въ общую котлянную добычу, добытое каждою отдѣльною артелью. Весьма важно то, что, при раздѣлѣ добычи, котляна держалась иного принципа, чѣмъ простая артель, въ томъ же моржевомъ промыслѣ: въ то время, какъ простая артель принимала во вниманіе при этомъ и искусство промышленника, и бо́льшую или меньшую успѣшность его труда, и свойство того спеціальнаго занятія, которое на него возлагалось раздѣленіемъ труда, *котляна допускала полное равенство всѣхъ, участвовавшихъ въ промыслѣ трудомъ.* Однако, хотя дѣлежъ производился „*по-людно*", т. е. по числу участвовавшихъ въ промыслѣ котлянщиковъ, но доля каждаго изъ нихъ шла въ общую добычу соотвѣтственной артели и, такимъ образомъ, окончательный раздѣлъ, путемъ котораго результаты труда передавались въ руки отдѣльныхъ лицъ, производился на основаніяхъ, принятыхъ артелью. Выше уже было мною отмѣчено, что, по § 1 морского устава, вернувшіеся съ промысла на суда съ пустыми руками получали такую же долю изъ упромышленнаго, какъ и тѣ, кому посчастливилось захватить богатую добычу. Исключеніе составляли тѣ, которые оставались на суднѣ не *по общему приговору*, а по какимъ либо другимъ причинамъ, хотя бы даже весьма уважительнымъ и не зависящимъ отъ нихъ лично. Однако такія лица

лишались доли только въ котлянномъ промыслѣ и потому, въ подобномъ случаѣ, вся невыгода падала на артель, которая ни подъ какимъ видомъ не была въ правѣ лишить своего сочлена слѣдующей ему доли.

Были еще и нѣкоторыя другія условія, связывавшія котлянщиковъ между собою. Такъ, если артели отправлялись на своихъ карбасахъ на котлянный промыселъ и оказывалось, что люди на этихъ карбасахъ распредѣлены неравномѣрно, то лишніе съ однихъ карбасовъ имѣли право пересѣсть на другіе, независимо отъ того, къ какой артели принадлежалъ карбасъ (§ 1 морскаго устава). Съ другой стороны, промышленники, принадлежавшіе къ одной котлянѣ, должны были также беречь суда другъ друга отъ бурь и льдовъ во время отсутствія той артели, которой принадлежало судно. Это, однако, дѣлалось лишь въ томъ случаѣ, если отсутствіе произошло съ вѣдома и согласія прочихъ членовъ котляны. Если судно разбивалось, несмотря на всѣ принятыя мѣры, промышленники не несли отвѣтственности, но были обязаны вывезти съ разбитаго судна безплатно, какъ промысловую добычу, такъ и орудія лова (§ 2).

Договоръ котлянщиковъ имѣлъ обязательную силу только до тѣхъ поръ, пока они имѣли возможность промышлять сообща; онъ прекращался, слѣдовательно, съ уничтоженіемъ этой возможности. Тѣмъ не менѣе упромышленное до того подлежало раздѣлу поровну, когда промышленники съѣдутся снова (§ 4 морского устава). При такой встрѣчѣ котлянщики уже не имѣютъ относительно другъ друга никакихъ обязательствъ, кромѣ раздѣла добычи, упромышленной до разъѣзда, и вполнѣ свободны заключать или нѣтъ новый договоръ. Отсюда слѣдуетъ, что этотъ договоръ могъ быть расторгнутъ въ каждую данную минуту, лишь бы былъ раздѣленъ промыселъ. Въ этомъ отношеніи бо̀льшія стѣсненія на свободу вступающихъ налагала *плотная котляна*, гдѣ, какъ мы видѣли, отдѣльныя артели условливались промышлять сообща во все время промысла, не считая и не дѣля добычи до возвращенія домой. Однако въ плотную котляну артель могла вступить только съ общаго согласія, какъ хозяина, такъ и кормщика

артели (§ 10 морск. устава): въ отдѣльности каждый изъ нихъ не считался достаточно компетентнымъ для рѣшенія этого вопроса.

IV.

Главная цѣль организаціи котлянъ состояла въ томъ, чтобы дать отдѣльнымъ группамъ промышленниковъ возможность воспользоваться выгодами взаимнаго страхованія, уравнивавшаго шансы всѣхъ на выигрышъ или неудачу, что было особенно важно въ ихъ рискованномъ промыслѣ, гдѣ все зависѣло отъ слѣпого случая. Опасности промысла помогли имъ выработать для себя хорошо организованную систему взаимной помощи. Члены каждой артели должны были помогать другимъ артелямъ въ случаѣ несчастья, а такъ какъ интересы артелей оказывались de facto солидарными даже и тогда, когда онѣ не вступали, ни въ простую, ни въ смашную, ни въ плотную котляну, то это естественно связало ихъ въ концѣ концовъ между собою и при самостоятельномъ отправленіи промысла цѣлою сѣтью взаимныхъ обязательствъ [1]).

Поэтому §§ морского устава, излагающіе эти обязательства взаимопомощи, не относятся спеціально къ котлянщикамъ, а къ промышленникамъ вообще. Фактъ этотъ, упускаемый изъ виду изслѣдователями артели, имѣетъ немаловажное значеніе, наглядно свидѣтельствуя о вліяніи школы, если можно такъ выразиться, проходимой промышленниками въ крупныхъ союзахъ-котлянахъ, на упорядоченіе отношеній по промыслу между артелями, работающими порознь.

Путемъ обычая этотъ порядокъ настолько укоренился, настолько вошелъ въ плоть и кровь сѣверныхъ промышленниковъ, что они привыкли считать его естественнымъ и даже неизбѣжнымъ, отраженіе чего мы и видимъ въ морскомъ уставѣ. Такъ, онъ называетъ неоднократно потерпѣвшихъ бѣду моржепромышленниковъ людьми „невольными", съ „от-

---

[1]) См. „Сборникъ матеріаловъ объ артеляхъ въ Россіи". Вып. I СПБ. 1873 г. стр. 18—21, 66—71.

нятой волей", требуетъ гуманнаго безкорыстнаго содѣйствія имъ отъ болѣе счастливыхъ товарищей, а въ заключеніи своемъ словами, полными суровой поэзіи, гармонирующей со всею обстановкою промысла, раскрываетъ устои укоренившагося среди сѣверныхъ промышленниковъ правопорядка: „По сему уставу хозяева, отпускатели и кормщики неотмѣнно поступать должны; ибо хотя кому вывозъ людей и промысловъ покажется досаденъ, но иногда можетъ случиться и самому тому отъ другихъ еще большей требовать помощи, ибо ходящему по морю безъ страха и взаимной помощи пробыть не можно. Для того всѣ въ дружномъ вспомоществованіи быть должны; а если кто по онымъ пунктамъ исполнять не будетъ, надѣясь на свое нахальство или хозяйское могущество, тому да воздастъ праведный Богъ морскимъ наказаніемъ. Въ семъ уставѣ о нѣкоторыхъ морскихъ случаяхъ не упомянуто, какъ для того, что сочиненіе сіе съ поспѣшностью было сдѣлано, такъ и для того, что случаи, какіе на морѣ приключиться могутъ, не всѣ извѣстны. Море непостоянно, что впредь на немъ можетъ сдѣлаться, того напередъ показать не можно. Въ прочемъ все строится волею всесильнаго Бога".

Исполненная опасностей промысловая жизнь порождала въ душахъ этихъ простыхъ, но закаленныхъ въ борьбѣ за существованіе людей мистическое настроеніе и заставляла чаще обыкновеннаго обращать свои помыслы къ тому, въ чьихъ рукахъ—по ихъ глубокой вѣрѣ—находится судьба всего сущаго на землѣ.

Одно изъ основныхъ правилъ взаимопомощи моржепромышленниковъ состояло въ томъ, что, если съ разбитыхъ судовъ люди откуда бы то ни было (на землѣ, или на морѣ, или въ карбасѣ, или на разбитомъ суднѣ) подадутъ какой-либо знакъ о своемъ бѣдственномъ положеніи, прося мимоидущее судно взять ихъ къ себѣ, послѣднее *обязано* было свернуть на эти знаки, собрать бѣдствующихъ „невольныхъ" людей и вывезти ихъ по правиламъ морского устава. Исключеніе изъ этого правила допускалось лишь въ томъ случаѣ, когда придти на помощь не было возможности вслѣдствіе

сильной бури, льда или вѣтра [1]). Вывозить людей съ разбитыхъ судовъ надлежало безъ всякой платы, а если у нихъ вышли всѣ съѣстные припасы, то ихъ должны были кормить даромъ. Въ этомъ отношеніи не допускалось никакихъ договоровъ, ни устныхъ, ни письменныхъ; въ случаѣ же заключенія такого договора какимъ либо судномъ,—сила его не признавалась [2]).

Весьма любопытны правила, устанавливаемыя §§ 14 и 17 морского устава касательно размѣщенія спасенныхъ людей на судахъ спасителей. Спасшее бѣдствующихъ людей судно имѣло право сдать часть ихъ на другія суда, которыя не имѣли права отказаться принять ихъ. Для предупрежденія какихъ-либо злоупотребленій и пререканій было постановлено, въ видѣ общаго правила, чтобы спасенные размѣщались по судамъ пропорціонально числу людей, находящихся на суднѣ, на томъ основаніи, что, чѣмъ больше людей на суднѣ, тѣмъ оно должно быть просторнѣе и изобильнѣе снабжено провіантомъ, а, слѣдовательно, и въ состояніи было помѣстить на себя больше людей. При встрѣчѣ новыхъ судовъ, каждый разъ имъ сдавалась часть „невольныхъ“ людей на тѣхъ же основаніяхъ. Не брать невольныхъ людей разрѣшалось только „зимовщикамъ“, т. е. судамъ, прибывшимъ съ цѣлью остаться на зимовку.

Если у потерпѣвшихъ крушеніе былъ свой провіантъ, то они обязаны были дѣлить его между собою *„полюдно“* (поровну) и употреблять его, пока запасъ не изсякнетъ, послѣ чего обязанность кормить ихъ переходила къ хозяину того судна, на которое они были взяты, и именно тою пищею, которую употребляли сами промышленники, бывшіе на суднѣ.

Если, однако, на суднѣ, на которое были взяты „невольные“ люди, тоже оказывался недостатокъ въ провіантѣ на возвратномъ пути, а, между тѣмъ, представлялась возможность достать его путемъ покупки у прибрежныхъ жителей, то онъ долженъ былъ покупаться на общія деньги съ „не-

---

[1]) § 15 морского устава.

[2]) Тамъ же, § 13.

вольными" людьми. Но до того, пока весь свой хлѣбъ не будетъ издержанъ, не дозволялось ставить что-либо въ счетъ „невольнымъ" людямъ.

Обязанности „невольныхъ" людей относительно тѣхъ, кто ихъ пріютилъ на своихъ судахъ, сводились, главнымъ образомъ, къ пребыванію въ послушаніи у „*повощика*", т. е. у главы того судна, которое ихъ везло. Они не должны были ни въ чемъ противодѣйствовать установленному имъ на суднѣ порядку, хотя бы число ихъ и превышало число людей экипажа судна. „Невольные" люди, кромѣ того, обязаны были помогать повощику и его товарищамъ въ промыслѣ путемъ совмѣстной работы, не требуя себѣ, притомъ, доли („участка") изъ упромышленнаго, хотя бы послѣ окончанія промысла они были сданы на встрѣчныя суда. Съ своей стороны, принимающіе ихъ не должны были требовать отъ нихъ „соли", а обязаны были вывезти ихъ, согласно правилу § 14 морского устава [1]).

Хотя суда, предполагавшія остаться на зимовку на Новой Землѣ, не были обязаны брать къ себѣ потерпѣвшихъ кораблекрушеніе, однако такимъ преимуществомъ „зимовщики" пользовались лишь въ томъ случаѣ, когда на лицо имѣлись такъ называемыя „лѣтнія" суда, т. е. не предполагавшія остаться на зимовку. Если же такихъ судовъ не было, то „зимовыя" суда обязаны были взять къ себѣ „невольныхъ" людей и отвезти ихъ къ какому-либо обитаемому мѣсту на материкѣ; въ томъ же случаѣ, когда они не были въ состояніи сдѣлать этого вслѣдствіе какихъ-либо уважительныхъ причинъ („за законною нуждою"), они обязаны были „по неволѣ" взять спасенныхъ съ собою на зимовку и дѣлиться съ ними своими припасами, а послѣдніе должны были „не лѣнясь" работать на своихъ спасителей, промышляя съ ними, и не требовать себѣ за работу какого-либо пая, ни изъ лѣтняго, ни изъ зимняго промысла [2]).

Наряду съ этими правилами, игравшими роль общихъ

---

[1]) Морской уставъ, § 16.

[2]) Тамъ же, § 18.

этико-правовыхъ началъ, морской уставъ даетъ одновременно рядъ указаній относительно того, какъ поступать съ промысловою добычей, съ орудіями лова, со съѣстными припасами и проч. цѣнными предметами, могущими находиться на разбитомъ суднѣ. По вѣрному замѣчанію г-жи А. Ефименко, здѣсь приходилось примирить два противоположныхъ интереса, такъ какъ, съ одной стороны, общій интересъ промышленниковъ требовалъ принятія, по возможности, всѣхъ мѣръ для спасенія вышеупомянутыхъ предметовъ, особенно же орудій лова, которыя составляли одну изъ главнѣйшихъ и необходимѣйшихъ частей промысловаго капитала, а, съ другой,—интересъ судна, спасавшаго пострадавшихъ, требовалъ не обременять своего судна чужими вещами. Въ своихъ постановленіяхъ морской уставъ стремится подчинить въ извѣстной мѣрѣ частный интересъ общему, въ предѣлахъ, существенно необходимыхъ въ видахъ общей пользы. Прежде всего, въ противоположность обязательности вывоза людей съ разбитыхъ судовъ, вывозъ вещей („промысла") съ такихъ судовъ не былъ обязателенъ иначе, какъ подъ условіемъ уплаты извѣстнаго вознагражденія вывозившему судно за его трудъ, при чемъ условія вознагражденія за это опредѣлялись особымъ договоромъ между заинтересованными сторонами. Такъ какъ положеніе договаривающихся сторонъ, при подобныхъ обстоятельствахъ, было далеко не одинаковымъ, и спасители легко могли воспользоваться выгодами своего положенія, то морской уставъ стремится оказать поддержку слабѣйшей сторонѣ путемъ установленія правила, чтобы за вывозъ вещей бралось не больше половины промысла; но если у „невольныхъ" людей промысловой добычи было много и, слѣдовательно, судно получало за вывозъ значительное вознагражденіе,—въ такомъ случаѣ оно должно было вывезти промысловыя орудія даромъ [1]); если же этого не было, то дозволялось требовать плату и за вывозъ орудій, однако въ размѣрѣ не свыше 20 коп. съ пуда.

Какъ видно изъ § 22 морского устава, никому не вмѣ-

---

[1]) Морской уставъ § 21.

нялось въ непремѣнную обязанность вывезти промыселъ, однако, вмѣстѣ съ тѣмъ, даже въ томъ случаѣ, когда судно бывало нагружено собственною промысловою добычею въ такомъ изобиліи, что на немъ нельзя было умѣстить чужого сала и моржины, не дозволялось отказываться отъ вывоза промысловыхъ орудій („снастей"). Если на мѣстѣ несчастья случайно находились не одно, а нѣсколько судовъ, то „невольные" люди разбирались на суда, согласно вышеизложеннымъ правиламъ. Что же касается промысловыхъ орудій, то относительно нихъ метался жребій, какому судну что надлежало вывезти. Этими чужими орудіями лова, очутившимися такимъ путемъ на суднѣ, артель имѣла право пользоваться безъ особой платы („картомы"), а за утрату чего-либо надлежало уплатить собственникамъ по настоящей стоимости утраченнаго. Исключеніе изъ сказаннаго составляетъ тотъ случай, когда „невольные" люди, отъѣхавъ на карбасахъ отъ своего разбитаго судна, наѣдутъ на цѣлыя промышляющія суда, и находящіеся на нихъ промышленники не захотятъ искать ихъ судна и собирать ихъ „снасти" (орудія лова) за дальностью разстоянія. При такихъ условіяхъ, отказъ этимъ промышленникамъ въ вину не ставится, особенно, если они не видятъ по близости разбитаго судна.

Если, однако, артель заключитъ договоръ о вывозѣ съ разбитаго судна промысла и промысловыхъ орудій, то тогда она не должна была отказываться отъ выполненія своего обязательства, хотя бы это оказалось впослѣдствіи для нея крайне стѣснительнымъ, напр., въ томъ случаѣ, когда она сама напромышляетъ много звѣря. Единственнымъ выходомъ изъ такого положенія являлась встрѣча съ другими судами, которымъ повощикъ могъ сдать, вслѣдствіе „тѣсноты", „невольныхъ" людей, а вмѣстѣ съ ними и часть взятаго промысла [1]). Сложнѣе представлялся тотъ случай, когда экипажу съ разбитаго судна удавалось спастись, а его промыселъ и промысловыя орудія оказывались выброшенными на берегъ и ихъ находило какое-либо судно. При этомъ возникалъ цѣлый

[1]) Морской уставъ, § 23.

рядъ вопросовъ о томъ, слѣдовало ли вывозить выброшенныя вещи и на какихъ условіяхъ, съ кѣмъ заключать договоръ объ этихъ условіяхъ, когда людей нѣтъ и т. д. Согласно § 24 морского устава, такія выброшенныя на берегъ вещи подлежали обязательному вывозу, причемъ за вывозъ орудій слѣдовало брать не свыше 20 коп. съ пуда, за вывозъ же промысла можно было взять $^3/_4$ его, т. е. вернуть артели судна, потерпѣвшаго крушеніе, одну четверть. Поступали такъ, впрочемъ, лишь въ томъ случаѣ, когда приходилось собирать и разыскивать вещи, разбросанныя на берегу. Если же на берегу находили разбитое судно съ промысломъ, не разметанное, а выброшенное цѣликомъ, такъ что усиленнаго труда для отысканія вещей не требовалось, то изъ промысла полагалось брать за вывозъ лишь половину, а другую надлежало отдать промышленникамъ разбитаго судна; промысловыя же орудія вывозились при этомъ на прежнихъ условіяхъ [1]).

Эти условія вознагражденія за вывозъ орудій не мѣнялись даже и тогда, когда промышленники находили разбитое судно, плавающее по морю и оставленное людьми, между тѣмъ какъ промыселъ дозволялось брать съ такого судна „безповоротно“ [2]).

Обязательность вывоза орудій промысла съ разбитыхъ судовъ подчеркивается во всѣхъ постановленіяхъ морского устава и представляется характерною чертою, свидѣтельствующею о значеніи, которое такимъ орудіямъ придавалось въ обиходѣ моржепромышленной жизни. Согласно § 27 разсматриваемаго устава, всякій, кто вывезетъ съ разбитыхъ судовъ промыселъ, но „снасти“ (орудія лова) оставитъ на нихъ,—могъ брать изъ промысла за провозъ не указанную въ вышеприведенныхъ правилахъ долю, а лишь четвертую часть.

Что касается провоза съ разбитыхъ судовъ моржевой кости, китовыхъ усовъ, оленьяго сала и т. п. вещей, болѣе цѣнныхъ, чѣмъ обыкновенная добыча новоземельскихъ про-

---

1) Морской уставъ, § 25.

2) Тамъ же, § 26.

мышленниковъ—сало и шкуры морскихъ звѣрей, то за это полагалось брать ту же плату, какъ съ орудій лова, т. е. по 20 коп. съ пуда, а съ пушного товара („мясной рухляди“), напр., съ песцовъ,—повощикъ могъ брать десятаго песца, съ оленьихъ шкуръ—пятую шкуру, съ птичьяго пуха—пятый пудъ [1]).

Тѣ же основанія вывоза вещей должны были соблюдаться промышленниками и относительно судовъ, экипажъ которыхъ вымеръ отъ цынги или другихъ болѣзней. Если же было основаніе предположить, что для вывоза вещей съ вымороч-наго судна прибудетъ другое судно того же хозяина, тогда надлежало не брать вещей, а только привести ихъ въ порядокъ [2]).

Таковы главнѣйшія основанія существовавшей у новоземельскихъ моржепромышленниковъ системы взаимопомощи. Помимо приведенныхъ случаевъ, въ морскомъ уставѣ даются также указанія, какъ слѣдуетъ поступать при столкновеніяхъ иного характера, напр., когда такія столкновенія происходили между артелями, не вступившими въ котляну. Подобныя столкновенія были практически, конечно, вполнѣ возможны, особенно тогда, когда промышленникамъ приходилось по какимъ-либо причинамъ оставить весь свой „промыселъ“ или же часть его на мѣстѣ.

Въ этомъ случаѣ условія обстановки представляли существенное отличіе отъ обстановки при кораблекрушеніи или иномъ бѣдствіи. Здѣсь, если добыча и оставлялась, то такое оставленіе нерѣдко могло являться результатомъ вполнѣ обдуманнаго плана промышлявшей артели. Это было оставленіемъ *временнымъ*, а не совершеннымъ подъ вліяніемъ непреодолимыхъ силъ природы и несчастнаго стеченія обстоятельствъ. Съ другой стороны, бывали случаи, что артели удавалось напасть на громадную залежку [3]) моржей и перебить ее, причемъ артель не имѣла фактической возможности

---

[1]) Тамъ же, § 28.
[2]) Морской уставъ, § 29.
[3]) Стадо моржей спящихъ на берегу.

помѣстить все упромышленное на своемъ суднѣ и принуждена была оставить часть добычи на мѣстѣ.

Во всѣхъ этихъ и подобныхъ имъ случаяхъ приходилось, слѣдовательно, считаться съ ролью и значеніемъ въ нихъ двухъ элементовъ: *стихійнаго* и *сознательнаго*, волевого. Только при принятіи въ соображеніе ихъ можно было найти отвѣчающее справедливости разрѣшеніе задачи, какъ надлежало поступить судну, попавшему на такую, оставленную промышленниками, добычу. Съ такимъ именно разрѣшеніемъ указанной задачи мы и встрѣчаемся въ морскомъ уставѣ. „Ежели кто поколетъ залежку", говорится въ § 7-омъ: „и въ судно свое всего наколотаго звѣря не вмѣститъ, то при самыхъ тѣхъ промышленникахъ или по отбытіи ихъ, какъ на мѣстѣ, такъ и на водѣ, *плавухъ* [1]) обирать никому не возбраняется". Точно такъ же постороннимъ людямъ разрѣшается подбирать „плавухи", если ихъ уносило на версту слишкомъ отъ мѣста, гдѣ были поколоты звѣри [2]).

Такой взглядъ представляется вполнѣ понятнымъ, если принять въ соображеніе, что въ данномъ случаѣ промышленники по отношенію къ этому избытку добычи, котораго они физически не были въ состояніи захватить съ собою, не проявили ничѣмъ того особаго волевого импульса, которымъ выражается намѣреніе сохранить за собою преимущественное право на этотъ избытокъ добычи впредь до возвращенія своего за нимъ.

Что это обстоятельство играло существенную роль въ изложенныхъ постановленіяхъ морского устава,—легко усмотрѣть изъ § 9-го его, которымъ не дозволяется трогать чужого промысла въ томъ случаѣ, когда промышленники покололи моржей и поотрубили имъ головы, а ихъ самихъ, между тѣмъ, отбивало отъ мѣста бурею или льдомъ прежде, чѣмъ они успѣвали забрать добычу. Отрубивъ головы моржамъ, промышленники этимъ условнымъ знакомъ выражали свое желаніе сохранить добычу за собой, и послѣдующее оставленіе ими

---

[1]) Плавающія звѣриныя кожи.
[2]) Морской уставъ, § 8.

части добычи являлось уже *явно временнымъ*, не отдававшимъ, слѣдовательно, добычи въ руки другихъ людей, случайно наткнувшихся на нее. Этотъ мотивъ ясно выраженъ въ разсматриваемомъ §-ѣ, объясняющемъ, что запрещеніе трогать добычу въ данномъ случаѣ вызывается тѣмъ именно, что „всякъ, кто покололь звѣря, всегда на оное мѣсто прійти желаетъ".

Наконецъ, необходимо остановиться на §§ 19 и 20 морского устава, въ которыхъ даются указанія относительно вывоза „невольныхъ" людей съ Тиманскаго берега и съ Канина Носа. Въ разсмотрѣнныхъ выше постановленіяхъ морского устава рѣчь шла объ организаціи помощи „невольнымъ" людямъ, потерпѣвшимъ бѣдствіе въ морѣ или у острова или, наконецъ, такимъ, помощь которымъ могла быть оказана артелями, промышлявшими на судахъ. Но могло случиться, что промысловое судно осенью замерзало или разбивалось у материка. Въ такомъ случаѣ потерпѣвшимъ бѣдствіе надлежало вступить въ договорное соглашеніе съ встрѣчными самоѣдами или русскими оленьщиками, какъ относительно вывоза самихъ промышленниковъ, такъ и ихъ добычи, при чемъ плата за провозъ людей и промысловыхъ орудій должна была производиться промысловою добычею. Если же у „невольныхъ" людей не доставало провіанта, то оленьщикъ долженъ былъ кормить ихъ на счетъ ихъ хозяина [1]). Во всякомъ случаѣ даже тогда, когда на разбитомъ или—„заметномъ" суднѣ не было промысла, люди должны были вывозиться безъ задержки, согласно договору, однимъ изъ обязательныхъ пунктовъ котораго являлось то, что провозъ долженъ былъ совершаться на счетъ самихъ „невольныхъ" людей, а кормить ихъ долженъ былъ ихъ хозяинъ [2]). Въ дальнѣйшемъ своемъ содержаніи § 20 морского устава даетъ крайне любопытныя правила касательно отношенія спасенныхъ къ спасителямъ при подобныхъ обстоятельствахъ. Лицо, взявшееся доставить потерпѣвшихъ бѣдствіе къ какому-либо пункту съ

---

[1]) Морской уставъ, § 19.
[2]) Тамъ же, § 20.

мѣста бѣдствія, „невольные“ люди не должны были принуждать везти себя въ осеннюю распутицу, особенно, если не было крайней нужды въ пищѣ. Разсматриваемый § указываетъ затѣмъ, сколько груза можно было класть на одинъ возъ, сколько людей можно было сажать и съ какимъ количествомъ багажа. Плата за провозъ „невольныхъ“ людей также нормируется, а именно: за провозъ отъ Канина Носа, съ Тиманскаго берега до Мезени установлена повозная плата не свыше 1 рубля; если же приходилось везти ближе или дальше, то исчисленіе платы должно было быть сдѣлано сообразно вышеприведенной цѣнѣ. Въ томъ случаѣ, однако, когда „невольнымъ“ людямъ было извѣстно, что недалеко отъ мѣста ихъ бѣдствія, на материкѣ, должны были находиться олени ихъ собственнаго хозяина,—имъ не слѣдовало нанимать для вывоза промысла и промысловыхъ орудій постороннихъ оленьщиковъ; для вывоза же самихъ себя они могли нанять и въ этомъ случаѣ, кого хотѣли.

Изложенныя правила являлись вполнѣ естественнымъ и логическимъ послѣдствіемъ обстановки, въ которой происходило спасаніе „невольныхъ“ людей на материкѣ. Спасенные не находились со спасителями (самоѣдами и русскими оленьщиками) въ данномъ случаѣ въ тѣхъ тѣсныхъ товарищескихъ отношеніяхъ, какія порождала промысловая жизнь моржепромышленныхъ артелей. Отсюда вытекало, что эти отношенія должны были быть построены не на принципѣ взаимопомощи, а на чисто гражданско-правовомъ принципѣ необходимости вознагражденія за пользованіе чужими услугами. Спасенные какъ бы *нанимали* спасителей, откуда и проистекала та мелочная заботливость, которую проявляетъ морской уставъ въ регламентаціи отношеній между нанимателями и наймитами. Мы видѣли, что заботливость устава объ устраненіи при этомъ какихъ-либо недоразумѣній доходитъ до установленія извѣстной таксы за провозъ „невольныхъ“ людей. Каждая услуга самоѣдовъ и оленьщиковъ по вывозу людей, промысла и промысловыхъ орудій должна была быть вознаграждена, согласно заключенному договору. Единственнымъ слѣдомъ начала взаимопомощи, проникающаго собою другія поста-

новленія устава, является извѣстная обязательность для оленьщиковъ и самоѣдовъ вывоза людей, что видно изъ выраженій §§ 19 и 20 устава: „за своими прихотьми ихъ (промышленниковъ) не оставлять" и „людей вывозить безъ остановки". Установленіе такой обязательности вывоза людей было вполнѣ понятно въ видахъ предупрежденія возможности случаевъ отказа со стороны самоѣдовъ и оленьщиковъ отъ оказанія помощи потерпѣвшимъ кораблекрушеніе, что могло произойти вслѣдствіе отсутствія между ними и „невольными" людьми солидарности интересовъ, обусловленной однородностью отправленія промысла у моржепромышленниковъ. Чисто дѣловой характеръ разсматриваемой категоріи постановленій морского устава проявляется и въ томъ, что, съ выходомъ „невольныхъ" людей на материкъ, они должны были платить за провозъ каждый за себя, единственная же связь ихъ съ хозяиномъ выражалась въ обязанности послѣдняго кормить ихъ на свой счетъ.

V.

Для полноты характеристики котляно-артельнаго строя жизни необходимо остановиться еще на тѣхъ его особенностяхъ, которыя свидѣтельствуютъ о высокомъ уровнѣ развитія правосознанія у этихъ грубыхъ по внѣшней оболочкѣ моржепромышленниковъ.

Своеобразный міръ, затерянный въ суровыхъ пустыняхъ сѣвера, раскрывается передъ нами, напоминая скорѣе сказку, чѣмъ дѣйствительность, идилличностью своихъ отношеній. Стройная организація моржепромышленниковъ, сочетаясь съ тяжелыми условіями промысловой жизни, не замедлила отразиться на всемъ ихъ міросозерцаніи, на всемъ нравственномъ и бытовомъ укладѣ ихъ жизни. По вѣрному замѣчанію г-жи Ефименко [1], эта организація замѣчательно подняла нравственный уровень новоземельскихъ моржепромышленниковъ, главнымъ образомъ, благодаря тому, что она ставила посто-

---

[1]) А. Ефименко, op. cit., стр. 29.

янно на первый планъ общій интересъ, заставляя подчинять этому общему интересу свой личный и частный, заставляя подчинять не физическимъ давленіемъ, а исключительно тѣмъ, что представляла эти интересы въ слишкомъ очевидной для всѣхъ и каждаго взаимной связи. Строгая честность сдѣлалась свойствомъ не только дѣловыхъ ихъ отношеній, но и всѣхъ прочихъ, не только въ сношеніяхъ между собою, но и въ сношеніяхъ съ посторонними людьми. По словамъ академика Бэра, на Новой Землѣ никто одинъ другого не обманывалъ, но каждый поступалъ честно, такъ какъ лицо, не только съ дурной репутаціей, но и просто не извѣстное за честное, не было въ состояніи составить артели и не могло быть принято въ нее. Бэръ никогда не слыхалъ, чтобы въ похвалу кого-либо на Новой Землѣ называли добрымъ, какъ это часто бываетъ въ Россіи, но всегда—честнымъ. Его удивила въ этой странѣ всеобщая безопасность и неприкосновенность собственности, при совершенномъ отсутствіи полиціи и правителей.

Избы тамъ не имѣли замковъ, но изъ такой избы никогда и ничего не пропадало. Бэръ [1]) самъ видѣлъ избу, обитатели которой всѣ померли отъ цынги. Всѣмъ это было извѣстно, и многіе промышленники входили въ избу, а, между тѣмъ, вещи лежали въ ней въ томъ же порядкѣ, какъ ихъ оставили хозяева. „Вещи эти состояли въ мѣхахъ, которые въ тѣхъ странахъ равноцѣнны деньгамъ, сверхъ того тамъ былъ сундукъ съ мелкими вещами и вмѣсто замка съ надписью: „этотъ сундукъ принадлежитъ работнику Нестору". Въ концѣ лѣта отправились бывшіе тамъ промышленники въ избу, чтобы вмѣстѣ пересчитать все, что въ ней осталось, и доставить наслѣдникамъ".

Сила обычая, препятствующая красть, простиралась тамъ, однако, еще дальше. Если, напр., убитаго звѣря, по отдаленности отъ избы, неудобно было тотчасъ перенести туда, то промышленникъ втыкалъ возлѣ него

[1]) П. Ефименко „Сборникъ народныхъ юридическихъ обычаевъ", Арх. 1869 г., стр. 75—76.

палку, и это служило доказательствомъ того, что звѣрь кому-то принадлежитъ, что онъ оставленъ съ умысломъ и потому неприкосновененъ. „Какъ-то на берегахъ Лапландіи, разсказываетъ Бэръ, я нашелъ лодку съ сѣтями и разными рыболовными орудіями и возлѣ наклонно-воткнутое весло. Я хотѣлъ было опереться на него, какъ вдругъ нѣсколько промышленниковъ бросились ко мнѣ и просили не трогать весла, потому что это грѣхъ. Только впослѣдствіи объяснили мнѣ эти слова и увѣряли, что, если бы я оставилъ на Новой Землѣ часы, воткнувъ возлѣ нихъ палку, то ихъ, конечно, никто бы не тронулъ". Вотъ еще яркій примѣръ честнаго отношенія новоземельскихъ промышленниковъ къ посторонпнимъ лицамъ, приводимый Бэромъ. За три года до пріѣзда этого ученаго, промышленникъ Еремин ъ сопровождалъ казеннаго штурмана Пахтусова въ плаваніи далеко на сѣверъ отъ Новой Земли. Во время тумана нѣсколько большихъ льдинъ раздѣлило ихъ. Когда туманъ разсѣялся, Ереминъ сталъ сильно безпокоиться, не видя болѣе судна Пахтусова, и, хотя онъ не былъ связанъ съ штурманомъ никакимъ условіемъ, онъ пустился все же на поиски за нимъ и въ концѣ концовъ нашелъ его на небольшомъ островѣ. Судно Пахтусова было расколочено льдами; люди спаслись на льдинѣ и могли взять съ собою только небольшое количество съѣстныхъ припасовъ и небольшую лодку. Льдина пристала къ острову, по до Новой Земли они не могли добраться. Ереминъ съ радостью принялъ ихъ къ себѣ и подѣлился съ ними своими съѣстными припасами. Желая воспользоваться остаткомъ лѣта для своихъ занятій, Пахтусовъ просилъ Еремина уступить ему его судно со всѣмъ экипажемъ за 2000 руб. ассигнаціями. Ереминъ согласился на это предложеніе, и въ началѣ зимы Пахтусовъ возвратился въ Архангельскъ, гдѣ и умеръ. Тогда Ереминъ обратился къ начальству съ просьбою о выдачѣ ему 2000 руб. ассигнаціями, о которыхъ онъ условливался съ Пахтусовымъ. Когда его спросили, было ли имъ заключено съ Пахтусовымъ письменное условіе, онъ съ гордостью отвѣтилъ, что не подумалъ объ этомъ, когда, найдя Пахтусова на пустынномъ островѣ, принялъ его къ себѣ со

всѣми людьми, кормилъ ихъ, служилъ имъ и лишился добычи отъ цѣлаго лѣтняго промысла, но что, впрочемъ, многіе изъ нихъ живы и находятся въ Архангельскѣ и Петербургѣ.

Еремину отказали на законномъ основаніи, объяснивъ, что претензіи къ казнѣ должны быть подтверждаемы безспорными доказательствами.... Впослѣдствіи, однако, начальству указали, что „казенные“ люди могутъ погибать прежде, чѣмъ промышленники на Новой Землѣ выучатъ законы, и что тамошніе обычаи не позволяютъ имъ лгать. Тогда сдѣлано было распоряженіе о выдачѣ Еремину денегъ, но не въ видѣ должнаго, а какъ награду. Поэтому изъ упомянутой суммы въ 2000 рублей произведенъ былъ вычетъ въ 10% въ пользу инвалидовъ, а Ереминъ получилъ только 1800 рублей. Хотя Ереминъ и понималъ, что долгъ къ ближнему могъ обязать его къ пожертвованію цѣлымъ лѣтнимъ промысломъ, однако онъ никакъ не могъ понять, за что онъ и другіе промышленники должны еще пожертвовать и эти 200 рублей, по праву принадлежащіе имъ [1]).

Столь же строго соблюдали новоземельскіе моржепромышленники и правило о томъ, что все, добытое отдѣльнымъ членомъ, должно составить общую артельную собственность. Когда, напр., Бэръ обѣщалъ на Новой Землѣ 15-тилѣтнему сыну хозяина, состоявшему въ артели, 1 рубль за первую пойманную мышь, 50 коп. за вторую и по рублю мѣдью за слѣдующихъ, и мальчикъ, принеся первую мышь, получилъ условленную плату, то онъ въ тотъ же вечеръ разсказалъ отцу о полученномъ рублѣ. „Этотъ рубль принадлежитъ артели“, сказалъ отецъ: „и долженъ быть раздѣленъ такъ же, какъ и тѣ, которые ты еще получишь“. Впослѣдствіи онъ считалъ въ Архангельскѣ, въ числѣ добычи отъ промысла, и пойманныхъ мышей. Среди промышленниковъ соблюдалось также еще и обязательство, состоявшее въ томъ, что кто найдетъ умершаго, тотъ непремѣнно обязывается похоронить его, хотя бы, благодаря этому, онъ потерялъ время, благопріятное для промысла, что представляется весьма характер-

[1]) Тамъ же, стр. 176—177.

нымъ, ибо такого времени на Новой Землѣ было вообще крайне мало.

Эти нравственные принципы, проникавшіе собою простую жизнь сѣверныхъ моржепромышленниковъ, составляютъ несомнѣнно интересную иллюстрацію того вліянія, которое оказываетъ житейская обстановка людей на ихъ душевное настроеніе. Нетрудно было бы подробно доказать, что указанные принципы прямо импонировались промышленникамъ условіями отправленія ими своего опаснаго промысла, и что ими въ значительной мѣрѣ обезпечивалась даже самая возможность успѣшнаго отправленія его. Къ сожалѣнію, выполненіе этой этико-соціальной проблемы отвлекло бы меня отъ прямой цѣли моего очерка. Тѣмъ не менѣе нельзя не отмѣтить того факта, что самый упадокъ котляно-артельнаго строя промысловой жизни на крайнемъ сѣверѣ, наблюдаемый со второй половины XIX столѣтія, свидѣтельствуетъ о роковомъ вліяніи, которое оказало на эту идиллическую жизнь измѣненіе экономическихъ условій рынка, работниками на который являлись моржепромышленники. Этотъ упадокъ не разъ обращалъ на себя вниманіе печати [1]), а въ послѣднее время изученіемъ вопроса о причинахъ его занялось и русское правительство, для чего образована спеціальная коммисія.

Однимъ изъ главныхъ симптомовъ упадка артельной организаціи промысловъ на сѣверѣ надо считать все болѣе и болѣе обнаруживающуюся сбивчивость въ употребленіи терминовъ изъ обихода артельной жизни. Раньше, когда промыслы находились въ цвѣтущемъ состояніи и когда держалась ихъ стройная и правильная организація, эти термины имѣли точно опредѣленное содержаніе. Не то стало наблюдаться со второй половины XIX столѣтія. Въ новѣйшее время, напр., *плотной* котляной начали называть и временную артель изъ отдѣльныхъ партій, въ которой старшіе составляютъ общій планъ промысла и договариваются о томъ, сколько людей должна послать на промыселъ каждая артель; *плот-*

---

[1]) См. о немъ у А. Ефименко, op. cit. въ «Сборн. матер. объ арт.» Вып. I, С.-П.-Б. 1873 г., особенно стр. 33—35.

ною же котляной стали называть и составленную наскоро, для одного раза, большую артель изъ отдѣльныхъ артелей, соотвѣтствующую прежней „*смашной*" артели, а также и соединеніе нѣсколькихъ хозяевъ-пайщиковъ для составленія новоземельской артели.

Другимъ, еще болѣе нагляднымъ, симптомомъ упадка новоземельскаго моржеваго промысла является постоянное уменьшеніе размѣровъ его изъ года въ годъ. По даннымъ, приводимымъ г-жею Ефименко, еще въ 30-хъ годахъ XIX вѣка на Новую Землю ходило больше сотни судовъ, а въ 1867 году ихъ было только 14, въ числѣ которыхъ 11 изъ Кемскаго уѣзда; въ 1872-мъ же году этотъ уѣздъ выслалъ уже только 5 судовъ. Если принять предлагаемую г-жею Ефименко среднюю цифру добычи, приходящейся на судно, въ 1500 рублей, то ничтожность промысла станетъ еще явственнѣе.

Въ Кемскомъ уѣздѣ, въ указанное время, новоземельскій промыселъ занималъ послѣднее мѣсто между статьями хозяйства, а въ Мезенскомъ поморьѣ вовсе перестали плавать на новую землю, занимаясь ловлею моржей южнѣе, около Югорскаго Шара и небольшихъ островов—Матвѣева и Долгаго. Главною причиною упадка г-жа Ефименко считаетъ *недостатокъ капиталовъ*. „Затраты на этотъ промыселъ", говоритъ она: „требуются болѣе значительныя, чѣмъ на какой-либо другой; скудные же мѣстные капиталы боятся обращаться на это занятіе, какъ очень рискованное, шансовъ неудачи на этомъ промыслѣ больше, чѣмъ на другомъ, хотя и шансы выигрыша, въ случаѣ удачи, гораздо значительнѣе". Предлагаемыя для подъема моржевыхъ промысловъ мѣры сводятся къ составленію изъ всѣхъ промышленниковъ, снаряжающихъ суда, одной большой „артели", съ общимъ капиталомъ и раздѣломъ добычи, къ открытію для нихъ доступнаго кредита, къ устройству большой коммерческой компаніи съ крупнымъ капиталомъ и т. д.

Не вдаваясь въ оцѣнку этихъ и другихъ предлагаемыхъ мѣропріятій, важно подчеркнуть лишь тотъ фактъ, что котляно-артельный строй, завершивъ извѣстный циклъ своего развитія на сѣверѣ, сталъ разлагаться. Разложеніе, однако,

въ природѣ всегда сопровождается жизненными процессами или, вѣрнѣе, порождаетъ ихъ. То же бываетъ и съ соціальными явленіями. Вотъ почему было бы ошибочно думать, что опытъ котлянъ пропалъ для промышленниковъ безслѣдно. Напрасны были бы также и сожалѣнія о гибели этой почти сказочной, по стройности и законченности, организаціи промысловыхъ отношеній. Котляны стали вымирать по тѣмъ же причинамъ, по которымъ претерпѣла на сѣверѣ столь существенныя, какъ мы видѣли, перемѣны исконно-русская народная артель. Измѣнившіяся экономическія и общественныя условія жизни въ Россіи неминуемо должны были отразиться, какъ на сѣверныхъ промыслахъ, такъ и на людяхъ, занимавшихся ими. Котляны, въ ихъ первоначальной формѣ, перестали удовлетворять предъявляемымъ къ нимъ новымъ запросамъ, и на развалинахъ этихъ сѣверныхъ трестовъ стали возникать новыя формы товарищественной и индивидуальной промысловой дѣятельности, едва еще намѣчаемыя дѣйствительностью. . .

Роль котлянъ была закончена, и ликвидація этой роли приводитъ къ любопытнымъ выводамъ, имѣющимъ, думается мнѣ, нѣкоторое значеніе для исторіи товарищественныхъ союзовъ въ Россіи.

VI.

Обзоръ главнѣйшихъ обычно-правовыхъ особенностей котляно-артельной организаціи сѣверныхъ моржепромышленниковъ позволяетъ мнѣ вернуться къ развитію основной мысли моего очерка.

Въ правовыхъ явленіяхъ народной жизни можно видѣть или стихійную случайность или извѣстную закономѣрность.

Первая точка зрѣнія исключаетъ возможность установленія какихъ-либо законовъ культурно-правового роста народовъ. Случайное не поддается классификаціи, обобщенію: это всегда нѣчто до крайности измѣнчивое, индивидуальное, а потому здѣсь возможны лишь объясненія ad hoc. Только вторая точка зрѣнія даетъ возможность осмыслить историческій процессъ,

такъ какъ при ней общественно-правовыя явленія связываются закономъ причинности въ стройную цѣпь, въ которой каждое послѣдующее звѣно находитъ себѣ необходимое объясненіе въ предыдущемъ.

Разсмотрѣніе артельнаго вопроса съ этой точки зрѣнія можетъ, думается мнѣ, раскрыть новыя перспективы для научнаго изслѣдованія, такъ какъ, не смотря на богатства описательнаго матеріала по данному вопросу, идейная сторона его все еще недостаточно изучена. Въ частности, это особенно относится къ исторической эволюціи артели, къ несомнѣнно существующей преемственной связи между нею и современными формами товарищественныхъ организацій. Существованіе этой связи можетъ и должно быть подтверждено научнымъ изслѣдованіемъ.

На сѣверѣ Россіи, на промыслахъ, гдѣ людямъ приходилось сталкиваться съ величайшими опасностями, закалявшими ихъ волю и энергію, начался въ первые процессъ постепеннаго претворенія народной артели въ болѣе цѣлесообразныя формы союзовъ путемъ освобожденія ея отъ элементовъ патріархальности, процессъ *демократизаціи* народной артели, какъ я позволю себѣ его назвать. Важнымъ представляется не то, насколько такое освобожденіе уже совершилось, а то, что оно началось.

Промысловыя богатства сѣвернаго взморья привлекали къ себѣ толпы ищущихъ средствъ для существованія людей. Эти люди принесли туда родственную имъ, наивную въ своей патріархальной простотѣ, форму общенія въ видѣ народной артели. Вскорѣ, однако, имъ пришлось довольно осязательно почувствовать всѣ недостатки такихъ союзовъ. Суровый сѣверъ оказался хорошей соціальной и юридической школой для этихъ искателей счастья, и вотъ въ нихъ просыпается съ невѣдомою имъ дотолѣ силой чувство солидарности интересовъ, сознаніе необходимости болѣе мощныхъ организацій, способныхъ оказать существенную поддержку отдѣльнымъ личностямъ въ борьбѣ съ безжалостными къ человѣческимъ немощамъ условіями мѣстныхъ природы и промысла. Въ самомъ дѣлѣ, предоставленныя каждая себѣ артели здѣсь

быстро истощали свои рессурсы или даже погибали, если не отъ стихійныхъ причинъ, то отъ взаимной конкуренціи. Такимъ-то образомъ произошло сплоченіе отдѣльныхъ артелей въ новыя соціальныя образованія—*котляны*.

За артельную форму сѣверные промышленники еще держались. Эта форма была имъ дорога по традиціямъ, освященнымъ временемъ и обычаемъ. Однако, устремившись, подобно потокамъ, въ болѣе широкое русло котлянъ, артели не только не запечатлѣли въ этихъ новыхъ образованіяхъ многихъ своихъ существенныхъ чертъ, но и должны были естественно претерпѣть нѣкоторое внутреннее видоизмѣненіе. Правда, единственное указаніе въ источникахъ на такое внутреннее измѣненіе мы находимъ касательно взаимоотношенія кормщика и хозяина въ каждой отдѣльной артели. Трудно, однако, допустить, чтобы промышленники, создавъ подъ прямымъ вліяніемъ сѣверныхъ бытовыхъ условій болѣе совершенные и мощные союзы, не внесли нѣкоторыхъ особенностей новаго союзнаго строя въ свои излюбленныя артели.

Не стоимъ ли мы здѣсь передъ разгадкой любопытнаго явленія, состоящаго въ томъ, что самыя разнородныя организаціи объединяются въ народномъ представленіи понятіемъ „*артель*“. Обратите вниманіе на то, что для соціальнаго образованія, именуемаго „артелью“, не только нѣтъ опредѣленнаго, повсемѣстно распространеннаго названія, но часто нѣтъ вообще никакого названія. Выраженія же, встрѣчающіяся мѣстами въ старинныхъ актахъ, какъ, напр.: „артель“, „дружина“, „ватага“, „братчина“, „ромша“, „бурса“, „складчина“ и т. д. далеко не равноцѣнны для рѣшенія вопроса о наличности въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ артели.

Заслуга новѣйшихъ изслѣдователей артели и, главнымъ образомъ, Георга Штера заключается въ раскрытіи понятія первобытной народной артели и въ установленіи связи ея съ патріархальной семьей. Однако Штеръ, не безъ основанія упрекая проф. Исаева въ неточной группировкѣ артелей, приводящей къ смѣшенію союзовъ, различныхъ по существу, впадаетъ въ свою очередь въ немаловажную ошибку, воздви-

гая китайскую стѣну между чистой формой народной артели и болѣе совершенными по строенію кооперативными и др. союзами. Между тѣмъ эту стѣну можно уничтожить, не разрушая въ то же время теоріи происхожденія артели на почвѣ патріархально-семейнаго строя жизни. Достаточно лишь признать способность артельныхъ формъ къ эволюціи, т. е. къ постепенному претворенію ихъ въ современные товарищескіе союзы, для чего, какъ указано въ предыдущихъ главахъ настоящаго очерка, есть вѣскія основанія. Дѣло изслѣдователя установить этапы того пути, которымъ шло упомянутое развитіе.

Однимъ изъ такихъ этаповъ слѣдуетъ признать сѣверно-русскія котляны, въ которыхъ участники пріучились цѣнить противоположные артели демократическіе принципы. Возвращаясь на родину, эти люди, убѣдившись путемъ личнаго опыта въ выгодѣ созданнаго въ котлянахъ порядка, естественно стремились привить этотъ порядокъ вновь основываемымъ союзнымъ организаціямъ.

Этими же соображеніями разрѣшается и такъ много нашумѣвшій въ литературѣ вопросъ о вымираніи артелей. Хотя и представляется не подлежащимъ ни малѣйшему сомнѣнію, что артель, какъ носительница патріархальныхъ принциповъ, какъ семьеобразное общежитіе, будетъ играть все болѣе и болѣе ограниченную роль въ народномъ обычно-правовомъ укладѣ жизни, такъ какъ ея существованіе тѣсно связано съ наличностью наклонности къ патріархальнымъ формамъ общенія въ народной средѣ, но артель, способная къ дальнѣйшему развитію, артель—союзъ, приспособляющійся къ новымъ требованіямъ народной жизни, не умретъ, пока въ людяхъ вообще существуетъ влеченіе ко всевозможнымъ видамъ союзнической дѣятельности.

Въ дѣйствительности мы и видимъ, что подъ флагомъ „*артели*“ по Россіи раскинулась широкая сѣть всевозможныхъ товарищественныхъ организацій. Юристъ отмѣчаетъ ихъ особенности, разбираетъ ихъ структуру, а историкъ и экономистъ—ту роль, которую они играли и играютъ въ жизни народа. Рядомъ же съ этою пытливою работой научной мысли,

въ народныхъ слояхъ неустанно бьетъ живительный ключъ могучей правотворческой дѣятельности, которая не умѣщается въ окостенѣвшихъ рамкахъ писаннаго закона и неудержимо стремится на встрѣчу новымъ задачамъ и вѣяніямъ. Такимъ источникомъ, какъ обычное право, непростительно было бы пренебрегать.

Въ заключеніе позволю себѣ устранить одно крупное недоразумѣніе, въ которое, къ сожалѣнію, впадаетъ и такой талантливый ученый, какъ Георгъ Штеръ. Увлекаясь дѣйствительно широкими перспективами, раскрываемыми для научнаго изслѣдованія теоріею тѣсной связи между патріархальной семьей и артелью, Штеръ попутно бросаетъ русскому народу упрекъ въ недостаткѣ воли и дѣятельной силы. Подтвержденіе основательности такого упрека онъ усматриваетъ во влеченіи нашего народа къ артели—носительницѣ патріархальныхъ принциповъ, въ которой всѣ члены охотно поступаются своею индивидуальностью, ввѣряя свою судьбу и свои интересы признанному большаку артели. Я думаю, что изложенныя на предыдущихъ страницахъ данныя и самый предметъ настоящаго очерка даютъ уже возможность, сами по себѣ, судить о степени заслуженности этого упрека. Быть можетъ, всего удивительнѣе то, что Штеръ, касаясь тѣхъ же явленій, о которыхъ говорилось въ очеркѣ, совершенно обошелъ молчаніемъ ихъ значеніе въ духовной жизни русскаго народа. Но упрека Штера русскіе не могутъ принять и по другимъ, болѣе важнымъ, основаніямъ. Наше историческое и политическое прошлое не такъ уже безцвѣтно, и въ событіяхъ этого прошлаго русскій народъ не разъ принималъ непосредственное и рѣшающеее участіе. Стоитъ вспомнить хотя бы о Новгородѣ и Псковѣ, съ ихъ обширными владѣніями, съ ихъ развитою, кипучею, торговою и политическою жизнью, многочисленныя народныя движенія, борьбу съ внѣшними и внутренними врагами, чтобы съ увѣренностью сказать, что на исторической аренѣ русскій народъ еще не сказалъ своего послѣдняго слова. Поэтому, общаясь съ европейскою культурою, не будемъ гнушаться своего народа, его міросозерцанія. Сдѣлаемъ обычно-правовой укладъ его жизни

предметомъ вдумчиваго изученія. На смѣну намъ придутъ новые, болѣе многочисленные работники, которые примутъ наше научное наслѣдство, обогатятъ его новыми методами изслѣдованія и идеями и положатъ, быть можетъ, эти совмѣстные труды въ основаніе своихъ будущихъ реформъ. Время это настанетъ, и каждая лепта въ сокровищницу научной мысли приближаетъ насъ къ нему, каждый порывъ къ народу найдетъ, сквозь переживаемые русскимъ мыслящимъ обществомъ тревожные дни, справедливую оцѣнку себѣ на вѣсахъ безпристрастной исторіи.

Вл. Акимовъ.

ТЕОРІЯ ПРАВОВАГО ГОСУДАРСТВА.

(Продолженіе).

IV.

Правовымъ государствомъ мы называемъ государство, которое въ своей дѣятельности, въ осуществленіи правительственныхъ и судебныхъ функцій, связано и ограничено правомъ, стоитъ подъ правомъ, а не внѣ и надъ нимъ.

Современное государство осуществляетъ двоякаго рода функцію. Съ одной стороны, государство *законодательствуетъ*; государственная власть является *творцомъ* положительнаго права. Съ другой стороны, то же государство *управляетъ*; оно дѣйствуетъ, осуществляя свои интересы, въ предѣлахъ имъ-же самимъ создаваемаго права.

Законодательствуя, государство свободно; оно не связано положительнымъ—обычнымъ и законодательнымъ—правомъ. Нѣтъ вѣчныхъ обычаевъ и законовъ. Положительное право не ставитъ никакихъ границъ законодательному творчеству государства. Конституція опредѣляетъ организацію государственной власти,—процессъ правотворчества, но не его содержаніе. Если въ конституціонномъ государствѣ король, безъ участія парламента, издаетъ законъ, этотъ законъ будетъ недѣйствительнымъ, но не потому, что конституція ограничиваетъ законодателя, а потому, что король безъ парламента, по конституціи, не законодатель. Изданіе нѣкоторыхъ законовъ, напр., учредительныхъ, или основныхъ, ставится конститу-

ціоннымъ правомъ въ особыя условія; изданный безъ соблюденія этихъ условій законъ будетъ недѣйствительнымъ,— но онъ будетъ таковымъ только потому, что онъ не будетъ закономъ. По самому существу своему, законодательная власть не можетъ быть ограничена закономъ [1]).

Наоборотъ, то же государство, въ лицѣ своей правительственной власти,—правящее, а не законодательствующее государство—ограничено дѣйствующимъ положительнымъ правомъ. Издавая законъ, государство связываетъ и обязываетъ имъ не только подчиненныхъ ему индивидовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ,—посредственно или непосредственно—и само себя. Законъ возлагаетъ на правительственную власть опредѣленныя обязанности и предоставляетъ ей опредѣленныя права,— и, такимъ образомъ, государство въ лицѣ правительственной власти, является *правовымъ субъектомъ*,—субъектомъ публичныхъ (и, разумѣется, гражданскихъ) обязанностей и правъ.

Два одинаково безспорныхъ положенія: „государство творитъ право“ и „государство является правовымъ субъектомъ“ находятся, повидимому, въ непримиримомъ противорѣчіи другъ съ другомъ.

Какъ разрѣшается это противорѣчіе? Какимъ образомъ государство можетъ быть подчинено имъ-же самимъ создаваемому праву? Какимъ образомъ правотворящее государство можетъ быть въ то же время государствомъ правовымъ?

Отвергая теорію обособленія властей, германская доктрина не въ состояніи дать на этотъ вопросъ никакого отвѣта.

Единственная попытка юридической конструкціи правоваго государства въ германской литературѣ, — это теорія „самообязыванія“ государственной власти, предложенная извѣстнымъ Гейдельбергскимъ профессоромъ Еллинекомъ. По мнѣнію Еллинека, основа правоваго государства имѣетъ метаюридическій характеръ; такой основой является этическая связанность государства его собственнымъ правомъ. Конечное основаніе всякаго права заключается въ неподдающемся даль-

---

[1]) O. Mayer. Deutsches Verwaltungsrecht I, стр. 87. «Gesetz wird nicht vom Gesetze gebunden, das ist selbsverständlich»...

нѣйшему обоснованію убѣжденіи въ томъ, что оно есть право дѣйствующее, что оно имѣетъ нормативную силу, дѣлающую его стимуломъ поведенія. Государство самоограничивается правомъ потому, что, по господствующимъ въ настоящее время воззрѣніямъ, абстрактныя волеизъявленія государства связываютъ собственную его волю. Несмотря на наличныя убѣжденія въ самой широкой свободѣ законодательства, самому законодателю въ настоящее время чуждо теоретическое представленіе объ абсолютно-несвязанной законодательной власти [1].

Нельзя, конечно, не согласиться съ Еллинекомъ въ томъ, что государство „связано" правомъ и только потому является въ своихъ отношеніяхъ къ индивидамъ и другимъ государствамъ правовымъ субъектомъ. Поскольку государство творитъ право, оно связываетъ, слѣдовательно, своимъ правомъ само себя. Но, съ другой стороны, въ отличіе отъ Еллинека, необходимо признать, что этой связанности подлежитъ не государство вообще, а только дѣйствующее, управляющее государство,—государство, поскольку оно, *въ предѣлахъ права*, свободно осуществляетъ свои интересы. Правовымъ субъектомъ государство является въ лицѣ своей *подзаконной*, правительственной и судебной власти. Наоборотъ, совершенно неубѣдительны попытки Еллинека доказать, что *положительное* право,—и, въ частности, законъ—связываетъ и обязываетъ самого законодателя [2].

Но если, такимъ образомъ, существо правоваго государства заключается, именно, въ подчиненности праву, въ подзаконности правительственной и судебной власти, то, очевидно, обособленіе властей является необходимымъ предположеніемъ правоваго государства. Только благодаря такому обособленію правительственная и судебная власть подчинены законода-

---

[1]) Г. Еллинекъ Право современнаго государства (русск. перев.) I стр. 238 и сл. См. *его-же*, Die rechtliche Natur der Staatenverträge стр. 14 и сл.; Lehre von den Staatenverbindungen стр. 30 и сл.; Gesetz und Verordnung стр. 198 и сл.; System der subjectiven öffentlichen Rechte стр. 184 и сл.

[2]) Срв. Otto Mayer, Deutsches Verwaltungsrecht I стр. 86 и сл.; Tezner въ Grünhut's Zeitschrift für privat und öffentliches Recht Bd. 21 (1894 г.) стр. 162 и сл.

тельной; только благодаря ему, государство, въ лицѣ подзаконныхъ властей, является правовымъ субъектомъ, лицомъ публичнаго права.

Въ германской литературѣ уже Тонъ съ полной опредѣленностью указываетъ на обособленіе властей, какъ на необходимое условіе подзаконности правительственной власти [1]). Въ послѣднее время съ такимъ же указаніемъ мы встрѣчаемся у цѣлаго ряда германскихъ публицистовъ. Такъ, напримѣръ, по словамъ Отта Майера, къ существу правоваго государства относится установленіе различія между законодательной и правительственной властью,—то, такъ часто ошибочно понимаемое, обособленіе властей (Trennung der Gewalten), которое германскія государства ввели у себя по французскому образцу и, до сихъ поръ, не смотря на всѣ предостереженія (aller Verwahrungen ungeachtet), фактически сохранили въ дѣйствіи [2]). Признавая, что государство обязывается государствомъ, говоритъ Тецнеръ, мы тѣмъ самымъ различаемъ государство, какъ законодатели, отъ государства, какъ субъекта правительственной власти. Въ распредѣленіи законодательства и управленіи между различными органами идея объ управляющемъ государствѣ, связанномъ государствомъ, какъ законодателемъ, получаетъ свое, такъ сказать, видимое выраженіе [3]). Органическое отдѣленіе управленія отъ законодательства является, по словамъ Сарвея, исходнымъ моментомъ правоваго государства [4]).

---

[1]) Thon, Rechtsnorm und subjectives Recht, стр. 141 и сл.

[2]) Otto Mayer, Deutsches Verwaltungsrecht I, 67; см. также критику теоріи самообязыванія Еллинека, стр. 86 и сл. Его же Theorie des französichen Verwaltungsrecht стр. 1 и сл.

[3]) Tezner, l. c. стр. 163 и сл.

[4]) Sarwey, Allgemeines Verwaltungsrecht стр. 20 и сл.; см., въ особенности, стр. 31 и 33. Въ томъ же смыслѣ и съ такою же опредѣленностью Richard Schmidt, Allgemeine Staatslehre, стр. 209 и сл.; Rosin, Das Polizeiverordnungsrecht in Preussen, стр. 3; изъ болѣе раннихъ Hermann Schulze Preussisches Staatsrecht, II, стр. 206.

V.

Правовымъ государствомъ является государство, осуществившее въ своей организаціи начало обособленія властей. Осуществленіе этого начала возможно не иначе, какъ въ условіяхъ представительной формы правленія. Правовое и конституціонное государство—синонимы; отожествленіе понятій правового и конституціоннаго государства является общимъ мѣстомъ современной германской доктрины государственнаго права [1].

Господство законодательной власти въ конституціонномъ государствѣ обусловлено, прежде всего, представительнымъ характеромъ ея организаціи. Парламентъ въ конституціонномъ государствѣ всегда и необходимо разсматривается—съ большимъ или меньшимъ основаніемъ, въ зависимости отъ природы дѣйствующаго избирательнаго права—какъ непосредственный выразитель народной воли. Законъ—общая воля (volonté générale)—господствуетъ надъ частными волеизъявленіями отдѣльныхъ органовъ государственной власти. Законъ и правительственное распоряженіе—по самому своему происхожденію—несоизмѣримыя величины; различіе ихъ источниковъ обусловливаетъ различную степень ихъ значенія и силы. Для того, чтобы законодательная власть стояла выше всѣхъ другихъ властей государства, необходимо, чтобы органъ законодательной власти, по своему происхожденію и составу, стоялъ внѣ бюрократическаго механизма управленія и надъ нимъ. Въ представительномъ государствѣ бюрократія служитъ народу, а не народъ бюрократіи.

Самое понятіе закона, какъ *высшей нормы* по сравне-

[1]) Mohl. Geschichte und Litteratur I стр. 227 и сл. Otto Mayer, l. c. стр. 38 и сл.; стр. 53 и сл. Sarwey, l. c. стр. 17; Gneist, Rechtsstaat стр. 161; Schulze, Das Preussische Staatsrecht I стр. 358 и сл., и др. Менѣе категорично, но, по существу, въ томъ смыслѣ высказывается Richard Schmidt стр. 214: „Der absolute Staat ist der unausgebildete Rechtsstaat, der Verfassungsstaat tritt ihm in Hinblick auf die Rechtsherrschaft als ausgebildeter Rechtsstaat gegenüber. Срв. также Rosin l. c. стр. 3; „Erst im Verfassungstaate kann daher der Rechtsstaat zur vollkommenen Realität gelangen“.

нію со всѣми другими нормами,—другими, хотя бы и столь же общими, волеизъявленіями государственной власти—возникаетъ впервые въ конституціонномъ государствѣ.

Какъ уже указано выше, публицистикѣ стараго режима извѣстно одно только матеріальное понятіе закона. Подъ закономъ понимается ею только *общая норма*, исходящая отъ верховной власти; наоборотъ, конкретное велѣніе, исходящее отъ той же власти, не признается закономъ и, въ противоположность закону, называется декретомъ, ордоннансомъ, патентомъ, Verordnung и т. д. Само собою разумѣется, что такое матеріальное понятіе закона является юридически безсодержательнымъ, ибо въ абсолютной монархіи законы и королевскія распоряженія, по своему юридическому значенію и юридической силѣ, ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга.

Только законъ, въ формальномъ смыслѣ, какъ актъ законодательной власти, юридически отличенъ отъ распоряженія, какъ правительственнаго акта; и это различіе заключается, именно, въ томъ, что законъ является высшею нормой по сравненію съ правительственнымъ распоряженіемъ. Между тѣмъ, понятіе закона, въ формальномъ смыслѣ слова, какъ нормы, установленной законодательнымъ собраніемъ и санкціонированной королемъ, возникаетъ впервые въ конституціонной монархіи.

Во Франціи это понятіе въ самомъ началѣ революціи создается закономъ 12 октября—6 ноября 1789 г., ибо впервые въ этомъ законѣ категорически постановлено: „Декреты національнаго собранія, санкціонированные королемъ, будутъ носить наименованіе и обозначеніе законовъ“ (Art. 7). Съ этого времени многочисленныя французскія конституціи и вслѣдъ за ними французская доктрина всецѣло усваиваютъ формальное понятіе закона. Закономъ называется *всякое* волеизъявленіе парламента, независимо отъ того, является ли оно общей нормой, или конкретнымъ распоряженіемъ. Понятіе закона опредѣляется не характеромъ его содержанія, а степенью его юридической силы. Законъ есть *высшая* норма,—и только.

Изъ Франціи формальное понятіе закона въ 40-хъ годахъ

реципируется германскими конституціями и, еще раньше, германской доктриной (Моль, Вехтеръ, Цёпфль, Цахаріе и др.) [1]).

Въ настоящее время формальное понятіе закона является господствующимъ въ конституціонной доктринѣ. Законъ— волеизъявленіе высшей законодательной власти; волеизъявленія правительственной власти,—напр., правительственныя распоряженія „хотя бы въ кабинетѣ"—юридически дѣйствительны лишь въ мѣру ихъ соотвѣтствія закону. Въ формальномъ понятіи закона мы находимъ, такимъ образомъ, наиболѣе яркое выраженіе идеи господства законодательной власти надъ властью правительственной и судебной [2]).

Господство законодательной власти, покоящееся на обособленіи властей, является необходимымъ условіемъ *подза-*

---

[1]) Подробнѣе объ этомъ у Iellinek'a, Gesetz und Verordnung, стр. 73 и сл.; стр. 99 и сл.

[2]) Юридическое значеніе закона, въ формальномъ смыслѣ, какъ *высшей* нормы, упускается изъ виду новѣйшей германской публицистикой, которая, во главѣ съ Laband'омъ, пытается реставрировать, наряду съ формальнымъ, матеріальное понятіе закона. Закономъ, въ матеріальномъ смыслѣ, Laband и другіе германскіе публицисты считаютъ всякое обязательное предписаніе, имѣющее характеръ правового положенія (Im materiellen Sinne bedeutet Gesetz die rechtsverbindliche Anordnung eines Rechtssatzes), отъ кого-бы это предписаніе не исходило,—отъ законодательной или правительственной власти безразлично. Такимъ образомъ, различаются: законы, въ матеріальномъ и формальномъ смыслѣ, т. е. общія нормы, исходящія изъ законодательной власти; правительственныя распоряженія, въ матеріальномъ и формальномъ смыслѣ, т. е. распоряженія, не имѣющія характера общихъ нормъ, исходящія отъ правительственной власти; законы, въ формальномъ смыслѣ, являющіеся распоряженіями въ матеріальномъ смыслѣ, и, наконецъ, законы, въ матеріальномъ смыслѣ, являющіеся распоряженіями въ формальномъ смыслѣ. Нѣтъ необходимости доказывать, что при такомъ пониманіи закона утрачивается, именно, тотъ моментъ, который составляетъ essentiale въ понятіи закона,—моментъ, благодаря которому понятіе закона становится *юридическимъ понятіемъ*. Признавая закономъ (въ матеріальномъ смыслѣ) правительственное распоряженіе, устанавливающее общую норму, мы тѣмъ самымъ перестаемъ понимать подъ закономъ *высшую норму*. Не подлежитъ сомнѣнію, что теорія, о которой идетъ рѣчь, продиктована политическими соображеніями реакціоннаго свойства. Ея цѣль—доказать, что не всякій законъ является *высшею* нормой, связывающей и обязывающей правительственную власть. Съ юридической точки зрѣнія, эта теорія во всѣхъ отношеніяхъ несостоятельна. О различіи между закономъ въ матеріальномъ и формальномъ смыслѣ см.: Laband, Das Staatsrecht des Deutsch. Reiches. 3 изд. I стр. 486 и сл.; на стр. 488 подробныя литературныя указанія. Iellinek. Gesetz und Verordnung стр. 226 и сл.

конности правительственной власти, правомѣрнаго характера отношеній между правительственною властью и гражданами. Въ правовомъ государствѣ отношеніе это является *правоотношеніемъ*,—т. е. отношеніемъ правового субъекта къ правовому субъекту, а не властеотношеніемъ, т. е. не отношеніемъ субъекта къ объекту.

Подзаконная правительственная власть опредѣляется правомъ. Законодатель возлагаетъ на нее опредѣленныя обязанности и предоставляетъ ей опредѣленныя права. Обязанностямъ правительственной власти соотвѣтствуютъ права, ея правамъ—обязанности подвластныхъ. Подвластный въ отношеніи къ подзаконной, правительственной власти является субъектомъ обязанностей и правъ,—правовымъ субъектомъ.

Въ абсолютныхъ государствахъ подвластный является объектомъ власти, подданнымъ,—и только. Въ правовомъ государствѣ отношеніе индивида къ государственной власти носитъ двоякій характеръ.

Какъ субъектъ публичныхъ обязанностей и правъ,—обязанностей и правъ, которымъ соотвѣтствуютъ права и обязанности государства, подданный является лицомъ публичнаго права, или—что то же—гражданиномъ. Status гражданства слагается изъ публичныхъ обязанностей и правъ индивида.

Съ другой стороны, для того, чтобы быть въ государствѣ гражданиномъ, субъектомъ обязанностей и правъ, индивидъ долженъ, разумѣется, опредѣляться правомъ государства, ибо свою правоспособность онъ получаетъ отъ права. Другими словами, для того, чтобы въ данномъ правовомъ общеніи быть *лицомъ*, т. е. правовымъ субъектомъ, необходимо находиться подъ даннымъ правомъ, быть его *подданнымъ*, необходимо *принадлежать* къ данному правовому общенію. Поскольку государство творитъ право, принадлежать къ данному правовому общенію—то же, что принадлежать къ данному государству. Принадлежность къ государству, являющаяся необходимымъ предположеніемъ status'а гражданства, юридическимъ фактомъ, влекущимъ за собою возникновеніе совокупности публично-правовыхъ отношеній между индивидомъ и государствомъ,—носитъ техническое названіе подданства. Быть под-

даннымъ государства, значитъ принадлежать къ государству, подчиняться нормамъ создаваемаго имъ права [1]).

Въ правовомъ государствѣ индивидъ является подданнымъ для того, чтобы быть гражданиномъ. Omnes legum servi sumus, говоритъ Цицеронъ, ut liberi esse possimus.

Какъ уже указано выше, принципъ обособленія властей является необходимымъ предположеніемъ отношенія гражданства. Можно быть лицомъ лишь по отношенію къ другому лицу; можно имѣть права лишь по отношенію къ тому, кто можетъ нести обязанности. Государство въ лицѣ своей *подзаконной* правительственной власти является лицомъ публичнаго права, субъектомъ обязанностей и правъ. Поэтому отношеніе гражданства, есть отношеніе не къ государству, вообще, а къ подзаконной государственной власти, къ правительству. Только по отношенію къ правительству у гражданина имѣются права, потому что только правительство имѣетъ обязанности по отношенію къ нему.

Въ абсолютномъ государствѣ, отрицающемъ обособленіе властей, нѣтъ и не можетъ быть мѣста отношенію гражданства. Не случайно ученіе о субъективныхъ публичныхъ правахъ возникаетъ на почвѣ конституціоннаго строя [2]). И если

---

[1]) Въ конституціонномъ правѣ западно-европейскихъ государствъ термины: „подданный", „подданство" почти повсемѣстно (кромѣ Англіи) выходятъ изъ употребленія, такъ какъ съ этими терминами неразрывно связано представленіе объ отношеніи полу-частноправной зависимости, существовавшемъ между индивидомъ и монархомъ въ абсолютныхъ монархіяхъ стараго режима. Поэтому для обозначенія отношенія подданства западно-европейскія законодательства пользуются описательными терминами. Уже французскій Code civil отчетливо различаетъ „titre de citoyen" отъ „qualité de Français". Вмѣсто того, чтобы говорить о *французско-подданныхъ* Code civil и, вслѣдъ за нимъ, позднѣйшее законодательство говорятъ о *французахъ*. Примѣру Франціи слѣдуютъ и другія законодательства: бельгійское, греческое, люксембургское, голландское, румынское, испанское и др. Въ Германіи съ изданіемъ имперскаго закона 1870 г. (первоначально закона сѣверо-германскаго союза) „Ueber die Erwerbung und den Verlust der Reichs-und Staatsangehörigkeit" для обозначенія отношенія подданства, вмѣсто множества терминовъ, встрѣчавшихся въ партикулярныхъ германскихъ законодательствахъ, входитъ въ употребленіе весьма удачный, но, къ сожалѣнію, трудно переводимый, терминъ: „Staatsangehörigkeit".

[2]) Первая въ германской литературѣ монографія, посвященная вопросу о субъективномъ публичномъ правѣ—монографія G. v. Gerber'a, Ueber öffent-

до настоящаго времени ученіе о субъективныхъ публичныхъ правахъ въ германской доктринѣ является однимъ изъ наименѣе разработанныхъ вопросовъ конституціоннаго права, то это, въ значительной мѣрѣ, объясняется, именно, ея отрицательнымъ отношеніемъ къ началу обособленія властей [1]). Изъ всѣхъ нѣмецкихъ публицистовъ мы считаемъ наиболѣе последовательнымъ Борнгака, который, отвергая обособленіе властей, вмѣстѣ съ тѣмъ отвергаетъ самое понятіе субъективнаго публичнаго права [2]).

Въ тѣсной связи съ ученіемъ о субъективныхъ правахъ стоитъ ученіе объ административной юстиціи: подобно первому и второе возникаетъ на почвѣ теоріи обособленія властей.

Подъ административной юстиціей современная доктрина государственнаго права понимаетъ своеобразную и обособленную организацію судебной власти, призванной къ защитѣ субъективныхъ публичныхъ правъ *путемъ отмѣны незаконныхъ распоряженій административной власти.*

Отожествляя начало обособленія властей съ началомъ уравновѣшенія ихъ, теорія Монтескье является тѣмъ самымъ необходимымъ отрицаніемъ административной юстиціи, какъ особой формы суда. Подчиненіе администраціи судебному контролю разсматривается ея послѣдователями, какъ нарушеніе необходимаго равновѣсія между административной и судебной властью, какъ установленіе недопустимой гегемоніи второй власти надъ первой. Именно потому французское право революціоннаго періода (законъ 1800 г.) разсматриваетъ ад-

---

liche Rechte—появилась только въ 1852 г., т. е. въ эпоху окончательнаго торжества конституціонной идеи въ германскихъ государствахъ.

[1]) Объ отношеніи нѣмецкой доктрины къ вопросу о субъективныхъ публичныхъ правахъ см. Jellinek, System der subj. öff. Rechte стр. 4 и сл. Самъ Jellinek строитъ свое ученіе о публичныхъ правахъ на почвѣ теоріи „самообязыванія государственной власти“. О ней см. *выше.*

[2]) Bornhak, Das preussische Staatsrecht I стр. 286: „Der Zustand der unbedingten Unterthänigkeit unter die Herrschaftigebote der Staatsgewalt kann nimmermehr die Quelle subjectiver Berechtigungen des Unterthanen sein.... Der Staat, als Quelle der Rechtsordnung steht über dem Rechte.... Der Unterthan kann daher kein Recht gegen den Staat wider dessen Willen geltend machen“ Срв. о раздѣленіи властей стр. 432 и сл.

министративную юстицію, какъ функцію административной, а не судебной власти; административная юстиція отличается отъ активной администраціи лишь тѣмъ, что первая вѣдаетъ коллегіальными, а вторая единоличными органами административной власти.

Съ другой стороны, отрицая начало обособленія властей, вообще, германская доктрина, равнымъ образомъ, приходитъ къ отрицанію судебнаго характера административной юстиціи. По мнѣнію Гнейста, административная юстиція отнюдь не является *юстиціей*, въ собственномъ смыслѣ этого слова,— т. е. судебной организаціей, охраняющей неприкосновенность субъективныхъ публичныхъ правъ правительства и гражданъ, въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ другъ къ другу. Административное право есть совокупность нормъ, опредѣляющихъ осуществленіе государственной власти, исходящихъ отъ государства и существующихъ чрезъ государство и только въ немъ. Административная юстиція призвана къ исправленію ex officio всякаго рода неправильностей, допущенныхъ правительствомъ при осуществленіи имъ своей власти. Она охраняетъ объективный правопорядокъ, а не субъективныя публичныя права; она облекаетъ административныя акты въ судебную форму, предоставляющую заинтересованнымъ такія же гарантіи, какія даются обыкновеннымъ судомъ. Административная юстиція есть не что иное, какъ своеобразная организація административной власти, характеризуемая коллегіальнымъ устройствомъ, независимостью членовъ и формальной процедурой [1]).

Разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, административная юстиція является искусственнымъ приспособленіемъ,—чѣмъ то въ родѣ регулятора паровой машины,—обезпечивающимъ правильное и равномѣрное дѣйствіе правительственнаго механизма; судебный характеръ административной юстиціи отнюдь

---

[1]) R. v. Gneist, Rechtsstaat, 2 изд., стр. 270. Срв. мою *рецензію* на русскій переводъ Гнейста, въ Ж. М. Ю. 1897 г. кн. I. Н. М. Коркуновъ. Очерки теоріи административной юстиціи, въ Сборникѣ статей, стр. 198 и сл. Къ ученію объ административной юстиціи Гнейста всецѣло примыкаетъ Bornhak, Das Preussische Staatsrecht т. II, стр. 413 и сл.

не вытекаетъ изъ ея сущности и не требуется внутренней ея природой.

Признавая административную юстицію, архимедовъ рычагъ правового государства, судебной, а не административной функціей,—мы тѣмъ самымъ необходимо признаемъ, что ея задачей *непосредственно* является охрана субъективныхъ правъ и лишь посредственно охрана объективнаго правопорядка. Только на почвѣ ученія о субъективныхъ правахъ можетъ быть построено ученіе объ административной юстиціи, какъ особенной формѣ суда; въ свою очередь, необходимымъ предположеніемъ ученія о субъективныхъ публичныхъ правахъ является, какъ уже указано выше, теорія обособленія властей [1]).

Возникая на почвѣ теоріи обособленія властей, административная юстиція является наиболѣе существенной и необходимой гарантіей правомѣрнаго характера правительственной власти. Другой—равнымъ образомъ, существенной и необходимой—гарантіей такой правомѣрности является институтъ уголовной (и, конечно, гражданской) отвѣтственности должностныхъ лицъ, и, въ частности, институтъ отвѣтственности министровъ. До тѣхъ поръ, пока во главѣ правительственной власти стоитъ абсолютный монархъ, о правильной организаціи отвѣтственности, хотя-бы и подчиненныхъ властей, не можетъ быть рѣчи, ибо всякій подчиненный агентъ, начиная съ министра, разсматривается, какъ исполнитель воли,—

---

[1]) Во французской литературѣ административнаго права, начиная съ Адольфа Шово,—напр., въ трудахъ Laferrière'a, Serrigny и др., предшествовавшихъ труду Гнейста, административная юстиція разсматривается, какъ особая форма суда, призваннаго къ охранѣ субъективныхъ публичныхъ правъ путемъ отмѣны незаконныхъ распоряженій административной власти. Въ новѣйшихъ трудахъ французскихъ ученыхъ, у Aucoc'a, Saint-Girons'a и др. эта точка зрѣнія выражена необыкновенно отчетливо и ясно. Срв. Laferrière, Traité de la juridiction administrative, 2 éd., т. II, стр. 450 и сл.; Saint-Girons, Essai sur la séparation des pouvoirs стр. 470 и сл., въ особенности стр. 486 и сл.; Otto Mayer, Theorie des französischen Verwaltungsrecht стр. 105 и сл. Въ германской литературѣ такая же точка зрѣнія послѣдовательно проводится у Loening'a, Lehrbuch des Verwaltungsrechts, стр. 800 и сл., и, въ особенности, у Jellinek'a, System der subj. öff. Rechte, стр. 340 и сл.

по существу, надзаконной—абсолютнаго монарха. Само собою понятно, что, при такихъ условіяхъ, въ абсолютной монархіи министры не могутъ быть привлекаемы къ отвѣтственности иначе, какъ усмотрѣніемъ верховной власти. При этомъ самая отвѣтственность министровъ, по необходимости, носитъ не столько уголовный, сколько дисциплинарный характеръ: она является отвѣтственностью не за нарушеніе закона, а за неисполненіе служебнаго долга, за неповиновеніе волѣ монарха. И точно также такъ называемая „административная гарантія“, т. е. требованіе разрѣшенія начальства для привлеченія къ отвѣтственности нисшихъ должностныхъ лицъ, является логическимъ слѣдствіемъ подзаконнаго характера административной власти, вообще. Нисшіе агенты правительственной власти, дѣйствуя, хотя-бы и незаконно, но соотвѣтственно „видамъ и намѣреніямъ высшаго правительства“, никакой отвѣтственности не подлежатъ.

Цѣль „административной гарантіи“ и заключается въ томъ, что начальство, разрѣшая судебное преслѣдованіе, тѣмъ самымъ удостовѣряетъ, что нарушеніе закона, вмѣняемое подчиненному въ вину, совершено послѣднимъ proprio motu, безъ какихъ бы то ни было указаній со стороны начальства. „Административная гарантія“, существовавшая, въ той или иной формѣ, во всѣхъ абсолютныхъ монархіяхъ, является наилучшимъ выраженіемъ надзаконнаго характера административной власти, не отдѣленной отъ власти законодательной.

Какъ уже указано было выше, въ эпоху великой революціи французская конституціонная доктрина понимаетъ раздѣленіе властей (séparation des pouvoirs) въ смыслѣ ихъ уравновѣшенія. Подъ ея вліяніемъ законодательство революціонной эпохи (ст. 75 конституціи VIII г.), заимствуя принципъ „административной гарантіи“ изъ стараго права, обусловливаетъ судебное преслѣдованіе должностныхъ лицъ за противозаконныя дѣйствія, имѣющія должностной характеръ (relatifs à leurs fonctions) предварительнымъ разрѣшеніемъ государственнаго совѣта. Цѣль „административной гарантіи“ усматривается, такимъ образомъ, въ обезпеченіи правильственной власти отъ возможныхъ на нее посягательствъ со стороны судебной власти.

Не подлежитъ сомнѣнію, что, съ точки зрѣнія правильно понимаемой теоріи обособленія властей, институтъ „административной гарантіи“ представляется во всѣхъ отношеніяхъ несостоятельнымъ. Если, дѣйствительно, отдѣленіе правительственной власти отъ законодательной имѣетъ своей цѣлью и своимъ слѣдствіемъ подчиненіе первой власти второй, то, очевидно, репрессія должностныхъ преступленій должна быть исключительнымъ дѣломъ стоящаго внѣ администраціи, независимаго и общаго суда. Во Франціи отмѣна „административной гарантіи“ явилась однимъ изъ первыхъ законодательныхъ актовъ временнаго республиканскаго правительства: “гарантія“ отмѣнена, категорически и безусловно, закономъ 19 сентября 1870 г. [1]).

Что касается отвѣтственности министровъ, то, казалось бы, послѣдовательное примѣненіе принципа „административной гарантіи“ необходимо требовало, чтобы привлеченіе министровъ къ отвѣтственности обусловлено было предварительнымъ соизволеніемъ монарха. Въ дѣйствительности, однако, конституціонная доктрина, съ самаго начала, подъ несомнѣннымъ вліяніемъ Монтескье, въ вопросѣ объ отвѣтственности министровъ пошла по иному пути.

Разсматривая въ знаменитой 6-ой главѣ XI-ой книги „Духа законовъ“ англійскую конституцію, какъ образцовую во всѣхъ отношеніяхъ, Монтескье поставленъ былъ въ необходимость теоретическими соображеніями оправдать исторически сложившійся въ Англіи порядокъ привлеченія къ отвѣтственности ближайшихъ совѣтниковъ короны. Объ отвѣтственности *министровъ* Монтескье, впрочемъ, не говоритъ; онъ говоритъ „о гражданахъ, которые въ общественныхъ дѣлахъ посягаютъ на народныя права и совершаютъ преступленія, которыхъ установленные судьи не могутъ или не хотятъ карать“. Такіе граждане должны быть привлекаемы

[1]) Законъ 19 сентября 1870 г. гласитъ: L'art. 75 de la constitution de l'an VIII est abrogé. Sont également abrogées toutes les dispositions de lois générales ou spéciales ayant pour objet d'entraver les poursuites contre les fonctionnaires de tout ordre.

къ отвѣтственности палатою общинъ и судимы верхнею палатой,—т. е. палатой пэровъ. Монтескье сознаетъ вполнѣ, что такой порядокъ идетъ въ разрѣзъ съ принципомъ обособленія властей; тѣмъ не менѣе, онъ считаетъ его единственно цѣлесообразнымъ и справедливымъ,—не въ интересахъ поддержанія законности управленія, а „въ частномъ интересѣ лицъ, подлежащихъ уголовному суду“.—Подъ вліяніемъ Монтескье, англійская система отвѣтственности министровъ заимствуется многими континентальными конституціями; въ частности, система эта во Франціи санкціонируется конституціями 1814 и 1830 гг., а также дѣйствующимъ нынѣ конституціоннымъ закономъ 16 іюля 1875 г. Въ нѣкоторыхъ конституціонныхъ государствахъ англійская система подвергается значительной модификаціи: удерживая существующій въ Англіи порядокъ преданія министровъ суду,—т. е. порядокъ преданія ихъ суду палатой народныхъ представителей, многія конституціи самый судъ надъ министрами поручаютъ либо высшему уголовному суду (Бельгія, Румынія), либо особому Государственному суду, спеціально образованному для разсмотрѣнія дѣлъ о преступленіяхъ по должности, совершаемыхъ министрами (Австрія, Венгрія, Саксонія, Швеція и Норвегія и др.).

Исторически сложившаяся въ Англіи система отвѣтственности министровъ, съ точки зрѣнія теоріи обособленія властей, представляется во многихъ отношеніяхъ несостоятельной. Въ правовомъ государствѣ уголовная отвѣтственность министровъ теперь и должна имѣть въ виду одну только цѣль,—а именно, цѣль охраны неприкосновенности законовъ, репрессіи противозаконныхъ дѣяній.

Между тѣмъ, при осуществленіи карательной власти парламентомъ, именно, эта цѣль оказывается недостижимой. Въ самой Англіи, какъ свидѣтельствуетъ историческій опытъ, такъ называемая, юридическая отвѣтственность министровъ въ свое время служила могущественнымъ средствомъ парламентскаго контроля не столько надъ законностью, сколько надъ цѣлесообразностью правительственныхъ актовъ министровъ; въ настоящее время такимъ средствомъ, гораздо болѣе справедливымъ и дѣйствительнымъ, является, такъ называемая, политическая отвѣтственность министровъ.

По самому существу своей власти въ правовомъ государствѣ, парламентъ не можетъ осуществлять непосредственно функцій уголовнаго суда. Конечно, въ видахъ усиленія контроля надъ законностью правительственныхъ актовъ, палатѣ народныхъ представителей должно быть предоставлено право преданія министровъ суду; но то же право, наряду съ парламентомъ, могло бы быть предоставлено и высшей судебной власти. По жалобамъ частныхъ лицъ, или ex officio, высшая судебная инстанція могла бы постановить о преданіи министровъ суду,— въ томъ же порядкѣ, въ какомъ низшія инстанціи постановляютъ о преданіи суду низшихъ агентовъ правительственной власти.

Во всякомъ случаѣ, самый судъ надъ министрами въ правовомъ государствѣ не можетъ не быть дѣломъ не законодательной, а судебной власти.

VI.

Подведемъ итоги.

Правовымъ мы называемъ государство, въ которомъ правительственная и судебная власть подчинены законодательной власти, государство, которое признаетъ обязательнымъ для себя, какъ правительства и суда, создаваемыя имъ-же, какъ законодателемъ, юридическія нормы.

Подзаконность правительственной и судебной власти необходимо предполагаетъ обособленіе властей,—отдѣленіе правительственной власти отъ законодательной и судебной отъ той и другой.

Начало обособленія властей должно быть положено въ основу юридической конструкціи правоваго государства. Этимъ началомъ опредѣляются его важнѣйшія институты: господство законодательной власти надъ властями подзаконными; формальное понятіе закона, какъ высшей нормы; отношеніе гражданства, существующее, наряду съ отношеніемъ подданства, между индивидомъ и государствомъ; административная юстиція; отвѣтственность должностныхъ лицъ, и въ частности, отвѣтственность министровъ.

Начало обособленія властей остается чуждымъ государственному строю абсолютныхъ монархій. Послѣдовательное и полное осуществленіе этого начала возможно не иначе, какъ въ условіяхъ конституціоннаго государственнаго строя.

Только конституціонное государство является государствомъ правовымъ. Правовое и конституціонное государство—синонимы.

(*Окончаніе слѣдуетъ*)

В. М. Гессенъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

И. Е. Энгельманъ, заслуженный профессоръ, почетный членъ Императорскихъ университетовъ Св. Владиміра и Юрьевскаго. Учебникъ русскаго гражданскаго судопроизводства. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Юрьевъ, 1904 г. Стр. XIII + 458. Цѣна 3 руб.

Полезная книга автора въ первомъ изданіи, какъ и слѣдовало ожидать, оказалась скоро исчерпанной въ продажѣ, и потребовалось новое изданіе. Выпуская его нынѣ въ свѣтъ, проф. Энгельманъ могъ бы съ спокойной совѣстью написать на заглавномъ листѣ, что оно не только „исправлено и дополнено" сравнительно съ предыдущимъ, но и совершенно переработано.

Почтенный ученый не ограничился тѣмъ, что обновилъ свою книгу внесеніемъ въ нее позднѣйшаго законодательства и позднѣйшей судебной практики въ области гражданскаго судопроизводства, использованіемъ новѣйшей литературы по занимающимъ его вопросамъ, исправленіемъ отдѣльныхъ, отмѣченныхъ критикою, недосмотровъ и т. п. Онъ сдѣлалъ несравненно больше. Безъ преувеличенія можно сказать, что имъ измѣненъ самый характеръ труда. Если по адресу перваго изданія „Учебника" подчасъ слышался упрекъ—и тогда, впрочемъ, не вполнѣ обоснованный—что „Учебникъ" заключаетъ немногимъ больше, чѣмъ простой пересказъ дѣйствующаго въ Россіи гражданско-процессуальнаго законодательства, то въ отношеніи даннаго, второго, изданія подобный упрекъ прямо-таки немыслимъ. Въ настоящемъ своемъ видѣ трудъ представляетъ не только изложеніе означеннаго зако-

нодательства, изложеніе систематическое, съ массой цѣнныхъ толкованій, ясное, точное и обстоятельное, съ включеніемъ даже частностей и деталей, а нерѣдко и технической стороны дѣла. Нѣтъ, этого мало. Книга теперь содержитъ также заслуживающіе полнаго признанія экскурсы въ область западно-европейскихъ—французскаго, германскаго и австрійскаго—правъ и тамошней судебной практики. Далѣе, въ нее входитъ въ серьезной степени и теорія гражданскаго процесса: по цѣлому ряду институтовъ выясненію данныхъ положительнаго свойства предшествуетъ отдѣльный параграфъ, озаглавленный: „Начала современной науки“ или „Начала современной теоріи гражданскаго судопроизводства“. Въ видѣ примѣровъ укажу на ученіе о показаніяхъ свидѣтелей, о заочномъ рѣшеніи, объ отмѣнѣ рѣшеній, о чрезвычайномъ производствѣ, о мировой сдѣлкѣ. Значительно, затѣмъ, усилена критика нормъ нашего Устава гражданскаго судопроизводства и покоящейся на немъ практики нашихъ судовъ, а въ связи съ тѣмъ введены главнѣйшія положенія, принятыя Проектомъ новой редакціи устава. Эта редакція, дастъ Богъ, никогда не станетъ закономъ, но трудамъ Коммиссіи по составленію проекта, въ вопросахъ, вовсе лишенныхъ общеполитическаго характера или оттѣнка, все же нельзя отказать въ извѣстномъ значеніи, и, соотвѣтственно, работа, затраченная проф. Энгельманомъ на выясненіе предлагаемыхъ редакторами реформъ, не можетъ почитаться напрасною. Существенно измѣнено, равнымъ образомъ, отношеніе къ юрисдикціи спеціально Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Сената: въ первомъ изданіи работы, хотя и приводились ссылки на кассаціонныя рѣшенія, но скорѣе спорадически, чѣмъ послѣдовательно, и во всякомъ случаѣ въ объемѣ далеко недостаточномъ; второе изданіе выгодно отличается тѣмъ, что оно принципіально считается съ кассаціонной практикой, а по важнѣйшимъ вопросамъ гражданскаго процесса въ большинствѣ случаевъ даже даетъ едва ли не исчерпывающую картину дѣятельности нашего высшаго суда. При выполненіи этой задачи, автору оказалъ неоцѣнимыя услуги капитальный „Практическій комментарій“ В. Л. Исаченко. Наконецъ, не могу умолчать о томъ, что и самое изложеніе дѣйствующаго права точно также подверглось перемѣнамъ. Всюду внесены крупныя дополненія и разъясненія; если не увеличенъ текстъ, то увеличены примѣчанія: удлинены старыя, щедрой рукой разсыпаны новыя. Въ итогѣ рѣдкій параграфъ остался въ прежнемъ видѣ, нетронутымъ. Немало значительныхъ прибавленій имѣется и сверхъ тѣхъ, ко-

торыя поименованы въ „Предисловіи ко второму изданію“ [1]). Ограничусь, опять лишь въ качествѣ примѣровъ, указаніемъ на § 36 (объ искѣ), или § 41 (о признаніи), или § 33 (о судебныхъ срокахъ).

Въ конечномъ результатѣ „Учебникъ“ проф. Энгельмана пересталъ быть только *учебникомъ*: онъ выросъ въ нѣчто бо̀льшее—въ настоящій, пожалуй, „Курсъ“ русскаго гражданскаго процесса.

Читатель, естественно, не ожидаетъ отъ меня передачи содержанія этого курса. Заняться такой передачей значило бы остановиться на всѣхъ или почти всѣхъ вопросахъ гражданскаго судопроизводства, а отчасти и судоустройства. Въ задачу рецензента сочиненія съ характеромъ не монографическимъ это не можетъ входить. Ниже я остановлюсь только на нѣкоторыхъ частяхъ занимающей насъ книги—частяхъ, по преимуществу, слабыхъ. Поступая такъ, я, между прочимъ, руководствуюсь желаніемъ оказать автору посильную помощь въ дѣлѣ дальнѣйшаго исправленія и улучшенія его почтеннаго труда. По моему мнѣнію, „Учебникъ“ способенъ выдержать не одно еще изданіе. А что каждый разъ его желательно видѣть все болѣе совершеннымъ, не требуетъ, конечно, доказательствъ.

Начну выраженіемъ сожалѣнія о недостаточности очерка, посвященнаго „Понятію гражданскаго судопроизводства“ (§ 3). Здѣсь было бы, полагаю, вполнѣ умѣстно коснуться разныхъ въ разное время воззрѣній на процессъ и его изложеніе: познакомить хотя бы съ направленіями „описательнымъ“ и смѣнившимъ его новымъ—назовемъ его „догматическимъ“. Въ связи съ тѣмъ здѣсь надлежало встрѣтить имя Оскара Бюлова и, по крайней мѣрѣ, суммарное освѣщеніе представленной имъ конструкціи процесса. Спѣшу оговориться, что я не принадлежу къ числу сторонниковъ Бюлов-

---

[1]) Здѣсь авторъ выдвигаетъ стр. 17 сл. (о значеніи судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г.), § 15 (о предметахъ вѣдомства мирового суда), § 20 (объ участіи третьихъ лицъ въ тяжбѣ), § 21 (о встрѣчномъ искѣ), § 25 (объ общемъ значеніи адвокатуры и объ организаціи помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ), § 37 (объ отводахъ), § 38 (о производствѣ подготовительномъ), § 40 (о бремени доказыванія), § 42 (о присягѣ), § 43 (о показаніяхъ свидѣтелей), § 44 (о дознаніи чрезъ окольныхъ людей), § 47 (о письменныхъ доказательствахъ), § 48 (о доказательной силѣ письменныхъ актовъ), § 51 (о преимуществахъ казны), § 56 (о встрѣчной и чрезвычайной апелляціи), §§ 59 и 60 (объ отмѣнѣ рѣшеній), § 61 (о пересмотрѣ рѣшеній), § 62 (о просьбѣ неучаствовавшаго въ дѣлѣ лица), § 64 (о понудительномъ исполненіи по актамъ), § 66 (о мировой сдѣлкѣ) и кн. IV (объ исполненіи судебныхъ рѣшеній).

ской теоріи въ ея цѣломъ и въ особенности не считаю цѣлесообразнымъ построенія всей системы гражданскаго судопроизводства на основѣ Бюловскаго ученія. Готовъ даже мимоходомъ признаться, что и вообще нѣмецкое чрезмѣрно отвлеченное теченіе въ наукѣ нашего процесса за послѣднюю четверть истекшаго столѣтія не вызываетъ во мнѣ ни удовлетворенія, ни сочувствія. Это теченіе, удѣляющее много вниманія процессуальной „Begriffsformulirung“ (наравнѣ съ „юриспруденціей понятій“ матеріальнаго права, оно могло бы занять видное мѣсто и въ Іеринговскомъ „Begriffshimmel“), въ значительной степени несетъ вину за пренебреженіе къ жизненнымъ задачамъ и практическимъ вопросамъ гражданскаго процесса, не только одно время отодвинутымъ на задній планъ, но даже заброшеннымъ и чуть ли не заглохшимъ. До какой крайности способно доходить данное направленіе, на мой взглядъ, лишній разъ еще весьма недавно выяснила одинаково громкая и безотрадная полемика о Ваховскомъ Rechtsschutzanspruch.

При всемъ томъ однако, не могу въ полной мѣрѣ одобрить отношеніе къ дѣлу проф. Энгельмана Оставить читателя безъ всякаго представленія о томъ, что сейчасъ намѣчено, научный курсъ едва ли вправѣ. Если не въ ученіи о понятіи гражданскаго судопроизводства, то при изложеніи литературы предмета; если не здѣсь, то въ другомъ мѣстѣ, но *гдѣ-нибудь* автору слѣдовало обмолвиться насчетъ указаннаго общаго вопроса первостепенной важности. Можно было, напримѣръ, помѣстить во „введеніи“ отдѣльный параграфъ, съ такимъ, положимъ, заголовкомъ: „процессъ какъ правоотношеніе“, и въ немъ разсмотрѣть науку нашего предмета въ ея прошедшемъ и настоящемъ. Но и это не сдѣлано, и даже въ ученіи объ отводахъ мы не узнаемъ (вопреки Бюловской „Lehre von den Processeinreden und Processvoraussetzungen“) ровно ничего о „гражданско-процессуальномъ отношеніи“.

Объ отсутствіи историческаго, хотя бы самаго краткаго, обзора науки гражданскаго судопроизводства приходится тѣмъ сильнѣе скорбѣть, что въ немъ авторъ, весьма вѣроятно, удѣлилъ бы также мѣсто заключительному и знаменательному фазису развитія—такъ называемому соціальному или, точнѣе, соціально-этическому направленію. Новѣйшая школа смотритъ на гражданскій процессъ съ точки зрѣнія осуществленія реальныхъ цѣлей, преслѣдуемыхъ гражданско-правовой защитой, какъ явленіемъ государственной жизни, а не съ точки зрѣнія установленія и логически послѣдовательнаго проведенія формально-юридическихъ началъ. Это плодо-

творное теченіе въ наукѣ и законодательствѣ, одно только, по моему глубокому убѣжденію, обѣщающее вывести гражданскій процессъ на путь истины, уже имѣетъ крупныхъ представителей: въ лицѣ прежде всего Franz Klein'а, талантливаго творца австрійскаго устава гражданскаго судопроизводства 1895 года (его гражданско-процессуальное credo выражено, между прочимъ, въ прекрасной рѣчи „Zeit-und Geistesströmungen im Process", 1902), далѣе, въ лицѣ германскихъ процессуалистовъ I. Chr. Schwartz'а („Künftige Civilprocessreform")[1], Vierhaus'а (см., наприм., его работу „Ueber die socialen und wirtschaftlichen Aufgaben der Civilprocessgesetzgebung", 1903) и нѣкотор. друг. Познакомить читателя съ этимъ послѣднимъ словомъ въ гражданскомъ процессѣ, съ его сущностью и смысломъ—дѣло высоко полезное, и выполненіемъ его проф. Энгельманъ стяжалъ бы себѣ сугубое право на признательность русскаго юриста. Все это тѣмъ болѣе, что уже въ близкомъ будущемъ, какъ мнѣ кажется, именно у насъ, въ Россіи, теоріи Клейна и его сторонниковъ суждено найти сочувствіе и пріобрѣсти послѣдователей—быть можетъ, въ бо̀льшей мѣрѣ и, положительно, съ бо̀льшимъ правомъ, чѣмъ это случилось съ теоріей Бюлова.

Въ томъ же § 3 „Учебника", въ первомъ его изданіи, одна страница (28-ая) была посвящена судопроизводству охранительному. Въ виду, однако, ея недостаточности, авторъ въ настоящемъ изданіи ее почти цѣликомъ выпустилъ, указавъ, что „объ охранительномъ судопроизводствѣ будетъ изложено ниже особо". Но въ разбираемомъ трудѣ объ охранительномъ процессѣ нигдѣ больше не говорится, и остается предположить, что разумѣется особая, новая работа[2]). Вполнѣ понимаю тѣ соображенія, которыми въ такомъ случаѣ руководился уважаемый авторъ,—соображенія, которыя, напримѣръ, привели у насъ и В. Л. Исаченко къ выдѣленію въ самостоятельный выпускъ даннаго именно отдѣла процесса[3]) и кото-

---

[1]) Точнѣе: „Die Novelle vom $^{17}/_{20}$ Mai 1898 und die künftige Civilprocessreform", 1902.

[2]) Къ этому заключенію меня приводитъ и то обстоятельство, что при перечисленіи предметовъ вѣдомства уѣзднаго члена окружнаго суда авторомъ теперь пропущены (стр. 87) показанныя въ первомъ изданіи дѣла охранительнаго производства,—въ то время какъ соотвѣтственныя законоположенія остались безъ перемѣны.

[3]) „Русское гражданское судопроизводство. Практическое руководство для студентовъ и начинающихъ юристовъ. Т. II вып. 1. Судопроизводство охранительное", 1901.

рыя на Западѣ ведутъ къ обособленію производствъ искового и охранительнаго не только въ литературѣ, но даже въ законодательствѣ. И тѣмъ не менѣе сожалѣю объ отсутствіи во второмъ изданіи „Учебника" двухъ-трехъ листовъ, которые трактовали бы о процессѣ охранительномъ, сожалѣю, главнымъ образомъ, потому, что, во-первыхъ, неизвѣстно, вскорѣ ли мы вправѣ ожидать добавленія, призваннаго восполнить образовавшійся пробѣлъ, и что, во-вторыхъ, книга проф. Энгельмана прежде всего назначена служить университетскимъ курсомъ, а послѣдній, естественно, обнимаетъ и охранительное судопроизводство. А указанныхъ нѣсколькихъ десятковъ страницъ было бы, думаю, совершенно довольно для изложенія, въ принятомъ для прочихъ отдѣловъ масштабѣ, и даннаго отдѣла процесса. Здѣсь нашли бы себѣ мѣсто случаи или „виды дѣлъ" охранительнаго судопрозводства — какъ нормированные уставомъ, преимущественно въ его книгѣ IV (ср. кн. V и проектъ), и предусмотрѣнные въ законахъ гражданскихъ, такъ и выработанные при помощи нашей судебной практики; здѣсь же оказались бы и вступительныя историческія данныя и въ особенности общія положенія, среди которыхъ важнѣйшее—это выясненіе самаго понятія охранительнаго процесса, критерія, способнаго разграничить два производства.

Кстати отмѣчу, что этотъ критерій уже, впрочемъ, дается и въ „Учебникѣ". „Судопроизводство охранительное—говоритъ здѣсь авторъ—отличается отъ искового тѣмъ, что въ немъ дѣло не идетъ ни о рѣшеніи спорныхъ дѣлъ, ни о понудительныхъ мѣрахъ, но *объ установленіи и огражденіи гражданскихъ правъ при участіи суда на случай ихъ нарушенія*" (стр. 28). Дѣйствительно, таковъ распространенный и, вѣроятно, даже господствующій взглядъ на вопросъ; въ подчеркнутыхъ словахъ, дѣйствительно, находятъ отличительную функцію, специфическій моментъ, лежащій въ основѣ всѣхъ видовъ охранительнаго судопроизводства [1]). Но нетрудно видѣть, что этотъ взглядъ долженъ быть признанъ неправильнымъ и во всякомъ случаѣ устарѣвшимъ съ той минуты, какъ въ процессѣ страны начинаютъ допускаться такъ называемые иски о признаніи, точнѣе, иски объ установленіи наличности или отсутствія гражданскихъ правоотношеній. Ибо едва ли можно спорить противъ того,

[1]) Ср. вопросъ изъ министерской программы испытаній въ коммиссіи юридической по гражданскому процессу: „Участіе судовъ въ установленіи юридическихъ фактовъ (производство охранительное)".

что эти иски или, другими словами, извѣстная (установительная, предупредительная) форма *исковой* защиты и часть, слѣдовательно, *искового* производства точно также направлена именно на „*установленіе и огражденіе гражданскихъ правъ* при участіи суда на случай ихъ нарушенія“. *Въ чемъ* на самомъ дѣлѣ должно искать отличительной характеристики охранительнаго производства и, затѣмъ, существуетъ ли вообще принципіальное различіе между нимъ и процессомъ исковымъ, я разсматривать не стану: обсужденіе этого вопроса выходитъ за предѣлы моей рецензіи. Здѣсь мнѣ необходимо было показать, что признакъ, выдвинутый въ „Учебникѣ“, едва ли можетъ быть принятъ. И съ этимъ, въ примѣненіи къ русскому гражданскому производству, тѣмъ скорѣе, надѣюсь, согласится и проф. Энгельманъ, что онъ самъ, возражая І. В. Гессену, настаиваетъ—правильно или неправильно, другой вопросъ—на допустимости исковъ о признаніи съ точки зрѣнія и нашего дѣйствующаго общеимперскаго процесса (для Прибалтійскаго права эти иски и теперь уже explicite предусматриваются въ ст. 1801 уст. гражд. судопр., а для всей имперіи ихъ предполагаетъ санкціонировать проектъ новой редакціи въ ст. 2). Правда, авторъ утверждаетъ, что „несмотря на всю логичность и законность этой [т. е. установительной] формы защиты, судебная практика, однако, сего иска не допускаетъ“ (стр. 201), но, помимо прочихъ соображеній, нельзя не возразить, что въ приведенныхъ словахъ кроется серьезная неточность. Уже и въ первомъ изданіи (стр. 189), появившемся въ 1899 году, они не вполнѣ соотвѣтствовали фактамъ, во второмъ же они прямо противъ фактовъ грѣшатъ. У Гордона („Уставъ гражданскаго судопроизводства съ . . . . разъясненіями“, изд. 3 стр. 6) приведены подъ ст. 1—2 цѣлыхъ *одиннадцать* случаевъ, когда практикою нашего гражданскаго кассаціоннаго департамента „допущены иски о признаніи“. Изъ нихъ, по моему мнѣнію, достаточно типичны хотя бы такія, напримѣръ, рѣшенія: Сенатъ одобряетъ искъ о признаніи обязательными для новаго собственника договора объ имущественномъ наймѣ, заключеннаго съ прежнимъ собственникомъ дома, и уплаты послѣднему наемныхъ денегъ (рѣш. 1882 г. № 82); Сенатъ не усматриваетъ противорѣчія со ст. 1 уст. гражд. судопр. въ искѣ пайщика о признаніи товарищества несостоявшимся и неосуществившимся (рѣш. 1895 г. № 6), полагаетъ возможнымъ требованіе о признаніи исполнительнаго листа потерявшимъ силу за истеченіемъ давности и въ порядкѣ исковомъ (рѣш. 1898 г. № 87) и т. п. Но особенно интересно допу-

щеніе Сенатомъ въ послѣднее время иска о признаніи лицъ, не имѣющихъ установленнаго свидѣтельства о рожденіи, законнорожденными дѣтьми указываемыхъ ими и не спорящихъ противъ такого указанія родителей. „Предметомъ сихъ исковъ—говорится въ рѣшеніи 1900 г. № 35—является требованіе о признаніи законности рожденія вообще". И далѣе: „подвѣдомственность иска судебнымъ установленіямъ .... не обусловлена наличностью ни спора о правѣ гражданскомъ, о которомъ предъявленъ искъ, ни предшествующаго сему нарушенія этого права". „Въ обжалованномъ опредѣленіи сдѣлана ссылка на 1 ст. уст. гражд. судопр., которой „всякій споръ о правѣ гражданскомъ подлежитъ разрѣшенію судебныхъ установленій". Но сей законъ не имѣетъ того смысла, который придается ему палатою. Онъ не постановляетъ, чтобы разрѣшенію судебныхъ установленій подлежали *только одни споры* [1]) о правѣ гражданскомъ". „Искъ является средствомъ осуществленія гражданскаго права противъ другого лица, при помощи судебной власти, къ которой возможно обратиться совершенно независимо отъ того, оспорено ли это право другою стороною, или нѣтъ. Такимъ образомъ, искъ составляетъ не средство для защиты *спорнаго* [1]) права, а средство для защиты *права вообще* [1])". Не требуетъ развитія, что въ цитированномъ рѣшеніи Сенатъ уже вполнѣ опредѣленно и твердо санкціонируетъ иски объ установленіи отношенія, такъ наз. „Feststellungsklagen" по нѣмецкой терминологіи.

Прежде чѣмъ разстаться съ этой матеріей, мнѣ хотѣлось бы еще выразить пожеланіе, чтобы авторъ, наряду съ устраненіемъ сейчасъ обнаруженной неправильности, включилъ на будущее время въ ученіе объ искахъ о признаніи и нѣкоторыя данныя насчетъ ихъ постановки въ германскомъ процессѣ—какъ хорошо извѣстно, и широкой и разумной. А заодно, быть можетъ, нелишне будетъ и затронуть римскія actiones praeiudiciales — нелишне, если не съ точки зрѣнія исторической судьбы института, то въ интересахъ университетскаго преподаванія.—

Настоящая замѣтка грозитъ чрезмѣрно разростись, а потому я ограничиваюсь еще только слѣдующими указаніями.

Какъ уже отчасти предпослано, авторъ даетъ крайне важное освѣщеніе нашего гражданскаго процесса, главнѣйшимъ образомъ тѣмъ, что обращается къ положеніямъ, выработаннымъ теоріей процесса, и въ особенности удѣляетъ много мѣста разсужденіямъ

---

[1]) Курсивъ подлинника.

критическаго свойства. Въ этомъ отношеніи, предпочтительно предъ другими, заслуживаютъ быть упомянуты страницы, посвященныя независимости и въ частности несмѣняемости судей (стр. 47 сл., 50 сл.), задачамъ и организаціи адвокатуры (стр. 130 слл.), необходимости административной юстиціи (стр. 34 сл.), измѣненіямъ или, лучше, искаженіямъ, которымъ подверглись судебные уставы Императора Александра II за сорокалѣтіе ихъ существованія (стр. 21 слл.). Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, слышится голосъ убѣжденнаго поклонника основныхъ положеній судебной реформы шестидесятыхъ годовъ; порою, по адресу иныхъ „исправленій", или недостаточной у насъ законности, или присущихъ нашимъ судамъ формализма и рутины, въ рѣчи автора даже звучитъ нотка волненія и негодованія. Отмѣтимъ еще цѣнное разсужденіе о силѣ рѣшеній Кассаціоннаго Сената и узурпаціи послѣднимъ не принадлежащей ему по закону власти (стр. 378 слл.), далѣе, мѣткія соображенія насчетъ возможности или, правильнѣе, невозможности преемства въ тяжбѣ хотя бы на активной сторонѣ (стр. 122 сл.), или провозглашенія резолюцій безъ изложенія вкратцѣ мотивовъ (стр. 324 сл.), или, наконецъ, умаленія силы судебной мировой сдѣлки (стр. 413 слл.). Поучителенъ также рядъ небольшихъ, попутно высказанныхъ замѣчаній: о допущеніи (Коммиссіей для изготовленія проекта новой редакціи учрежденія судебныхъ установленій, ст. 395) въ адвокатское сословіе юрисконсультовъ различныхъ вѣдомствъ и профессоровъ юридическихъ наукъ въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ (пусть подготовка достаточна, но—„юрисконсульты находятся въ полной зависимости отъ своего вѣдомства, а внесеніе чиновническаго элемента подрываетъ самоуправленіе и самостоятельность адвокатскаго сословія; профессоръ же обязанъ все свое время посвящать наукѣ"..., стр. 135); о нововведенномъ пунктомъ 5 ст. 1368 уст. гражд. судопр. и о проектируемыхъ въ ст. 1066 новой редакціи у. г. с. дальнѣйшихъ въ томъ же направленіи мѣропріятіяхъ („единственнымъ средствомъ предупредить обходъ платежа судебныхъ пошлинъ является правильное устройство поземельныхъ книгъ, а не лишнее ограниченіе гражданскихъ правъ", стр. 406); о „формальной" публичности засѣданій Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Сената („при огромномъ числѣ дѣлъ, докладываемыхъ въ одномъ засѣданіи..., присутствіе публики считается тормазомъ къ скорѣйшему рѣшенію дѣлъ", стр. 375, ср. стр. 172); о языкѣ судоговоренія на окраинахъ и въ от

дѣльности въ Прибалтійскомъ краѣ („судебные уставы были также переведены на эстонскій и латышскій языки; но изданія эти были изъяты изъ обращенія, когда въ царствованіе Императора Александра III, по почину министра юстиціи Манасеина, употребленіе какъ нѣмецкаго, такъ и эстонскаго и латышскаго языковъ, при судоговореніи было запрещено", стр. 3; въ результатѣ „судъ прибѣгаетъ къ посредству присяжнаго переводчика, въ большинствѣ случаевъ плохо оплачиваемаго и потому вполнѣ неудовлетворительнаго", стр. 67); о вѣроисповѣдныхъ ограниченіяхъ, коимъ подвергаются судьи (стр. 52), и мн. друг.

Нельзя, однако, не замѣтить, что наряду съ подобнымъ, отраднымъ, отношеніемъ къ дѣлу встрѣчается и иное изложеніе институтовъ гражданскаго процесса, безконечно менѣе удовлетворительное, сводящееся къ передачѣ содержанія нашего законодательства. Сравнительно съ первымъ изданіемъ, такого рода отношеніе теперь наблюдается лишь рѣдко, являясь, безъ сомнѣнія, исключеніемъ. Но все же оно не окончательно изгнано авторомъ изъ своего труда, о чемъ не могу не пожалѣть. Опять-таки въ видѣ только примѣра обращу вниманіе на „особенные суды" (стр. 52 сл.). О нихъ, естественно, желательно было прочесть нѣсколько общихъ словъ процессуально-политическаго характера. Но этихъ словъ нѣтъ. Между тѣмъ съ этой какъ разъ стороны данные суды въ послѣдніе годы усиленно обсуждались въ Германіи, гдѣ пытались найти объясненіе для малопонятнаго на первый взглядъ, но имѣющаго свои глубокія причины стремленія нашего времени ко всякаго рода Kaufmanns-, Gewerbe-и вообще Sondergerichte. Типъ „спеціальныхъ" судовъ отчасти разсматривался и въ русской юридической литературѣ по поводу проникавшихъ въ печать извѣстій о томъ, что и у насъ составляется проектъ учрежденія ремесленныхъ судовъ или, наоборотъ, упраздняются суды коммерческіе, и т. п. Точно также мы напрасно стали бы искать въ „Учебникѣ" оцѣнки, напримѣръ, въ частности, духовнаго суда (стр. 62), несмотря на то, что здѣсь оцѣнка безусловно опредѣленная, что подвѣдомственность извѣстной категеріи гражданскихъ дѣлъ духовнымъ судамъ уже всѣми осуждена, какъ вопіющій анахронизмъ, и что даже министерство юстиціи, по оффиціальному его заявленію, успѣло разработать и направить въ установленномъ порядкѣ проектъ правилъ о передачѣ бракоразводныхъ дѣлъ въ суды свѣтскіе.—Другой примѣръ того, что авторъ подчасъ знакомитъ съ институтомъ, не выходя почти за предѣлы пересказа дѣйствующихъ гражданско-процессуальныхъ нормъ,—это

§ 27, трактующій о судебныхъ издержкахъ. Авторъ не считается съ тѣмъ, что какъ разъ это ученіе, чисто техническое и мало привлекательное, если подходить къ нему со стороны исключительно позитивной или даже догматической, пріобрѣтаетъ особенный смыслъ и интересъ, когда въ него вносятся и другія еще точки зрѣнія. Въ подтвержденіе своего взгляда, назову только одну недавно вышедшую въ свѣтъ брошюру [1]), гдѣ на небольшомъ вопросѣ изъ области платности процесса въ стадіи исполненія рѣшенія намѣчается рядъ основныхъ теоретическихъ положеній и немаловажныхъ задачъ законодательно-политическаго характера.—Что „Учебникъ" не останавливается на западно-европейскомъ институтѣ Anwaltszwang'a (т. е. обязательнаго веденія дѣлъ чрезъ присяжныхъ повѣренныхъ), на его процессуальномъ и соціальномъ значеніи, уже справедливо порицалось по адресу перваго изданія труда проф. Энгельмана [2]), а потому сейчасъ довольно будетъ констатировать, что въ данномъ отношеніи авторъ не послѣдовалъ указанію критики (стр. 125, 127).—Небезупреченъ, наконецъ, все въ томъ же смыслѣ, и очеркъ о состязательности въ гражданскомъ процессѣ (§ 31). Въ связи съ новымъ взглядомъ на это начало, взглядомъ, который, кстати, необыкновенно горячо дебатировался на предпослѣднемъ, 26-омъ, съѣздѣ германскихъ юристовъ и привелъ къ рѣзкому противопоставленію двухъ порядковъ теченія процесса, такъ называемыхъ „Parteibetrieb" и „Officialbetrieb", отличающихся другъ отъ друга степенью вліянія *судьи* на движеніе производства,—въ связи съ этимъ по моему мнѣнію, слѣдовало попытаться дать принципіальный отвѣтъ на вопросъ о характерѣ и роли, пространствѣ и границахъ состязательности. И это тѣмъ болѣе, что, во-первыхъ, самъ авторъ—правда, въ другомъ мѣстѣ: въ ученіи о цѣли процесса (§ 4)—не обходитъ молчаніемъ вопроса о правдѣ матеріальной и правдѣ формальной, этой въ дѣйствительности не правдѣ, а кривдѣ, и, во-вторыхъ, все тотъ же авторъ другое основное начало гражданскаго процесса—устность—выясняетъ именно съ названной стороны значенія и предѣловъ принципа, причемъ реферируетъ извѣстный споръ объ устномъ началѣ, который долго между собою вели Вахъ и Оттонъ Бэръ (стр. 171 сл.).

Быть можетъ, заслуживаетъ еще упоминанія и то, что граж-

---

[1]) К. Дыновскій. Вопросы процессуальной политики въ дѣлѣ вознагражденія судебныхъ приставовъ по таксѣ. 1904 г.

[2]) Журн. Мин. Юст., 1900 г. декабрь, стр. 246 (рецензія проф. В. Нечаева).

данская кассаціонная практика, въ общемъ, повторяю, добросовѣстно и умѣло использованная, мѣстами почему-то отсутствуетъ. Помимо уже показаннаго при случаѣ пробѣла по части исковъ о признаніи, можно бы привести строки о судебной дѣеспособности расточителя. Кромѣ содержанія ст. 20 уст. гражд. судопр., мы здѣсь ничего не находимъ (стр. 124 сл.). Но при этомъ, очевидно, упущено изъ виду, что статья 20 не даетъ яснаго отвѣта на нѣсколько не лишенныхъ значенія вопросовъ—напримѣръ, на вопросъ о правѣ опекунскаго учрежденія самостоятельно искать отъ имени расточителя и отвѣчать за него на судѣ. Разрѣшеніемъ этого вопроса неоднократно посему занимался нашъ Сенатъ, который въ 1890 году открыто порвалъ со своимъ же, до того принятымъ въ практикѣ, толкованіемъ нормы закона (см. Боровиковскій, „Уставъ", 1903, § 1 къ ст. 20). Или другой примѣръ: изложеніе предметовъ вѣдомства мировой юстиціи (стр. 83 слл.), въ одной своей части, заключаетъ едва-ли больше, чѣмъ сухой перечень извѣстныхъ пунктовъ ст. 29 и ст. 31 уст. гражд. судопр., опредѣляющихъ, положительно и отрицательно, компетенцію мирового суда. Но стоитъ заглянуть въ любое изданіе Устава съ „разъясненіями", чтобы видѣть, какъ много Кассаціонный Департаментъ потрудился надъ интерпретаціей и дополненіемъ означенныхъ статей. Я, разумѣется, далекъ отъ мысли рекомендовать автору уходить въ казуистику, но какъ не дать нѣкотораго комментарія къ знаменитому п. 4 ст. 29, какъ не разсѣять (особенно въ виду тѣсной связи съ правомъ матеріальнымъ!) сомнѣній по вопросу о допустимости у насъ защиты владѣнія движимымъ имуществомъ или о возможности, по истеченіи шестимѣсячнаго срока, поссессорной все же защиты недвижимости въ общихъ судахъ (здѣсь любопытно толкованіе Сената и его отношеніе къ exceptio dominii),—или какъ не выяснить, по адресу п. 5 той же статьи, характера защиты права участія частнаго, опираясь и на судебную практику, и на небезъинтересную, узаконяющую защиту такъ называемой iuris quasi possessio, статью 1807 уст. гражд судопр. изъ нашего гражданско-процессуальнаго партикулярнаго права для Прибалтійскихъ губерній—права, которое въ другихъ случаяхъ проф. Энгельманъ привлекаетъ къ дѣлу и охотно и съ пользой.

Наконецъ, считаю своимъ долгомъ отмѣтить, что въ „Учебникѣ" встрѣчаются также ошибки и пропуски. Но, по счастью, они, повидимому, немногочисленны.

На стр. 4 приведено изданіе 1893 г. т. XI ч. 2 св. зак., какъ

изданіе новѣйшее. Однако существуетъ позднѣйшее изданіе 1903 г. (не переизданъ вновь только безъинтересный для насъ здѣсь Уставъ о Промышленности).

На стр. 7 и слл. представленъ списокъ общей литературы по гражданскому процессу, появившейся въ Россіи,—списокъ удовлетворительный. Но въ видахъ полноты онъ долженъ бы, думается мнѣ, содержать и неоконченный трудъ проф. Азаревича [1]). Для будущихъ изданій книги проф. Энгельмана на всякій случай напомню, что начаты печатаніемъ еще пока мало подвинувшіеся „Курсъ гражданскаго судопроизводства“ (1902—03) и „Учебникъ русскаго гражданскаго судопроизводства“ (1904) Московскаго процессуалиста, проф. Нефедьева и „Система русскаго гражданскаго судопроизводства“ Ярославскаго профессора В. Гордона [2]).

Небрежно написанный очеркъ о коммерческихъ судахъ въ первомъ изданіи „Учебника“ теперь значительно исправленъ. Тѣмъ не менѣе и въ нынѣшнемъ своемъ видѣ (стр. 59 слл. и 88) онъ оставляетъ желать лучшаго. Такъ, на стр. 88 сказано: „Коммерческимъ судамъ подвѣдомственны въ городахъ и округахъ, въ коихъ эти суды учреждены, дѣла торговыя, включая и иски по векселямъ на сумму свыше 500 рублей...“. Здѣсь два недосмотра: а) вмѣсто „округа“, должно было, согласно ст. 47 уст. судопр. торг. изд. 1903 г. (ст. 50 изд. 1893 г.), говорить объ „уѣздѣ“, и б) надлежало указать, по крайней мѣрѣ, на то, что дѣла торговыя подсудны коммерческому суду лишь въ томъ случаѣ, если цѣна ихъ превышаетъ 150 р. (п. 2 ст. 43—раньше ст. 46—уст. суд. торг.), такъ какъ безъ того читатель легко можетъ—пожалуй, обязанъ—заключить, что для всѣхъ исковъ, кромѣ вексельныхъ, минимальнаго тарифа въ коммерческихъ судахъ не установлено. Затѣмъ, мнѣ кажется, что автору необходимо было опредѣлить и признаки дѣла „торговаго“; примѣръ проф. Гольмстена („Учебникъ“ изд. 3 стр. 42 сл.) въ данномъ случаѣ заслуживалъ, конечно, подражанія.—На стр. 61 значится, что Варшавскій коммерческій судъ „въ порядкѣ апелляціонномъ подчиненъ Варшавской палатѣ гражданскаго суда“. Это очевидный lapsus calami: ст. 1642 и сл. уст. гражд. суд. называютъ Варшавскую „Судебную Палату“.

---

[1]) „Судоустройство и судопроизводство по гражданскимъ дѣламъ. Университетскій курсъ. Т. I вып. 1 и 2“. Варшава, 1891—92. Стр. 389.

[2]) Послѣдняя въ „Временникѣ Демидовскаго Юридическаго Лицея“ кн. 84 (1902).

На стр. 91 проф. Энгельманъ въ числѣ особенныхъ основаній подсудности ставитъ на первое мѣсто „подсудность по мѣсту нахожденія имущества (forum rei sitae) для вещныхъ исковъ о недвижимомъ имуществѣ *и по всѣмъ дѣламъ наслѣдственнымъ*". Подчеркнутыя мною слова возбуждаютъ недоумѣніе. Ст. 215 уст. гражд. суд. гласитъ: „Иски о наслѣдствѣ, споры наслѣдниковъ какъ между собою, такъ и противъ подлинности и дѣйствительности завѣщаній, и иски о раздѣлѣ предъявляются суду, *въ вѣдомствѣ коего открылось наслѣдство*. Сему же суду предъявляются иски къ лицу умершаго собственника, буде нѣтъ въ виду признанныхъ или вступившихъ во владѣніе наслѣдниковъ". Но развѣ forum hereditatis и forum rei sitae—это одно и то же?! Положимъ, существуетъ взглядъ, по которому мѣстомъ открытія наслѣдства служитъ то именно мѣсто, гдѣ оказалось наслѣдственное имущество, но: во-первыхъ, такой взглядъ является не инымъ чѣмъ, какъ результатомъ *толкованія*, „выводомъ" (Гольмстенъ ук. соч. стр. 66), закономъ же санкціонируется forum rei sitae не для вещныхъ исковъ о недвижимости *и* наслѣдственныхъ дѣлъ, а только для первыхъ, согласно ст. 212 уст. гражд. суд.; во-вторыхъ, самое толкованіе, принятое нашимъ авторомъ, безспорно, неправильно, какъ это уже сравнительно давно, на почвѣ, между прочимъ, общихъ разсужденій о наслѣдованіи, убѣдительно показано кассаціоннымъ Сенатомъ (рѣшеніе за 1885 г. № 131; тезисъ: мѣстомъ открытія наслѣдства должно почитаться мѣсто послѣдняго, передъ смертью, постояннаго жительства наслѣдодателя, а не мѣсто нахожденія имущества и не мѣсто смерти—приведенъ также у Боровиковскаго и Гордона въ объясненіяхъ къ ст. 215).

Говоря о требованіи п. 5 ст. 571 уст. гражд. суд. относительно обезпеченія истцами-иностранцами судебныхъ издержекъ и убытковъ отвѣтчиковъ (cautio iudicatum solvi), авторъ даетъ на стр. 161 перечень государствъ, участвующихъ въ конвенціи $^{2}/_{14}$ ноября 1896 г. по вопросамъ гражданскаго судопроизводства, каковая конвенція въ ст. 11 и слл. отмѣняетъ означенное обезпеченіе для подданныхъ державъ, вступившихъ въ договоръ. Этотъ перечень не полный: въ немъ не указаны присоединившіяся, наравнѣ съ Россіей и Германіей, Швеція и Норвегія, Австро-Венгрія, Данія и Румынія (см. „протоколъ о присоединеніи" въ собр. узак. за 1899 г. ст. 861 стр. 3637).

На стр. 337 идетъ рѣчь о предоставленіи истцу закономъ 12 іюня 1890 г. права просить о разсмотрѣніи и рѣшеніи дѣла

въ его отсутствіи—права, принадлежавшаго по уставу 1864 г. одному лишь отвѣтчику (ст. 145¹ и ст. 719¹ уст. гражд. суд.). Но не добавлено (ср. еще стр. 341 сл.), что заочное разбирательство въ отсутствіи истца, допущенное въ 90-мъ году для общихъ и мировыхъ судовъ, впослѣдствіи, 13 слишкомъ лѣтъ спустя, благополучно распространено и на производство у земскихъ начальниковъ и городскихъ судей (Высоч. утв. мнѣніе Гос. Сов. отъ 8 декабря 1903 г.) [1]).—

Всѣ указанные недостатки не въ состояніи, однако, существенно умалить достоинства выдающагося труда проф. Энгельмана. Это только небольшія пятна на свѣтлой и огромной поверхности.

Въ заключеніе выскажу два пожеланія: одно имѣетъ ввиду присоединеніе въ третьемъ изданіи „Учебника“ къ наличному предметному указателю еще указателя постатейнаго; другое, болѣе серьезное, относится къ устраненію, вмѣстѣ съ чрезмѣрнымъ количествомъ опечатокъ, и частыхъ грамматическихъ и стилистическихъ погрѣшностей, отвлекающихъ мысль и вредящихъ цѣльности впечатлѣнія.

М. Я. Пергаментъ.

---

[1]) Другое Высоч. утв. мнѣніе Гос. Сов. отъ 19 апрѣля 1904 г.—о новомъ пониженіи и безъ того невысокаго ценза земскихъ участковыхъ начальниковъ—авторомъ уже не могло быть принято въ соображеніе (стр. 52).

ЗАМѢТКИ.

1. Есть ли виновные?

(Справка въ законѣ).

Виновныхъ нѣтъ! Вотъ неожиданный и непонятный выводъ изъ передовой статьи „Нашей Жизни“ отъ 23 января (№ 68) по поводу общаго собранія петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ для обсужденія юридической помощи жертвамъ событій 9 января. Газета объясняетъ, что предполагалась двоякая помощь: искать на судѣ удовлетворенія для жертвы и защищать ее передъ судомъ, если она будетъ сама посажена на скамью подсудимыхъ. Но тѣ, кто погибъ, не нуждаются въ помощи, а живымъ объявлено прощеніе; остается поэтому только одинъ видъ юридической помощи— путемъ привлеченія къ отвѣтственности тѣхъ, кто можетъ оказаться виновнымъ въ ненужномъ кровопролитіи. Общее собраніе петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ пришло, однако, къ заключенію, что содѣйствовать въ этомъ отношеніи потерпѣвшимъ, вызвать судебное обличеніе и наказаніе виновныхъ не представляется никакой возможности. Это невозможно, по словамъ „Нашей Жизни“ оттого что „наши законы даютъ слишкомъ слабыя матеріальныя основанія и никакихъ процессуальныхъ средствъ для возбужденія судебнаго преслѣдованія. Согласно установленнымъ правиламъ о призывѣ войскъ для содѣйствія гражданскимъ властямъ, опредѣленіе момента, когда войска должны приступить къ дѣйствію оружіемъ, зависитъ отъ гражданскаго начальства, которое даетъ по этому предмету свои указанія начальству военному, указывая послѣднему и ту цѣль, которую имѣется въ виду достигнуть. Но затѣмъ, полу-

чивъ эти указанія, военное начальство распоряжается самостоятельно, по своему усмотрѣнію, безъ всякаго вмѣшательства гражданской власти... Гражданская власть не отвѣчаетъ за дѣйствія военной власти, потому что эти дѣйствія вполнѣ самостоятельны; военная власть также не отвѣчаетъ за свои дѣйствія, потому что указаніе дѣйствовать оружіемъ и даже указаніе самаго момента дѣйствовать были ею получены отъ гражданской власти. Самое же усмотрѣніе военной власти въ пользованіи оружіемъ ничѣмъ не ограничено".

Когда говорятъ о „невозможности юридической помощи" въ томъ смыслѣ, что при существующихъ условіяхъ правосудіе въ дѣлахъ съ политическимъ оттѣнкомъ реально недостижимо, то это понятно. Весьма вѣроятно, что такъ и разсуждали петербургскіе присяжные повѣренные. Но это не значитъ, какъ полагаетъ, повидимому, „Наша Жизнь", что сами законы не даютъ нужныхъ средствъ для возбужденія преслѣдованія. Карательныя статьи и порядокъ возбужденія преслѣдованія противъ гражданскихъ властей указаны въ законѣ самымъ точнымъ образомъ. Настоящая замѣтка—простая справка по уложенію и уставу въ примѣненіи къ образу дѣйствій гражданскихъ властей во время событій 9 января.

Прежде всего виновны и отвѣтственны начальники общей полиціи. Судя по правительственному сообщенію, надо заключить, что нападенія на войска со стороны рабочихъ были по меньшей мѣрѣ не вездѣ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они ограничивались *упорнымъ сопротивленіемъ* подчиниться требованіямъ разойтись. Во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ было только это *упорное, но не насильственное* сопротивленіе, распоряженіе старшаго присутствовавшаго полицейскаго чиновника было превышеніемъ власти съ намѣреніемъ и езъ [illegible]вной необходимости, сопровождавшееся нанесеніемъ ранъ и убійствами. Это составляетъ преступленіе, караемое по 346 ст. улож. о нак. въ высшей мѣрѣ наказаній, опредѣляемыхъ статьями 1477—1484, т. е. вплоть до каторжныхъ работъ на десять лѣтъ. Эти полицейскіе чиновники подлежатъ суду и наказанію безусловному.

О дѣйствіяхъ полицейскихъ начальниковъ, потребовавшихъ вмѣшательства войскъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ насилія начались со стороны рабочихъ, на основаніи 1085 и 1086 ст. уст. угол. суд., должно быть произведено административное разслѣдованіе и они должны представить своему начальству объясненія о своихъ дѣйствіяхъ. Если окажется, что требованіе содѣйствія войскъ было вызвано необходимостью, то согласно ст. 1087 того же устава до-

знаніе можетъ быть прекращено въ административномъ порядкѣ, ибо въ силу ст. 340 улож. „не почитается превышеніемъ власти: .....когда чиновникъ или должностное лицо, въ какихъ либо чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, возьметъ на свою отвѣтственность принятіе также чрезвычайной, болѣе или менѣе рѣшительной мѣры, и потомъ докажетъ, что оная въ видахъ государственной пользы была необходима, или что по настоятельности дѣла онъ не могъ, безъ видимой опасности или вреда для службы, отложить принятіе сей мѣры до высшаго на то разрѣшенія". Но если эти полицейскіе начальники не докажутъ съ несомнѣнностью, что залпы въ толпу были *необходимы*, что безъ нихъ нельзя было обойтись, то и они должны быть преданы суду съ угрозою такой же отвѣтственности, какъ и прочимъ. А доказать это будетъ трудно.

Затѣмъ, кромѣ общей полиціи, у насъ существуетъ другая, называемая политической. Въ ея распоряженіи состоитъ большое число служащихъ и имѣются очень большія деньги. Если съ такими средствами руководители этой полиціи не сумѣли заблаговременно узнать, что 9 января 100.000 рабочихъ пойдутъ со всѣхъ окраинъ столицы ко дворцу съ мольбами Государю о своихъ печаляхъ и заботахъ, то они виноваты въ небрежности и нерадѣніи къ своимъ обязанностямъ. Это были несомнѣнно чрезвычайно важныя упущенія и послѣдствіемъ ихъ были важнѣйшіе и прискорбнѣйшіе безпорядки, а на основаніи ст. 411 улож. о нак. „въ случаѣ важныхъ со стороны чиновника упущеній и когда отъ нерадѣнія его или медленности въ отправленіи должности произошли видимые безпорядки или запущеніе въ дѣлахъ, онъ можетъ быть немедленно преданъ суду, который въ правѣ его приговорить: къ выговору, съ внесеніемъ онаго въ послужной его списокъ, или къ вычету изъ времени службы его отъ трехъ мѣсяцевъ до одного года, или къ удаленію отъ должности".

Если начальники политической полиціи знали о готовившемся движеніи рабочихъ къ Зимнему Дворцу и хотя бы наканунѣ не сообщили объ этомъ петербургскому градоначальнику, то они виновны въ бездѣйствіи власти. На основаніи ст. 341 улож. о нак. виновные въ превышеніи или противозаконномъ бездѣйствіи власти подвергаются, въ случаяхъ особенно важныхъ, заключенію въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ по ст. 4 ст. 31 уложенія, т. е., отъ полутора года до двухъ съ половиною лѣтъ.

Наконецъ, если высшіе начальники, въ рукахъ которыхъ сосредоточено руководительство какъ общей, внѣшней, такъ и осо-

бенной, политической полиціей, своевременно получили свѣдѣнія о готовившемся движеніи и не приняли нужныхъ мѣръ, чтобы предупредить кровавое столкновеніе, вина въ преступномъ бездѣйствіи власти переходитъ на нихъ и суду и наказанію по 341 ст. подлежатъ они.

Итакъ, сѣтованія на отсутствіе закона неправильны. Законъ есть, и надо требовать его исполненія. Всѣ виновные подлежатъ уголовной отвѣтственности передъ судомъ и гражданской передъ потерпѣвшими. Нѣтъ нужды напоминать и объ указѣ 12 декабря. Стоитъ любому изъ пострадавшихъ подать жалобу градоначальнику или петербургскому генералъ-губернатору съ предъявленіемъ гражданскаго иска къ опредѣленному полицейскому чиновнику и въ силу 1089 ст. уст. уг. суд. [1]) должно быть возбуждено предварительное слѣдствіе. Несомнѣнно также, что хотя бы не было подано ни одной жалобы пострадавшими, высшіе представители административной власти сами были бы обязаны разслѣдовать дѣйствія своихъ подчиненныхъ.

Или, быть можетъ, не надо суда? 23 января на Путиловскомъ заводѣ Митрополитъ Антоній высказалъ мѣстнымъ рабочимъ поученіе о событіяхъ 9 января: „какъ во дни Ноя, сказалъ владыко, люди ѣли, пили, женились и замужъ выходили, пока не пришелъ потопъ, или какъ было во дни Лота, пока не пролился съ неба дождь огненный и сѣрный и не истребилъ всѣхъ, такъ и надъ нами совершился внезапно праведный судъ Божій . . . Невольно всѣ мы спрашиваемъ: за что же, за что такъ ужасно скончали дни своей жизни эти безвременно погибшіе? За что? Но что говоритъ Господь? „Думаете ли вы, говоритъ онъ, что тѣ галилеяне, которыхъ плоть смѣшалъ Пилатъ съ жертвами ихъ, были грѣшнѣе всѣхъ галилеянъ, что такъ пострадали? Нѣтъ, говорю я вамъ; но если не покаятесь, всѣ такъ погибнете... Грѣхи наши тяжкіе и всѣмъ намъ вѣдомые. Мы забыли законъ Отца нашего небеснаго и стали жить безпечно въ похотяхъ сердца нашего. Крѣпкіе историческіе устои бытія нашего мы поколебали и расшатали. Вѣра наша православная, наша вѣрность православному Царю нашему поддались искушенію. Зато и предалъ насъ Господь, за безпеч-

[1]) Ст. 1089 Для преданія суду за преступленіе должности необходимо предварительное слѣдствіе, черезъ судебнаго слѣдователя, въ слѣдующихъ случаяхъ:... когда съ обвиняемаго должностнаго лица требуется вознагражденіе за вредъ или убытки, причиненные его дѣйствіями по должности.

ность нашу и слабовѣріе, и допустилъ совершиться тяжкому несчастію. Если не покаятесь, всѣ такъ погибнете".

Можетъ быть и умѣстны эти слова о всеобщемъ покаяніи въ устахъ митрополита петербургскаго, но негодующая скорбь гражданина не можетъ смириться передъ ними. Правда, тяжки грѣхи наши, но грѣшны мы, а не тѣ, которые кровью искупили наши преступленія. Пусть мы извѣрились въ пользу и прочность историческихъ устоевъ нашихъ,—тѣ не колебали ихъ, ихъ вѣрность не поддалась искушенію: въ твердой надеждѣ и съ горячею вѣрой въ заступничество Царское шли они просить помощи и защиты у Государя. И слова владыки о галилеянахъ не примирятъ насъ съ тѣмъ, что было. Пусть въ отвлеченномъ смыслѣ виновно все общество (хотя и виновно не въ томъ, въ чемъ уличаетъ его архипастырь), но воспоминаніе страшнаго дня выдѣляетъ изъ безличнаго представленія въ обществѣ непосредственныхъ виновниковъ безсмысленнаго кровопролитія и возмущенное чувство требуетъ для нихъ строгой кары. Великое несчастіе, допущенное небомъ, было и великимъ преступленіемъ. Надъ нами совершился судъ Божій, но надъ преступниками еще не было суда человѣческаго.

Около десяти лѣтъ назадъ Россія и съ нею Европа содрогнулись отъ катастрофы на Ходынкѣ. Тогда по приказанію Государя Императора о причинахъ ужасной смерти шести или семи тысячъ человѣкъ, собравшихся на Царскій праздникъ, было произведено законное разслѣдованіе судебнымъ слѣдователемъ по особо важнымъ дѣламъ. Слѣдствіе обнаружило виновниковъ катастрофы и установило степень ихъ вины. Они не были преданы суду, но по докладу статсъ-секретаря графа Палена состоялось Высочайшее повелѣніе, которымъ виновность ихъ была подтверждена, и они не остались безнаказанными. Съ тѣхъ поръ много воды утекло, а за послѣдніе дни и много крови пролито. Разслѣдованіе событія 9 января поручено, какъ пишутъ, тому же графу Палену, какъ и дѣло о Ходынской катастрофѣ. Но Петербургское преступленіе несравненно тяжеле Московскаго и новое общественное несчастіе неизмѣримо глубже прежняго: тамъ была почти стихійная давка людей, давившихъ на смерть самихъ себя, здѣсь—залпы регулярнаго войска по безоружной толпѣ. Преступленіе тяжеле,—возмездіе должно быть сильнѣй. Страна будетъ ждать суда.

Фискалъ.

II. Матеріальное уголовное право въ проектированныхъ редакціонною коммисіею при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ законоположеніяхъ о крестьянахъ.

Изъ проектовъ редакціонной коммисіи по пересмотру законоположеній о крестьянахъ къ матеріальному уголовному праву непосредственно относится волостной уставъ о наказаніяхъ, помѣщенный въ I томѣ трудовъ коммисіи на страницахъ 243—282 и, съ объясненіями, въ III т. на страницахъ 293—468. Но названный уставъ проходитъ мимо послѣдствій наказаній, на основаніи его налагаемыхъ. Эти послѣдствія, заключающіяся въ ограниченіи правъ подвергшихся наказаніямъ за нѣкоторые виды преступныхъ дѣяній, а также послѣдствія нѣкоторыхъ изъ наказаній, налагаемыхъ общими судами на основаніи общаго уголовнаго уложенія, находятся въ проектахъ положеній „о крестьянскомъ общественномъ управленіи" (статьи 36, 47, 85 и 118) и „о волостномъ судѣ" (ст. 12). Перечисленныя статьи 2 названныхъ положеній, существенно дополняющія, какъ волостной уставъ о наказаніяхъ, такъ и уголовное уложеніе 1903 г., представляютъ двойной интересъ— и съ точки зрѣнія уголовнаго права, и съ точки зрѣнія права государственнаго, опредѣляя до нѣкоторой степени качества органовъ суда и управленія сельскихъ общинъ.

Съ нихъ и полагаю начать критическій разборъ намѣченныхъ частей проектированныхъ законоположеній.

Въ ст. 36 положенія „о крестьянскомъ общественномъ управленіи" читаемъ:

„Къ участію въ сельскихъ и земельныхъ сходахъ не допускаются крестьяне:..... 3) троекратно осужденные за кражу, мошенничество, присвоеніе или растрату чужаго имущества, а также троекратно осужденные за мотовство и пьянство, въ теченіе 3 лѣтъ со дня отбытія наказанія по послѣднему приговору".

Статья эта вызываетъ цѣлый рядъ вопросовъ и замѣчаній.

Во первыхъ, къ чему собственно относятся послѣднія слова ея, ограничивающія лишеніе осужденныхъ права на участіе въ сходѣ 3-хъ лѣтнимъ срокомъ: къ осужденію ли за всѣ перечисленныя въ 3 пунктѣ преступныя дѣянія, или только къ осужденію за мотовство и пьянство? Къ послѣднему предположенію ведетъ употребленный въ статьѣ оборотъ рѣчи, постановка словъ: „а также

троекратно осужденные за“, которыя были бы излишни, еслибъ не имѣлось въ виду приговоры за мотовство и пьянство выдѣлить въ ихъ послѣдствіяхъ изъ приговоровъ, помянутыхъ прежде. Между тѣмъ отнюдь не ясно, такова ли была мысль составителей проекта.

Это замѣчаніе имѣетъ въ виду редакцію статьи. По содержанію 3 п. 36 статьи нужно сказать слѣдующее.

Есть много видовъ корыстныхъ преступленій, здѣсь не поименованныхъ, какъ напр. подлогъ (угол. улож., статьи 440, 441 и друг.), вымогательство (ibid. ст. 590). Слѣдовательно, осужденные за такія преступленія не устраняются отъ участія въ сходѣ?

Вѣроятно впрочемъ, составители проектовъ законоположеній о крестьянахъ не думали устранить дѣйствія Высочайше утвержденнаго уголовнаго уложенія и полагали, что осужденные за помянутыя преступленія, будучи приговариваемы къ заключенію въ исправительномъ домѣ, уже устраняются отъ участія въ сходахъ, на основаніи 1 п. 30 ст. и статьи 31 уголовнаго уложенія, на 10 или, по крайней мѣрѣ, на 5 лѣтъ по отбытіи наказанія. Но на это можно сказать во 1-хъ, что составители проектовъ, заботясь о возможной ясности проектируемыхъ законовъ для самого крестьянства, должны были бы не придавать разсматриваемой статьѣ исчерпывающій характеръ, способный ввести мало образованнаго читателя въ заблужденіе, а повторить соотвѣтствующее указаніе общаго закона или, по крайней мѣрѣ, помѣстить ссылку на него. Во 2-хъ, приговоренные на основаніи помянутыхъ выше статей уголовнаго уложенія могутъ быть приговорены къ заключенію не въ исправительномъ домѣ, а въ тюрьмѣ, какъ напр. въ случаѣ обвиненія ихъ лишь въ покушеніи на преступленіе (угол. улож., ст. 51 и 53), и тогда (ibid. ст. 27 и 30) осужденный крестьянинъ въ избирательныхъ правахъ на основаніи уголовнаго уложенія не ограничивается. Выходитъ, что на основаніи 36 ст. положенія о крестьянскомъ общественномъ управленіи отъ участія въ сходахъ не устраняется крестьянинъ, обнаружившій своимъ дѣяніемъ почти такую же нравственную испорченность, какъ и устраняемые. Обращаясь къ преступленіямъ, поименованнымъ въ 3 пунктѣ разсматриваемой статьи, можно, думаю, и здѣсь придти въ нѣкоторое недоумѣніе. Чтобы крестьянинъ былъ устраненъ отъ участія въ сельскомъ сходѣ, онъ долженъ быть *троекратно* осужденъ за кражу или подобное преступленіе. Между тѣмъ сельскому сходу предоставляется рѣшеніе, напр., такихъ дѣлъ: выборы сельскихъ должностныхъ лицъ (разсматриваемое положеніе, ст. 24, п. 1),

учетъ должностныхъ лицъ, избранныхъ сельскимъ обществомъ (ibid., п. 9), удаленіе изъ сельскаго общества тѣхъ изъ проживающихъ въ его средѣ членовъ онаго, дальнѣйшее пребываніе коихъ въ этой средѣ угрожаетъ мѣстному благосостоянію и безопасности (ibid., п. 3), и проч. Неужели къ рѣшенію подобныхъ дѣлъ достойны быть допущены лица, дважды осужденныя за воровство или мошенничество, и при томъ тотчасъ по освобожденіи ихъ изъ тюрьмы, откуда по собственному признанію составителей законоположеній (труды редакціонной коммисіи по пересмотру законоположеній о крестьянахъ, т. III, стр. 344), „подвергнутый заключенію (при существующихъ условіяхъ тюремнаго режима) нерѣдко возвращается болѣе нравственно испорченнымъ, чѣмъ онъ былъ до отбытія наказанія“?

Того же положенія статья 85 содержитъ отрицательныя условія для права быть выборнымъ на волостной сходъ. Эта статья представляетъ особую важность, потомучто тѣже самыя условія ставятся и для выборныхъ на сельскіе сходы въ многолюдныхъ селеніяхъ (ibid., ст. 47), и для волостныхъ судей (положеніе о волостномъ судѣ, ст. 12). Всѣ замѣчанія, сдѣланныя по поводу ст. 36-й, равно относятся и къ статьѣ 85, кромѣ лишь послѣдняго: осужденные за кражу и другіе преступленія и пороки, помянутые въ 3 п. 36 ст., хотя бы были осуждены и одинъ только разъ, избирательнаго права лишаются.

Наиболѣе строгія ограниченія въ пассивныхъ избирательныхъ правахъ представляетъ ст. 118 того же положенія, опредѣляющая отрицательныя условія права занимать „должности, замѣщаемыя по выбору“, т. е. (ст. 115) должности: волостнаго старшины, сельскаго старосты, помощника старшины, волостнаго сборщика, сборщика податей и волостныхъ засѣдателей. Для ясности необходимо привести всю эту статью цѣликомъ:

„На должности, замѣщаемыя по выбору не могутъ быть избираемы: 1) лица моложе 30 лѣтъ; 2) тѣлесно наказанные по суду по достиженіи совершеннолѣтія, а также всѣ состоящіе подъ судомъ и слѣдствіемъ и завѣдомо развратнаго поведенія; и 3) осужденные, по достиженіи совершеннолѣтія, за кражу, мошенничество и присвоеніе чужаго имущества и растрату его, или за мотовство и пьянство“.

Нужно замѣтить еще, что приведенная статья дополняется пунктомъ 1-мъ статьи 94, въ которой указывается, что „вѣдѣнію волостного схода подлежатъ выборы должностныхъ лицъ волост-

наго управленія *изъ крестьянъ участвующихъ въ волостномъ сходѣ*". Слѣдовательно, для всѣхъ выше перечисленныхъ на основаніи ст. 115 лицъ, кромѣ сельскихъ старостъ, избираемыхъ сельскимъ сходомъ на основаніи статьи 24, которая не налагаетъ никакихъ ограниченій на право быть избираемымъ, обязательно и удовлетвореніе условіямъ, постановленнымъ въ ст. 85. Какія же, стало быть, дополнительныя ограниченія устанавливаются для перечисленныхъ должностныхъ лицъ сравнительно съ выборными на сходы и—что особенно важно—сравнительно съ волостными судьями, для которыхъ противъ выборныхъ опредѣляется только одно лишнее ограниченіе: они должны имѣть по крайней мѣрѣ 35 лѣтъ (а не 30) отъ роду (ст. 12 положенія „о волостномъ судѣ")? 1) Лишаются права быть избранными состоящіе подъ судомъ или слѣдствіемъ по какимъ бы то ни было преступнымъ дѣяніямъ; 2) осужденные за перечисленные преступленія и проступки, совершенные по достиженіи совершеннолѣтія, лишаются права избранія безсрочно; 3) къ проступкамъ, лишающимъ совершившихъ ихъ правъ на избраніе, присоединяются всѣ дѣянія, за которыя по волостному уставу о наказаніяхъ предполагалось установить тѣлесное наказаніе—еслибы это наказаніе въ дѣйствительности было наложено—т. е., говоря вообще, буйство и особенно дерзкіе поступки (ст. 9 названнаго устава); 4) помимо совершившихъ опредѣленные въ законѣ преступленія и проступки, не имѣютъ права быть избираемы лица завѣдомо развратнаго поведенія.

Въ настоящее время, послѣ отмѣны тѣлесныхъ наказаній манифестомъ 11 августа 1904 года, разсматриваемая статья не можетъ быть сохранена въ прежней ея редакціи. Но остается неизвѣстнымъ, пожелаютъ ли измѣнить только редакцію ея, исключивъ изъ 2-го пункта начало и за то пополнивъ пунктъ 3-й перечисленіемъ тѣхъ преступныхъ дѣяній, которыя подразумѣвались въ исключительной части, или уменьшатъ число условій ограничивающихъ право избранія. По причинѣ такой неизвѣстности приходится разсматривать заключающіяся въ статьѣ постановленія въ такомъ видѣ, въ какомъ они изложены въ напечатанныхъ трудахъ редакціонной коммисіи. Недоумѣній и замѣчаній они вызываютъ не мало и сами по себѣ, и по сравненію съ другими статьями проектированныхъ законоположеній.

Пробѣлы, указанные выше для статей 36 и 85, остаются и здѣсь незаполненными. Осужденные за вымогательство и подлоги не лишаются по закону права избранія. Остается надежда на

здравый разсудокъ избирателей и на возможность въ случаѣ ошибокъ со стороны послѣднихъ—при выборѣ волостнаго старшины и его помощника (ст. 131) и сельскаго старосты (ст. 135)—исправленія ошибокъ земскимъ начальникомъ. Но, имѣя такую надежду, незачѣмъ было бы и выдѣлять нѣкоторыя преступленія изъ ряда прочихъ, одинаковаго съ ними характера, и ставить ихъ законными препятствіями къ избранію. Неужели крестьяне не станутъ выбирать въ начальники оказавшагося способнымъ совершить подлогъ, но выберутъ вора?

Затѣмъ, не слишкомъ ли широкое право дается наблюдателямъ за законностью выборовъ указаніемъ на „развратное поведеніе", какъ на основаніе лишать лицо права быть избраннымъ на должность? Подъ такое неопредѣленное указаніе можно подвести слишкомъ многое.

Но наибольшее недоумѣніе вызывается сравненіемъ условій выбора на всѣ административныя должности, съ одной стороны, и съ другой, на должность волостнаго судьи. Человѣкъ „завѣдомо развратнаго поведенія", буянъ, „способный совершать безстыдныя дѣйствія" или „наносить оскорбленіе дѣйствіемъ съ особливою дерзостью" (волостной уставъ о наказаніяхъ, ст. 9), не можетъ быть сборщикомъ податей или волостнымъ засѣдателемъ, но можетъ творить судъ, котораго цѣль, между прочимъ, „огражденіе общественнаго порядка, спокойствія, благочинія" и проч. (тотъ же уставъ, глава 4)! Крестьянинъ, высѣченный по достиженіи совершеннолѣтія и признаваемый вслѣдствіе этого недостойнымъ быть сборщикомъ податей, признается достойнымъ судить другихъ и налагать на нихъ наказанія, и даже дѣлаться предсѣдателемъ волостнаго суда (что, въ случаѣ если онъ принадлежитъ къ числу болѣе грамотныхъ въ волости—ср. ст. 13 положенія о волостномъ судѣ можетъ сказаться довольно вѣроятнымъ) и въ качествѣ таковаго засѣдать въ волостномъ съѣздѣ (того же положенія ст. 34 и 35)—въ одной коллегіи съ почетными мировыми судьями!

Какъ же объясняютъ составители проектовъ такую поразительную разницу въ требованіяхъ отъ кандидатовъ на тѣ и другія должности?

На стр. 40 тома III трудовъ коммисіи, въ объясненіяхъ къ 9—14 статьямъ положенія о волостномъ судѣ, говорится, что „положительныя свойства и качества, коими должны обладать волостные судьи, установлены въ соотвѣтствіи съ тѣми, которыя приняты въ проектѣ положенія о крестьянскомъ общественномъ управленіи для

занятія должности волостнаго старшины“ (?!!), и затѣмъ перечисляются—съ нѣкоторыми, далеко не неважными пропусками—условія, помянутыя въ 85 ст. указываемаго положенія, а стало быть ст. 118 оказывается какъ бы несуществующею!

Отъ совокупности разсматриваемыхъ статей и объясненій къ нимъ получается такое впечатлѣніе, какъ будто положенія о крестьянскомъ общественномъ управленіи и о волостномъ судѣ составлялись разными лицами, въ разныхъ комнатахъ, и сидящіе въ одной комнатѣ не всегда справлялись о томъ, что дѣлается въ другой, а пишущіе объясненія не всегда считали нужнымъ справляться и съ объясняемымъ текстомъ!

Переходя къ волостному уставу о наказаніяхъ, мы должны будемъ встрѣтиться съ явленіемъ подобнымъ, хотя и нѣсколько отличнымъ—составители устава во многихъ случаяхъ игнорировали то, что дѣлалось, и о чемъ размышляли въ коммисіяхъ при другомъ министерствѣ—Министерствѣ Юстиціи и въ Государственномъ Совѣтѣ.

Противорѣчіе положеніямъ, принятымъ по тщательномъ обсужденіи дѣла въ Государственномъ Совѣтѣ и удостоеннымъ Высочайшаго утвержденія, встрѣчаемъ уже на 1-ыхъ страницахъ проектированнаго устава, въ 2-хъ первыхъ его статьяхъ. Въ 1-ой ст. говорится: „Вѣдѣнію волостнаго суда подлежатъ слѣдующіе, предусмотрѣнные въ семъ уставѣ, *проступки*:..... 6) кража, присвоеніе и растрата чужаго имущества стоимостью до пятидесяти рублей, а равно мошенничество на такую же сумму“. Въ статьѣ 2-ой читаемъ: „за *проступки*, указанные въ предшедшей статьѣ, волостной судъ назначаетъ виновнымъ слѣдующія наказанія:..... 3) *заключеніе въ тюрьмѣ* на срокъ до одного мѣсяца“.

Такимъ образомъ, редакціонная коммисія сочла нужнымъ совершенно игнорировать 3-ю статью Высочайше утвержденнаго уголовнаго уложенія, по которой *проступками* называются лишь „дѣянія, за которыя въ законѣ опредѣлены, какъ высшее наказаніе, арестъ или денежная пеня, преступныя же дѣянія, за которыя, какъ высшее наказаніе, опредѣлены „заключеніе въ исправительномъ домѣ, крѣпости или тюрьмѣ, называются *преступленіями*“. И эти термины введены не случайно. Извѣстно, что по первоначальному проекту уголовнаго уложенія термины *délits*, *vergehen* переводились словомъ *проступки*, а *contraventions*, *übertretungen*—словомъ *нарушенія*. Особое совѣщаніе при Государственномъ совѣтѣ измѣнило эту терминологію на основаніи слѣдующихъ соображеній (см. угол. улож.

22 марта 1903 г., изданіе Н. С. Таганцева 1904 г., объясненія къ ст. 3, стр. 5): „....по проекту заключеніемъ въ исправительномъ домѣ между прочимъ наказываются подлоги, разбой, вымогательство, кровосмѣшеніе, а заключеніемъ въ тюрьмѣ—*воровство*, *многіе виды мошенничества* и тому подобныя преступныя дѣянія. Такого рода *преступленія* имѣютъ далеко немаловажное значеніе и совершенно не соотвѣтствуютъ обще-употребительному смыслу слова „проступокъ", которымъ обозначаются обыкновенно болѣе легкія, незначительныя нарушенія требованій закона. Поэтому вышеуказанное употребленіе этого слова въ несвойственномъ ему значеніи можетъ повлечь за собою *распространеніе въ населеніи совершенно нежелательнаго представленія* о признаніи закономъ относительной легкости весьма важныхъ преступныхъ дѣяній. Въ виду сего.... особое совѣщаніе *сочло необходимымъ* замѣнить предположенные термины наименованіями.... вмѣсто *проступки — преступленія*, а вмѣсто *нарушенія — проступки*". Мнѣніе особаго совѣщанія раздѣлило особое присутствіе департаментовъ и общее собраніе Государственнаго Совѣта, наконецъ оно получило санкцію Государя Императора, но редакціонная коммисія при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ остается при особомъ мнѣніи, и министерство, предлагая работы коммисіи какъ исходную точку для законодательства о крестьянахъ, нѣкоторымъ образомъ рекомендуетъ губернскимъ совѣщаніямъ слѣдовать этому „особому мнѣнію" и игнорировать Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта!

Если бы министерству удалось осуществить проектированныя законоположенія, то путаница въ представленіяхъ населенія объ относительной легкости или важности тѣхъ или другихъ преступныхъ дѣяній получилась бы замѣчательная. Такъ напр. чухонецъ—лютеранинъ или литвинъ — католикъ, женатый на православной и окрестившій своего ребенка въ свою вѣру, совершилъ *преступленіе* (угол. улож., ст. 89); хранившій порохъ внѣ склада въ количествѣ болѣе 30-ти фунтовъ совершилъ *преступленіе* (ibid., ст. 226); а совершившій 2 раза кражу, каждый разъ на сумму не свыше 50 р., въ районѣ дѣйствія волостнаго суда — совершалъ только *проступки!*

Если скажутъ, что термины, усвоенные законами, не имѣютъ большаго значенія, то, даже и не возражая противъ этой мысли— хотя едва ли справедливой и во всякомъ случаѣ, какъ уже сказано, не раздѣляемой Государственнымъ Совѣтомъ—нельзя не усмотрѣть, что проектируемые уставы умаляютъ въ глазахъ населенія значеніе

преступленій, признанныхъ Государственнымъ Совѣтомъ „далеко немаловажными“, самымъ выборомъ опредѣляемыхъ за нихъ наказаній.

Такое умаленіе сказывается уже въ томъ, что составители проекта волостнаго устава о наказаніяхъ, удержавъ въ немъ наказаніе тѣлесное, въ качествѣ наказанія позорящаго, назначили это наказаніе за буйство, дерзость, неисправимое пьянство и мотовство (ст. 9 и другія), но не назначили его ни за кражу, ни за мошенничество, ни за какіе другіе виды корыстныхъ преступленій—выдѣляя такимъ образомъ послѣднія изъ числа дѣяній, заслуживающихъ наиболѣе позорное наказаніе. Пишущему эти строки довелось, во время пребыванія въ судѣ въ качествѣ присяжнаго засѣдателя, слышать объясненія одного подсудимаго, обвинявшагося въ кражѣ велосипеда, который тотъ взялъ въ пьяномъ видѣ, не понимая, что онъ дѣлаетъ. Онъ, доживъ до 50 лѣтъ, судился въ первый разъ и предсталъ на судъ съ участіемъ присяжныхъ только потому, что принадлежалъ къ привилегированнымъ—къ духовному сословію. „Господа присяжные, говорилъ онъ, я пьяница, но я не воръ“. Что долженъ бы былъ говорить передъ проектированнымъ волостнымъ судомъ крестьянинъ, совершившій кражу въ пьяномъ видѣ, чтобы избѣгнуть розогъ? „Господа судьи, я воръ, но я не пьяница, я хорошо сознавалъ, что беру чужое“! За состоявшеюся отмѣною тѣлеснаго наказанія эта сторона проекта покрыта, такъ сказать, амнистіею и можетъ быть приводима только для уясненія точки зрѣнія, на которой стояли составители проектовъ. Но та же точка зрѣнія—не соображеніе наказаній съ внутреннею стороною преступныхъ дѣяній—обнаруживается и въ сохраняющихся частяхъ проекта устава о наказаніяхъ.

Прежде всего составители проекта увеличиваютъ принятое уголовнымъ уложеніемъ число чисто объективныхъ основаній квалификаціи корыстныхъ преступленій. Тогда какъ германское и нѣкоторыя другія западно-европейскія уложенія не безъ основанія вовсе исключаютъ цѣну похищеннаго изъ числа поводовъ къ квалификаціи кражи, наше уложеніе различаетъ довольно рѣзко по наказуемости (ст. 581) кражи на сумму: 1) не выше 50 к., [1]) 2)

[1]) Германское уголовное уложеніе нѣкоторые мелкіе виды похищенія чужой собственности относитъ къ Übertretungen и угрожаетъ за нихъ наказаніемъ штрафомъ до 150 марокъ или арестомъ (до 6 недѣль). Но здѣсь имѣетъ значеніе не одна цѣна похищеннаго. Сюда напр. относится похищеніе предметовъ продо-

свыше 50 к. и не выше 500 р. и 3) свыше 500 р. Тоже дѣленіе имѣетъ мѣсто и для мошенничества (ст. 591), а съ нѣкоторыми измѣненіями относительно случаевъ наибольшаго ослабленія отвѣтственности и для нѣкоторыхъ другихъ видовъ корыстныхъ и преступныхъ дѣяній (присвоеніе найденнаго, неизвѣстно кому принадлежащаго, имущества наказуемо лишь тогда, когда стоимость имущества превышаетъ 3 р.—ст. 571 и 572). При совокупномъ дѣйствіи уголовнаго уложенія и волостнаго устава о наказаніяхъ будутъ имѣть значеніе, кромѣ показанныхъ граней, для кражи, мошенничества, присвоенія и растраты чужаго имущества еще 2 грани: 5 р. и 50 р. (вол. уст. о наказаніяхъ, статьи 61—65).

Затѣмъ наказанія за кражу и мошенничество противъ назначаемыхъ уголовнымъ уложеніемъ ослаблены волостнымъ уставомъ до крайней степени, при чемъ совокупное дѣйствіе 2-хъ законовъ можетъ привести къ совершенно непонятнымъ противорѣчіямъ и совершенно спутывать представленія объ относительной важности преступныхъ дѣяній.

Такъ крестьянинъ, совершившій въ 1-й разъ кражу въ городѣ на сумму не болѣе 50 к., приговаривается къ заключенію въ тюрьмѣ на срокъ отъ 2-хъ недѣль до 6 мѣсяцевъ (угол. улож. ст. 581). Совершившій во 2-ой разъ кражу на сумму до 5 р. въ селеніи—въ районѣ дѣйствія волостнаго суда—приговаривается лишь къ аресту на срокъ отъ 10 дней до 1 мѣсяца (вол. уст., ст. 61).

Совершившій во 2-ой разъ кражу въ селеніи на сумму въ 50 р. приговаривается къ заключенію въ тюрьмѣ на срокъ отъ 10 дней до 1 мѣсяца (ibidem), а совершившій въ 1-й разъ такую же кражу въ городѣ, или на сумму въ 51 р. въ селеніи, приговаривается къ тюремному заключенію на срокъ отъ 3-хъ до 12 мѣсяцевъ (угол. улож., ст. 581).

Совершившіе во 2-ой разъ покушеніе на кражу въ селеніи на сумму въ 50 р. приговариваются къ аресту на срокъ отъ 1 дня до мѣсяца (вол. уст., ст. 66), а совершившій въ 1-й разъ покушеніе на такую же кражу въ городѣ или на сумму въ 51 р. въ томъ же селеніи приговаривается во всякомъ случаѣ къ тюрьмѣ (угол. улож. статьи 581, 49 и 53).

вольствія или потребленія незначительной цѣнности или въ незначительномъ количествѣ для немедленнаго употребленія и т. п. (герм. угол. улож. §§ 1, 18, 370 п. 5 и др.).

Въ объясненіе необходимости пониженія денежныхъ штрафовъ и сроковъ лишенія свободы для наказуемыхъ по волостному уставу вообще и въ частности за кражу и ей подобныя корыстныя преступныя дѣянія, въ III томѣ трудовъ редакціонной коммисіи приводятся такія соображенія. „Среду, поставляющую волостному суду нарушителей порядка и правъ частныхъ лицъ, составляетъ сельское населеніе, далеко не достигающее того уровня благосостоянія, для котораго денежный штрафъ въ 300 р. есть мѣра взысканія, а не разоренія; для нея же арестъ въ 3 мѣсяца и тюрьма до 2-хъ лѣтъ представляются не мѣрами карательной репрессіи, а средствами, ведущими къ полному хозяйственному разоренію. Съ другой стороны, нельзя не имѣть въ виду, что волостныя арестныя помѣщенія въ большинствѣ губерній не только не приспособлены къ содержанію въ нихъ арестуемыхъ въ теченіе продолжительнаго времени, но находятся въ совершенно неудовлетворительномъ состояніи, и назначаемыя на ихъ устройство и ремонтъ мірскія средства весьма незначительны, такъ что ожидать въ ближайшемъ будущемъ возможности приведенія упомянутыхъ помѣщеній въ болѣе или менѣе благоустроенный видъ едва ли было бы основательно. Въ такомъ же, однако, положеніи находится, какъ извѣстно, и дѣло устройства тюремъ, недозволяющее разсчитывать на то, чтобы въ скоромъ времени возможно было воспользоваться тюремными помѣщеніями для продолжительнаго содержанія въ нихъ приговариваемыхъ къ содержанію въ тюрьмѣ не только въ общемъ судебномъ порядкѣ, но и судами волостными“ (т. III, стр. 339).

Въ частности, о корыстныхъ преступныхъ дѣяніяхъ въ объясненіяхъ редакціонной коммисіи говорится:

„Въ большинствѣ случаевъ объектомъ посягательства служатъ, при малой зажиточности нашего сельскаго населенія, предметы столь малой стоимости, что возведеніе дѣйствій виновнаго въ ихъ похищенія на степень преступленія, требующаго высшей подсудности, едвали было бы правильно и практически полезно (ibid., стр. 330).

Приведенныя редакціонной коммисіей соображенія противъ долгихъ сроковъ лишенія свободы безъ сомнѣнія заслуживаютъ полнаго вниманія. Безъ сомнѣнія они и руководили бы судей при назначеніи наказаній, еслибы дѣла по преступленіямъ крестьянъ подлежали рѣшенію общихъ, а не сословныхъ судовъ. Но, если дѣйствительно, какъ полагаетъ редакціонная коммисія необходимо предоставить разсмотрѣніе всѣхъ преступныхъ дѣяній, предусматри-

ваемыхъ проектомъ волостнаго устава о наказаніяхъ, особымъ крестьянскимъ судомъ, которымъ въ то же время невозможно дать такія широкія права въ выборѣ наказаній, какія предоставляются судамъ уголовнымъ уложеніемъ 1903 года, то можно понять пониженіе сроковъ заключенія, но никакъ нельзя изъ сказаннаго вывести необходимость путать народное правопониманіе назначеніемъ одинаковаго рода наказанія за воровство и за нарушеніе полицейскихъ распоряженій. Нельзя равнымъ образомъ изъ сказаннаго выводить необходимость сохранять прежнія да еще вводить новыя объективныя мѣрки преступныхъ дѣяній. Сельское населеніе бѣдно, и потому предметы посягательствъ имѣютъ ничтожную цѣнность, говорятъ составители проектовъ. Да тѣмъ хуже представляется внутренняя сторона дѣянія. Если кража предмета цѣною не выше 50 коп. не можетъ принести большого вреда потерпѣвшему, и это понятно похитителю, послѣдній своимъ дѣяніемъ не выражаетъ злой воли. Къ его поступку, цѣня его и съ внутренней стороны, можно отнестись снисходительно. Но если у бѣдняка отнять 5 рублей, то это для него несчастіе, и совершившій похищеніе обнаруживаетъ тѣмъ дѣйствительно злую волю. Называть такое дѣяніе проступкомъ и, мало того, относиться къ нему какъ къ проступку, а не къ преступленію—едва ли позволительно. Если существующія тюрьмы не вмѣщаютъ приговариваемыхъ низшими судами, то можно издать временныя правила о замѣнѣ тюремнаго заключенія содержаніемъ въ арестныхъ помѣщеніяхъ при болѣе суровыхъ условіяхъ содержанія. Сохраняя приговоры къ заключенію въ тюрьмѣ и различая характеръ заключенія для приговариваемыхъ къ тюрьмѣ или къ аресту, законъ и судъ могли бы служить поясненію, а не запутыванію народнаго правосознанія.

Наконецъ весьма серьезное значеніе для возбужденія въ населеніи неправильныхъ представленій о сравнительной важности разныхъ преступныхъ дѣяній имѣетъ допущеніе *условнаго осужденія* [1]) *за одни лишь корыстныя преступленія* (волостн. уст. о нак., ст. 4, объясненія къ ней см. труды, т. III, стр. 343—345). Высказываясь за освобожденіе отъ наказанія, „случайно впавшаго въ преступное дѣяніе“, чтобы сохранить ему честное имя и этимъ сохранить для

---

[1]) Терминъ этотъ употребляю отнюдь не въ точномъ смыслѣ его, въ наукѣ принятомъ, а въ томъ особенномъ смыслѣ, въ какомъ его употребляетъ редакціонная коммисія—это замѣна наказанія впервые провинившагося выговоромъ, соединеннымъ съ обѣщаніемъ назначить виновному въ случаѣ повторенія вины строжайшаго наказанія.

него возможность находить работу, а также, чтобы избавить его отъ тюрьмы, изъ которой „при существующихъ условіяхъ тюремнаго режима“ заключенный „нерѣдко возвращается болѣе нравственно испорченнымъ, чѣмъ былъ до отбытія наказанія“, коммисія не признала, однако, возможнымъ примѣнять эту мѣру къ другимъ наказуемымъ по волостному уставу преступнымъ дѣяніямъ, которыя всѣ носятъ характеръ или проступковъ полицейскихъ, или уголовно-частныхъ. По послѣднимъ, читаемъ въ объясненіяхъ, „только отказъ жалобщика и прощеніе имъ обидчика могутъ прекратить дѣло“. Въ первыхъ же объектомъ является не единичная личность, а общество, его полицейскія требованія порядка и благоустройства; отмѣна кары явилась бы мѣрой слишкомъ произвольной (?), а при сколько нибудь широкомъ примѣненіи этого права судами привела бы къ безнаказанности этихъ проступковъ“. Если бы сказанное здѣсь было справедливо, то, чтобы не вносить смуты въ народное правосознаніе, слѣдовало бы вовсе отказаться отъ условнаго осужденія. Избавить впервые проворовавшагося и раскаивающагося въ своемъ преступленіи отъ развращающаго вліянія тюрьмы можно было бы назначеніемъ виновному наказанія простымъ арестомъ. Но соображенія противъ допущенія условнаго осужденія при полицейскихъ проступкахъ, для которыхъ нѣкоторыя законодательства только и допускаютъ такую мѣру, мнѣ представляются ничего не говорящими, и даже мало понятными. Но прежде всего почему всѣхъ этихъ возраженій—будь они справедливы нельзя было бы повторить и по поводу допущенія условнаго осужденія за корыстныя преступленія? Какъ можетъ быть *произвольна* мѣра, принимаемая сообразно закону? О какомъ *широкомъ* примѣненіи ея можетъ идти рѣчь, когда дозволяется ее примѣнять только къ провинившемуся впервые въ виду его прежняго добраго поведенія? Мнѣ лично пришлось впервые услышать объ условномъ осужденіи въ смыслѣ, въ которомъ это слово употреблено коммисіей, но безъ употребленія такого термина—еще сидя на классныхъ скамьяхъ стараго кадетскаго корпуса, прежде еще, чѣмъ залы этого самаго кадетскаго корпуса были открыты Я. И. Ростовцевымъ для засѣданій редакціонныхъ коммисій по улучшенію быта крѣпостныхъ крестьянъ. Въ это *дореформенное* время военный офицеръ, преподаватель тактики и воинскихъ уставовъ, говоря о важности поддержанія порядка и дисциплины въ воинской части и о средствахъ, къ тому ведущихъ, рекомендовалъ, между прочимъ, никогда не налагать наказанія на солдата, бывшаго исправнымъ и впервые провинившагося, ограничиваясь

угрозою строгого наказанія при повтореніи проступка. Почему теперь, говоря о поддержаніи порядка среди сельскаго населенія, считаютъ необходимымъ руководствоваться правиломъ извѣстнаго Фонвизинскаго героя, который заявлялъ, что „у него всякая вина виновата“?

Сдѣланныя мною замѣчанія касаются частностей разсматриваемыхъ проектовъ. Я не рѣшился высказываться о коренныхъ вопросахъ, должны ли преступныя дѣянія крестьянъ быть подсудны особому, чисто-сословному, крестьянскому суду, и если должны, то какова должна быть компетенція этого суда. Полагаю, что по этимъ вопросамъ могутъ высказываться лишь люди, стоящіе ближе къ народной жизни [1]). Но полагаю также, что совокупность сдѣланныхъ выше частныхъ замѣчаній можетъ привести къ тому выводу, что работы редакціонныхъ коммисій, относящихся къ матеріальному уголовному праву, чтобы быть удовлетворительными, какъ по ихъ редакціи, такъ и по существу дѣла—чтобы можно было ожидать, что они послужатъ къ поясненію и укрѣпленію народнаго правосознанія—должны быть, по крайней мѣрѣ, тщательно пересмотрѣны и заново передѣланы.

А. Вороновъ.

---

[1]) Изъ губернскихъ совѣщаній, засѣдавшихъ минувшей весной, сколько можно судить по газетамъ, высказались противъ сохраненія волостныхъ судовъ: *Кіевское*, *Казанское*, *Симферопольское*, *Костромское*, кажется *Харьковское*. За сохраненіе волостныхъ судовъ, но съ уменьшеніемъ ихъ компетенціи: *Тамбовское* и *Пермское* (послѣднее желало сокращенія компетенціи вол. судовъ только по уголовнымъ дѣламъ). *Курское* совѣщаніе вмѣстѣ съ сокращеніемъ компетенціи вол. судовъ желало, чтобы суды эти руководствовались общими законами. *Орловское* высказалось за составленіе волостн. устава о наказ. на началахъ новаго угол. улож. *Минское* совѣщаніе высказалось за то, чтобы волостные судьи могли быть избираемы изъ лицъ всѣхъ сословій. *Симбирское* высказалось противъ сохраненія тѣлесныхъ наказаній. 6 совѣщаній соглашались съ основными положеніями ред. коммисіи. Насколько мнѣніе этихъ совѣщаній сходилось съ общественнымъ мнѣніемъ представляемыхъ ими мѣстностей—судить очень трудно въ виду способа назначенія членовъ губернскихъ совѣщаній.

ГРАЖДАНСКАЯ ХРОНИКА.

Цивилистика среди современныхъ событій; правовое государство и принципы гражданскаго процесса.—А. А. Книримъ.

Inter arma silent Musae.... Къ общему хору голосовъ, взывающихъ о пересмотрѣ первооснов нашего государственнаго строя, цивилисту нечего прибавлять. И потому муза его молчитъ. Кому охота говорить, кому охота думать о мелкихъ починкахъ и перестройкахъ,—когда кругомъ идетъ жестокій по всей линіи бой за право созидать заново все зданіе отъ фундаментовъ до вершинъ?

Намъ нечего сказать... Сумрачные дни реакціи не прошли совсѣмъ безслѣдно и для насъ. Порча судебнаго персонала, воспитываемаго въ обстановкѣ преклоненія передъ администраціею, безъ вѣры въ святость судебной функціи, привилегированное положеніе „ока“ центральнаго вѣдомства юстиціи—прокуратуры, рядомъ съ нищенски оплачиваемымъ и обреченнымъ на каторжный трудъ гражданскимъ судомъ, учрежденіе земскихъ начальниковъ, надломившее принципъ обособленности власти судебной отъ административной, наконецъ временно похороненная въ общемъ склепѣ „Пересмотра Судебныхъ Уставовъ“, но характерная для своего времени попытка оппортунистическаго укороченія основныхъ принциповъ Судебныхъ Уставовъ и въ области гражданскаго процесса— все это было,—и въ большей или меньшей мѣрѣ шатало устои нашего, вдали отъ большой дороги стоящаго, зданія гражданскаго процесса.

Но устои все же уцѣлѣли: насъ мало трогали, ибо считали малоопасными. Между тѣмъ, кто знаетъ: быть можетъ, въ своей скромной замкнутости мы и не такъ мало были вредны „режиму“, какъ это можетъ казаться. Быть можетъ, въ нашихъ ригористическихъ нравахъ, такъ набожно проникнутыхъ вѣрою въ идею суда,—

быть можетъ, въ исповѣдуемомъ нами принципѣ состязательности, такъ крѣпко охраняющемъ свободу личности,—скрывалось нѣчто ядовитое, незамѣтно просачивавшееся и въ другія, болѣе воспаленныя и потому рѣзче реагирующія области? Не подъ вліяніемъ ли этого именно яда разложился во время оно старый уголовный процессъ, и воздвигнута на его мѣсто самая импозантная часть всей системы Судебныхъ Уставовъ? Не дѣлаемъ ли мы и теперь дальнѣйшаго шага въ томъ же направленіи? Не направлены ли усилія къ тому, чтобы во всѣхъ областяхъ столкновенія власти съ индивидуумомъ власть была переведена на роль стороны, спорящей, обвиняющей или обвиняемой, въ равномъ открытомъ судебномъ состязаніи,—не въ этихъ ли формахъ все того же гражданскаго процесса воплощаются многочисленныя гарантіи свободы личности противъ безраздѣльнаго владычества администраціи?

Составители Судебныхъ Уставовъ видѣли предтечу своихъ начинаній въ словахъ Екатерининскаго указа о томъ, что „судебный обрядъ дѣлъ по преступленіямъ долженъ быть елико возможно единообразенъ съ судебнымъ порядкомъ дѣлъ *гражданскихъ*“ (Объяснит. зап. Блудова къ уст. угол. судопр.). Они приравниваютъ положеніе вновь создаваемой, обособленной отъ суда, обвинительной власти къ положенію истца въ процессѣ. „Въ дѣлахъ (гдѣ затронута общественная безопасность)... обвинительная власть является *истцомъ*“, говорится въ одномъ мѣстѣ. „Обвинители во имя закона, прокуроры, обязаны возбуждать и преслѣдовать тѣ только дѣла, въ которыхъ *истцомъ* представляется обвинительная власть“, сказано въ другомъ. Да и самый основной канонъ новаго уголовнаго процесса: „Власть обвинительная отдѣляется отъ судебной“ (Основныя положенія ст. 3) есть въ сущности не что иное, какъ низведеніе власти, выступающей противъ гражданина во имя закона, на роль стороны въ процессѣ. И власть, дѣйствующая во имя объективнаго порядка, и личность, отвоевывающая свою свободу— и та и другая становятся равноправными сторонами, передъ лицомъ третьей, стоящей надъ ними обѣими, инстанціи,—передъ судомъ, которому одинаково долженъ быть дорогъ и объективный порядокъ и интересъ личности. И чѣмъ шире функціи суда въ коллизіяхъ власти съ индивидуумомъ, и чѣмъ больше въ процессѣ гражданско-состязательныхъ элементовъ, тѣмъ ближе отношенія гражданъ къ власти подходятъ къ тому идеалу правового государства, къ которому такъ страстно рвутся всѣ живыя общественныя силы.

* * *

Мы не исполнили до сихъ поръ, — по волѣ обстоятельствъ случайныхъ — долга своего передъ памятью того, кого помянуть слѣдовало прежде всего на страницахъ этого журнала.

Въ декабрѣ истекшаго года скончался Александръ Александровичъ Книримъ. Главный вдохновитель трудовъ по составленію Новаго Гражданскаго Уложенія, одинъ изъ творцовъ Устава Гражданскаго Судопроизводства, наконецъ многолѣтній Предсѣдатель Гражданскаго Отдѣленія Юридическаго Общества,— А. А. Книримъ имѣетъ сверхъ того передъ нами еще особенную заслугу: онъ основатель журнала, являющагося нашимъ родоначальникомъ. Въ 1871 г. появилась въ свѣтъ первая книжка „Журнала Гражданскаго и Торговаго права, издаваемаго А. Книримомъ и Н. Туромъ". Журналъ расширялъ затѣмъ свою програму, мѣнялъ свое названіе („Журналъ Гражданскаго и Уголовнаго Права", Журналъ Юридическаго Общества", „Вѣстникъ Права"), но начатый въ 1871 г. онъ не прекращалъ своего существованія въ теченіе XXXV лѣтъ. Такая долговѣчность—и особенно непрерывность—не доставалась еще на долю ни одного изъ нашихъ юридическихъ изданій.

Въ теченіе многихъ лѣтъ Книримъ редактировалъ журналъ. За это время на страницахъ его печатались работы Спасовича, Арсеньева, Оршанскаго, Таганцева, Пахмана. Рядомъ съ ними появлялись въ каждой книжкѣ безымянныя замѣтки, безымянные обзоры практики, безымянныя рецензіи; ни для кого не тайна, что большинство изъ нихъ принадлежали перу Книрима, но Книримъ предпочиталъ не видвигать своего личнаго творчества. Безымянный трудъ повидимому наиболѣе соотвѣтствовалъ его скромной, дѣловитой натурѣ. Эта скромность сочеталась въ Книримѣ съ другимъ достоинствомъ: онъ умѣлъ — и повидимому любилъ— быть невидимымъ вдохновителемъ большихъ собирательныхъ трудовъ, организаторомъ многихъ творческихъ силъ, направляемыхъ къ одной большой цѣли. На долю его естественно выпадало при этомъ и отыскиваніе людей, и руководство ими, и созиданіе плана работы, и изысканіе путей исполненія,—и наконецъ вся та необходимая связующая черная работа, которая не оказывалась достаточно заманчивой для чьего либо индивидуальнаго творчества. Весь этотъ тяжелый трудъ Книримъ всегда исполнялъ, не считаясь съ тою іерархическою ступенью, на которой приходилось ему стоять, все съ тою же энергіею и добросовѣстностью и всегда также энергично скрывая свое личное творчество.

Сверстникамъ А. А. по созданію Судебныхъ Уставовъ извѣстно, что Уставъ Гражданскаго Судопроизводства весь почти былъ разработанъ однимъ А. А. Но вы тщетно стали бы искать его имя подъ отдѣльными частями печатныхъ матеріаловъ по судебной реформѣ. Имя это часто попадается въ особыхъ мнѣніяхъ, многія изъ этихъ мнѣній несомнѣнно принадлежатъ перу А. А., но авторство и здѣсь можетъ быть съ несомнѣнностью установлено только въ тѣхъ случаяхъ, когда при особомъ мнѣніи оставался одинъ Книримъ. Случаи эти, конечно, крайне рѣдки, и біографу остается потому строить догадки объ индивидуальномъ участіи Книрима въ той или иной части работы лишь на основаніи отдаленныхъ и недостаточно точныхъ предположеній.

Ту же скромную роль безымяннаго труженика отвелъ себѣ А. А. и при составленіи гражданскаго уложенія. Вся исторія уложенія неразрывно связана съ именемъ А. А. При условіяхъ нашей дѣйствительности, всякая законодательная попытка, хотя бы она затрагивала наиболѣе животрепещущіе вопросы, силою вещей превращается въ канцелярское упражненіе. Составленіе гражданскаго уложенія всегда и вездѣ составляло особенно торжественный актъ народной жизни. Оно волновало общество, привлекало къ себѣ вниманіе ученыхъ. Для его созданія снаряжались органы особенные, изъ ряда обычныхъ выходящіе. У насъ работа надъ уложеніемъ, начатая въ сѣрые восьмидесятые годы, производилась въ тѣсной коллегіи судебныхъ практиковъ и чиновниковъ, при полномъ почти отсутствіи представителей науки, и тѣмъ менѣе представителей общества. И кто знаетъ, не заглохла ли бы эта работа совершенно, какъ глохнетъ у насъ изъ года въ годъ опредѣленное число снаряжаемыхъ въ лонѣ вѣдомствъ коммисій, если бы во главѣ ея не стали два человѣка „изъ стаи славной“ творцовъ нашихъ уставовъ—Стояновскій и Книримъ. Стояновскій впрочемъ былъ уже въ преклонномъ возрастѣ, и естественно потому, что все дѣло уложенія пришлось вынести на своихъ плечахъ Книриму. Въ отношеніи Книрима къ работѣ по уложенію сказывалась—какъ и во всемъ, что онъ дѣлалъ—тенденція къ устраненію всякой казенщины, къ упрощенію отношеній, къ низведенію себя на степень работника, равнаго всѣмъ прочимъ, и къ поднятію этимъ самымъ во всѣхъ сотрудникахъ сознанія важности труда и глубокой за него отвѣтственности. И если работа по уложенію, при всей ея медленности и при всѣхъ недостаткахъ ея, все же доведена до конца, то этимъ мы въ значительной сте-

пени обязаны той энергіи, подвижности и безусловной вѣрѣ въ окончательную побѣду добрыхъ намѣреній, которыми А. А. преодолѣвалъ всѣ препятствія, встрѣчаемыя имъ на пути. Препятствія эти, не всегда замѣтныя наружу, были особенно сильны въ виду обнаружившихся рано „либеральныхъ“ общественныхъ тенденцій коммисіи по составленію уложенія,—тенденцій, встрѣчавшихъ отпоръ въ представителяхъ высшей администраціи—особенно изъ тѣхъ, кто нѣкогда былъ близокъ къ гражданскому праву и кто горячо отстаивалъ самобытность и неизмѣнность устарѣлыхъ формъ гражданской жизни, и устарѣлой формы самой кодификаціи.

И быть можетъ, безшумная побѣда надъ этимъ подземнымъ, но глубокимъ теченіемъ,—побѣда мысли, эмансипирующейся отъ древнихъ формъ быта и созидающей хотя бы и не вполнѣ еще совершенныя, но новыя, болѣе свѣжія формы—такая побѣда являлась, быть можетъ, у насъ наиболѣе цѣнною и даже единственною возможною для государственнаго дѣятеля въ только что пережитые нами безпросвѣтные годы.

Работа Книрима надъ гражданскимъ уложеніемъ близко соприкасается съ дѣятельностью въ его юридическомъ обществѣ.

Въ теченіе двухъ—если не ошибаемся—десятилѣтій А. А. руководилъ гражданскимъ отдѣленіемъ общества. Не всегда соглашаясь быть оффиціально предсѣдателемъ, онъ всегда оставался однимъ изъ главныхъ его вдохновителей. И съ тѣхъ поръ какъ Коммисія по составленію Уложенія принялась за дѣло кодификаціи, Книримъ пытался создать внѣ Коммисіи—въ Юридическомъ обществѣ, обособленномъ отъ Коммисіи, состоящемъ изъ представителей разныхъ общественныхъ не-чиновныхъ группъ—органъ контролирующій, освѣщающій труды Коммисіи. И хотя общество (въ широкомъ смыслѣ слова) не пошло на встрѣчу этимъ начинаніямъ, А. А. со свойственною ему настойчивостью продолжалъ двигать начатое дѣло. Онъ являлся въ довольно пустынныя засѣданія гражданскаго отдѣленія вмѣстѣ съ ближайшими своими сотрудниками по Коммисіи, самъ возбуждалъ вопросы, вызывалъ пренія, и не проходило почти ни одного реферата, по поводу котораго не обсуждался бы вопросъ, связанный съ будущимъ гражданскимъ уложеніемъ. Чувствовалось, что даже самыя пренія—элементъ, казалось бы, случайный—какъ будто инсценированы, ощущалась и здѣсь чья-то организаторская рука, толкавшая людей всѣми средствами на работу, на обмѣнъ мнѣній, на выясненіе того, что темно и что трудно выяснить небольшому кружку лицъ, работающему въ служебной атмосферѣ,

вдали отъ научныхъ движеній и отъ непосредственной живой дѣйствительности. Увы, представители науки и живой дѣятельности плохо откликались, и общеніе дѣятелей кодификаціи съ учеными и общественными группами дало слишкомъ слабые, не соотвѣтствующіе затраченнымъ усиліямъ результаты...

Быть можетъ, грядущее обновленіе нашей жизни возбудитъ творческіе порывы и въ гражданско-правовой сферѣ, быть можетъ въ эти дни общественнаго вдохновенія будетъ разомъ понято, что гражданскій кодексъ есть огромный рычагъ въ дѣлѣ культурнаго подъема страны,—и хватитъ тогда напряженія и силъ, чтобы ускореннымъ темпомъ,—такимъ, какимъ вообще живется въ эти дни—разомъ переработать груды собранныхъ Коммисіей матеріаловъ, вдохнуть въ нихъ единый духъ и сдѣлать будущее гражданское уложеніе такимъ же народнымъ достояніемъ, какимъ стали въ свое время судебные уставы.—Во всякомъ случаѣ огромная заслуга накопленія этихъ матеріаловъ, заслуга посильнаго выведенія ихъ на свѣтъ Божій, за стѣны административныхъ канцелярій, будетъ принадлежать покойному Книриму.

Наша бѣглая замѣтка, основанная преимущественно на личныхъ впечатлѣніяхъ и воспоминаніяхъ далеко не охватываетъ всѣхъ сторонъ дѣятельности покойнаго А. А. Журналъ нашъ вернется еще къ оцѣнкѣ этой дѣятельности въ полномъ объемѣ. Мы не желали только дольше откладывать исполненіе долга, лежащаго на каждомъ труженикѣ русской цивилистики, передъ памятью того, кто всю жизнь являлся стойкимъ и энергичнымъ борцомъ за обновленіе нашей гражданско-правовой жизни.

М. Винаверъ.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ХРОНИКА.

Современный кризисъ.—Недавнее прошлое: Организація власти и дезорганизація подвластныхъ.—Переходное время: организація управляемыхъ.—Нынѣшнія средства самозащиты стараго порядка.

I.

Еще недавно никто не сомнѣвался въ твердой устойчивости реакціи. Когда обсуждались предположенія о грядущихъ событіяхъ, когда обдумывались пути спасенія Россіи,—и если при этомъ вырисовывались дерзновенныя перспективы,—неизмѣнно пессимистами въ упоръ ставился грозный вопросъ: но позвольте, какія у „оппозиціи" силы, на кого вы разсчитываете? И вамъ доказывали, что такія силы малочисленны, что вамъ почти не на кого разсчитывать, и что возрастаютъ онѣ—по сравненію съ грандіозной задачей до крайности медленно. А отчетливыхъ возраженій на это вы въ сущности не находили. Конечно, вы утверждали, что помимо знатно-сановническихъ верховъ, лично заинтересованныхъ въ сохраненіи существующаго, нѣтъ того слоя, который былъ бы имъ сколько нибудь удовлетворенъ, въ интересахъ, а пожалуй, и въ намѣреніяхъ котораго было бы его защищать, вы возражали, что объективные запросы русскаго народа вопіютъ о перемѣнѣ режима, что такъ дольше жить нельзя, что государство такъ существовать больше не можетъ... Но оно все таки существовало. Вѣдь запросы вопіютъ лишь устами людей; а достаточно громкаго голоса не слыхать было на вольномъ воздухѣ,—можетъ быть, потому только, что не было вольнаго воздуха; но—увы—частные разговоры въ счетъ не идутъ, и притомъ голосъ—если онъ достаточно громокъ—самъ раздвигаетъ преграды и создаетъ нужный просторъ. Сами себя

запросы не удовлетворяютъ, они требуютъ человѣческой работы, но ея-то, повидимому, и было недостаточно; а то, что никому не охота защищать старое, еще не значитъ, что есть достаточныя активныя силы бороться за новое. И вотъ стояли одно противъ другого въ безысходномъ противорѣчіи два одинаково вѣрныхъ утвержденія: нѣтъ достаточно борцовъ за новое—и нѣтъ сколько нибудь сильныхъ устоевъ у стараго. И это старое стояло въ грозной неподвижности...

Но быстрой чередой пронеслись событія, и все измѣнилось. Борцы за новое появились; изъ двухъ одновременно правильныхъ и все же противорѣчивыхъ сужденій первое отпало—и остается свободное отъ возраженій второе: у стараго режима нѣтъ устоевъ. Провѣримъ же, такъ ли это, въ чемъ была его сила, какъ она исчезла, и нѣтъ ли способовъ ее возстановить?

Сила стараго режима заключалась въ организованности фактическаго обладанія властью при полной дезорганизаціи народа, въ громадной своей части малосознательнаго (или даже прямо невѣжественнаго). Аморфной массой можетъ управлять и небольшая организація, и чѣмъ обширнѣе эта масса, тѣмъ легче ею управлять, ибо тѣмъ труднѣе ее вывести изъ состоянія аморфности, тѣмъ мощнѣе въ ней сила инерціи. Устойчивость строя опредѣлялась инерціей цѣлаго, самозащита строя—сохраненіемъ этой инерціи. Чѣмъ же оно достигалось?

Мы не будемъ приводить всѣмъ памятныхъ фактовъ и ограничимся сжатымъ схематическимъ обзоромъ примѣненныхъ средствъ.

Необходимо было, *чтобы организація власти была возможно сильнѣе.* Отсюда—стремленіе увеличивать ея значеніе въ народномъ организмѣ, путемъ подчиненія ея опекѣ всѣхъ сторонъ жизни, путемъ предоставленія ея непосредственному вѣдѣнію важнѣйшихъ отраслей народнаго хозяйства. Этому и была посвящена централизаціонная политика министерства финансовъ (ср. Пѣшехоновъ, На очередныя темы, „Централизація экономической власти"). Необходимо было, чтобы *организація власти сама была надежная,* оставалась покорнымъ орудіемъ въ рукахъ немногихъ ея заправилъ и дестинатеровъ—и вотъ для вступающихъ въ нее лицъ создается система противуестественнаго полицейскаго подбора по принципу благонадежности, усложняемому лишь критеріями личныхъ связей и протекцій. Но бюрократія, какъ организація власти, разростается, включая въ себя рядъ общественныхъ группъ, въ качествѣ своихъ органовъ. Необходимо было *обезпечить гибкость*

подчиненія не только всей страны—этой громоздкой машинѣ, но самой *машины—ея управителямъ*. Это и было достигнуто лишеніемъ самостоятельности тѣхъ отдѣльныхъ корпорацій, которыя ею обладали (напр. судейской) и постановкой всей организаціи въ полную и непосредственную зависимость отъ высшихъ органовъ, сосредоточившихъ всю распорядительную власть въ своемъ безконтрольномъ и не ограниченномъ законностью произволѣ. Такимъ образомъ, самый ростъ бюрократической организаціи при необходимости сохранить полноту власти въ ея верхахъ разрушалъ стройность и закономѣрное организаціонное единство; самодержавно-бюрократическій режимъ сталъ собственно олигархически сановнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, постановка вопроса объ административной юстиціи, согласно которой привлеченіе къ суду чиновника ставится въ зависимость отъ разрѣшенія его начальства, разрываетъ закономѣрную связь чиновника съ управляемымъ, ставя ихъ обоихъ въ зависимость отъ воли начальства; наличность „3-го пункта" уничтожаетъ закономѣрную связь внутри бюрократіи, приводя къ тому-же.

Таковы были мѣры обезпечиванія одной стороны стараго режима—организаціи власти. Необходимо было обезпечить и другую—дезорганизацію подвластныхъ. Соотвѣтственно съ этимъ—десятилѣтіями шла политика сведенія на нѣтъ земскаго и городского самоуправленія, обострялась полицейская репрессія противъ болѣе мелкихъ общественныхъ организацій, какъ то ученыхъ и др. обществъ, частью уничтоженныхъ, частью искалѣченныхъ; создавались затрудненія для открытія новыхъ; ограничивались, если не воспрещались вовсе, всякія временныя формы общенія (какъ-то съѣзды) и т. д.

Помимо такой *борьбы съ организаціями* велась не менѣе успѣшная *компанія противъ средствъ организовыванія*—устнаго и печатнаго слова. Но наиболѣе вѣрнымъ путемъ закрѣпленія общественной дезорганизаціи—было *давленіе на основныя условія* всякаго *организовыванія*, на народное просвѣщеніе. Надо было сохранить невѣжество и предразсудки народа, надо было ограничить просвѣщеніе одними привилегированными классами, производя и здѣсь личный подборъ благонамѣренныхъ—съ одной стороны, а съ другой—идейный подборъ благонамѣренности путемъ постановки содержанія преподаванія въ соотвѣтствіе съ полицейскими запросами, какъ въ смыслѣ программъ, такъ и въ смыслѣ контроля за ихъ соблюденіемъ. Такимъ образомъ, борьба съ просвѣщеніемъ уничто-

жала организацію общественнаго мнѣнія, какъ борьба съ земствами, обществами и пр. уничтожала организацію общественныхъ силъ и дѣйствія.

Но и это не все. И просвѣщеніе—несмотря ни на что—росло, и политическія и соціальныя идеи просачивались, и факты вопіяли; вотъ, противъ ихъ безостановочной работы недостаточны были указанныя мѣры, нужны были средства болѣе острой борьбы. Соотвѣтственно съ этимъ мы и наблюдаемъ какъ расширеніе роли полиціи въ министерствѣ вн. дѣлъ (почти доведшее до поглощенія ею всего министерства), такъ и параллельное созданіе спеціальныхъ правительственныхъ организацій, посвященныхъ той же цѣли. Сыскъ и обыскъ покрываютъ всю землю русскую, и длинными, безконечными вереницами слѣдуютъ на далекія окраины будущіе этнографы поневолѣ. Проскрипціонные списки растутъ и почти исчерпываютъ всѣхъ, кто не занятъ ихъ составленіемъ.

Каковы же результаты такого положенія вещей?

Въ бюрократіи оно проявляется оскудѣніемъ. Нѣтъ людей, нѣтъ талантовъ; почти всѣ сколько нибудь сильныя самостоятельныя индивидуальности не успѣваютъ благополучно завоевать всѣ нужные аттестаты незрѣлости; съ ослабленіемъ самостоятельности и иниціативы—устанавливается равнодушное, безалаберное, формальное отношеніе къ дѣлу; въ средѣ случайности и личныхъ связей расцвѣтаетъ карьеризмъ, какъ верховный принципъ успѣха, канцелярскія соображенія заслоняютъ государственныя; государству не „служатъ“ больше—имъ только „заправляютъ“. Сосредоточеніе власти въ рукахъ немногочисленной, взаимноинтригующей бюрократической олигархіи ведетъ къ внутренней чернильной междоусобицѣ;—организація власти идетъ къ разложенію.

Аналогичны послѣдствія режима и въ народѣ. Оскудѣніе духовное и матеріальное поражаютъ его; лучшіе люди устраняются; если же остаются, то по большей части искалѣченные и измочаленные; народная нищета растетъ, тяжелая одурь заволакиваетъ умы и сердца. Народъ раздробленъ на атомы, народъ превращенъ въ отдѣльныхъ обитателей территоріи; слово „гражданинъ“ звучитъ тупо-юмористически, „обыватель“—никого не обижаетъ. Всякій существуетъ самъ по себѣ и даже сообщаться съ другимъ—помимо личныхъ интересовъ—рѣшается лишь въ полъ-голоса. Но недовольство разливается; нѣтъ человѣка (среди управляемыхъ), которому было бы хорошо. Недовольство сознательное сопровождаетъ безсильный скрежетъ зубовный, постоянное раздраженіе;

несознательное—тупая вялость и озлобленіе. Патріотизмъ падаетъ—ибо нѣтъ своего общаго дѣла, на которомъ одномъ онъ можетъ расти и крѣпнуть; все общее, государственное держится за семью замками. Всесторонняя опека вытѣсняетъ любовь къ родинѣ послушаніемъ и холопствомъ передъ управляющими ею. Создается идеологія, выливающаяся въ формулу—„день, да ночь—сутки прочь". Растетъ безнадежная увѣренность: „ничего-молъ не будетъ", „все останется по старому", „правительство все можетъ". И это дѣйствительно такъ, ибо хотя правительство можетъ только то, что позволяетъ народъ, но когда на мѣстѣ народа только механическая совокупность жителей, то оно все можетъ.

Итакъ, управляющая бюрократія идетъ къ самоуничтоженію, управляемый народъ—къ оскудѣнію; значитъ, государство слабѣетъ и угрожаетъ паденіемъ. Это временно можетъ быть прикрыто съ помощью искусственныхъ мѣръ, но возбуждающія лекарства отражаются послѣдующимъ сугубымъ удрученіемъ; рано или поздно оно и должно обнаружиться. При такихъ условіяхъ вся политика самозащиты стараго режима должна была свестись къ инерціи, къ сохраненію во что бы то ни стало status quo, потому что всякое его нарушеніе должно было обнаружить скрытую слабость. Во внутренней политикѣ это приводило къ дезорганизаціи народа, во внѣшней—къ политикѣ мира,—къ натиску и нахрапу тамъ, гдѣ предполагалась слабость, къ слабости тамъ, гдѣ чувствовалась сила. Миролюбіе во внѣ и война внутри, какъ средства сохраненія status quo—вотъ вся мудрость стараго режима.

Мы видѣли, что въ себѣ самомъ онъ несъ свою гибель, слѣдовательно, всѣ усилія его сохраненія не могли его отъ нея спасти. Весь вопросъ свелся къ дилеммѣ: кто погибнетъ скорѣе, ибо оба шли къ гибели—и строй (бюрократія) и государство (народъ). Поскольку оставалась возможность предположить, что оскудѣніе первой пойдетъ медленнѣе оскудѣнія второго, Россія рисковала спуститься на уровень какого нибудь Китая,—впредь до столкновенія съ другимъ государственнымъ организмомъ, который (какъ Европа Китаю), нанеся ударъ государству, способствовалъ бы такой неизмѣримо страшной цѣной устраненію и самаго строя.

Къ счастью Россія—не Китай, обмѣнъ съ Европой слишкомъ великъ; грамотность и сознательность разливались несмотря ни на что, хотя и медленно, но неудержимо; великодержавство обязывало къ внѣшнему блеску и самодовлѣнью, промышленность, искусственно поддерживаемая, разросталась. Неудовольство разросталось уже

безъ искусственной поддержки и, превращаясь въ отчаяніе, дѣлало и невозможное возможнымъ.

Внѣшняя политика вторгается въ это положеніе и ускоряетъ развязку; силою вещей создалась такая сфера, въ которой методы внѣшней политики переплелись съ методами внутренней политики— это случилось на Дальнемъ Востокѣ. Онъ былъ чужимъ краемъ, и иностранныя державы были въ немъ заинтересованы; но его собирались сдѣлать русской губерніей и преждевременно примѣнили пріемы внутренняго управленія; вмѣсто мира, какъ условія сохраненія status quo, Дальній Востокъ подвергся захвату; но такъ какъ народъ былъ здѣсь не свой, родной, то дѣло еще шло хорошо, пока ограничивалось китайцами, и прескверно, когда дошло до японцевъ.

Двѣ ниточки, обѣ ветхія, обѣ едва сохранявшія внѣшность цѣлости, здѣсь встрѣтились, переплелись, и отъ взаимнаго тренія —порвались.

Такъ подготавливался „переходный періодъ“.

II.

Какъ же проявился переходный періодъ?

Чтобы одной формулой отвѣтить на этотъ вопросъ, скажемъ, что одностороннее угнетеніе окончательно уступило мѣсто двусторонней войнѣ. Вполнѣ наглядно это произошло въ порубежной между внутренней и внѣшней политикой области—на Дальнемъ Востокѣ, но почти такъ же наглядно происходило это и внутри.

Формы борьбы естественно вытекали изъ описаннаго нами выше положенія вещей. Въ силу раздробленности управляемыхъ и полноты охватившаго многихъ отчаянія съ одной стороны, и индивидуальнаго характера бюрократической олигархіи—съ другой, встрѣчная борьба должна была вылиться въ форму индивидуальныхъ же актовъ. Массовая же борьба должна была имѣть своими очагами тѣ учрежденія, которыя по самому существу своему не подлежали раздробленію, которыя въ самомъ своемъ существованіи носили условія организованности—фабрика и высшее учебное заведеніе. Точно также наглядно обусловлены предшествующимъ и задачи борьбы. Если старый строй зиждился на дезорганизованности подвластныхъ при организаціи власти, то борьба заключалась въ объединеніи первыхъ (массовой формой борьбы) и дезорганизовываніи второй (индивидуальной). Для объединенія необходимо было восполнить отсутствующія въ русской жизни условія его: и вотъ, со-

здается (преимущественно заграницей) внѣцензурная литература, ведется дѣятельная пропаганда, въ университетахъ отъ времени до времени создается трибуна сравнительно свободнаго слова и т. п.

Но этимъ дѣло не ограничивалось. Важнѣе было, въ особенности для такъ называемаго общества, не столько выяснять—не пропаганда, сколько вызвать проявленія, пріучать къ дѣйствію—агитація. Соотвѣтственно съ этимъ происходитъ рядъ демонстрацій, забастовокъ и пр., роднившихъ общество съ мыслью о возможности политическаго дѣйствія, ставившихъ наглядно для всѣхъ эти вопросы, нарушавшихъ улиточную отдѣльность обывателей, заражавшихъ его политическими эмоціями.

Затѣмъ этотъ процессъ продолжалъ все дальше расширяться, захватывая все большіе слои. Такъ, зарубежная литература сперва исчерпывается „крайними“ теченіями, потомъ появляются книги и статьи, сейчасъ могущія свободно быть перепечатанными въ любой легальной газетѣ. То же повторяется и съ поисками свободныхъ трибунъ: ихъ стремятся создать чуть ли не на каждомъ съѣздѣ; люди, видимо, напряженно ищутъ случая обмѣняться взглядами, высказаться свободно. Очевидно, что этимъ процессамъ соотвѣтствуютъ скрытые процессы организовыванія, которые между прочимъ и проявляются въ разнообразныхъ „партіяхъ“, „группахъ“, „съѣздахъ“, и пр.

Такимъ образомъ исподволь, но съ все большимъ ускореніемъ, нарушалась дезорганизованность общества; молодежь, бастовавшая въ школѣ „академической“, проходила политическую школу; пріободрялись унывавшіе, пріобщались безразличные; понемногу стряхивалась умственная инерція, движеніе въ обществѣ получало размахъ, словомъ, происходило „вступленіе“.

Но вотъ—развитіе внутреннихъ отношеній столкнулось съ развитіемъ внѣшнихъ. Какъ закономѣрное послѣдствіе недостатковъ стараго строя, возгорѣлась неподготовленная война, на которой наглядно для всѣхъ—для всякаго читателя любой газеты, для всякаго, до кого доходили безчисленные слухи, вскрылась вся внутренняя немощь режима. Это сбивало спѣсь и самоувѣренность въ его носителяхъ, вызывая паденіе престижа въ глазахъ подчиненныхъ; въ бюрократіи поселялась неувѣренность и растерянность. Такъ, къ объединенію общества привходила, обостряясь, дезорганизація власти.

Но война имѣла и другія послѣдствія. Усугубились матеріаль-

ныя тяготы, въ особенно рѣзкихъ, наглядныхъ формахъ коснувшіяся громаднаго множества лицъ; обострилось недовольство, повысилась эмоціональная отзывчивость; идейный интересъ къ судьбамъ родины охватилъ людей доселѣ безразличныхъ; близость смерти вознесла людей на нѣкоторую высоту, настроила души торжественнѣе обыденнаго, поставила предъ самыми легкомысленными и бездумными серьезныя проблеммы; свыкаясь съ представленіями объ опасностяхъ, человѣкъ пріучался мыслить о подвигахъ.

При такихъ условіяхъ начался послѣдній трехмѣсячный, въ тѣсномъ смыслѣ критическій, періодъ переходнаго времени.

Общественное и народное организовываніе двинулось гигантскими шагами, оставивъ далеко за собой прежнія мелкія ячейки, заплеснувъ ихъ, какъ могучій потокъ покрываетъ лежащіе на его пути небольшіе пруды. Передъ нами уже не совокупность отдѣльныхъ людей и они уже не ищутъ случая проявить свои чувства и мнѣнія, а общественныя организаціи, учрежденія, группы, профессіи, чуть не классы *создаютъ* такія коллективныя, организованныя проявленія. Организованое общественное мнѣніе сказалось, нѣкоторыя общественныя силы кристаллизовались, какъ мгновенно кристаллизуется пересыщенный растворъ, когда его неустойчивое равновѣсіе нарушаетъ хотя бы незначительный кристаллъ.

Но этого мало. Вѣдь не слѣдуетъ упускать изъ виду уже отмѣченное выше, а именно, что бюрократія разросшись вмѣстила въ свои предѣлы обширнѣйшіе слои общества и народа. Личный составъ чиновничества въ особенности на низшихъ ступеняхъ, а частью и на среднихъ, весьма тѣсно связанъ съ внѣбюрократическими элементами тысячею нитей общности жизни, быта, родства, чувствъ, мыслей; и глубокое народно-общественное движеніе неминуемо должно перекинуться въ эту среду, ибо въ концѣ концовъ, хотя напр. телеграфистъ или сидѣлецъ въ винной лавкѣ—и бюрократъ, а запасной—военный, но вѣдь и имъ ничто человѣческое не чуждо. То же, разумѣется, относится и къ среднимъ слоямъ бюрократіи; цѣлые отдѣлы, слои, входящіе въ составъ чиновнаго механизма, впитанные имъ въ себя, или близко съ нимъ соприкасающіеся, тѣсно примыкаютъ къ свободнымъ профессіямъ, входя въ составъ „общественныхъ" силъ. И сильное броженіе въ этихъ сферахъ неминуемо вноситъ дезорганизацію въ бюрократію, заражая и ее оппозиціоннымъ духомъ.

И эта дезорганизація грозитъ достигнуть воистину грандіозныхъ размѣровъ въ случаѣ усиленія нѣкоторыхъ проявленій обществен-

наго единенія, напр., забастовки. Иные порицаютъ эту форму, притворно приписывая ее интеллигентской лѣни. Другіе ее защищаютъ: конечно, молъ, лучше была бы активная борьба, но и она—хотя градусомъ пониже,—а все же также борьба, протестъ. На самомъ дѣлѣ ни тотъ взглядъ, ни этотъ невѣрны. Забастовка широко и стройно проведенная, захватывающая хотя бы часть, но широкую, общества и народа, неминуемо грозитъ задержать бюрократическую машину, заставивъ ее почти немедленно капитулировать.

Наряду съ этой формой общественнаго дѣйствія наглядно вырисовывается и другая: фактическое осуществленіе тѣхъ требованій, которыя предъявляются законодателю. Выставляется требованіе свободы собраній,—люди, не дожидаясь возведенія его въ законъ, свободно собираются; требуютъ свободы слова—говорятъ свободно и т. д. Конечно, не всѣ требованія могутъ быть фактически осуществляемы, въ особенности—сколько нибудь полно. Но могутъ найти воплощеніе совершенно неожиданно даже формы, заранѣе кажущіяся неосуществимыми. Вѣдь въ сущности даже чуть ли не народное представительство—хотя и крайне несовершенное—до извѣстной степени осуществимо въ формѣ „частныхъ совѣщаній". Такое фактическое осуществленіе требованій имѣетъ громадное значеніе. Во первыхъ, оно воспитываетъ общество, приготовляя его къ соотвѣтствующимъ формамъ новой общественной жизни; во вторыхъ, оно—въ случаѣ подавленія властью—пріобрѣтаетъ характеръ акта борьбы противъ нея, въ случаѣ же неподавленія—является фактическимъ осуществленіемъ желаемаго и требуемаго у власти.

Такимъ образомъ, забастовка, какъ прекращеніе дѣятельности въ формахъ существующаго устройства, осложняется фактическимъ (хотя бы и крайне частичнымъ) осуществленіемъ институтовъ строя искомаго. Довольно наглядную иллюстрацію такого положенія вещей мы наблюдаемъ на многихъ губернскихъ земскихъ собраніяхъ, откладывающихъ оффиціальныя сессіи по окончаніи частныхъ совѣщаній, касающихся вопросовъ общегосударственнаго значенія.

Резюмируя сказанное, мы приходимъ къ такимъ заключеніямъ. Сила стараго строя заключалась въ организаціи управляющихъ при дезорганизаціи управляемыхъ; суть переходнаго времени заключается въ организаціи управляемыхъ (собственно: только болѣе сознательной части ихъ) при дезорганизаціи управляющихъ. Процессъ этотъ, разъ начавшись, можетъ только усиливаться, ибо у власти нѣтъ внутреннихъ устоевъ противъ расшатанности—помимо

ея (прежней и исчезающей) фактической организованности, а у народа имѣются могучіе стимулы къ объединенію, которымъ помѣхою была (прежняя, частью исчезающая) дезорганизованность. Отсюда съ непререкаемой очевидностью слѣдуетъ, что старый режимъ осужденъ и неминуемо обреченъ на устраненіе.

Какія же отсюда открываются перспективы на будущее?

Обозрѣвая современное положеніе, мы замѣчаемъ три основныя силы, которыя грубыми мазками можемъ охарактеризовать какъ 1) разрушающіеся остатки старой организаціи власти, 2) нарождающіеся зачатки организаціи сознательныхъ элементовъ общества и народа (преимущественно городского населенія) и 3) неорганизованныя несознательныя массы (въ значительной части деревенскаго населенія), загадочныя и громадныя.

При такихъ условіяхъ наиболѣе разсудительнымъ было бы объединить эти три элемента такимъ образомъ, чтобы все населеніе влить въ организованныя формы, намѣченныя сознательными элементами (представительство, система гарантій и пр.), и надѣлить ихъ фактическими силами и властью, имѣющимися у перваго изъ указанныхъ факторовъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ исторической борьбѣ вообще, а въ эпохи кризисовъ въ особенности, власть достается наилучше организованнымъ и сознательнымъ; сознательность и зачатки грядущей организаціи сейчасъ сосредоточены у втораго фактора, слѣдовательно, безъ него не обойтись будущему строю. Но у этихъ слоевъ нѣтъ традицій, нѣтъ еще въ широкихъ массахъ, выходящихъ изъ закрѣпленныхъ инерціей рамокъ, вѣры въ него, привычки идти за нимъ—съ одной стороны, а съ другой—положеніе до такой степени запутано, что его скорая и удовлетворительная ликвидація едва ли возможна при какомъ бы то ни было режимѣ; при такихъ условіяхъ не быть опрокинутой недовольными массами и удержаться сумѣетъ даже не та власть, которая будетъ преслѣдовать интересы этой массы, а только та власть, которая явится ихъ представительницей, въ которой онѣ сами будутъ участвовать. Вотъ почему только непосредственное участіе третьяго фактора придастъ устойчивость предстоящему строю. Наконецъ, избѣжать безконечно тяжелаго, мучительнаго процесса высвобожденія изъ фактическаго положенія вещей было бы возможно только, если бы первый факторъ добровольно примирился съ такимъ переходомъ и предоставилъ новой организаціи свои наличныя силы. Только такая совмѣстная работа разрѣшенія общихъ безконечныхъ за-

трудненій могла бы обезпечить возможно мирный и устойчивый выходъ изъ нихъ.

Но противъ такой государственно-демократической программы— и закрѣпленные предразсудки и интересы вліятельныхъ слоевъ населенія; осуществленіе ея—едва ли возможно, надежда на него— едва ли не наивна. Въ менѣе наивной, въ болѣе реальной постановкѣ та же программа ограничивается объединеніемъ второго и третьяго фактора—демократическая; другая оппозиціонная программа предполагаетъ сочетаніе первыхъ двухъ факторовъ на началахъ требованій второго изъ нихъ,—либеральная. Обѣ онѣ представляютъ и немалыя трудности и немалыя опасности.

Противъ нихъ стоятъ программы сохраненія status quo, какъ въ голомъ видѣ (реакція), такъ и въ нѣкоторыхъ видоизмѣненіяхъ: 1) смягченная уступками общественнымъ требованіямъ (второму фактору), умѣренно либеральная и 2) обостренная разчетомъ на активную помощь несознательныхъ массъ (третьяго фактора)— реакціонно-демагогическая.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ всѣ возможныя сочетанія основныхъ трехъ факторовъ настоящей политической дѣйствительности [1]. Разумѣется, здѣсь возможны и разные переходы и оттѣнки. Сейчасъ мы не будемъ ихъ разсматривать, а ограничимся только разборомъ, какіе шансы на успѣхъ имѣются у программы сохраненія status quo.

III.

Итакъ, историческимъ ходомъ вещей старый строй осужденъ на устраненіе. Но нѣтъ-ли у него какихъ либо средствъ самозащиты, возстановленія своей силы? И каковы шансы такой программы.

Первое, въ чемъ естественно искать отвѣтъ на этотъ вопросъ— это въ старыхъ методахъ, съ помощью которыхъ строй себя защищалъ послѣднія десятилѣтія. Но едва-ли они, даже подчеркнутые и усиленные, теперь еще годятся или еще возможны. Они производили то, что уже и предполагали—дезорганизованность общества;

---

[1]) Программою третьяго фактора, взятаго самого по себѣ,—могла бы оказаться пугачевщина; второй факторъ тяготѣетъ къ одному изъ другихъ; поэтому программа его, взятаго самого по себѣ, была бы—радикальная, колеблющаяся между демократизмомъ и либерализмомъ, въ зависимости отъ преобладанія тѣхъ или иныхъ его элементовъ.

исчезаетъ она—исчезаетъ и ихъ предпосылка, подрывается и значеніе ихъ. Они предполагали еще организованность власти; расшаталась она—исчезаетъ еще одна ихъ предпосылка, еще больше подорвано ихъ значеніе. Они служили охраненію общественной инерціи,—но инерція нарушена, замѣнилась движеніемъ, значитъ—ея нѣтъ, значитъ—нечего больше и охранять. Сколько бы ни усиливать эти методы и пріемы—а въ этомъ и заключалась политика Плеве—положеніе это неизмѣнимо: исчезли ихъ предпосылки, не приложимы и методы.

Но если нельзя закрѣплять инерціи, когда ея больше нѣтъ, то, можетъ быть, ее возможно еще возстановить. Какимъ-же образомъ? Положимъ, что организацію власти можно закрѣпить диктаторскими полномочіями, подтянувъ исполнителей (хотя съ каждымъ днемъ и они становятся все менѣе надежными), но какъ уничтожить объединеніе управляемыхъ? Объединиться обществу, народу было трудно, потому что при всеобщей разъединенности каждый человѣкъ представлялъ лишь гвоздикъ, одиноко стоящій, легко устранимый и замѣнимый. Но объединенное общество не устранимо и не замѣнимо; даже не довѣряя ему, его приходится признавать. Разъ объединеніе уже въ ходу, разъ потребность въ немъ сознана, разъ воля къ нему сильна и прочна, разъ мужество есть и оно подкрѣпляется у множества лицъ настроеніемъ и убѣжденіемъ, что имъ нечего терять въ борьбѣ,—какъ при такихъ условіяхъ возстановить status quo ante, какъ раздробить сознавшихъ себя объединенными?

Положимъ даже, что въ этомъ стремленіи не остановятся передъ самыми крайними мѣрами, вплоть до примѣненія вооруженной силы? Мы убѣждены, что этимъ дѣлу не поможешь. Во первыхъ, примѣненіе оружія вещь весьма обоюдоострая; усмиряя однихъ, оно возбуждаетъ другихъ, оно доводитъ до высшаго напряженія чувства ненависти, возбуждаетъ непримиримую месть, оставляетъ неизгладимыя воспоминанія, давая яркій, всѣмъ доступный, всѣмъ понятный и памятный знакъ, символъ чувствамъ и борьбѣ. Но и помимо того—вооруженной силой можно воевать, подавить врага—нельзя съ ея помощью управлять; „штыковая работа" уничтожаетъ жизнь,—она не творитъ ея. Нагайкой можно сѣчь, нельзя пахать землю; граната можетъ уничтожить машину, она не приведетъ ее въ движеніе; штыкъ убьетъ человѣка, но не заставитъ его работать. Къ тому-же пулѣ и штыку доступна масса людей подъ открытымъ небомъ, имъ не доступна масса людей, разбросан-

ная по своимъ кабинетамъ, квартирамъ, каморкамъ,—а иногда бездѣйствіе стоитъ дѣйствія. Конечно, можно управлять съ помощью вооруженной силы,—но только чужой страной, завоеванной, имѣя за спиной свой народъ, трудомъ поддерживающій военную силу. Можно до безконечности продолжать военную оккупацію окраины, нельзя длительно оккупировать собственную страну.

Итакъ, силкомъ не сохранить стараго. Можно ли этого достигнуть уловкой?

Конечно, первой съ этой точки зрѣнія является мысль объ уступкахъ. Дать кое что, удовлетворить однихъ, обнадежить другихъ, разсчитывая на жажду порядка или трусость третьихъ, а ужъ остальныхъ можно и подавить. Но и этотъ разсчетъ при наличныхъ обстоятельствахъ мало основателенъ. Во-первыхъ, ужъ такова психологія всякой реакціи всѣхъ временъ и народовъ, что она рѣдко рѣшается на крупныя уступки. Обыкновенно она торгуется, считая себя стороной, а не арбитромъ, и всякую подачку вынужденной уступкой, а не добровольнымъ, „октроированіемъ", она стремится всегда удѣлить возможно меньше, и со своими уступками всегда приходитъ, какъ нѣмцы выражаются, zug einem Postmit zu spät. Но, во вторыхъ, слѣдуетъ сознаться, что въ случаяхъ, сходныхъ съ настоящимъ, даже крупныя уступки, поскольку они не удовлетворяютъ требованія, мало способны помочь дѣлу и едва-ли могутъ спасти отъ дальнѣйшихъ уступокъ. Въ особенности-же это такъ, когда требованія одновременно и одинаково настоятельны въ области соціальной и политической, притомъ въ этой послѣдней касаются элементарнѣйшихъ вещей; всякая уступка соціальная будетъ здѣсь завѣдомо ничтожной, да къ тому же ничѣмъ не обезпеченной безъ политическихъ уступокъ, а слѣдовательно никого и не удовлетворитъ; а всякая уступка политическая даетъ только орудіе болѣе настоятельно и успѣшно добиваться слѣдующей. Такимъ образомъ политика мелкихъ уступокъ, каковой предполагалась политика кн. Святополка-Мирскаго, обречена на полное фіаско.

Есть еще и другой методъ—методъ подтасовки общественныхъ движеній, мнимаго удовлетворенія ихъ съ цѣлью овладѣть ими и направлять по своей указкѣ. Одно время могло казаться, что такой пріемъ имѣетъ шансы на успѣхъ, однако, опытъ уже подтвердилъ, что онъ или обреченъ на неудачу, или приводитъ къ успѣшнымъ, но зато и противоположнымъ результатамъ. Это и естественно: либо этимъ пріемомъ объединяются люди данной сферы, не нуж-

дающіеся, не желающіе осуществленія соотвѣтственныхъ ей требованій (напр. академической свободы или экономическихъ измѣненій и т. п.), тогда такое предпріятіе мертворожденно, ибо (предполагая глубину и настоятельность этихъ требованій) такихъ людей можетъ быть лишь немного и они не типичны; либо объединяются люди только еще не сознавшіе этихъ требованій,—тогда самое объединеніе, общеніе, обмѣнъ и т. д. приведутъ ихъ къ сознанію и изъ „зубатовцевъ" сдѣлаютъ „настоящими".

Остается, значитъ, одно послѣднее героическое средство, впервые, если не ошибаемся, провозглашенное въ печати дворяниномъ Павловымъ: обращеніе къ народу вступиться за старый режимъ, или другими словами—погромничество, ибо какъ иначе назвать этотъ своеобразный референдумъ къ народному дѣйствію?

Однако, не только это средство не дѣйствительно, но именно обращеніе къ нему знаменуетъ окончательный, безповоротный крахъ стараго режима. Самое обращеніе къ народу во имя стараго режима знаменуетъ, что исчерпаны всѣ средства, растрачены всѣ снаряды,—и приходится пустить въ ходъ les dernières cartouches. Послѣдняя карта поставлена; когда же она окажется битой?.....

Самое обращеніе къ народу со стороны реакціи за активнымъ содѣйстьіемъ равносильно моральной капитуляціи: какъ иначе назвать обращеніе врага не за милосердіемъ, не за прощеніемъ, а за содѣйствіемъ—къ врагу же. Вѣдь съ народомъ же и воевала реакція, народъ и угнетала она, на плечахъ народа и строила свое благополучіе, во вредъ народу и существовала. И вотъ—кн. Мещерскій обращается за содѣйствіемъ къ кухаркину сыну, земскій начальникъ—къ недавно еще высѣченному имъ крестьянину; городовой—къ избитому имъ въ части обывателю.

Но на что же разсчитываютъ при такомъ обращеніи? Очевидно, въ основѣ его лежитъ такая концепція: народъ истомленъ нуждою, недовольствомъ, полонъ недовѣрія, озлобленія. Но онъ невѣжественъ, ничего не понимаетъ, ни своихъ интересовъ, ни чужихъ, полонъ грубыхъ предразсудковъ, всякаго словеснаго фетишизма. Такъ вотъ, нельзя ли использовать эти его свойства, его отдаленность отъ строя мысли и языка сознательныхъ слоевъ, чтобы наускать его на нихъ и уничтожить съ его помощью ихъ затѣи? Или—формулируя сокращенѣе—хулиганы устраиваютъ мѣстные погромы, почему бы народу русскому не устроить погромъ всероссійскій?

Мы не будемъ морально квалифицировать такое околпачиваніе

народа, это отождествленіе его съ хулиганами, эту спекуляцію на терминологію. Мы подозрѣваемъ, что стоящимъ на разбираемой точкѣ зрѣнія въ высокой степени наплевать и на моральныя оцѣнки и даже на собственныя моральныя капитуляціи, лишь бы не было капитуляцій дѣйствительныхъ.

Вотъ и посмотримъ, не знаменуетъ ли „референдумъ къ погрому“ такой дѣйствительной капитуляціи стараго строя. Нѣтъ сомнѣнія, что бывали многократные примѣры удачныхъ погромовъ; но дѣло то въ томъ, что тамъ погромы были, такъ сказать, кустарнаго производства, мѣстнаго значенія. Можно набрать хулигановъ и черни и—пользуясь ихъ темнотой, а въ особенности національными предразсудками, а также перспективой даровщинки при молчаливомъ обѣщаніи безотвѣтственности (часто не оправдываемомъ)—устроить удачный погромъ. Но вѣдь народъ—не чернь; при томъ пускай даже и такъ—но какими соблазнами привлечь къ разгрому малообильной благами интеллигенціи и городскихъ рабочихъ? Если бы удалось „поставить“ колоссальный погромъ, можетъ быть, и рухнула бы культура русская въ лицѣ ея носителей и продуктовъ, но съ ними вмѣстѣ рухнулъ бы и весь строй съ его носителями и защитниками. Реакціонная демагогія даже если бы и погубила „оппозицію“, то только вмѣстѣ съ реакціей. Это была бы не побѣда надъ врагомъ, а отравленіе труппымъ ядомъ своего разлагающагося трупа: я погибаю, такъ погибни со мной.

Такъ было бы въ случаѣ удачи всероссійскаго погрома. Но слѣдуетъ въ высшей степени сомнѣваться въ его возможности. Слишкомъ уже много въ народѣ явно сознательныхъ элементовъ, въ особенности въ той его части, которая при успѣхѣ реакціонной демагогіи—по самому своему положенію—должна играть рѣшающую роль: въ городскомъ населеніи. Къ тому же слишкомъ быстро въ эпохи повышенной жизнедѣятельности сознательность охватываетъ стоящія на рубежѣ съ нею группы. Да и вообще люди напрасно склонны уменьшать предполагаемую ими въ другихъ (въ особенности—малознакомыхъ) долю сознательности; на самомъ дѣлѣ часто и темные люди лучше понимаютъ свои интересы и общественныя дѣла, и умѣютъ съ ними устраиваться, чѣмъ это ожидается со стороны. Всего правдоподобнѣе—при наиболѣе дѣятельной работѣ реакціонной демагогіи—наступленіе частнаго погрома, но и—полной революціи.

Однако, не только успѣхъ такой проповѣди гибеленъ для реак-

ціи, но и самое обращеніе къ этому скрытому плебисциту опасно для нея; ибо плебисцитъ обязываетъ, и во всякомъ случаѣ—отнимаетъ самостоятельность, самоопредѣляемость. Иное положеніе самоопредѣляющейся власти, даже когда она заботится о народѣ, иное—власти, основанной на плебисцитѣ, хотя бы онъ разрѣшалъ самовластіе: ибо самовластіе, разрѣшенное народомъ, не потому обращается къ народу, что оно самовластно, а потому самовластно, что это разрѣшилъ народъ.

Реакціонная демагогія опасна и дорого обойдется народной культурѣ; но пусть знаютъ сторонники реакціи, что она быстрѣе и дальше ведетъ, чѣмъ любая работа ихъ враговъ. Предъ лицомъ исторіи не приходится считать разбитыхъ черепковъ, какъ бы ни болѣло о нихъ сердце отдѣльнаго человѣка. „Реакція" обращается къ слѣпой народной силѣ? Да, но оппозиція обращается къ силѣ народной сознательности; такимъ двойнымъ путемъ только вдвойнѣ ускорится и та и другая работа.

Итакъ, уничтожена прежняя основа стараго порядка, и у него нѣтъ новыхъ средствъ самозащиты. Едва ли на много предвосхищая событія, мы можемъ сказать, что исторія его отмѣнила. Вопросъ даже не въ срокѣ осуществленія этого приговора, вопросъ—въ цѣнѣ, въ какую оно обойдется. Назначить эту цѣну—людьми и культурными благами—почти всецѣло зависитъ отъ реакціи. Цѣна можетъ быть громадной, преступной—но пусть не забываютъ, что не одинъ судъ потомковъ караетъ преступниковъ.

Григорій Ландау.

ОПЕЧАТКИ ВЪ СТАТЬѢ А. Г. ВОРОНОВА:

„Вопросъ о родовыхъ имуществахъ въ депутатскихъ наказахъ 1767 г.“ (Вѣстникъ Права, 1905 г., № 1).

Страницы:	*Строки:*	*Напечатано:*	*Должно читать:*
196	3 сверху	и не можетъ быть въ весьма близкомъ	и не можетъ въ весьма близкомъ
199	19 —	намѣреннаго	неумѣреннаго
201	2 снизу	двухъ проектахъ	двухъ пунктахъ

Протоколъ засѣданія отдѣленія обычнаго права Юридическаго Общества.

30 октября 1904 г.

Засѣданіе было открыто въ 8 ч. 45 мин. веч.

Предсѣдательствовала А. М. Евреинова. Предметомъ занятій былъ докладъ А. А. Леонтьева: „Волостной Судъ“ (по поводу проекта преобразованія волостного суда).

Докладчикъ прежде всего указалъ на важность разбираемаго вопроса, такъ какъ съ вопросомъ о волостномъ судѣ изъ пяти томовъ трудовъ редакціонной коммисіи связано цѣлыхъ три. Положенная въ основу этихъ трудовъ идея обособленности крестьянъ отъ другихъ сословій находитъ свое завершеніе въ обособленіи судебномъ, и поскольку волостной судъ является выразителемъ начала сословности, онъ противорѣчитъ началу равенства всѣхъ передъ закономъ и судомъ. Но въ идеѣ учрежденія волостного суда заключаются еще и другія стороны, кромѣ сословной обособленности крестьянъ: идея судебной автономіи, выборнаго начала для судей, заставляла писателей прогрессивнаго лагеря (Кистяковскаго, Оршанскаго, Заруднаго, Чубинскаго) выступать въ защиту волостного суда. Поэтому, эти писатели и производили волостные суды отъ древнерусскихъ судовъ. Напротивъ, писатели, видящіе основу волостного суда въ его сословномъ началѣ, относятъ его происхожденіе къ реформамъ Киселева и положенію 19 февраля 1861 года.

Редакціонная же коммисія считаетъ сословную обособленность за начало, положенное составителями положенія 19 февраля 1861 г. въ основу освобожденія крестьянъ.

Основныя черты волостного суда могутъ быть сведены къ слѣдующимъ: 1) сословности, 2) руководству въ судебныхъ рѣшеніяхъ

обычнымъ правомъ, и 3) судебной автономіи. Въ княжескій и московскій періодъ русской исторіи крестьянамъ начало сословности, а, слѣдовательно, и сословнаго суда, было чуждо. Судъ былъ скорѣе „земскимъ“, какъ онъ и назывался въ противоположность „правительственному“, но отнюдь не—сословно-крестьянскимъ. При Екатеринѣ II суды были правительственные и были лишены судебной автономіи. Реформа графа Киселева въ 1838 г. впервые ввела сословные суды (въ видѣ волостныхъ и сельскихъ расправъ). Преемственность суда Киселевскаго и суда по положенію 1861 года— несомнѣнна, но неправа редакціонная коммисія, составившая недавній проектъ, когда она утверждаетъ, что обособленность крестьянскаго сословія одухотворяла составителей положенія 19 февраля. Достаточно хоть слегка ознакомиться съ взглядами дѣятелей крестьянской реформы, чтобы навсегда отказаться отъ приведеннаго утвержденія. Шестидесятые годы были временемъ, когда раздавались рѣчи вродѣ Кокоревской, объявлявшаго побѣду свѣта надъ тьмой. Сознательно укрѣплять тьму—такого намѣренія у составителей положенія 19 февраля не было и не могло быть. Они, напротивъ того, упорно боролись противъ сословной обособленности крестьянъ, и, если оставили (а не создали) волостной судъ, то внесли въ него поправки въ духѣ великихъ реформъ. Такъ, они постоянно придавали волостному суду лишь временный характеръ, выразивъ это въ установленіи подсудности ему лишь для временно-обязанныхъ крестьянъ. Однако, въ самомъ положеніи эта оговорка была впослѣдствіи вычеркнута. Составители крестьянской реформыя далѣе, неоднократно, ссылались на мировой институтъ, какъ желательный для крестьянъ, но и тутъ ихъ предложенія отклонялись, на томъ основаніи, что оно касается общаго вопроса судебной реформы, которая еще вырабатывается.

Наконецъ, составители положенія 19 февраля 1861 года обратили вниманіе на отдѣленіе въ волостныхъ судахъ административной власти отъ судебной и внесли въ общее положеніе о крестьянахъ статью 167, согласно которой волостнымъ старшинамъ и сельскимъ старостамъ запрещается вмѣшиваться въ дѣла и даже присутствовать при судебномъ ихъ разборѣ. На этихъ началахъ судебной автономіи и руководства обычно-правовыми нормами редакціонная коммисія 1861 года только и сочла возможнымъ сохранить волостной судъ, но и то лишь временно и для маловажныхъ дѣлъ.

Въ такомъ видѣ волостной судъ просуществовалъ до 1889 года, но вмѣсто нормировки крестьянскихъ правоотношеній закономъ,

сближенія крестьянской юрисдикціи съ общей—законъ 1889 г. провелъ между нами еще болѣе глубокую пропасть. Сословность съ 1889 года получила преобладающее значеніе, крестьяне оказались почти выкинутыми изъ общихъ судовъ. Волостному суду сдѣлались подвѣдомственными почти всѣ проступки по уставу о нак., иски до 300 рублей, всѣ споры о надѣльной землѣ. Компетенція волостного суда расширилась и по отношенію къ лицамъ: ему стали подвѣдомственны всѣ мѣщане, посадскіе, живущіе въ предѣлахъ деревни. Помимо этого, утратилось и начало судебной автономіи: волостные судьи стали назначаться земскими начальниками изъ числа избранныхъ кандидатовъ. Ст. 167 не только исключена изъ общаго положенія, но даже замѣнена указаніемъ, что уѣздный съѣздъ предсѣдателемъ волостного суда можетъ назначить волостного старшину. Земскому начальнику было предоставлено право ревизіи дѣлъ волостного суда, право ихъ передачи, въ случаѣ неправосудности, въ съѣздъ. Уѣздный же съѣздъ, будучи составленнымъ не изъ мѣстныхъ жителей, рѣшаетъ дѣла не на основаніи обычнаго права, такъ какъ его не знаетъ, а на основаніи закона. Такимъ образомъ, благодаря закону 1889 года волостные суды утратили два существенныхъ своихъ свойства: судебную автономію и руководствованіе обычнымъ правомъ.

Новая редакціонная коммисія, совершенно игнорируя начала, положенныя въ основаніе реформы 19 февраля 1861 г., доводитъ до крайняго развитія противоположныя ему начала сословной обособленности крестьянъ, проведенныя закономъ 2 іюля 1889 года.

Подсудность волостного суда по проекту значительно расширена въ сравненіи съ положеніемъ 1889 года, какъ въ отношеніи лицъ, такъ и дѣлъ, ему подсудныхъ: онъ разбираетъ всѣ уголовныя дѣла лицъ, проживающихъ въ предѣлахъ волости и принадлежащихъ къ крестьянамъ, мѣщанамъ и посадскимъ; всѣ гражданскія дѣла до 500 рублей, о надѣльной землѣ—безъ ограниченія суммы; иски о наслѣдственномъ имуществѣ надѣльномъ—безъ ограниченія суммы, объ остальномъ—не свыше 2000 р. при недвижимости, до 500 р.—движимости. Этой широкой компетенціей суда проектъ собирается окончательно закрыть сельскому населенію двери къ общимъ судебнымъ установленіямъ.

Судъ состоитъ изъ 4 судей, назначенныхъ съѣздомъ изъ кандидатовъ, избранныхъ по одному отъ волостного общества. Ценза для судей нѣтъ, лишь отъ предсѣдателя требуется хорошая грамотность. Надзоръ за рѣшеніемъ и исполненіемъ, а также ревизія

принадлежитъ земскому начальнику; право ревизовать присвоено также предводителю дворянства и члену губернскаго присутствія. Земскій начальникъ можетъ дѣлать судьямъ замѣчанія и даже, представивъ губернскому присутствію о совершенномъ смѣщеніи судьи, временно устранять судей. Надъ волостнымъ судомъ проектъ создаетъ вторую инстанцію, волостной съѣздъ, предсѣдателемъ коего состоитъ мѣстный земскій начальникъ. Въ составъ суда введены почетные мировые и почетные участковые судьи (для которыхъ требуется половинный цензъ мирового судьи). Въ проектѣ, т. о. сохранены всѣ особенности закона 1889 года: сословный судъ по назначенію, безъ всякихъ гарантій, безъ знанія закона или обычая, безъ свободы и независимости, да съ прибавленіемъ еще особыхъ, спѣшно созданныхъ, кодексовъ. Изъ нѣкоторыхъ частностей къ тому же видно, что проектируется судъ сословный не въ смыслѣ подчиненія ему крестьянъ, а въ смыслѣ подчиненія ему всего непривилегированнаго сельскаго населенія. Это судъ для простого народа. Разница въ правахъ привилегированнаго и непривилегированнаго населенія доведена до курьезныхъ деталей. Напримѣръ, дѣла гдѣ являются въ качествѣ свидѣтелей или потерпѣвшихъ лица привилегированныя, разбираются прежде другихъ. Далѣе привилегированныя лица могутъ присылать на судъ вмѣсто себя своихъ приказчиковъ, старостъ, — непривилегированные должны являться сами. Въ качествѣ свидѣтелей привилегированные могутъ быть допрошены черезъ полицію и то, въ зависимости отъ общественнаго положенія, черезъ становаго пристава или исправника (рѣшеніе этого щекотливаго вопроса предоставляется земскому начальнику, черезъ котораго и идетъ такое сношеніе съ привилегированными лицами). Т. о. проектированный судъ представляется судомъ для непривилегированныхъ лицъ, заключающій въ своей основѣ пренебреженіе началомъ равенства всѣхъ передъ закономъ.— Апелляціонный судъ представляетъ собой какъ будто судъ шеффеновъ, но въ уродливомъ проявленіи. Члены суда — лица полувыбранныя, полуназначенныя; согласно ст. 15 они освобождены отъ административныхъ взысканій, на которыя земскій начальникъ управомоченъ въ своемъ участкѣ, но какъ ревизующій суды онъ можетъ ихъ временно устранять отъ должности, что ихъ всецѣло подчиняетъ его власти.

Созданіе особыхъ кодексовъ имѣло для членовъ Редакціонной Коммисіи цѣлью восполнить и упростить временныя правила 1889 г. Однако, вмѣсто 22 статей временныхъ правилъ коммисія

создала 233 статьи судопроизводственныхъ правилъ притомъ страшно длинныя, съ большимъ количествомъ изъятій и оговорокъ. Признать такой кодексъ болѣе простымъ для малограмотныхъ людей невозможно; если же вспомнить, что судьямъ прійдется изучить еще свыше 820 статей устава о договорахъ и устава о наказаніяхъ, то станетъ ясно, что цѣли упрощенія ред. коммисія не достигла. Сами составители проекта говорятъ о желательности созданія общаго закона для всего населенія, и сами же они отъ этого отступили.

Такимъ образомъ, проектъ усиливаетъ обособленность крестьянъ или лицъ непривилегированныхъ и устраняетъ выборное начало и независимость судей. Много вниманія удѣлено имъ также на упроченіе обычнаго права, но и тутъ достигнуты лишь обратные результаты. Совершенно напрасно Редакціонной Коммисіей созданы отдѣльные уставъ о наказаніяхъ, уставъ о договорахъ и процессуальный кодексъ. Коммисія думаетъ, что она кодифицировала всѣ обычаи, но сама тутъ же признаетъ, что не весь неписанный обычай его кодифицированъ, и выражаетъ желаніе придать ему превалирующее передъ закономъ значеніе. Но въ то же самое время она статьей 121 ограничиваетъ судъ въ его творчествѣ обычнаго права двумя случаями: 1) когда обычай уже примѣнялся однообразно судомъ и 2) когда обычай удостовѣренъ приговоромъ мѣстнаго схода, созваннаго земскимъ начальникомъ. Но первый случай не можетъ явиться источникомъ творчества, *образованія* обычая; остается, такимъ образомъ лишь второй случай. Но разъ сходъ признается творцомъ обычнаго права, то пропадаетъ всякій смыслъ отдѣльнаго суда, ибо каждый судъ съумѣетъ примѣнить обычно-правовую норму, удостовѣренную приговоромъ схода. Къ тому же эти правила творчества обычнаго права неполны, такъ какъ не даютъ указаній, обязательна ли для суда такъ удостовѣренная норма, какой сходъ (по мѣстожительству истца или отвѣтчика) долженъ удостовѣрить норму и т. п.

Важнымъ слѣдуетъ признать попытку проекта кодифицировать обычное право въ части, касающейся надѣльныхъ земель и наслѣдованія. Но желательно было бы, чтобы и эти нормы вошли въ составъ общаго гражданскаго кодекса и подготовили объединеніе и уравненіе всего населенія Россіи въ гражданско-правовомъ отношеніи.

Въ заключеніе докладчикъ высказалъ свои соображенія о желательныхъ условіяхъ, въ которыя долженъ быть поставленъ народный судъ.

Народный судъ долженъ быть близокъ къ населенію въ географическомъ, бытовомъ и духовномъ отношеніи; онъ долженъ быть равенъ для всѣхъ, независимъ, подчиняться велѣніямъ совѣсти и закона, и имѣть членовъ, достаточно хорошо разбирающихся въ законахъ.

Этимъ требованіямъ можетъ удовлетворить судъ смѣшаннаго состава, судъ шеффеновъ—изъ избранныхъ судей съ избраннымъ судьей—юристомъ въ качествѣ предсѣдателя. Такой судъ долженъ при этомъ поглощать компетенцію волостного суда и мирового судьи. Общественная мысль уже давно работаетъ въ этомъ направленіи и уже указывала въ 80-хъ годахъ на подобныя формы суда. Въ позднѣйшее время такую форму отстаивалъ И. Страховскій въ своей книгѣ: „Крестьянскія права и учрежденія", а также нѣкоторые сельско-хозяйственные комитеты. Нечего говорить, что проектируемый судъ шеффеновъ долженъ быть судомъ всесословнымъ. Коммисія на это возражала практически, что при 9390 наличныхъ волостныхъ судахъ не найдется нужнаго числа образованныхъ лицъ и достаточныхъ средствъ для ихъ обезпеченія. Но и то и другое возраженіе ни на чемъ не основаны, такъ какъ—когда рѣчь идетъ объ основахъ правового строя всего крестьянства Россіи—средства должны найтись, а люди всегда найдутся. Тѣмъ болѣе, что не для каждой волости нуженъ (въ виду рѣдкости засѣданій) отдѣльный предсѣдатель, а одно лицо—можетъ обслуживать послѣдовательно нѣсколько волостей.

А. Г. Вороновъ. — Я хотѣлъ бы не возражать, а только добавить нѣсколько словъ для оцѣнки достоинства работы губернскихъ совѣщаній. Ст. 12 положенія о волостномъ судѣ ссылается по вопросу о томъ, кто не достоинъ быть судьей—на ст. 84 и 85 положенія объ общественномъ управленіи, которая признаетъ недостойными лицъ, осужденныхъ за мотовство и пьянство. Между тѣмъ, ст. 118 указываетъ лицъ, недостойныхъ быть избранными на должности по общественному управленію (волостныхъ старшинъ, сельскихъ старостъ, волостныхъ засѣдателей и сборщиковъ податей), причисляя сюда лицъ, понесшихъ за какой-либо проступокъ тѣлесное наказаніе и лицъ завѣдомо развратнаго поведенія. Хотя тѣлесныя наказанія отмѣнены, но изъ статей проекта видно, что негодными для занятія должности даже сборщика податей должны были быть признаваемы лица, совершившія, напр., буйство соединенное съ безстыдными дѣйствіями; но этотъ же проступокъ для занятія должности волостного судьи препятствія не соста-

вляетъ. Что же касается объясненій къ проекту, то тамъ уже сказано, что условія, требуемыя отъ волостного судьи, тѣ же, что для волостного старшины. Такимъ образомъ, проектъ въ цѣломъ производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто одно его положеніе составлялось въ одной комнатѣ, другое—въ другой, а объясненія къ нимъ—въ третьей.

В. Д. Кузьминъ-Караваевъ.—Работа Редакціонной Коммисіи во многихъ отношеніяхъ совершенно исключительная. Труды, имѣющіе дату 1903 года, основаны только на тѣхъ совѣщаніяхъ, которыя были въ 1894 г. въ губерніяхъ, и игнорировали совершенно богатѣйшій матеріалъ, собранный въ 57 трудахъ комитетовъ о сельско-хозяйственной промышленности. Другая черта—это утвержденіе, что сословная обособленность заимствована ими изъ Положенія 1861 года, гдѣ она одухотворяла его составителей. Нужно было только внимательно отнестись къ дѣлу освобожденія крестьянъ, чтобы не утверждать уже, будто Положеніе 19 февраля 1861 года было основано на обособленности крестьянскаго сословія и особливомъ порядкѣ управленія крестьянами. Не вѣрится, чтобы это могло говориться въ оффиціальномъ документѣ; дальше этого своеобразное распоряженіе историческимъ матеріаломъ итти не можетъ. Положеніе 19 февраля, конечно, содержитъ нѣкоторыя стороны сословнаго обособленія, но послѣднее явилось результатомъ той обстановки, въ которую пришлось поставить крестьянъ, чтобы дать имъ самостоятельное значеніе по отношенію къ помѣщикамъ. Такую цѣль, напр., преслѣдовало созданіе крестьянскаго „міра". Болѣе же всего обособляло крестьянъ—ихъ рабство; но такъ какъ возвращеніе къ рабству оказалось едва ли возможнымъ, то составители положенія 1889 года старались возстановить и усилить сословную обособленность крестьянъ въ другихъ направленіяхъ, а редакціонная коммисія послѣдовала ихъ примѣру. Въ настоящее время въ обществѣ прошелъ слухъ, что Министерство Внутреннихъ Дѣлъ уже не отстаиваетъ этого проекта и собирается его переработать. Но тѣмъ не менѣе онъ заслуживаетъ вниманія, такъ какъ обнаруживаетъ, до чего договорились его составители: вѣдь они требуютъ, чтобы дѣла лицъ другихъ сословій въ волостномъ судѣ разбирались раньше, внѣ очереди. Послѣдніе годы (1901, 1902, 1903) выдвинули, между тѣмъ, совершенно другой моментъ, полнаго устраненія обособленности. Составители проекта не пожелали считаться съ этимъ теченіемъ, проявившимся въ трудахъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ; они игнорировали принципъ

самодѣятельности населенія, для которой необходимо развитіе правосознанія въ народѣ, возможнаго тоже лишь на почвѣ твердости и равенства правоотношеній. Докладъ, напротивъ, проникнутъ точкой зрѣнія сельско-хозяйственныхъ комитетовъ, и его можно только привѣтствовать. Но, говоря о волостномъ судѣ, нельзя найти достаточнаго количества словъ, чтобы возражать противъ земскихъ начальниковъ. Это—институтъ, построенный на систематизаціи произвола. Для примѣра возьмемъ законъ о семейныхъ раздѣлахъ: два жившихъ рядомъ земскихъ начальника придерживались категорически противоположныхъ взглядовъ по этому вопросу, и благодаря этому у одного изъ нихъ вовсе не было семейныхъ раздѣловъ, а у другого—всѣ передѣлились. Поэтому то значеніе акта 11 августа объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія не въ томъ, чтобы наказаніе это не примѣнялось, а чтобы земскіе начальники не могли его примѣнять по своему произволу.

Г. С. Вольтке. Въ предполагаемой докладчикомъ системѣ суда не осуществляется выставляемый имъ принципъ всесословности, такъ какъ предсѣдателемъ является мировой судья, а судьями—выборные отъ крестьянъ. Такимъ путемъ получится, что большинство въ судѣ будетъ принадлежать крестьянамъ, что ставитъ лицъ не-крестьянскаго сословія въ странное положеніе. Причина этого предложенія—казалось бы—лежитъ въ стремленіи имѣть подъ рукой источникъ обычнаго права. Но для установленія обычая можно произвести изслѣдованіе всѣми существующими способами. Судъ же, если онъ долженъ быть всесословнымъ, долженъ быть составленъ путемъ выборовъ изъ всѣхъ лицъ, населяющихъ данную мѣстность. Если будетъ создана всесословная волость, то къ ней вполнѣ возможно будетъ присоединить и всесословный судъ въ лицѣ единоличнтго судьи.

И. Г. Щегловитовъ. Въ крестьянской жизни нашей послѣ 1861 года появилось отсутствіе чувства законности. Это повлекло за собой появленіе положенія о земскихъ участковыхъ начальникахъ, въ лицѣ которыхъ правительство хотѣло создать на мѣстѣ сильную правительственную власть, которая бы упорядочила крестьянскій бытъ. Однако, редакціонная коммисія сама удостовѣряетъ, что—касаясь волостныхъ судовъ—реформа 1889 года ихъ вовсе не улучшила. По мнѣнію редакціонной коммисіи причина—та, что для руководства волостныхъ судовъ были преподаны лишь краткія временныя правила и что созданіе подробныхъ процессуальныхъ

правилъ внесло бы въ дѣло значительное улучшеніе. Какъ бы то ни было, но положеніе 1889 года не оказало полезнаго дѣйствія. Между тѣмъ, судъ имѣетъ воспитательное значеніе, и въ неудачномъ волостномъ судѣ, пожалуй, и приходится искать причину неурядицъ и ослабленія чувства законности. Даже самые лучшіе матеріальные законы не помогли бы при такомъ волостномъ судѣ. Твердость правопорядка въ Англіи приходится приписывать не ея матеріальному праву, а ея судамъ. Если затѣмъ обратиться къ той части доклада, которая высказываетъ пожеланія, то проектъ введенія суда шеффеновъ его пугаетъ. Судъ шеффеновъ находится въ очень остромъ положеніи по отношенію къ суду присяжныхъ. Противоположность ихъ началъ признается всѣми, и учрежденіе такого суда въ Германіи было лишь компромиссомъ въ послѣднюю минуту передъ утвержденіемъ проекта судоустройства. Не хотѣлось бы, чтобы для мѣстнаго населенія былъ установленъ судъ, который сами нѣмцы называютъ смѣсью, Mischmasch. Но то, что предлагаетъ докладчикъ, даже и нельзя назвать судомъ шеффеновъ, ибо шеффенъ, какъ членъ суда, избирается на короткій срокъ, а волостные судьи должны быть избираемы на продолжительное время. Затѣмъ тутъ возникаетъ вопросъ, какъ этотъ судъ будетъ организованъ. Если участіе въ будущемъ судѣ будетъ составлять привилегію крестьянъ, то мы не будемъ имѣть всесословнаго суда. Нужно, поэтому, озаботиться тѣмъ, чтобы избраніе судей было всесословнымъ и чтобы подсудность дѣлъ этому суду распространялась на всѣ сословія. Но какъ устроить будущій мѣстный судъ, на коллегіальномъ или на единоличномъ началѣ. Коллегіальный судъ лучше выясняетъ истину; единоличный представляетъ привилегію дешевизны и большей скорости. Категорически трудно отвѣтить на вопросъ, какой мѣстный судъ предпочтительнѣе, такъ какъ все зависитъ отъ предѣловъ подсудности: если она будетъ широка—то коллегіальное начало лучше; если компетенція узка, то—единоличное. Важно также, какъ будутъ устроены инстанціи—этого докладъ вовсе не коснулся. Волостные съѣзды, по мнѣнію докладчика, не удовлетворяютъ правиламъ, требуемымъ отъ второй инстанціи. Когда учреждался выборный мировой институтъ, то по вопросу о второй инстанціи произошло разногласіе. Большинство считало, что ею будетъ окружный судъ, но закономъ стало мнѣніе меньшинства—съѣздъ мировыхъ судей, основанный на товарищескихъ началахъ. Выборный мировой институтъ почти прекратилъ свое существованіе изъ за нападокъ на него, но подчиненіе его окружному

суду въ инстанціонномъ порядкѣ не было испробовано. У насъ при нашемъ чрезвычайномъ разнообразіи судебныхъ формъ существуетъ еще невиданное нигдѣ въ Европѣ стремленіе создать для каждого суда особый судопроизводственный кодексъ. Новый проектъ продолжаетъ итти въ томъ же направленіи. При этомъ для нашего законодательства любопытно, что въ немъ почти одновременно могли проходить два совершенно противоположныхъ начала. Такъ 12 іюля 1889 года волостные суды были подчинены особымъ установленіямъ, а 9 іюля того же 1889 года для Прибалтійскихъ губерній было установлено ихъ подчиненіе мировымъ судамъ. Въ заключеніе нужно сказать, что—если даже судъ будетъ созданъ коллегіальный, все равно предсѣдателю, какъ единоличному судьѣ, надо будетъ предоставить право въ извѣстныхъ случаяхъ спѣшности рѣшать дѣло одному. Затѣмъ апелляціонное разсмотрѣніе уголовныхъ дѣлъ организовать очень трудно, такъ какъ вторая инстанція руководствуется письменнымъ матеріаломъ, отъ чего страдаетъ начало непосредственности. Поэтому, желательно въ первой инстанціи для уголовныхъ дѣлъ усилить всѣ гарантіи процесса, т. е. ввести коллегіальное начало.

Т. И. Тихоновъ. Я хотѣлъ бы къ прекрасному докладу А. А. Леонтьева добавить нѣсколько словъ по поводу второй инстанціи надъ волостнымъ судомъ, проектируемой Редакціонной Коммисіей, именно съѣздовъ волостныхъ судей подъ предсѣдательствомъ земскихъ начальниковъ и, главныхъ образомъ, по поводу происхожденія этого проектируемаго института. По конструкціи своей онъ напоминаетъ подобный же институтъ, который существуетъ у нѣкоторыхъ инородцевъ Сибири—киргизовъ, напримѣръ. Раньше съѣзды эти тамъ происходили подъ предсѣдательствомъ уѣздныхъ начальниковъ, а теперь—крестьянскихъ начальниковъ, замѣняющихъ въ Сибири земскихъ. И тамъ, въ Сибири, этимъ институтомъ недовольны мѣстныя власти—судебныя и административныя—и мѣстные инородцы—киргизы въ такой же мѣрѣ, какъ и живущіе рядомъ съ ними русскіе крестьяне-переселенцы—своимъ волостнымъ судомъ. Это недовольство съѣздами волостныхъ судей и сѣтованіе на то, что нельзя судиться у мѣстныхъ мировыхъ судей, мнѣ приходилось неоднократно наблюдать и слышать отъ многихъ лицъ и во многихъ мѣстахъ. И вотъ такой институтъ, бракуемый даже инородцами—расой низшей по культурѣ, міровоззрѣнію и правосознанію, сравнительно съ русскимъ крестьянствомъ заимствуется у инородцевъ и проектируется Редакціонной

Коммисій для русскаго крестьяства, составляющаго $^9/_{10}$ всего населенія Имперіи. Едва-ли нужно говорить, что такое позаимствованіе для русскаго крестьянства является приниженіемъ его въ судебномъ отношеніи до положенія сибирскихъ инородцевъ, которыхъ надо стремиться поднять въ культурномъ отношеніи, и что оно не можетъ быть терпимо и допустимо. Пересмотръ крестьянскаго положенія совпалъ, кажется, и по времени съ пересмотромъ степного положенія въ земскомъ отдѣлѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, и не здѣсь ли кроется источникъ указаннаго выше позаимствованія, столь неудачнаго и неумѣлаго?...

А. А. Леонтьевъ. Я вполнѣ признаю, что положительная часть доклада мало разработана, не содержитъ указаній на вторую инстанцію, на достоинство и недостатки коллегіальнаго и единоличнаго начала; но я умышленно набросалъ только общія контуры будущаго суда, такъ какъ подробная разработка его учрежденія должна быть предметомъ особаго доклада. Главное содержаніе предложеннаго доклада составляло критика проекта. Затѣмъ неправильны тѣ возраженія, будто я, ратуя за всесословное начало, наряду съ нимъ говорилъ объ участіи въ выборахъ судей—лишь крестьянства. Вездѣ я говорилъ, что выборные судьи и предсѣдатель должны выбираться всѣмъ населеніемъ и могутъ различаться лишь по цензу и по кругу лицъ, которыя ихъ будутъ выбирать: судьи будутъ избираться всесословными мелкими земскими собраніями, а предсѣдатели—уѣздными или губернскими земскими собраніями. Нѣкоторыя дѣлаемыя мнѣ въ этомъ направленіи возраженія показываютъ, что еще очень крѣпко въ сознаніи современниковъ раздѣленіе на сословія: ибо какъ же думаютъ оппоненты—будутъ избраны крестьяне, какъ же они будутъ судить дворянъ и т. д. Я же просто полагалъ, что при выборахъ шеффеновъ—въ виду преобладанія крестьянскаго населенія — попадутъ больше всего крестьяне, и именно этого желаю. По поводу института шеффеновъ надо напомнить, что таковой существовалъ въ старо-германскомъ быту и въ нашемъ древнемъ правѣ, причемъ устройство ихъ было въ разное время различное. Поэтому во всякомъ случаѣ неправильно приписывать мнѣ симпатіи къ ново-германскому типу: я просто хотѣлъ указать, что предполагаемое судоустройство укладывается въ одну изъ извѣстныхъ формъ. Что касается вопроса о коллегіальномъ или единоличномъ судѣ, то для уголовныхъ дѣлъ единоличное начало возможно, такъ какъ въ нихъ можно сдѣлать различіе между болѣе или менѣе важными престу-

пленіями. Но я, проектируя судъ, имѣлъ въ виду и главнымъ образомъ гражданскія дѣла, среди которыхъ нѣтъ дѣлъ важныхъ и неважныхъ, ибо малоцѣнное дѣло, какъ бы мала сумма ни была, для сторонъ и ихъ интересовъ, можетъ имѣть гораздо большую важность, чѣмъ тысячные иски для людей состоятельныхъ.

Въ заключеніе предсѣдательница А. М. Евреинова поблагодарила докладчика отъ имени собранія за его интересный докладъ.

Засѣданіе закрыто въ 11 ч. 30 мин. вечера.

ОТЧЕТЪ

по

ЮРИДИЧЕСКОМУ ОБЩЕСТВУ

при

ИМПЕРАТОРСКОМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

за 1904 годъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1905.

ОТЧЕТЪ

По Юридическому Обществу при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ за 1904 г.

Совѣтъ Юридическаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ имѣетъ честь представить Годовому Собранію Общества нижеслѣдующій отчетъ о составѣ, дѣятельности и состояніи суммъ общества за 1904 годъ, составляющій 28 годъ существованія Общества.

1. Совѣтъ Общества.

Въ теченіе отчетнаго года Общество понесло утрату въ лицѣ скончавшихся 3 почетныхъ членовъ (Д. Н. Набоковъ, А. А. Книримъ и Габріэль Тардъ) и 10 дѣйствительныхъ членовъ (М. Ѳ. Губскій, В. Г. Дехтеревъ, Н. А. Зачинскій, Н. Н. Ивановичъ, В. Н. Крестьяновъ, П. П. Лыжинъ, В. К. Плеве, А. Ф. Поворинскій, Ѳ. И. Проскуряковъ и Н. Е. Ридигеръ). Выбыло по разнымъ причинамъ 15 дѣйствительныхъ членовъ. Избрано вновь 27 дѣйствительныхъ членовъ и 4 члена-сотрудника.

Вслѣдствіе такихъ измѣненій, въ составѣ Общества къ 1 Января 1905 г. считалось 17 почетныхъ членовъ, 362 дѣйствительныхъ членовъ и 104 членовъ-сотрудниковъ.

Совѣтъ Общества, въ отчетномъ году, до годоваго собранія состоялъ изъ Председателя Э. Я. Фукса, Помощника Предсѣдателя А. Ѳ. Кони, Членовъ Совѣта: И. Я. Фойницкаго, В. К. Случевскаго, С. Ѳ. Платонова и К. К. Арсеньева; Предсѣдателей Отдѣленій:

Гражданскаго—I. И. Карницкаго, Уголовнаго—И. Г. Щегловитова, Административнаго—В. Д. Кузьмина-Караваева, Обычнаго Права—И. М. Тютрюмова и Секретаря Общества В. Д. Набокова. Въ Годовомъ Собранiи были избраны: на должность Предсѣдателя Общества, за отказомъ Э. Я. Фукса по болѣзни отъ дальнѣйшаго исполненiя этой должности—Г. А. Евреиновъ и на должности Членовъ Совѣта, выбывшихъ на основанiи § 22 Устава: И. Я. Фойницкаго и С. Ѳ. Платонова—В. Д. Набоковъ и Л. I. Петражицкiй; въ Члены Ревизiонной Коммисiи: В. О. Люстихъ, А. С. Зарудный, М. М. Боровитиновъ, В. Ѳ. Дерюжинскiй и А. К. Вульфертъ. На должность Казначея вновь былъ избранъ А. С. Парамоновъ.

Въ настоящее время изъ состава Совѣта выбываютъ: Помощникъ Предсѣдателя—А. Ѳ. Кони и Члены Совѣта—К. К. Арсеньевъ и В. К. Случевскiй.

Такимъ образомъ, въ настоящемъ годовомъ Собранiи должны быть произведены выборы:

1) Помощника Предсѣдателя (§ 20);

2) Двухъ Членовъ Совѣта (§ 22 Устава);

3) Пяти Членовъ Ревизiонной Коммисiи (§ 29 Устава),

и 4) Казначея (§ 24 Устава).

Составъ Редакцiонныхъ Комитетовъ къ 1 Января 1905 года былъ слѣдующiй:

1. По Гражданскому Отдѣленiю.

Предсѣдательствующiй—I. И. Карницкiй, Товарищъ Предсѣдательствующаго—М. М. Винаверъ и Члены Редакцiоннаго Комитета: Ф. А. Вальтеръ, И. Е. Ильяшенко и А. Ф. Поворинскiй, изъ нихъ въ Августѣ скончался А. Ф. Поворинскiй.

2. По Уголовному Отдѣленiю.

Предсѣдательствующiй—И. Г. Щегловитовъ, Товарищъ Предсѣдательствующаго—В. Д. Набоковъ и Члены Редакцiоннаго Комитета: М. М. Боровитиновъ, Г. Г. Евангуловъ и В. П. Ширковъ.

3. По Административному Отдѣленiю.

Предсѣдательствующiй—В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, Товарищъ Предсѣдательствующаго—В. М. Гессенъ и Члены Редакцiоннаго Комитета: К. К. Арсеньевъ, I. В. Гессенъ и Н. И. Лазаревскiй.

4. По Отдѣленію Обычнаго Права.

Предсѣдательствующій—И. М. Тютрюмовъ, Товарищъ Предсѣдательствующаго—А. А. Леонтьевъ и Члены Редакціоннаго Комитета: В. В. Акимовъ, А. М. Евреинова и П. Г. Тимофеевъ.

2. Дѣятельность Общества.

А. Совѣтъ Общества.

Въ засѣданіи 1 февраля 1904 г., кромѣ текущихъ дѣлъ, были разсмотрѣны еще слѣдующія:

I. Одобрены и утверждены проекты отчета за 1903 г., составленные Секретаремъ и Казначеемъ Общества; днемъ годоваго собранія назначено 29 Февраля; вмѣстѣ съ симъ на Секретаря Общества возложено приведеніе въ исполненіе постановленія Совѣта о принятіи мѣръ къ использованію преміи по торговому праву.

II. Въ виду отказа Предсѣдателя Общества Э. Я. Фукса отъ должности, были избраны согласно § 20 Устава кандидатами на должность Предсѣдателя: Г. А. Евреиновъ, І. И. Карницкій и И. М. Тютрюмовъ и рѣшено доложить Общему Собранію Общества предложеніе обратиться къ Э. Я. Фуксу съ письмомъ (напечатаннымъ въ протоколахъ Совѣта Общества, „Вѣстникъ Права“ № 2), въ коемъ въ ознаменованіе заслугъ бывшаго Предсѣдателя и въ память его предсѣдательской дѣятельности, какъ въ Совѣтѣ Общества, такъ и въ Уголовномъ его Отдѣленіи, предполагается наименовать ближайшую изъ премій, подлежащихъ присужденію по Уголовному Отдѣленію Общества—преміею имени Эдуарда Яковлевича Фукса.

III. Согласно результатамъ жребія установлена слѣдующая очередь премій Общества: 1) Отдѣленіе уголовнаго права, 2) Отдѣленіе гражданскаго права, 3) Отдѣленіе административнаго права и 4) Отдѣленіе обычнаго права и предложено Редакціонному Комитету Уголовнаго Отдѣленія установить тему и назначить срокъ для ея выполненія, представивъ то и другое на утвержденіе Совѣта, причемъ въ виду ограниченности средствъ на первый разъ назначена премія по одному лишь Отдѣленію.

IV. Во вниманіе къ ходатайству Редакціоннаго Комитета Отдѣленія Обычнаго Права, Совѣтъ Общества нашелъ полезнымъ предложить Редакціонному Комитету печатать извлекаемые имъ тезисы, изъ рѣшеній волостныхъ судовъ, а также и обработанный матеріалъ по обычному праву въ „Вѣстникѣ Права“ и принять мѣры къ созыву Съѣзда дѣятелей по собиранію, изслѣдованію и разработкѣ матеріаловъ по обычному праву.

Въ засѣданіи 29 февраля:

I. Предсѣдательствующій А. Ѳ. Кони доложилъ, что по полученіи извѣстія о кончинѣ почетнаго члена Общества Б. Н. Чичерина, имъ отправлена вдовѣ Бориса Николаевича, Александрѣ Алексѣевнѣ, телеграмма нижеслѣдующаго содержанія:

„Юридическое Общество при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ, получивъ скорбную вѣсть о кончинѣ незабвеннаго супруга Вашего, стойкаго и возвышеннаго служителя справедливости и науки права, проситъ Васъ принять выраженіе сердечнаго соболѣзнованія по поводу тяжелой утраты, понесенной вмѣстѣ съ Вами всѣми, кому дорого просвѣщеніе и нравственное развитіе родины. Предсѣдатель Кони. Секретарь Набоковъ.

Въ отвѣтъ на эту телеграмму А. А. Чичерина на имя А. Ѳ. Кони телеграфировала:

„Искренне тронута выраженными чувствами и соболѣзнованіемъ Общества, участіе котораго, какъ состоящаго изъ товарищей мужа по наукѣ, мнѣ особенно дорого. Александра Чичерина.

II. Вслѣдствіе письма Секретаря Общества В. Д. Набокова отъ 25 Февраля на имя Предсѣдательствующаго, въ коемъ онъ проситъ въ виду увеличивающихся занятій освободить отъ указанной должности, постановлено освободить В. Д. Набокова отъ исполнявшихся имъ обязанностей, выразить ему благодарность Совѣта, предложить Годовому Собранію присоединиться къ этому выраженію признательности и избрать новаго Секретаря въ ближайшемъ засѣданіи Совѣта въ обновленномъ его составѣ.

Въ засѣданіи 13 Марта избранъ Секретаремъ Юридическаго Общества, дѣйствительный членъ Общества Григорій Георгіевичъ Евангуловъ.

Въ засѣданіи Совѣта Общества 20 Октября, кромѣ текущихъ дѣлъ, было постановлено поручить уголовному отдѣленію Об-

щества дать просимый Министромъ Юстиціи отзывъ на проектъ закона объ условномъ осужденіи, выработанный Особою Коммисіею для разработки мѣропріятій, вызываемыхъ изданіемъ новаго уголовнаго уложенія.

II. Принять приглашеніе въ составленіи подготовительныхъ докладовъ для VIII международнаго пенитенціарнаго конгресса, имѣющаго собраться лѣтомъ 1905 г. въ г. Буда-Пештѣ, и поручено руководство дѣломъ разработки докладовъ Редакціонному Комитету Уголовнаго Отдѣленія.

Въ засѣданіи 6 Января 1905 года по вопросу о порядкѣ допущенія публики въ засѣданія Юридическаго Общества постановлено: принимая во вниманіе, что право допущенія публики въ засѣданія Общества явствуетъ изъ смысла статьи первой Устава и что ограниченіе публичности зависитъ отъ предсѣдательствующихъ въ засѣданіяхъ,—разъяснить, что въ тѣхъ случаяхъ, когда Предсѣдатель Общества и Предсѣдательствующіе Отдѣленій, по принадлежности, будутъ имѣть основаніе опасаться скопленія публики, они могутъ установить входъ по повѣсткамъ, причемъ повѣстки эти не должны быть выдаваемы при входѣ въ залъ засѣданія.

Въ засѣданіи 16 Января 1905 года постановлено:

I. Веденіе протоколовъ въ засѣданіяхъ Общества въ 1905 году продолжать на прежнихъ основаніяхъ и ассигновать съ этой цѣлью авансомъ на годъ впередъ (съ 1 декабря 1904 г. по 1 декабря 1905 г.) въ распоряженіе Предсѣдателей Отдѣленій: уголовнаго и гражданскаго—по 200 руб., административнаго—150 р. и обычнаго права—75 р.

II. Передать для разсмотрѣнія въ административное отдѣленіе ходатайство Общества Иркутскихъ приказчиковъ о разсмотрѣніи представленнаго проекта правилъ о приказчичьемъ отдыхѣ.

III. Препровожденный Министерствомъ Юстиціи 31 Декабря 1904 г., за № 81, проектъ новой редакціи Положенія о Нотаріальной части передать для разсмотрѣнія въ Гражданское Отдѣленіе.

IV. Разсмотрѣно слѣдующее постановленіе Ревизіонной Коммисіи по отчету за 1903 годъ:

Журналъ засѣданія Ревизіонной Коммисіи С.-Петербургскаго Юридическаго Общества 31 Октября 1904 года.

31 Октября 1904 г. Ревизіонная Коммисія С.-Петербургскаго Юридическаго Общества, въ составѣ А. К. Вульферта, В. О. Люстига и М. М. Боровитинова, произвела повѣрку кассы Общества и разсмотрѣла отчетность Общества за 1903 годъ. При этомъ Коммисіи было доложено: 1) что назначенное въ Маѣ 1904 г. засѣданіе Коммисіи не состоялось, такъ какъ въ него прибыли только два члена—В. Ѳ. Дерюжинскій и М. М. Боровитиновъ, и 2) что изъ отсутствующихъ въ настоящемъ засѣданіи членовъ Коммисіи В. Ѳ. Дерюжинскій увѣдомилъ о невозможности для него прибыть въ засѣданіе, а А. С. Зарудный находится по имѣющимся свѣдѣніямъ внѣ С.-Петербурга.

Обревизовавъ кассовую приходо-расходную книгу и книгу неприкосновеннаго и спеціальнаго капиталовъ, Коммисія нашла: 1) что денежная отчетность ведется правильно и обревизованныя книги оказались въ полномъ порядкѣ, 2) что всѣ записи въ книги оправдываются предъявленными Коммисіи документами, и 3) что наличность суммъ Общества на 31 Октября 1904 года равнялась по книгамъ 20338 р. 96½ к., которыя и оказались заключающимися въ процентныхъ бумагахъ на сумму 17800 р. (по нарицательной цѣнѣ), находящихся на храненіи и въ управленіи Государственнаго Банка и въ деньгахъ на сумму 2538 р. 96½ к., хранящихся: 418 р. 69½ к.—въ Сберегательной Кассѣ, 2033 р. 40 к.—на текущемъ счету С.-Петербургскаго Учетнаго и Ссуднаго Банка и 86 р. 87 к.—на рукахъ Казначея.

Остановившись на нѣкоторыхъ вопросахъ, касающихся дѣятельности Общества и Совѣта, Коммисія нашла возможнымъ выразить пожеланія:

1) чтобы Совѣтъ Общества, не выжидая полученія отвѣтовъ отъ Юридическихъ Обществъ, возобновилъ свое ходатайство передъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія о разрѣшеніи С.-Петербургскому Юридическому Обществу созвать второй съѣздъ Русскихъ Юристовъ, и

2) чтобы было сообщено Юридическому Факультету ИМПЕРАТОРСКАГО С.-Петербургскаго Университета о томъ, что въ Юридическомъ Обществѣ имѣется спеціальный капиталъ для премиро-

ванія сочиненій по торговому праву, съ обозначеніемъ условій выдачи преміи.

Въ заключеніе Коммисія считаетъ долгомъ предложить Общему Собранію выразить искренную благодарность Казначею Общества А. С. Парамонову за его неутомимую плодотворную дѣятельность и избранному Членомъ Совѣта бывшему Секретарю Общества В. Д. Набокову, потрудившемуся весьма много для приведенія въ порядокъ въ секретарской части Общества и достигшему въ этомъ отношеніи блестящихъ результатовъ.

М. Боровитиновъ.
А. Вульфертъ.
В. Люстигъ.

ПОСТАНОВЛЕНО:

1) возобновить, не ожидая полученія отвѣтовъ отъ прочихъ Юридическихъ Обществъ, ходатайство передъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія о разрѣшеніи С.-Петербургскому Юридическому Обществу созвать второй съѣздъ русскихъ юристовъ, съ тѣмъ, чтобы ходатайство это было возбуждено ко времени Годоваго Собранія, и поручить Редакціоннымъ Комитетамъ Отдѣленій представить програму вопросовъ, которые было бы желательно обсудить на съѣздѣ и разсмотрѣть ее въ засѣданіи Совѣта, усиленномъ членами всѣхъ Редакціонныхъ Комитетовъ Общества.

2) сообщить Юридическому факультету ИМПЕРАТОРСКАГО С.-Петербургскаго Университета, что въ Юридическомъ Обществѣ имѣется спеціальный капиталъ для премированія сочиненій по торговому праву.

3) приведенный журналъ Ревизіонной Коммисіи представить на разсмотрѣніе ближайшаго Общаго Собранія.

Б. Годовое Собраніе.

Въ Годовомъ Собраніи, происходившемъ 29 Февраля 1904 г., Секретаремъ Общества В. Д. Набоковымъ предъявленъ отчетъ по Обществу за 1903 г., напечатанный въ вышедшей Февральской книжкѣ „Вѣстникъ Права“ и разосланный кромѣ того отдѣльно. При этомъ Секретарь заявилъ, что Годовое Собраніе, согласно уставу, не утверждаетъ отчета, а избираетъ Ревизіонную Коммисію для его разсмотрѣнія, причемъ каждый изъ членовъ Общества можетъ либо сообщить свои замѣчанія въ коммисію, либо представить ихъ тому ближайшему Общему Собранію, которому подлежитъ утвержденіе отчета, по разсмотрѣніи его Ревизіонною Коммисіею.

Предсѣдательствующій въ Собраніи, Помощникъ Предсѣдателя А. Ѳ. Кони, сказалъ слѣдующее:

М.м. Г.г.

Юридическое Общество понесло въ отчетномъ году нѣсколько утратъ въ лицѣ скончавшихся членовъ Общества: А. М. Бобрищева-Пушкина, В. Н. Герарда, П. Н. Грешищева, Н. Н. Дебольскаго, М. В. Духовскаго, В. В. Ефимова, А. Н. Ильина, И. И. Розинга и Н. Б. Якоби. Кромѣ того, въ началѣ Февраля скончался Б. Н. Чичеринъ.

Почетный членъ Общества, бывшій Московскій профессоръ и Городской Голова, земскій дѣятель и публицистъ—*Б. Н. Чичеринъ* былъ цѣльною, во всѣхъ отношеніяхъ, личностью, съ возвышеннымъ строемъ идей, проникнутыхъ пламенною и чистою любовью къ родинѣ, съ непреклонностью направленныхъ къ общественному благу убѣжденій. Обогативъ русскую науку глубокими и истинно-научными трудами и обогативъ русскую жизнь примѣромъ жизни, неразрывно связанной съ высокими нравственными идеалами—Чичеринъ оставилъ незамѣнимое мѣсто въ средѣ современнаго просвѣщеннаго общества. Судья перваго призыва при введеніи новыхъ судебныхъ учрежденій по уставамъ 1864 г. *В. Н. Герардъ* видѣлъ зорю судебнаго возрожденія и служилъ тому, чтобы она разгорѣлась въ яркое солнце, лучи котораго до сихъ поръ грѣютъ насъ и свѣтятъ намъ изъ незабвеннаго прошлаго. Горячій судебный боецъ въ адвокатурѣ онъ скончался въ разгарѣ дѣятельности на защиту дѣтей отъ жестокаго обращенія. *П. Н. Грешищевъ* началъ свою общественную дѣятельность въ качествѣ Мироваго Посредника въ Калужской губерніи, подъ благотворнымъ вліяніемъ Губернатора Арцимовича, и впечатлѣніями эпохи освобожденія крестьянъ проникнуты были и всѣ его труды въ области права. *И. И. Розингъ*—строгій и точный юристъ и опытный законовѣдъ,—являлъ изъ себя типическаго представителя новаго суда на высшихъ ступеняхъ юридическаго и государственнаго служенія. Онъ испыталъ въ своей трудовой жизни великое счастье:—онъ былъ участникомъ составленія Судебныхъ Уставовъ. Наконецъ *А. М. Бобрищевъ-Пушкинъ*, вдумчивый и разносторонній мыслитель на пути долгой и разнообразной судебной службы, оставилъ по себѣ ученое наслѣдство, полное животрепещущаго интереса. Это его книги: „Эмпирическіе законы дѣятельности суда присяжныхъ„ и „Судъ и раскольники сектанты“, въ которыхъ вложена непоколебимая вѣра въ коренныя начала истиннаго призванія

судьи и теплота жаждущаго справедливости, отзывчиваго и человѣколюбиваго сердца.

И до сихъ поръ его загробный голосъ звучитъ въ журналѣ „Право“ по важному вопросу процессуальной нравственности.

Почтимъ ихъ память и память другихъ, „иже съ ними“, благодарнымъ воспоминаніемъ, молча вставъ съ мыслью о нихъ.

Собраніе почтило память скончавшихся членовъ Общества вставаніемъ.

Затѣмъ, сообщивъ Собранію, что Э. Я. Фуксъ письмомъ въ Совѣтъ заявилъ объ отказѣ своемъ, по болѣзни, отъ дальнѣйшаго исполненія занимаемой имъ должности, А. Ѳ. Кони доложилъ письмо Совѣта къ Э. Я. Фуксу, напечатанное въ протоколѣ засѣданія Совѣта 1 Февраля 1904 г. (Вѣстникъ Права, № 2). Собраніе единогласно приняло предложенія Совѣта и постановило послать Э. Я. Фуксу телеграмму нижеслѣдующаго содержанія:

„Годовое Собраніе Юридическаго Общества, выслушавъ сегодня Ваше заявленіе объ отказѣ отъ должности Предсѣдателя, всецѣло присоединяется къ тѣмъ выраженіямъ глубокаго сожалѣнія и къ той признательной оцѣнкѣ Вашей дѣятельности, которая высказана Совѣтомъ. Единогласно принявъ предложеніе о наименованіи ближайшей преміи Вашимъ именемъ, Собраніе шлетъ Вамъ сердечныя пожеланія возстановленія силъ и здоровья.

Предсѣдательствующій Кони. Секретарь Набоковъ“.

Предсѣдательствующій сообщилъ собранію, что Секретарь Общества В. Д. Набоковъ, послѣ восьмилѣтняго исполненія обязанностей Секретаря, въ настоящее время, въ виду увеличивающихся его занятій, проситъ освободить его отъ означенной должности. А. Ѳ. Кони предложилъ Собранію выразить по этому поводу признательность В. Д. Набокову. Собраніе приняло это предложеніе аплодисментами.

Предсѣдательствующій предложилъ Собранію приступить къ выборамъ Предсѣдателя Общества, двухъ членовъ совѣта, пяти членовъ ревизіонной коммисіи и казначея.

По подсчетѣ голосовъ оказались избранными: въ должность Предсѣдателя—Григорій Александровичъ *Евреиновъ*.

Въ члены Совѣта: Владиміръ Дмитріевичъ *Набоковъ* и Левъ Іосифовичъ *Петражицкій*.

Въ Ревизіонную Коммисію: Вильгельмъ Осиповичъ *Люстигъ*, Александръ Сергѣевичъ *Зарудный*, Михаилъ Михайловичъ *Боро-*

витиновъ, Владиміръ Өедоровичъ *Дерюжинскій* и Антонъ Карловичъ *Вульфертъ*.

Казначеемъ—Александръ Степановичъ *Парамоновъ*.

Собраніе встрѣтило результаты выборовъ аплодисментами.

Затѣмъ дѣйствительный членъ Общества В. К. Случевскій, произнесъ рѣчь „О значеніи опытнаго научнаго и философскаго знанія въ практикѣ судьи."

Рѣчь сопровождалась продолжительными аплодисментами.

Собраніе закрыто въ $4^1/_4$ час.

В. Общія Собранія.

Общихъ Собраній Юридическаго Общества въ отчетномъ году состоялось три.

Въ первомъ, изъ нихъ имѣвшемъ мѣсто 13 Марта, были выбраны въ дѣйствительные члены Общества: А. И. Люблинскій, А. Т. Виноградовъ, Ө. О. Гредингеръ, Н. И. Фалѣевъ, Г. И. Лисенковъ, Д. Д. Красовскій, А. А. Глищинскій, П. И. Храбро-Василевскій, Н. Б. Полыновъ, А. П. Квашнинъ-Самаринъ, В. Н. Новиковъ, П. К. Камышанскій, А. К. Гольмъ, Б. А. Калачевъ и Э. Г. Гинзбергъ.

Въ слѣдующемъ Общемъ Собраніи 20 Марта состоялось чествованіе памяти почетнаго члена Общества Дмитрія Николаевича Набокова. Рѣчь, посвященную покойному, произнесъ почетный членъ Общества А. Ө. Кони.

Въ Общемъ Собраніи 30 Октября были избраны въ дѣйствительные члены Общества: Ө. С. Кукурановъ, Н. А. Оппель, А. Д. Кашкаровъ, И. М. Данчичъ, В. И. Булавинцевъ, А. Н. Срединскій, Р. А. Орбели, Д. А. Червонецкій, К. Г. Эмме, В. Д. ф.-Дервизъ, Т. И. Тихоновъ и Баронъ А. А. Икскуль-фонъ-Гильденбандъ.

Г. Дѣятельность Отдѣленій Общества.

1. Гражданское Отдѣленіе.

Въ 1904 году Редакціонный Комитетъ Гражданскаго Отдѣленія имѣлъ пять засѣданій, въ которыхъ разсматривались внесенные въ отдѣленіе доклады и другія текущія дѣла.

Засѣданій Гражданскаго Отдѣленія въ теченіе 1904 года было шесть. Въ засѣданіи 29 Января былъ выслушанъ докладъ *С. Б. Гомолицкаго*: „Гражданскій бракъ и узаконеніе раскольниковъ по закону 19 Апрѣля 1874 года“. Засѣданіе 12 Февраля было посвящено выслушанію доклада *Б. В. Никольскаго*: „Юридическая природа раскольничьихъ браковъ“ и преніямъ какъ по этому докладу, такъ и по выслушанному въ засѣданіи 29 Января докладу С. Б. Гомолицкаго. Въ засѣданіи 20 Марта произведены были выборы членовъ Редакціоннаго Комитета и выслушанъ былъ докладъ *П. М. Саладилова*: „Вопросъ о нѣдрахъ въ русскомъ законодательствѣ“. Засѣданіе 9 Апрѣля посвящено было выслушанію доклада *Н. М. Рейнке*: „О согласованіи Уголовнаго Уложенія съ Гражданскими законами Царства Польскаго по вопросу о вознагражденіи за убытки, причиненные преступнымъ дѣяніемъ“. Въ засѣданіи 30 Апрѣля происходили пренія по докладу П. М. Саладилова: „Вопросъ о нѣдрахъ въ русскомъ законодательствѣ“, выслушанному въ засѣданіи 20 Марта. Засѣданіе 3 Декабря посвящено было выслушанію доклада *А. П. Скородинскаго*: „Патентное право и его положеніе въ общей системѣ права“ и преніямъ по этому докладу.

Состоявшая при Гражданскомъ Отдѣленіи подъ предсѣдательствомъ М. М. Винавера Коммисія для составленія замѣчаній по Книгѣ IV Гражданскаго Уложенія (Наслѣдственное Право) въ отчетномъ году имѣла 11 засѣданій и закончила ея разсмотрѣніе. Журналъ Коммисіи съ замѣчаніями на IV книгу былъ представленъ Совѣту Юридическаго Общества и засимъ препровожденъ Предсѣдателю Высочайше учрежденной Коммисіи для составленія проекта Гражданскаго Уложенія.

Составъ Редакціоннаго Комитета въ истекшемъ году былъ слѣдующій: Предсѣдательствующій *І. И. Карницкій*, Товарищъ Предсѣдательствующаго *М. М. Винаверъ*, Члены Редакціоннаго Комитета: *А. Ф. Поворинскій*, *Ф. А. Вальтеръ* и *И. Е. Ильяшенко*. Изъ нихъ въ Августѣ скончался А. Ф. Поворинскій.

2. Уголовное Отдѣленіе.

Редакціонный Комитетъ Уголовнаго Отдѣленія имѣлъ въ отчетномъ году *десять* засѣданій.

Независимо отъ предварительнаго обсужденія внесенныхъ въ

Отдѣленіе докладовъ, многія засѣданія Комитета были посвящены подробному разсмотрѣнію слѣдующихъ вопросовъ:

I. Участіе въ засѣданіяхъ Отдѣленія, при обсужденіи докладовъ о вліяніи алкоголя на вмѣненіе, по приглашенію Предсѣдателя, членовъ Коммисіи Русскаго Общества охраненія народнаго здравія по вопросу объ алкоголизмѣ и Психіатрическаго Общества дало Комитету возможность осуществить свою мысль о томъ, что возбужденный Государственнымъ Совѣтомъ, при обсужденіи проекта Уголовнаго Уложенія, вопросъ о помѣщеніи лицъ, причинившихъ преступныя дѣянія вслѣдствіе привычки къ пьянству, непосредственно по отбытіи назначеннаго имъ наказанія, въ подлежащее врачебное заведеніе на необходимый для излеченія срокъ, долженъ получить въ трудахъ Юридическаго Общества наиболѣе полное освѣщеніе по пути практическаго его осуществленія. Послѣ всесторонняго обсужденія Комитетъ пришелъ къ заключенію, что необходимо избрать Коммисію изъ юристовъ и врачей для выработки проекта объ устройствѣ заведеній для принудительнаго помѣщенія въ нихъ алкоголиковъ-преступниковъ съ тѣмъ, чтобы составленный Коммисіею проектъ былъ разсмотрѣнъ въ засѣданіяхъ Уголовнаго Отдѣленія и затѣмъ со всѣми матеріалами представленъ Министру Юстиціи. Это заключеніе Комитета было принято Отдѣленіемъ въ засѣданіи 13 Марта, когда и была избрана Коммисія изъ предложенныхъ Комитетомъ лицъ подъ предсѣдательствомъ М. Н. Нижегородцева.

II. Равнымъ образомъ вопросъ объ условномъ осужденіи, также поставленный на очередь Государственнымъ Совѣтомъ при обсужденіи проекта Уголовнаго Уложеніи, налагалъ на Комитетъ обязанность озаботиться о наиболѣе всестороннемъ обсужденіи въ засѣданіяхъ Отдѣленія присланнаго Министерствомъ Юстиціи на заключеніе Юридическаго Общества проекта закона объ условномъ осужденіи. Для достиженія сего, Комитетъ рѣшилъ возложить предварительное обсужденіе проекта на Коммисію изъ трехъ избранныхъ имъ лицъ—М. М. Боровитинова, С. К. Гогеля и В. Д. Набокова съ тѣмъ, чтобы соображенія членовъ Коммисіи были доложены въ засѣданіяхъ Отдѣленія и могли послужить основаніемъ къ исчерпывающему обсужденію проекта со стороны членовъ Общества.

III. Имѣющій состояться въ 1905 г. Международный Тюремный Конгрессъ въ Будапештѣ вызывалъ со стороны Комитета принятіе мѣръ къ организаци составленія докладовъ отъ Юридическаго

Общества по вопросамъ, поставленнымъ на обсужденіе Конгресса. Съ этою цѣлью Комитетомъ на одно изъ своихъ засѣданій были приглашены многіе члены Общества. На состоявшемся такимъ образомъ засѣданіи Комитета въ усиленномъ составѣ были распредѣлены доклады между лицами, изъявившими на то свое согласіе, и было постановлено, что доклады должны быть прочтены въ засѣданіяхъ Отдѣленія, и затѣмъ, по переводѣ на французскій языкъ, представлены въ Организаціонное бюро Конгресса.

Въ заключеніе необходимо еще отмѣтить обсужденіе Комитетомъ темы для сочиненія по уголовному праву на премію Юридическаго Общества. Комитетъ остановился на темѣ: „Контрафакція" и поручилъ своему сочлену Г. Г. Евангулову разработать условія, коимъ должно удовлетворять сочиненіе на избранную тему.

Засѣданій Уголовнаго Отдѣленія въ 1904 г. было *четырнадцать*.

Въ засѣданіи 4 Января былъ выслушанъ докладъ дѣйствительнаго члена *С. Н. Трегубова*: „Уголовно-правовое значеніе согласія больного при врачеваніи", а засѣданія 17 и 24 Января были посвящены весьма оживленнымъ преніямъ по названному докладу при дѣятельномъ участіи многихъ врачей.

14 Февраля состоялись выборы бюро Отдѣленія, а также докладъ дѣйствительнаго члена *В. П. Ширкова*: „Преступленія толпы по новому Уголовному Уложенію".

Въ засѣданіи 21 Февраля дѣйствительный членъ *П. Г. Мироновъ*, сдѣлалъ докладъ: «О предѣлахъ правъ суда присяжныхъ при сознаніи подсудимыхъ».

6 Марта засѣданіе Отдѣленія состоялось въ усиленномъ составѣ при участіи членовъ Коммисіи Русскаго Общества охраненія народнаго здравія по вопросу объ алкоголизмѣ и Психіатрическаго Общества. Предметомъ занятій были: докладъ дѣйствительнаго члена *М. С. Маргуліеса* „Вмѣняемость алкоголиковъ и обезвреженіе алкоголиковъ, признанныхъ невмѣняемыми" и сообщеніе доктора медицины *В. В. Чехова* „Условія вмѣняемости при остромъ и хроническомъ отравленіи алкоголемъ".

Засѣданіе 13 Марта состоялось также въ усиленномъ составѣ при участіи помянутыхъ выше лицъ и было посвящено: докладу дѣйствительнаго члена *Ю. Я. Хейфица* „О неполной или такъ называемой уменьшенной вмѣняемости" и продолженію преній по докладу М. С. Маргуліеса и сообщенію В. В. Чехова, читаннымъ въ предыдущемъ засѣданіи.

Въ засѣданіи 20 Марта сдѣлалъ докладъ членъ сотрудникъ *О. Б. Гольдовскій*: „Психологія свидѣтельскихъ показаній".

Въ засѣданіи 14 Апрѣля Предсѣдателемъ Отдѣленія *И. Г. Щегловитовымъ* было сдѣлано сообщеніе: „Реформа уголовнаго процесса въ Цюрихскомъ кантонѣ" и былъ прочитанъ докладъ *О. Б. Гольдовскимъ*: „Право публичнаго представленія драматическихъ произведеній".

Въ засѣданіи 30 Октября Почетный Членъ Общества *А. Ѳ. Кони* сдѣлалъ сообщеніе: „Психологія свидѣтельскихъ показаній".

Предметомъ засѣданія 6 Ноября былъ докладъ Коммисіи въ составѣ членовъ М. М. Боровитинова, С. К. Гогеля и В. Д. Набокова, разсматривавшей проектъ закона объ условномъ осужденіи, а засѣданіе 13 Ноября было посвящено дальнѣйшему обсужденію Членами Общества помянутаго проекта въ связи съ сдѣланными Коммисіей замѣчаніями.

Въ засѣданіи 11 Декабря были выслушаны два доклада по вопросамъ программы предстоящаго въ 1905 году Международнаго Тюремнаго Конгресса въ Будапештѣ: дѣйствительнаго члена *Н. И. Фалѣева* „О мѣрахъ попеченія государства надъ дѣтьми осужденныхъ" и дѣйствительнаго члена *С. К. Гогеля*: „Не вызываетъ ли институтъ суда присяжныхъ, по своимъ результатамъ необходимость въ его реформѣ".

Засѣданіе 18 Декабря также было посвящено двумъ докладамъ по вопросамъ программы предстоящаго Тюремнаго Конгресса: дѣйствительнаго члена *Д. А. Дриля* „Какія мѣры, помимо обычныхъ средствъ воспитанія, наиболѣе обезпечиваютъ предохраненіе отъ преступленій нравственно покинутыхъ дѣтей и исправленіе порочныхъ дѣтей, не совершившихъ еще ни одного наказуемаго дѣянія" и дѣйствительнаго члена *Ю. Я. Хейфица* „Представляется ли необходимость въ устройствѣ особыхъ учрежденій для заключенія: а) лицъ съ ограниченной отвѣтственностью, б) закоренѣлыхъ пьяницъ (алкоголиковъ)? Если да, то на какихъ основаніяхъ должны бы быть организованы эти учрежденія".

Составъ Редакціоннаго Комитета въ истекшемъ году былъ слѣдующій: Предсѣдательствующій—И. Г. Щегловитовъ, Товарищъ Предсѣдательствующаго—В. Д. Набоковъ, Члены Редакціоннаго Комитета: М. М. Боровитиновъ, Г. Г. Евангуловъ и В. П. Ширковъ.

3. Административное отдѣленіе.

Редакціонный комитетъ административнаго отдѣленія къ 1 Января 1904 года составляли:

Предсѣдательствующій—В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, Товарищъ Предсѣдательствующаго — В. М. Гессенъ, Члены Комитета: К. К. Арсеньевъ, І. В. Гессенъ и Н. И. Лазаревскій.

Въ 1904 г. новыхъ выборовъ произведено не было и сохранялъ свои полномочія тотъ же составъ. Выборы предполагалось произвести въ засѣданіи 25 Октября, о чемъ г.г. члены общества были оповѣщены повѣсткой. Но, въ виду прибытія въ засѣданіе крайне ограниченнаго числа г.г. членовъ, комитетъ не счелъ возможнымъ ихъ производить.

Редакціонный комитетъ имѣлъ въ 1904 г. четыре засѣданія. Кромѣ обсужденія предстоявшихъ къ выслушанію докладовъ, въ засѣданіи 4 Ноября были выработаны тезисы для бесѣды о необходимыхъ измѣненіяхъ дѣйствующаго законодательства о печати, а въ засѣданіи 15 Ноября обсуждался вопросъ объ устройствѣ бесѣды въ большомъ залѣ Тенишевскаго училища.

Бесѣда эта, къ сожалѣнію не могла состояться, по причинамъ, которыя были изложены Предсѣдательствующимъ отдѣленія въ письмѣ въ редакціи нѣкоторыхъ газетъ отъ 22 Ноября *).

---

*) М. г. Въ устраненіе противорѣчивыхъ толковъ по поводу дважды несостоявшагося засѣданія административнаго отдѣленія Спб. Юридическаго Общества, имѣю честь просить васъ дать мѣсто въ уважаемой газетѣ вашей настоящему письму.

На 12 ноября въ зданіи столичнаго мирового съѣзда, гдѣ обыкновенно происходятъ засѣданія Общества, была назначена бесѣда на тему: «Необходимыя измѣненія дѣйствующаго законодательства о печати». По установившемуся обычаю, о засѣданіяхъ Юридическаго Общества печатаются извѣщенія въ газетахъ, и посторонняя публика допускается свободно. Размѣры зала съѣзда обыкновенно вмѣщаютъ, безъ особой тѣсноты, всѣхъ желающихъ.

12 ноября, въ 8 ч. вечера, залъ и прилегающій коридоръ оказались переполненными. Публика все прибывала. Когда, вслѣдствіе полнаго отсутствія мѣста, были, по моему распоряженію, закрыты входныя двери, на улицѣ образовалась значительная толпа, настойчиво просившая засѣданіе отложить. Независимо отъ этой просьбы, объ открытіи засѣданія нельзя было и думать. Публика изъ коридора неудержимо напирала на стоявшихъ впереди. Свободное пространство передъ столомъ для бюро все уменьшалось. Каждая случайность могла вызвать катастрофу. Кромѣ того, въ залѣ такъ чувствовалось отсутствіе воздуха, что говорить лицамъ, имѣвшимъ въ виду предложить бесѣду, рѣшительно было невозможно. Поэтому наличный составъ редакціоннаго коми-

Равнымъ образомъ не состоялось засѣданіе, назначенное на 29 Января для выслушанія доклада В. М. Гессена: „Основы правопорядка по трудамъ уѣздныхъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности“.

Состоявшееся засѣданіе отдѣленіе имѣло въ 1904 г. одно—1 Ноября. Посвящено оно было докладу Т. И. Тихонова: „О земскомъ хозяйствѣ и земской реформѣ въ Сибири“.

тета отдѣленія рѣшилъ бесѣду отложить и назначить ее вновь, въ ближайшемъ будущемъ, въ другомъ болѣе обширномъ помѣщеніи. Я объявилъ рѣшеніе комитета и закрылъ засѣданіе.

15 ноября мною было созвано совѣщаніе изъ членовъ комитета и лицъ, стоящихъ во главѣ совѣта общества. Совѣщаніе признало, что наиболѣе подходящимъ, по размѣрамъ и акустическимъ условіямъ, является большой залъ Тенишевскаго училища. Въ немъ 650 нумерованныхъ мѣстъ. Директоръ училища А. Я. Острогорскій далъ согласіе открыть два входа съ тѣмъ, что въ одинъ будутъ направляться члены общества и вообще лица, имѣющія пригласительныя повѣстки, а въ другой—публика. Для первыхъ было предназначено 150 мѣстъ впереди амфитеатра и, если окажется необходимымъ, около 50 мѣстъ на эстрадѣ, для публики 500 мѣстъ въ амфитеатрѣ. Въ совѣщаніи обсуждалось предложеніе о допускѣ публики по билетамъ, но не было принято, какъ несогласное ни съ уставомъ общества, ни съ многолѣтней практикой.

19 ноября начало бесѣды было назначено въ $8^1/_2$ ч. веч. Я пріѣхалъ минутъ за 50. Не безъ труда пробравшись черезъ толпу, стоявшую на улицѣ, и войдя въ залъ, увидѣлъ, что всѣ мѣста и впереди амфитеатра и въ амфитеатрѣ заняты. Членовъ общества еще было сравнительно немного. Около дверей зала меня встрѣтили два лица въ формѣ студентовъ и одно лицо въ штатскомъ платьѣ, заявившія, что они пришли депутатами отъ публики, стоящей на улицѣ, съ просьбою или впустить всѣхъ желающихъ, или отложить засѣданіе и устроить бесѣду въ еще большомъ помѣщеніи, напримѣръ въ залѣ дворянскаго собранія. Я отвѣтилъ, что первое невозможно, а откладывать опять засѣданіе неудобно, что это вызоветъ протесты со стороны лицъ, находящихся въ залѣ, какъ то было 12 ноября, и что въ чрезмѣрно большомъ помѣщеніи нельзя вести бесѣды съ обмѣномъ мнѣній. Вмѣстѣ съ тѣмъ я обѣщалъ и просилъ передать публикѣ, что приму всѣ мѣры для повторенія засѣданія.

Въ это время продолжали прибывать лица, имѣющія повѣстки. А. Я. Острогорскій сказалъ мнѣ, что въ залѣ находится не менѣе 750 человѣкъ и что онъ не ручается, что балки могутъ выдержать большую нагрузку. Но на глазъ крайняго переполненія не было замѣтно, и это, пожалуй, давало основаніе нѣкоторымъ изъ присутствовавшихъ думать, что возможно впустить еще до 200 человѣкъ.

Затѣмъ приходила вторая депутація, которой я сказалъ то же, что и первой. По просьбѣ полиціймейстера, сопровождавшаго депутатовъ, я спустился внизъ, дабы лично попытаться убѣдить публику разойтись. Пока мы

Отдѣленіе Обычнаго права.

Въ засѣданіи 11 Марта были избраны: Предсѣдательствующимъ—И. М. Тютрюмовъ, Товарищемъ Предсѣдательствующаго—А. А. Леонтьевъ, Членами Редакціоннаго Комитета—А. М. Евреинова, В. В. Акимовъ и П. Г. Тимофѣевъ.

Отдѣленіе имѣло четыре засѣданія, въ которыхъ были сдѣланы слѣдующіе доклады: 1) въ засѣданіи 19 Февраля—докладъ *Н. К. Кабардина*: „Крестьянское самоуправленіе въ нашемъ законодательствѣ прошлаго столѣтія"; 2) въ засѣданіи 11 Марта—докладъ *Т. И. Тихонова*: „О современной общинѣ и гражданскомъ правопорядкѣ крестьянъ и переселенцевъ въ Сибири"; 3) въ засѣданіи 4 Ноября—докладъ *А. А. Леонтьева:* „Волостной Судъ" (по поводу проекта преобразованія волостнаго суда), и 4) въ засѣданіи 20 Мая — сообщеніе *И. М. Тютрюмова* о трудахъ Редакціонной Коммисіи по пересмотру законоположеній о крестьянахъ, съ пред-

---

шли по лѣстницѣ, депутаты скрылись. Не дождавшись ихъ, я и полиціймейстеръ вышли на улицу. Едва была открыта дверь и я началъ говорить, сзади, съ площадки лѣстницы, раздался возгласъ двухъ-трехъ голосовъ, что въ залѣ мѣста много и публику просто не хотятъ пустить. Послѣ этого, понятно, продолжать убѣжденія было безполезно, и я ушелъ наверхъ въ надеждѣ, что толпа, если не сразу, то постепенно разойдется.

Когда въ назначенный часъ я объявилъ засѣданіе открытымъ, раздались въ разныхъ концахъ зала крики. Одни кричали бесѣду отложить, другіе—начинать, третьи—впустить всѣхъ съ улицы. Послѣ нѣсколькихъ сказанныхъ мною словъ находящіеся въ залѣ успокоились, и рѣчь К. К. Арсеньева была прослушана съ полнымъ вниманіемъ. Затѣмъ, въ виду неприбытія В. М. Гессена, который стоялъ на улицѣ и не могъ войти въ подъѣздъ, былъ сдѣланъ перерывъ. Во время перерыва въ залъ приходилъ градоначальникъ, дабы лично удостовѣриться, возможно ли разрѣшить войти стоявшимъ на улицѣ.

Послѣ перерыва слово было предоставлено М. И. Свѣшникову. Во время его рѣчи вошелъ А. Я. Острогорскій и сказалъ мнѣ, что толпа на улицѣ не слушаетъ никакихъ увѣщаній и требуетъ или допуска въ залъ или чтобы засѣданіе было отложено. Разговоръ этотъ былъ замѣченъ сидѣвшими на эстрадѣ и докладчикомъ, который остановился. Въ залѣ начался шумъ. Стало ясно, что продолжать бесѣду нельзя. Спокойныя занятія ученаго общества, когда каждый невольно думаетъ о томъ, что происходитъ за стѣной, немыслимы. Ничего другого не оставалось, какъ закрыть засѣданіе.

Предсѣдатель административнаго отдѣленія Юридическаго Общества при Императорскомъ Спб. Университетѣ **В. Кузьминъ-Караваевъ.**

22 ноября 1904 г.

ложеніемъ учредить при отдѣленіи Обычнаго права изъ членовъ Юридическаго Общества особую Коммисію для разсмотрѣнія этихъ трудовъ.

Въ виду постановленія собранія отдѣленія Обычнаго права отъ 20 Мая 1904 г. объ учрежденіи при отдѣленіи изъ членовъ Юридическаго общества особой Коммисіи для разсмотрѣнія трудовъ Редакціонной Коммисіи по пересмотру законоположеній о крестьянахъ, Предсѣдательствующій отдѣленія Обычнаго права обратился къ членамъ Юридическаго Общества съ просьбой принять участіе въ работахъ этой Коммисіи, и, въ виду выраженнаго весьма многими членами общества согласія на принятіе участія въ означенныхъ трудахъ Коммисіи, 28 Октября 1904 г. И. М. Тютрюмовымъ было созвано Общее Собраніе членовъ этой Коммисіи, которое и избрало Предсѣдателемъ Коммисіи Предсѣдателя С.-Петербургскаго Юридическаго Общества Г. А. Евреинова. Вмѣстѣ съ тѣмъ собраніе рѣшило подраздѣлить Коммисію на 4 подкоммисіи: 1) О крестьянскомъ общественномъ управленіи; 2) О волостномъ судѣ; 3) О волостномъ уставѣ о наказаніяхъ, и 4) О сельскихъ уставахъ о договорахъ и наслѣдованіи, о надѣльныхъ земляхъ и объ отграниченіи крестьянскихъ надѣловъ, съ пріуроченіемъ таковыхъ подкоммисій къ четыремъ отдѣленіямъ Юридическаго Общества: административному, обычнаго права, уголовному и гражданскому. Въ учрежденной затѣмъ при отдѣленіи Обычнаго права подкоммисіи для разсмотрѣнія трудовъ Редакціонной Коммисіи по пересмотру законоположеній о крестьянахъ по вопросамъ о волостномъ судѣ и обычномъ правѣ было два засѣданія: подъ предсѣдательствомъ А. А. Леонтьева, одно—посвященное разсмотрѣнію вопроса объ обычномъ правѣ и другое, состоявшееся 21 Декабря 1904 г.,—посвященное обсужденію вопроса объ организаціи мѣстнаго суда по программѣ, составленной А. А. Леонтьевымъ.

д) Библіотека Общества въ 1904 году.

Библіотека Общества въ текущемъ году пополнилась какъ пожертвованными Г.г. членами Общества книгами, такъ и поступившими оффиціальными изданіями.

Въ цѣляхъ большей спеціализаціи библіотеки, призванной главнымъ образомъ являться хранилищемъ трудовъ Общества и его членовъ, Совѣтъ считаетъ долгомъ просить Г.г. членовъ

Общества не отказывать въ доставленіи въ библіотеку какъ печатныхъ оттисковъ докладовъ, сдѣланныхъ въ засѣданіяхъ Общества, такъ равно и всѣхъ своихъ печатныхъ трудовъ. Совѣтъ надѣется, что современемъ въ библіотекѣ Общества образуется особый отдѣлъ, заключающій въ себѣ исключительно труды Г.г. членовъ, который и будетъ свидѣтельствовать о дѣятельности Общества, въ лицѣ его членовъ, на пользу русской юридической науки.

ОТЧЕТЪ

о состоянiи суммъ С.-Петербургскаго Юридическаго Общества

за 1904 годъ.

I. Приходъ.

Оставалось отъ прошедшаго года.

А) Капитала, принадлежащаго Юридическому Обществу.

1) Въ процентныхъ бумагахъ:

	Рубли.	Коп.
Четыре свидѣтельства 4% Государств. ренты, по роспискѣ Государств. Банка за № 52,902 . .	15.100	—
Въ этой суммѣ значилось *неприкосновеннаго капитала* 10,000 руб.		
2) Въ наличныхъ деньгахъ:		
На текущемъ счетѣ въ Учетн. и Ссудн. Банкѣ и на рукахъ у казначея (на рукахъ 148 р. 46 к.), а всего	1.973	24½
Итого.	17.073	24½

Б) Капиталовъ специальныхъ, хранящихся въ Юридическомъ Обществѣ, состоятъ два въ его завѣдываніи.

а) Капиталъ *для преміи*, за сочиненіе по Торговому Праву:

1) Три свидѣтельства 4% Госуд. ренты, по роспискѣ Государств. Бан. за № 765,279 на	2.100	—

	Рубли.	Коп.
2) Двѣ облигаціи $4^1/_2$% С.-Петерб. Городск. Кредитн. Общества по росписки Государств. Банка за № 53,395	600	—
3) Книжка С.-Петерб. Государствен. Сберегат. Кассы за № 1236	302	$37^1/_2$
Итого .	3.002	$37^1/_2$
б) Капиталъ *имени* Почетн. Члена Юрид. Общ., Сенатора *А. Ѳ. Кони*, на устройство при Библ. Юридич. Общества Отдѣла Библіотеки его имени, собранъ и присланъ былъ изъ Редакціи Русскихъ Вѣдомостей 20 Декабря 1901 года въ наличныхъ деньгахъ съ %	209	25
Итого оставалось .	20.284	87
Поступило въ отчетномъ году:		
1) Членскихъ взносовъ собрано по 1 Декабря. (А по 1 Января 1905 года 3140 р. 50 к.).	2.230	50
2) Процентовъ съ капиталовъ по 1 Декабря. (А по 1 Января 1905 г. 754 р. 72 к.).	591	32
Изъ нихъ съ Капитала Юридич. Общества 518 р. 65 к.		
А всего въ приходъ .	23.106	69

II. Расходъ.

1) Выдано редактору Журнала Юридич. Общества—„Вѣстникъ Права“ В. Д. Набокову за разсылку, безплатно, сего Журнала г.г. Членамъ Юридическаго Общества за 1904 годъ, уплатившимъ членскій взносъ	1.674	—

	Рубли.	Коп.
2) Выдано бывшему редактору сего Журнала Г. Б. Сліозбергу дополнительныхъ, тоже за разсылку г.г. членамъ Журнала	63	—
3) Выдано бывшему Секретарю Юридич. Общества на канцелярскіе и другіе расходы на жалованіе бывш. дѣлопроизводителю и на уплаты по организаціи веденія протоколовъ о засѣданіяхъ .	793	6
4) Выдано жалованье лично новымъ дѣлопроизводителямъ, состоящимъ при г. Секретарѣ и Библіотекѣ Юридич. Общества	160	—
5) Уплачено въ Государственную Типографію за печатаніе для Юридическаго Общества . . .	369	42
6) Уплачено артельщику за хожденіе съ книгой для сбора членскихъ взносовъ	44	80
7) Выдано Предсѣдателю Комиссіи Гражд. Отдѣленія для организаціи веденія протоколовъ о засѣданіяхъ Юрид. Общества	75	—
8) Выдано на этотъ же предметъ Предсѣдателю Уголовнаго Отдѣленія	200	—
9) Отослано въ Государств. Сберег. Кассу, полученные изъ Госуд. Банка съ 2700 р. проценты, подлежащіе причисленію въ капиталъ на премію за сочиненіе по Торговому Праву	105	45
10) Отчислено процентовъ въ капиталъ на устройство Отдѣла Библіотеки, за 1904 годъ, по Учетн. и Ссудн. Банку	4	10
Итого .	3.638	83

III. Остатокъ на 1 Декабря 1904 года:

А) Капитала Юридическаго Общества.

1) Въ процентныхъ бумагахъ:

Четыре свид. 4% Государств. ренты по росп. Госуд. Банка за № 52,902	15.100	—

Въ этой суммѣ неприкосновеннаго капитала по 1905 г. 10,000 руб.

	Рубли.	Коп.
2) Въ наличныхъ деньгахъ:		
На текущемъ счетѣ въ Учетн. и Ссудн. Банкѣ и на рукахъ Казначея	1.046	$54^1/_2$
Итого .	16,146	$54^1/_2$
А по 1 Января 1905 г. на текущ. счетѣ въ Уч. Ссудн. Банкѣ 2,001 р. 40 к.		
и на рукахъ Казначея	25	31
А всего капитала .	17.126	71

Б) Капиталовъ специальныхъ два.

1) Капиталъ на устройство Отдѣла Библіотеки, имени Почетнаго Члена, Сенатора А. Ѳ. Кони съ % по 1 Января 1905 г.	213	44
2) Капиталъ для преміи за сочиненіе по Торговому Праву:		
а) При свид. 4% Госуд. ренты по росп. Госуд. Банка за № 765,279	2.100	—
б) Двѣ облиг. $4^1/_2$% С.-Петерб. Гор. Кред. Общ. по росп. Г. Банка за № 53,395	600	—
в) По кн. Госуд. Сберег. Кассы за № 1,236 по 1 Декабря 1904 г.	407	$87^1/_2$
А по 1 Января 1905 г.—524 р. $14^1/_2$ к.		
Итого .	19.467	86
А всего капитала для преміи по 1905 г. 3.224 р. $14^1/_2$ коп.		
А всего общая сумма расхода и остатка .	23.106	69

Всѣ капиталы Юридич. Общ., въ % бумагахъ заключающіеся, показаны по нарицательной цѣнѣ; они состояли и состоятъ въ завѣдываніи и управленіи Государств. Банка, по счету его за № 1528. Деньги же хранятся на текущемъ счетѣ въ С.-Петерб. Учетномъ и Ссудномъ Банкѣ и въ С.-Петерб. Сберегательной Кассѣ по книжкамъ за №№ 3934 и 1236.—Казначейскій годъ, по § 10 Устава Юридич. Общ., считается съ 1 Декабря, а годовой отчетъ, по

Рубли. Коп.

обычаю, всегда представляется по истеченіи номинальнаго года съ показаніемъ свѣдѣній по 1 Января новаго года.

СРАВНЕНІЕ ФИНАНСОВАГО СОСТОЯНІЯ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

за 1903 и 1904 г.г.

А) *О капиталахъ Юридическаго Общества вообще.*

	Рубли.	Коп.
1) Въ 1903 г. *общая сумма* прихода, расхода и остатка была	23.556	$53^{1}/_{2}$
2) Въ 1904 г. общая сумма прихода, расхода и остатка составляетъ	23.106	69
Изъ нихъ собственныхъ суммъ, принадлежащихъ Юридическому Обществу, по 1 Января 1905 года состоитъ 17,126 р. 71 к., изъ коихъ неприкосновеннаго капитала	10.000	—
10,000 р. и расходнаго 7,126 р. 71 к.	7.126	71

3) *Пожизненныхъ членовъ*, сдѣлавшихъ единовременные *сторублевые взносы*, со дня Учрежденія Юридическаго Общества и открытія онаго съ 23 Февраля 1877 г. по 1 Января 1904 г. было 100 лицъ и въ настоящее время по 1 Января 1905 г. то же самое число лицъ.

4) *Членскихъ взносовъ*, годовыхъ *десятирублевыхъ*, уплатили въ 1903 году по 1 Января 1904 года 272 лица, а въ 1904 г. по 1 Января 1905 г. 306 лицъ, слѣдовательно сборы эти имѣли больше успѣха.

Нѣкоторые г.г. Дѣйствительные Члены уплатили за два года разомъ, а отъ 11 лицъ не поступало членскихъ взносовъ за 2 года и 23 лицъ за одинъ годъ какъ вслѣдствіе выбытія ихъ изъ С.-Петербурга и перехода ихъ на службу въ другіе города

Рубли. Коп.

и мѣстности Россіи: Сибирскіе, Ташкентскій и Новочеркаскій Судебные Округа, такъ и нежеланія своего платить. По § 18 Устава Юридич. Общества: дѣйствительный членъ, два года не взнесшій слѣдующихъ съ него денегъ, а членъ сотрудникъ, два года не доставившій Обществу никакихъ свѣдѣній, считаются сложившими съ себя сіе званіе, слѣдовательно изъ списковъ Юридическаго Общества исключаются.

Б) О неприкосновенномъ и расходномъ капиталахъ Юридическаго Общества.

	Рубли.	Коп.
1) *Неприкосновеннаго капитала* Юридич. Общ., образующагося по § 10 Устава изъ *сторублевыхъ* единовременныхъ членскихъ взносовъ было въ 1895 году, при вступленіи въ должность нынѣ состоящаго Казначея, 5900 р. поступавшихъ 18 лѣтъ съ 23 Февраля 1877 г.	5.900	—
Въ настоящее время этотъ капиталъ составляетъ сумму 10,000 р. по 1 Января 1905 г., слѣдовательно капиталъ этотъ въ 10 лѣтъ почти удвоился съ 1895 г.	10.000	—
2) *Расходнаго капитала* по 1 Января 1904 г. было	7.733	72
а по 1 Января 1905 г. его состоитъ . .	7.126	71

Онъ уменьшился, вслѣдствіе новыхъ расходовъ (625 р.) на организацію по веденію протоколовъ Засѣданій въ Отдѣленіяхъ Юридическаго Общества. Члены сотрудники, безплатно, не принимали участія въ этой работѣ.

В) Специальныхъ капиталовъ въ Юридическомъ Обществѣ состоитъ два.

1) Капиталъ, пожертвованный изъ редакціи Русскихъ Вѣдомостей, на устройство *Отдѣла Библіотеки имени Почетнаго Члена Сена-*

	Рубли.	Коп.
тора А. Ѳ. Кони, онъ хранится въ наличныхъ деньгахъ въ С.-Петерб. Учетномъ и Ссудномъ Банкѣ и нынѣ составляетъ съ % сумму	213	44

2) Капиталъ, предназначенный *для преміи за сочиненіе по Торговому Праву.*

О преміи за такое сочиненіе было опубликовано отъ Юридическаго Общества и назначено для премій 2000 руб., но удовлетворительныхъ сочиненій не представлено. Послѣ того возбужденъ былъ вопросъ расширить эту тему, для премій по Гражданскому Праву или вообще по Юридическому Обществу, присоединить этотъ капиталъ къ капиталу Юридич. Общества, исключительно для премій вообще, но окончательнаго разрѣшенія этого вопроса не послѣдовало, по несогласію представителей и жертвователей отъ С.-П.-Б. Коммерческаго Суда.

Въ настоящее время этотъ капиталъ съ % составляетъ сумму къ 1 Января 1905 года . .	3.224	14½

Казначей *А. Парамоновъ.*

СОСТАВЪ

ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

при ИМПЕРАТОРСКОМЪ С.-Петербургскомъ Университетѣ.

Къ 1 Января 1905 г.

СОВѢТЪ:

Предсѣдатель: Григорій Александровичъ Евреиновъ.
Помощникъ Предсѣдателя: Анатолій Өедоровичъ Кони.
Члены Совѣта:
Константинъ Константиновичъ Арсеньевъ.
Владиміръ Дмитріевичъ Набоковъ.
Левъ Іосифовичъ Петражицкій.
Владиміръ Константиновичъ Случевскій.
Секретарь: Григорій Георгіевичъ Евангуловъ.
Казначей: Александръ Степановичъ Парамоновъ.

СОСТАВЪ ОТДѢЛЕНІЙ:

Гражданскаго:

Предсѣдательствующій: Іосифъ Ивановичъ Карницкій.
Товарищъ его: Максимъ Моисеевичъ Винаверъ.
Члены Редакціоннаго Комитета:
Филиппъ Антоновичъ Вальтеръ.
Илья Ефимовичъ Ильяшенко.

Уголовнаго:

Предсѣдательствующій: Иванъ Григорьевичъ Щегловитовъ.
Товарищъ его: Владиміръ Дмитріевичъ Набоковъ.
Члены Редакціоннаго Комитета:
Михаилъ Михайловичъ Боровитиновъ.
Григорій Георгіевичъ Евангуловъ.
Василій Петровичъ Ширковъ.

Административнаго:

Предсѣдательствующій:
Владиміръ Дмитріевичъ Кузьминъ-Караваевъ.
Товарищъ его: Владиміръ Матвѣевичъ Гессенъ.
Члены Редакціоннаго Комитета:
Константинъ Константиновичъ Арсеньевъ.
Іосифъ Владиміровичъ Гессенъ.
Николай Ивановичъ Лазаревскій.

Обычнаго права:

Предсѣдательствующій: Игорь Матвѣевичъ Тютрюмовъ.
Товарищъ его: Александръ Александровичъ Леонтьевъ.
Члены Редакціоннаго Комитета:
Анна Михайловна Евреинова.
Владиміръ Васильевичъ Акимовъ.
Павелъ Григорьевичъ Тимофеевъ.

Почетные члены:

Муравьевъ, Николай Валеріановичъ—9 Октября 1899 г.

<table>
<tr><td>Кони, Анатолій Θедоровичъ</td><td rowspan="4">20 ноября 1899 г.</td></tr>
<tr><td>Пахманъ, Семенъ Викентьевичъ</td></tr>
<tr><td>Спасовичъ, Владиміръ Даниловичъ</td></tr>
<tr><td>Таганцевъ, Николай Степановичъ</td></tr>
<tr><td>Арсеньевъ, Константинъ Константиновичъ</td><td rowspan="2">22 января 1900 г.</td></tr>
<tr><td>Фойницкій, Иванъ Яковлевичъ</td></tr>
<tr><td>Ковалевскій, Максимъ Максимовичъ</td><td rowspan="9">26 января 1902 г.</td></tr>
<tr><td>Мартенсъ, Θедоръ Θедоровичъ</td></tr>
<tr><td>Графъ Паленъ, Константинъ Ивановичъ</td></tr>
<tr><td>Муромцевъ, Сергѣй Андреевичъ</td></tr>
<tr><td>Сабуровъ, Андрей Александровичъ</td></tr>
<tr><td>Фришъ, Эдуардъ Васильевичъ</td></tr>
<tr><td>Якушкинъ, Евгеній Ивановичъ</td></tr>
<tr><td>Фуксъ, Эдуардъ Яковлевичъ</td></tr>
<tr><td>фонъ-Листъ, Францъ</td></tr>
<tr><td>Беранже, Ренэ</td><td></td></tr>
</table>

Дѣйствительные члены:

1. Абрамовичъ-Барановскій, Сергѣй Семеновичъ.
*Абрамовичъ, Цезарь Юстиновичъ.
*Адамскій, Иванъ Акимовичъ.
Акимовъ, Владиміръ Васильевичъ.
5. Алапинъ, Яковъ Зиновьевичъ.
Андреевскій, Сергѣй Аркадіевичъ.
Арцибушевъ, Петръ Михайловичъ.
*Арцимовичъ, Антонъ Антоновичъ.
Ашешовъ, Николай Петровичъ.
10. Базуновъ, Леонидъ Александровичъ.
Балабинъ, Александръ Ивановичъ.
Барабановъ, Мелетій Өедоровичъ.
Барацъ, Семенъ Моисеевичъ.
Барковскій, Николай Ивановичъ.
15. Бауэръ, Василій Васильевичъ.
*Башиловъ, Александръ Павловичъ.
Башмаковъ, Александръ Александровичъ.
Безсоновъ, Дмитрій Дмитріевичъ.
*Белюстинъ, Николай Ивановичъ.
20. Берендтсъ, Эдуардъ Николаевичъ.
фонъ-Беттихеръ, Гуго Өедоровичъ.
Беэръ, Владиміръ Алексѣевичъ.
*Бистромъ, бар. Өедоръ Родриговичъ.
Блокъ, Петръ Львовичъ.
25. Блосфельдтъ, Гуго Эдуардовичъ.
Бобянскій, Александръ Өомичъ.
Богдановъ, Арсеній Арсеньевичъ.
Боровитиновъ, Михаилъ Михайловичъ.

---

*) Звѣздочками означены пожизненные дѣйствительные члены Общества.

Бороздинъ, Николай Николаевичъ.
30. *Брандтъ, Альфредъ Өедоровичъ.
Бржескій, Николай Корниловичъ.
Брилліантъ, Александръ Моисеевичъ.
Булавинцевъ, Владиміръ Ивановичъ.
*Булатовъ, Николай Александровичъ.
35. *Булгаковъ, Андрей Павловичъ.
Бутовскій, Петръ Михайловичъ.
Вальтеръ, Филиппъ Антоновичъ.
Варваринъ, Владиміръ Николаевичъ.
Варушонъ-Яросѣвичъ, Александръ Фердинандовичъ.
40. *Васильевъ, Афанасій Васильевичъ.
Ватсонъ, Карлъ Карловичъ.
Вестманъ, Владиміръ Владиміровичъ.
Вестманъ, Николай Владиміровичъ.
Вильсонъ, Владиміръ Ивановичъ.
45. Винаверъ, Максимъ Моисеевичъ.
Виноградовъ, Алексѣй Тимофеевичъ.
Виноградскій, Александръ Александровичъ.
Винтергальтеръ, Анатолій Егоровичъ.
Витте, Георгій Георгіевичъ.
50. Войцеховскій, Іосифъ Станиславовичъ.
Волковицкій, Александръ Викторовичъ.
Вольтке, Григорій Самойловичъ.
Вороновъ, Александръ Григорьевичъ.
Вуичъ, Николай Ивановичъ.
55. Вульфертъ, Антонъ Карловичъ.
Гагенъ, Владиміръ Александровичъ.
Галкинъ-Враской, Михаилъ Николаевичъ.
Гантоверъ, Людвигъ Владиславовичъ.
*Гасманъ, Анатолій Григорьевичъ.
60. Гафферберзъ, Иванъ Ивановичъ.
Гвоздановичъ, Василій Яковлевичъ.
Герардъ, Николай Николаевичъ.
*Гервагенъ, Людвигъ Людвиговичъ.
Герке, Альфредъ Антоновичъ.
65. Герцманъ, Игнатій Марковичъ.
Гершунъ, Борисъ Львовичъ.
Гессенъ, Владиміръ Матвѣевичъ.
Гессенъ, Іосифъ Владиміровичъ.

Гинзбергъ, Эмануилъ Германовичъ.
70. Глищинскій, Антонъ Адамовичъ.
*Глуховъ, Александръ Григорьевичъ.
Гогель, Сергѣй Константиновичъ.
*Гожевъ, Александръ Константиновичъ.
*Голубевъ, Иванъ Яковлевичъ.
75. Гольденбергъ, Владиміръ Абрамовичъ.
Гольдштейнъ, Моисей Леонтьевичъ.
Гольмстенъ, Адольфъ Христіановичъ.
Гольмъ, Андрей Константиновичъ.
Гомолицкій, Станиславъ Брониславовичъ.
80. Гордонъ, Абрамъ Осиповичъ.
Гордонъ, Исидоръ Максимовичъ.
Горенбергъ, Михаилъ Борисовичъ.
Горловъ, Николай Николаевичъ.
Городыскій, Януарій Казиміровичъ.
85. Граціанскій, Николай Ивановичъ.
Гредингеръ, Федоръ Осиповичъ.
Грибовскій, Вячеславъ Михайловичъ.
Гриммъ, Давидъ Давидовичъ.
Грузенбергъ, Оскаръ Осиповичъ.
90. Гуссаковскій, Петръ Назарьевичъ.
Гусаковъ, Андрей Георгіевичъ.
фонъ-Гюббенетъ, Константинъ Антоновичъ.
*Давыдовъ, Николай Максимовичъ.
Даниловъ, Иванъ Григорьевичъ.
95. Данчичъ, Иванъ Михайловичъ.
Демьяновъ, Александръ Алексѣевичъ.
фонъ-Дервизъ, Владиміръ Дмитріевичъ.
*фонъ-Дервизъ, Дмитрій Григорьевичъ.
Дерюжинскій, Владиміръ Өедоровичъ.
100. *Дистерло, Баронъ Романъ Александровичъ.
Добровольскій, Викторъ Ивановичъ.
Долячко, Брониславъ Антоновичъ.
*Дорнъ, Борисъ Борисовичъ.
Дриль, Дмитрій Андреевичъ.
105. Друцкой, кн. Сергѣй Александровичъ.
Дунинъ-Слѣпсцъ, Иванъ Игнатьевичъ.
*Дымша, Любоміръ Петровичъ.
Евангуловъ, Григорій Георгіевичъ.

Евреинова, Анна Михайловна.
110. *Евреиновъ, Григорій Александровичъ.
Еловицкій, Витольдъ Граціановичъ.
Еремѣевъ, Николай Степановичъ.
Живковичъ, Алексѣй Александровичъ.
Жижиленко, Александръ Александровичъ.
115. Жуковъ, Николай Григорьевичъ.
*Завадскій, Владиславъ Ромуловичъ.
Завадскій, Сергѣй Владиславовичъ.
Зайденманъ, Людвигъ Осиповичъ.
Зарудный, Александръ Сергѣевичъ.
120. Захаровъ, Михаилъ Михайловичъ.
Звѣревъ, Николай Андреевичъ.
Зейдель, Федоръ Карловичъ.
Змирловъ, Константинъ Павловичъ.
Ивановскій, Игнатій Александровичъ.
125. *Ивановъ, Аполлонъ Викторовичъ.
Игнатьевъ, Петръ Александровичъ.
Изенталь, Петръ Ивановичъ.
*Измайловъ, Николай Ивановичъ.
Икскуль-фонъ-Гильденбандтъ, бар. Александръ Александровичъ.
130. *Ильяшенко, Илья Ефимовичъ.
*Исаковъ, Петръ Николаевичъ.
Исаченко, Василій Васильевичъ.
Казаринъ, Михаилъ Михайловичъ.
Калачевъ, Борисъ Анемподистовичъ.
135. Кальмейеръ, Карлъ Михайловичъ.
Каминка, Августъ Исааковичъ.
Камышанскій, Петръ Константиновичъ.
Канскій, Владиміръ Іосифовичъ.
Канторовичъ, Яковъ Абрамовичъ.
140. Канъ, Борисъ Николаевичъ.
Капланъ, Максимъ Васильевичъ.
Карабчевскій, Николай Платоновичъ.
Карминъ, Николай Валеріановичъ.
Карницкій, Іосифъ Ивановичъ.
145. Кауфманъ, Моисей Львовичъ.
Кашкаровъ, Алексѣй Дмитріевичъ.
Квашнинъ-Самаринъ, Александръ Петровичъ.

Кедринъ, Евгеній Ивановичъ.
Кидошенковъ, Николай Васильевичъ.
150. Клечковскій, Павелъ Маврикіевичъ.
Климантовичъ, Давидъ Давидовичъ.
*Кобылинскій, Петръ Петровичъ.
*Коковцовъ, Владиміръ Николаевичъ.
Колесовъ, Андрей Ивановичъ.
155. Коптевъ, Дмитрій Алексѣевичъ.
Коревицкій, Витольдъ Антоновичъ.
Корниловичъ, Михаилъ Аполлоновичъ.
Королевъ, Евгеній Филипповичъ.
Корсаковъ, Иванъ Ассигкритовичъ.
160. *Корфъ, бар. Павелъ Леопольдовичъ.
Корфъ, бар. Сергѣй Александровичъ.
*Костровицкій, Станиславъ Ѳеодосіевичъ.
Кочуковъ, Михаилъ Николаевичъ.
Красовскій, Дмитрій Дмитріевичъ.
165. Краузольдъ, Владиміръ Эмануиловичъ.
Крейцеръ, Владиміръ Давидовичъ.
Кремлевъ, Анатолій Николаевичъ.
Кремлевъ, Николай Александровичъ.
Кривошеинъ, Александръ Васильевичъ.
170. Кузьминъ-Караваевъ, Владиміръ Дмитріевичъ.
Кукурановъ, Федоръ Сергѣевичъ.
Куломзинъ, Анатолій Николаевичъ.
Куплевасскій, Николай Осиповичъ.
Купферъ, Евгеній Ѳедоровичъ.
175. *Кусаковъ, Михаилъ Павловичъ.
Кутыловскій, Богданъ Фортунатовичъ.
Лаврентьевъ, Александръ Дмитріевичъ.
Лазаревскій, Николай Ивановичъ.
Лазаренко, Александръ Николаевичъ.
180. Латкинъ, Василій Николаевичъ.
Левинъ, Давидъ Абрамовичъ.
Лентовскій, Николай Викентьевичъ.
Леонтьевъ, Александръ Александровичъ.
Леонтьевъ, Владиміръ Ивановичъ.
185. Лисенковъ, Григорій Ивановичъ.
Литовченко, Дмитрій Васильевичъ.
*Лодыженскій, Иванъ Николаевичъ.

Лозинскій, Леонидъ Яковлевичъ.
Лопухинъ, Алексѣй Александровичъ.
190. Лотинъ, Николай Васильевичъ.
*Лукьяновъ, Сергѣй Ивановичъ.
*Лыкошинъ, Александръ Ивановичъ.
Лыкошинъ, Александръ Сергѣевичъ.
*Любичъ-Ярмоловичъ-Лозино-Лозинскій, Михаилъ Александровичъ
195. Люблинскій, Александръ Исааковичъ.
Люстигъ, Вильгельмъ Осиповичъ.
Люце, Михаилъ Өедоровичъ.
Максимовичъ, Иннокентій Клавдіевичъ.
Максимовъ, Евгеній Дмитріевичъ.
200. Малининъ, Өедоръ Николаевичъ.
Малышевъ, Кронидъ Ивановичъ.
Мандель, Веніаминъ Семеновичъ.
*Манухинъ, Сергѣй Сергѣевичъ.
Маргуліесъ, Мануилъ Сергѣевичъ.
205. Марковичъ, Дмитрій Андреевичъ.
*Марковъ, Павелъ Алексѣевичъ.
Масловскій, Александръ Өедоровичъ.
Масловъ, Николай Николаевичъ.
Мёллеръ, Николай Валеріановичъ.
210. Милюковъ, Николай Кононовичъ.
Милютинъ, Павелъ Николаевичъ.
Мироновъ, Петръ Гавриловичъ.
*Моисеенко-Великій, Сергѣй Васильевичъ.
Мордухай-Болтовскій, Иванъ Дмитріевичъ.
215. *Мусинъ-Пушкинъ, гр. Владиміръ Алексѣевичъ.
Мухинъ, Василій Флегонтовичъ.
Мышъ, Михаилъ Игнатьевичъ.
Мѣщаниновъ, Иванъ Васильевичъ.
*Набоковъ, Владиміръ Дмитріевичъ.
220. Набоковъ, Дмитрій Дмитріевичъ.
Несторъ, Александръ Павловичъ.
Нечаевъ, Василій Михайловичъ.
Николинъ, Николай Өедоровичъ.
Никольскій, Борисъ Владиміровичъ.
225. Новиковъ, Вячеславъ Николаевичъ.
Новомбергскій, Николай Яковлевичъ.

Нольде, бар. Эммануилъ Юльевичъ.
*Носовъ, Леонидъ Акимовичъ.
*Нѣжинскій, Александръ Семеновичъ.
230. Оболенскій, кн. Александръ Дмитріевичъ.
Овчинниковъ, Иванъ Александровичъ.
Огневъ, Дмитрій Флоровичъ.
Ольхинъ, Николай Александровичъ.
*Ольшамовскій, Болеславъ Губертовичъ.
235. Оппель, Николай Андреевичъ.
Орбели, Рубенъ Абгаровичъ.
Орловъ, Иванъ Николаевичъ.
Осецкій, Францъ Игнатьевичъ.
Осокинъ, Петръ Михайловичъ.
240. Островскій, Павелъ Геннадіевичъ.
*Павлиновъ, Николай Михайловичъ.
Парамоновъ, Александръ Степановичъ.
Парландъ, Генрихъ Генриховичъ.
Песисъ, Маркъ Львовичъ.
245. Петражицкій, Левъ Іосифовичъ.
Пиленко, Александръ Александровичъ.
Пилкинъ, Александръ Петровичъ.
де-Плансонъ, Викторъ Антоновичъ.
Платоновъ, Степанъ Ѳедоровичъ.
250. Побѣдоносцевъ, Константинъ Петровичъ.
*Познанскій, Алексѣй Николаевичъ.
Покровскій, Іосифъ Алексѣевичъ.
Полетаевъ, Николай Александровичъ.
*Половцовъ, Александръ Александровичъ.
255. Полыновъ, Николай Борисовичъ.
Полякъ, Соломонъ Веніаминовичъ.
Понофидинъ, Сергѣй Ивановичъ.
*Поршняковъ, Сергѣй Михайловичъ.
Пржевальскій, Владиміръ Владиміровичъ.
260. Принтцъ, Густавъ Густавовичъ.
*Принтцъ, Николай Густавовичъ.
Принцъ, Александръ Николаевичъ.
Прутченко, Сергѣй Михайловичъ.
Путиловъ, Алексѣй Ивановичъ.
265. Рабиновичъ, Исаакъ Моисеевичъ.
Раппопортъ, Захаръ Львовичъ.

*Ратьковъ-Рожновъ, Владиміръ Александровичъ.
Раушъ-фонъ-Траубенбергъ, бар. Павелъ Александровичъ.
*Регекампфъ, Андрей Оттовичъ.
270. фонъ-Резонъ, Августъ Карловичъ.
Рейнке, Николай Михайловичъ.
фонъ-Рейтернъ, Евграфъ Васильевичъ.
Рейтлингеръ, Николай Александровичъ.
Родичевъ, Өедоръ Измаиловичъ.
275. Романовскій-Романько, Стефанъ Діомидовичъ.
Рымовичъ, Сигизмундъ Феликсовичъ.
Сабининъ, Леонидъ Христофоровичъ.
*Свѣшниковъ, Митрофанъ Ивановичъ.
*Сергѣевскій, Николай Дмитріевичъ.
280. Серебряковъ, Владиміръ Васильевичъ.
Соколовъ, Петръ Петровичъ.
Соколовъ, Сергѣй Семеновичъ.
*Скалонъ, Василій Юрьевичъ.
Сліозбергъ, Генрихъ Борисовичъ.
285. Случевскій, Владиміръ Константиновичъ.
Срединскій, Александръ Николаевичъ.
Срезневскій, Владиміръ Измаиловичъ.
Старицкій, Александръ Ивановичъ.
Стасовъ, Дмитрій Васильевичъ.
290. *Стасюлевичъ, Михаилъ Матвѣевичъ.
Стеблинъ-Каменскій, Иванъ Егоровичъ.
Страховскій, Иванъ Михайловичъ.
Струкговъ, Владиміръ Георгіевичъ.
Сулиговскій, Адольфъ Францевичъ.
295. Суходольскій, Сергѣй Петровичъ.
Сюзоръ, гр. Георгій Павловичъ.
Таганцевъ, Николай Николаевичъ.
*Танѣевъ, Павелъ Ивановичъ.
Тарновская, Прасковья Николаевна.
300. Тарновскій, Евгеній Никитичъ.
Теркъ, Генрихъ Тимофеевичъ.
*Тизенгаузенъ, гр. Викторъ Александровичъ.
Тимофѣевскій, Викторъ Ивановичъ.
Тимофѣевъ, Павелъ Григорьевичъ.
305. Тихоновъ, Титъ Ивановичъ.
Толь, гр. Сергѣй Александровичъ.

Транзеге, Рудольфъ Рудольфовичъ.
Трегубовъ, Сергѣй Николаевичъ.
Турчаниновъ, Александръ Николаевичъ.
310. *Туръ, Николай Андреевичъ.
Тютрюмовъ, Игорь Матвѣевичъ.
Унковскій, Михаилъ Алексѣевичъ.
Унковскій, Сергѣй Владиміровичъ.
*Утинъ, Сергѣй Яковлевичъ.
315. *Утинъ, Яковъ Исааковичъ.
Фалѣевъ, Николай Ивановичъ.
Фельдштейнъ, Григорій Самойловичъ.
Фененко, Владиміръ Өомичъ.
Фоллендорфъ, Өедоръ Петровичъ.
320. фонъ-Фрейманъ, Рудольфъ Владиміровичъ.
*Фроловъ, Сергѣй Петровичъ.
Фустовъ, Өедоръ Сергѣевичъ.
Хартулари, Константинъ Өедоровичъ.
*Хвостовъ, Николай Алексѣевичъ.
325. Хвостовъ, Николай Борисовичъ.
Хейфицъ, Юлій Яковлевичъ.
Храбро-Василевскій, Петръ Ивановичъ.
Хржановскій, Осипъ Осиповичъ.
*Цвѣтковъ, Иванъ Степановичъ.
330. Червонецкій, Дмитрій Африкановичъ.
*Чеховскій, Адамъ Ивановичъ.
Чистяковъ, Михаилъ Васильевичъ.
Чулицкій, Михаилъ Флоровичъ.
*Шайкевичъ, Ефимъ Григорьевичъ.
335. Шалландъ, Левъ Владиміровичъ.
Шафиръ, Маркъ Порфирьевичъ.
Шеинъ, Василій Павловичъ.
Шендзиковскій, Іосифъ Александровичъ.
Шефтель, Михаилъ Исааковичъ.
340. Шидловскій, Владиславъ Доминиковичъ.
*Шиповъ-Шульцъ, Сергѣй Антоновичъ.
Ширковъ, Василій Петровичъ.
Шиферъ, Генрихъ Осиповичъ.
Шлейфертъ, Робертъ Георгіевичъ.
345. Шматковъ, Константинъ Николаевичъ.
*Шмеманъ, Николай Эдуардовичъ.

*Шнейдеръ, Карлъ Васильевичъ.
Шнитниковъ, Николай Николаевичъ.
Шрамченко, Михаилъ Платоновичъ.
350. Шрейберъ, Николай Николаевичъ.
Штильманъ, Григорій Николаевичъ.
Штоллъ, Евгеній Юльевичъ.
Шутовъ, Александръ Игнатьевичъ.
*Щегловитовъ, Иванъ Григорьевичъ.
355. Щетининъ, Александръ Сергѣевичъ.
Щукинъ, Леонидъ Леонидовичъ.
Щулепниковъ, Николай Евграфовичъ.
Эмме, Константинъ Густавовичъ.
Энденъ, Николай Николаевичъ.
360. Эрштремъ, Эдуардъ Андреевичъ.
*Юнкеръ, Германъ Ѳедоровичъ.
362. Юреневъ, Петръ Александровичъ.

Члены-сотрудники:

I.

По гражданскому отдѣленію:

1. Будкевичъ, Флоръ Павловичъ.
Герке, Антонъ Августовичъ.
Гревсъ, Валеріанъ Эдуардовичъ.
Мейендорфъ, бар. Александръ Феликсовичъ.
5. Николаевъ, Дмитрій Ивановичъ.
Саладиловъ, Петръ Матвѣевичъ.
Скородинскій, Александръ Петровичъ.
Соковнинъ, Василій Константиновичъ.
9. Ставровичъ, Иванъ Ѳедоровичъ.

II.

По уголовному отдѣленію:

1. Атабековъ, Александръ Семеновичъ.
Боголюбовъ.
Георгіевскій, Павелъ Ивановичъ.
Годлевскій, Сигизмундъ Фердинандовичъ.
5. Гольдовскій, О. Б.
Дружининъ, Николай Петровичъ.
Елачичъ, Николай Александровичъ.
Звинятскій, Евгеній Максимовичъ.
Зузинъ, Б. Н.
10. Изнаръ, С. А.
Кисель, Францъ Францовичъ.
Козловъ, Николай Александровичъ.
Конради, Борисъ Васильевичъ.
Короленко, Владиміръ Галактіоновичъ.
15. Котицкій, Кипріанъ Ксаверьевичъ.

Красовскій, А. А.
Пастуховъ, Филиппъ Ивановичъ.
Петровъ, И. Н.
Позднѣевъ, А. М.
20. Самарскій, Софроній Николаевичъ.
Тимофѣевъ, А. Г.
Де-Феррари, Жироламо.
Ширяевъ, Валеріанъ Николаевичъ.
24. Терскій, Александръ Викторовичъ.

III.

По административному отдѣленію:

1. Еропкинъ, Аполлонъ Васильевичъ.
Кауфманъ, Александръ Аркадьевичъ.
Семевскій, Василій Ивановичъ.
Трозинеръ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ.
5. Шаховскій, кн. Иванъ Петровичъ.
6. Ясевичъ-Бородаевская, Варвара Ивановна.

IV.

По отдѣленію обычнаго права:

1. Балясный, Дмитрій Яковлевичъ.
Богуславскій, Петръ Рихардовичъ.
Варадиновъ, Николай Николаевичъ.
Висаладзе, Спиридонъ Семеновичъ.
5. Волковъ, Александръ Ѳедоровичъ.
Волконскій, кн. Борисъ Григорьевичъ.
Гейне, Алексѣй Николаевичъ
Годзяцкій, Сергѣй Александровичъ.
Гордонъ, Владиміръ Михайловичъ.
10. Гурьевъ, Алексѣй Дмитріевичъ.
Далгатъ, Баширъ Керимовичъ.
Демьяненко, Петръ Александровичъ.
Добровольскій, Евгеній Андреевичъ.
Добросельскій, Петръ Петровичъ.
15. Доливо-Добровольскій, Александръ Іосифовичъ.

Запрудскій, Николай Васильевичъ.
Затворницкій, Яковъ Михайловичъ.
Зеленскій, Константинъ Михайловичъ.
Илларіоновъ, Александръ Семеновичъ.
20. Илларіоновъ, Николай Семеновичъ.
Ильинъ, Сергѣй Дмитріевичъ.
Коноваловъ, Давидъ Александровичъ.
Копоровъ, Николай Ивановичъ.
Кондратовичъ, Михаилъ Григорьевичъ.
25. Коргановъ, Иванъ Іосифовичъ.
Косецкій, Кипріанъ Ксаверьевичъ.
Кочуринъ Викторъ Евгеньевичъ.
Кудрявцевъ, Михаилъ Борисовичъ.
Кудрявцевъ, Сергѣй Александровичъ.
30. Куликовъ, Борисъ Павловичъ.
Крестьяновъ, Владиміръ Николаевичъ.
Лазаревъ, Семенъ Константиновичъ.
Левшинъ, Сергѣй Дмитріевичъ.
Литаревъ, Сергѣй Николаевичъ.
35. Мартьяновъ, Владиміръ Андреевичъ.
Мейчикъ, Давидъ Марковичъ.
Можаревскій, Миронъ Владиміровичъ.
Московъ, Евгеній Александровичъ.
Незнамовъ, Иванъ Андреевичъ.
40. Немировскій, Михаилъ Давидовичъ.
Павловъ, Николай Тимофеевичъ.
Пантелѣевъ, Александръ Васильевичъ.
Пестриченко, Евгеній Павловичъ.
Петровскій, Николай Васильевичъ.
45. Пивоваровъ, Гавріилъ Ѳедоровичъ.
Познанскій, Николай Николаевичъ.
Раппъ, Евгеній Ивановичъ.
Рощупкинъ, Алексѣй Петровичъ.
Савельевъ, Александръ Александровичъ.
50. Самуильсонъ, Левъ Александровичъ.
Скухаревскій, Александръ Николаевичъ.
Титовъ, К. С.
Тутуринъ, Николай Николаевичъ.
Федоренко, Андрей Иренеевичъ.
55. Филипповъ, Юрій Дмитріевичъ.

Флексоръ, Давидъ Самсоновичъ.
Цетрежъ, Владиміръ Васильевичъ.
Чебатаревъ, Иванъ Григорьевичъ.
Черновъ, Дмитрій Дмитріевичъ.
60. Черносвитовъ, Александръ Михайловичъ.
Шефферлингъ, Викторъ Антоновичъ.
Шидловскій, Алексѣй Дмитріевичъ.
Щавинскій, Юлій Блажеевичъ.
Энгась-Кронъ, Владиміръ Васильевичъ.
65. Эттингеръ, Романъ Антоновичъ.

Редакція открыта для личныхъ объясненій по воскресеньямъ отъ 11 до 1 ч.

Адресъ Редакціи: Спб. Захарьевская, д. 25. Телеф. № 2936.

Адресъ Конторы: Загородный пр., д. 2.

Продолжается подписка на 1905 годъ

НА ЖУРНАЛЪ

„ВѢСТНИКЪ ПРАВА“,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

М. М. Винавера, прив.-доц. В. М. Гессена, В. Д. Набокова и проф. І. А. Покровскаго.

Въ 1904 г. въ журналѣ помѣстили статьи слѣдующія лица: В. К. Агафоновъ, С. А. Андреевскій, прив.-доц. М. М. Боровитиновъ, В. М. Вороновскій, А. Г. Вороновъ, прив.-доц. М. И. Гернетъ, А. С. Гольденвейзеръ, проф. В. Э. Грабарь, проф. М. А. Дьяконовъ, Г. Г. Евангуловъ, проф. Ф. Ф. Зигель, В. А. Идельсонъ, М. И. Ипполитовъ, В. Л. Исаченко, А. Ѳ. Кони, Е. М. Кулишеръ, А. А. Левенстимъ, М. С. Маргуліесъ, прив.-доц. І. В. Михайловскій, проф. С. А. Муромцевъ, прив.-доц. Баронъ А. Э. Нольде, проф. Л. І. Петражицкій, М. А. Рейснеръ, П. М. Саладиловъ, К. Н. Скворцовъ, В. К. Случевскій, В. Д. Спасовичъ, проф. Кн. Е. Н. Трубецкой, Н. И. Фалѣевъ, проф. Н. М. Цытовичъ, В. В. Чеховъ, проф. М. П. Чубинскій, А. А. Чупровъ, И. Г. Щегловитовъ и др.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (кромѣ іюля и августа) въ количествѣ 10 книгъ въ годъ.

Условія подписки:		на годъ	по полугодіямъ январь	іюнь
Въ С.-Петербургѣ	безъ доставки	8 р. — к.	4 р. — к.	4 р. — к.
» »	съ доставкой	8 » 50 »	4 » 50 »	4 » 50 »
Въ другихъ городахъ	съ доставкой	9 » — »	5 » — »	4 » — »
За границей		12 » — »	7 » — »	5 » — »

Подписывающіеся на одинъ мѣсяцъ платятъ 1 р. 20 к. съ доставкою.

Въ распоряженіи редакціи имѣется 500 экземпляровъ Сборника рѣшеній Кассаціонныхъ Департаментовъ и Общаго Собранія Сената, въ оффиціальномъ изданіи, разсылаемаго подписчикамъ немедленно по выходѣ листовъ изъ Сенатской типографіи.

Условія подписки съ приложеніемъ Сборника рѣшеній:

	на годъ	по полугодіямъ январь	іюнь
Въ С.-Петербургѣ съ доставкой	11 р. 50 к.	6 р. 50 к.	5 р.
Въ другихъ городахъ съ доставкой	12 » — »	7 » — »	5 »

Кандидаты на судебныя и военно-судебныя должности и учащіеся платятъ при подпискѣ по 4 р. 50 коп. въ годъ съ доставкою и пересылкою, а съ приложеніемъ рѣшеній 8 р. 50 коп.

Подписка принимается въ конторѣ «Вѣстника Права»: С.-Петербургъ, **Загородный пр., д. № 2**, и кромѣ того во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Объявленія для напечатанія въ «Вѣстникѣ Права» принимаются въ конторѣ по расчету 16 руб. за страницу.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Захарьевская, 25.

Телефонъ № 2936.

сенатская типографія.

S0041442
СФ СПбГУ

